
ВЕСЫ
ДОН ДЕЛИЛЛО

Весы
Дон Делило

Аннотация
Дон Делило. Весы
Часть первая
  В Бронксе
  17 апреля
  В Новом Орлеане
  26 апреля
  В Ацуги
  20 мая
  В Форт-Уорте
  19 июня
  В Москве
  2 июля
  В Минске
Часть вторая
  15 июля
  В Форт-Уорте
  12 августа
  В Далласе
  6 сентября
  В Новом Орлеане
  25 сентября

В Мехико
4 октября
В Далласе
22 ноября
В Далласе
25 ноября
Примечание автора

Аннотация

Эта книга — о том, как творится история. Не на полях сражений и не в тройных залах — а в трущобах и пыльных кабинетах, людьми с сомнительным прошлым и опасным настоящим. В этой книге перемешаны факты и вымысел, психология и мистика, но причудливое сплетение нитей заговора и человеческих судеб сходится в одной точке — 22 ноября 1963 года, Даллас, штат Техас. Поворотный момент в истории США и всей западной цивилизации — убийство президента Кеннеди. Одинокий маньяк или сложный заговор спецслужб, террористов и мафии?

В монументальном романе «Весы» Дон Делилло предлагает свою версию.

Дон Делило
Весы

Ребятам из 607:
Тони, Дику и Рону

Часть первая

Основание счастья — не в самом человеке, оно не в том, чтобы иметь собственный домик, брать и получать. Счастье — это участие в борьбе, где нет границы между твоим личным миром и миром в целом

Ли Х. Освальд. Письмо брату.

В Бронксе

В тот год он катался в метро из конца в конец города, двести миль рельсового пути. Ему нравилось стоять в первом вагоне, прижав ладони к лобовому стеклу. Поезд проламывался сквозь темноту. На платформах стояли люди, уставившись в никуда: взгляд, отработанный годами. Проносясь мимо, он ненадолго задумывался, кто они. На самых быстрых перегонах его тело дрожало. Они мчались с такой скоростью, что порой казалось — вот-вот потеряют управление. Грохот причинял почти физическую боль, он выдерживал ее, словно личное испытание. Еще один закрученный к черту вираж. В скрежете, раздававшемся на поворотах, слышалось столько металла, что, казалось, можно почувствовать его вкус — словно игрушку, которую тянешь в рот, когда ты еще маленький.

Рабочие носили фонари по соседним путям. Он высматривал канализационных крыс. Чтобы увидеть всю целиком, хватало десятой доли секунды. Затем остановка, скрип тормозов, люди, сбившиеся в кучу, словно беженцы. Они вваливались в двери, стукались об их резиновые края,

дюйм за Дюймом протискивались внутрь, их тут же прижимало друг к Другу, и они смотрели поверх соседних голов в привычное забвение.

К нему все это не имело отношения. Он просто катался.

Сто сорок девятые улицы — пуэрториканцы. Сто двадцать пятые — негры. На Сорок второй улице, после поворота, где металлический визг достигал предела, народу заталкивалось больше всего: портфели, пакеты с покупками, школьные ранцы, слепые, карманники, пьяницы. Его не удивляло, что в метро попадается больше любопытного, чем в знаменитом городе наверху. Все, что было интересного там, при свете дня, он мог найти в более чистом виде в тоннелях под улицами.

В полуподвальной комнатке мать и сын вместе смотрели телевизор. Она купила цветной фильтр для «Моторолы». Верхняя треть экрана постоянно была голубой, середина — розовой, а нижняя полоса — волнисто-зеленой. Он сказал ей, что снова прогулял школу и ездил на метро в Бруклин, где ходит дядька в пальто с оторванным рукавом. «Загулял», как они это называли. Маргарита считала, что не так уж страшно время от времени пропустить денек. Дети в школе постоянно драз-

нили его, а у него не получалось сдерживаться, он взрывался мгновенно — известное дело, мальчик рос без отца. Как в тот раз, когда замахнулся перочинным ножиком на невесту Джона Эдварда. Нет, Маргарита не считала, что ее невестка достойна кровной вражды. Персона невысокого пошиба, да и ссора случилась просто из-за стружек: он настрогал деревяшку прямо на пол в невесткиной квартире, где они снова пытались жить одной семьей. И вот пожалуйста. После этого их видеть не желали, и пришлось переехать в полуподвальную комнатку в Бронксе, — тут и кухня, и спальня, и все остальное вместе, — где с телеэкрана вещали голубые головы.

Когда становилось холодно, они стучали управляющему по трубам отопления. Имеют право на пристойную температуру.

Мать сидела и выслушивала жалобы сына. Она не могла нажарить для него тарелку отбивных всякий раз, когда ему хотелось, но не скупилась с деньгами на школьный обед и даже сверх того — на комиксы или катание в метро. Всю жизнь ей приходилось мириться с несправедливостью этих жалоб. Эдвард бросил ее, когда она была беременна Джоном Эдвардом, потому что не хотел сажать себе на шею ребенка. Роберт рухнул

замертво душным летним днем на Элвар-стрит в Новом Орлеане, когда она носила Ли, а это значило, что ей придется искать работу. Потом появился улыбчивый мистер Экдал, лучший из всех, единственная надежда, человек намного старше нее, инженер, который зарабатывал около тысячи долларов в месяц. Но он коварно изменял ей, и в конце концов она его застукала: наняла мальчишку, который притворился разносчиком телеграмм, и, распахнув дверь, обнаружила женщину в неглиже. Это не помешало мужу состряпать бракоразводный процесс таким образом, что в результате она лишилась приличной компенсации. Жизнь съежилась до постоянных переездов в поисках жилья подешевле.

Ли видел в «Дейли Ньюс» фотографию греков, ныряющих с пирса в центре города за каким-то святым крестом. Их священники носили бороды.

— Думаешь, я не понимаю, чего ты от меня ждешь.

— Я весь день на ногах, — говорила она.

— А я сижу у тебя на шее.

— Я такого никогда не говорила.

— Думаешь, мне нравится самому готовить себе еду.

— Но я же работаю. Работаю. Разве я не рабо-

таю?

— Еле наскребаешь на еду.

— Я не из тех, кто сидит сложа руки и ноет.

По четвергам вечером он смотрел передачи о преступниках. «Бригада рэкетиров», «Сети зла» и прочее в том же духе. За оконной решеткой в свете уличного фонаря косо падал снег. Северный холод и сырость. Маргарита пришла домой и объявила, что они снова переезжают. Она нашла три комнаты на сотой с чем-то улице рядом с Бронксским зоопарком, что весьма кстати для подрастающего паренька, который интересуется животными.

— «Природа», написанная задом наперед… — сказали по телевизору.

Квартира находилась в пятиэтажном кирпичном доме рядом с железной дорогой. Утицу наводняли мрачные персонажи. Умственно-отсталый мальчик с прыгающей хромой походкой, ровесник Ли, таскал живого краба, украденного из итальянской лавчонки, и тыкал им в лицо детям помладше. Обычное зрелище. Драки камнями — тоже обычное дело. Парни с самодельными пистолетами, изготовленными в школьной мастерской, тоже становились привычными. Однажды вечером он видел в окне, как двое

мальчишек посадили кота из бакалейной лавки в джутовый мешок и стали бить этим мешком по фонарному столбу. Он старался, чтобы его передвижения не совпадали с ритмом жизни улицы. Не выходи на улицу с двенадцати до часу, с трех до пяти. Изучи окрестные переулки, пользуйся темнотой. Он катался на метро. И много времени проводил в зоопарке.

Водились тут и пожилые мужчины, которые, прежде чем усесться на приступку перед домом, аккуратно стелили на серый камень носовой платок.

Его мать была невысокой и стройной, волосы только-только начинали седеть. Ей нравилось в шутку называть себя «крошкой» — так она себя и чувствовала. За едой они наблюдали друг за другом. Он по книжке выучился играть в шахматы, сидя за кухонным столом. Никто не знал, с каким трудом дается ему чтение. Она покупала статуэтки и безделушки и рассказывала о своей жизни. Он слышал ее шаги в коридоре, слышал, как она поворачивает ключ в замке.

— Еще одно уведомление, — сказала Маргарита, — нам угрожают судом. Ты что, прятал эти бумажки? Они хотят возбудить дело о прогулах и пишут, что это последнее предупреждение. Здесь

сказано, что ты вообще не был в школе с тех пор, как мы переехали. Ни одного дня. Не понимаю, почему я должна узнавать об этом из почты. Это удар, это потрясение для моей нервной системы.

— А зачем мне ходить в школу? Я там не нужен, я туда не хочу. Так что все нормально.

— Они нас раздавят. Это тебе не дома. Они затащат нас в суд.

— Я и сам могу сходить в суд. А ты иди, как всегда, на свою работу.

— Да я бы все отдала, лишь бы сидеть дома и воспитывать детей, и ты это прекрасно знаешь. Это больной вопрос для меня. Не забывай, я сама выросла без отца. Знаю, как это тяжело. Там, дома, я работала в маленьких магазинах управляющей…

И пошло-поехало. Она забывала о его присутствии. Два часа подряд пискляво бубнила, словно читала ребенку. Он смотрел тестовую заставку в телевизоре.

— Я люблю наши Соединенные Штаты, но совершенно не стремлюсь снова оказаться в зале суда, как тогда, с мистером Экдалом, когда он обвинил меня в неконтролируемых вспышках бешенства. Они будут налегать на то, что нас официально предупреждали. Скажу им, что я —

человек без высшего образования, но вращаюсь в хорошем обществе и содержу дом в порядке. Мы — семья военного. Вот мое оправдание.

Зоопарк находился в трех кварталах от дома. У кромки пруда с дикими птицами еще оставался лед. Засунув руки глубоко в карманы куртки, он направился туда, где жили львы. Внутри никого. Запах ударил в ноздри со всей силой — тепло и мощь, головокружительная хищная вонь сырого мяса, звериной шерсти и дымящейся мочи.

Когда послышался скрип тяжелых дверей и громкие голоса, он уже знал, чего ждать. Двое мальчишек из бесплатной школы № 44. Коренастый парень по имени Скальцо в бушлате и ботинках с подковками и сопливый кривляка помладше, которого Ли знал только по уличной кличке: Ники Черный. Как всегда, пришли дразнить животных, безобразничать — это составляло их жизнь. Он физически почувствовал, как оживились мальчишки, заметив его: мышцы на шеях слегка дернулись.

Голос Скальцо резко прозвучал в просторном помещении:

— Тебя в классе каждый день вызывают. Но что у тебя за имя такое — «Ли»? Девчачье, что ли?

— Его зовут Текс, — откликнулся Ники Чер-

ный.

— Он ковбой, — сказал Скальцо.

— Знаешь ведь, чем занимаются ковбои, а? Скажи ему, Текс.

— Они трахают коров.

Ли, чуть улыбаясь, вышел из львятника, спустился по ступенькам и направился в обход причудливых клеток с хищными птицами. Он мог бы и подраться. Он хотел подраться. Он дрался с парнем, который кидался камнями в его собаку, дрался и победил, избил его, измочалил, расквасил ему нос. Собака у него была, когда они жили в Ковингтоне, на Вермонт-стрит. Но эта травля изводила. Они приставали к нему, потом им надоедало, потом резко начинали вновь донимать его, сдирать болячки, докапываться.

Скальцо двинулся к группе мальчишек и девчонок постарше, которые курили, столпившись возле скамейки. Ли услышал, как кто-то сказал: «Двухцветный «олдс-рокет», спицованные колеса».

На насесте сидел королевский гриф, голова и шея лысые. Эти грифы разбивают страусиные яйца, швыряя в них камни клювом. Ники Черный стоял рядом с клеткой. Его всегда называли полным именем, ни разу просто «Ники» или

«Черный».

— Прогуливать — это одно дело. Это ладно. Но тебя ж месяц не видать.

Прозвучало похвалой.

— Ты играешь на бильярде, Текс? Чем ты занимаешься дома целый день? Шары в кармане катаешь, да? Думай быстрее.

Он сделал вид, что бьет Ли в пах, и отскочил.

— А почему ты живешь здесь, на севере? Мой брат служил в форте Беннинг, в Джорджии. Он говорит, что южане носят в руке камушек, чтобы отличить, где право, а где лево. Это правда или как?

Он бил кулаками воздух, мотал головой и шумно сопел.

— У меня брат в береговой охране, — ответил Ли. — Поэтому мы здесь. Он служит на острове Эллис. Портовая охрана, так называется.

— А у меня брат сейчас в Корее.

— А другой мой брат — морской пехотинец. Его могут послать в Корею. Вот чего я боюсь.

— Бояться нужно не корейцев, — сказал Ники Черный. — Бояться нужно мудаков китайцев.

В его голосе звучало уважение, едва различимая нотка горечи. Он ходил в рваных кедах и походной куртке, почти такой же худой, как

ветровка Ли. Низкорослый и гнусавый, левая сторона лица постоянно кривится.

— Я знаю, где с грузовика можно стырить пататов. Мы жарим их на пустыре у Бельмонта. На юге у вас бывают пататы? Я знаю, где можно взять такие книжки, в которых видно, как трахаются, если быстро пролистнуть. Представь себе — знаю. Вот стукнет шестнадцать — и со школой всё. Так что смотри.

Он сплюнул табачную крошку с кончика языка.

— Потом пойду на стройку. Первым делом куплю десять рубашек с настоящими воротничками. Накоплю денег, и не успеешь глазом моргнуть — у меня своя машина. А раз в месяц — кататься. Девчонки сами ложиться будут. Стану круче всех.

Скальцо умел подходить этак вразвалочку, покачивая плечами. Набойки его башмаков пошаркивали по неровному асфальту.

— Апочему ты со мной никогда не разговариваешь, Текс?

— Ну-ка, погнусавь, — сказал Ники Черный.

— Ладно, короче.

— Поговори с Ричи. Он хорошо говорит.

— Ну погнусавь нам. И не отмазывайся. Жду не дождусь.

Ли усмехнулся и направился мимо кучки вокруг парковой скамейки — они прикуривали на ветру, пятнадцатилетние девчонки с яркой помадой, парни в штанах с защипами, двойной строчкой и карманами для револьвера. Он прошел к центральной площадке и свернул на дорожку к выходу на его улицу. Скальцо и Ники Черный шли сзади, ярдах в десяти.

— Эй, дурик!

— Он сосет мятные «Клоретсы».

— И сразу можно целоваться — изо рта не воняет.

— Раз-два.

— Ладно, короче.

— Раз-два, ча-ча-ча.

— Ни хера он не знает.

— Так что смотри.

— А чего он со мной не разговаривает, а?

— И что будем делать?

— Выкурим сигаре-е-етку.

— Сла-а-абенькую.

— Ладно, короче.

— Ну поговори с нами.

— Мы не так разговариваем, или что?

— Ну скажи что-нибудь.

— Думай быстрее, Текс.

— Ладно, короче.

У выхода мужчина в галстуке и куртке лесоруба спросил, как его зовут. Ли ответил, что не разговаривает с янки. Мужик показал на тротуар, что значило: стой тут, пока не разберемся. Затем подошел к остальным двум мальчишкам, о чем-то спросил у них, ткнув пальцем в Ли. Ники Черный промолчал. Скальцо пожал плечами. Мужик назвался школьным надзирателем. Скальцо поддернул штаны в паху и посмотрел мужику в глаза. Ну так и что, мистер? Ники Черный приплясывал, будто от холода, засунув руки в карманы, и кривозубо ухмылялся.

За воротами мужик подвел Ли к бело-зеленой полицейской машине. Это Ли поразило. За рулем сидел полицейский. Он вел машину одной рукой, свесив вторую с сигаретой между колен.

Маргарита допоздна смотрела по телевизору тестовую заставку.

Ли обожает животных, так что зоопарк — просто благословение, но его послали в центр, где мозговеды придираются к нему двадцать четыре часа в сутки. «Дом Молодежи». Пуэрториканцев там полным-полно. Ему приходится мыться в душе в такой тарабарщине. Джон Эдвард пытался отвести его на беседу с мозговедом, но Ли не раз-

говаривает с Джоном Эдвардом после того, как замахнулся ножом на его невесту. Его поселили в общую палату для пациентов. Спрашивают, грызет ли ногти? Есть ли у него религиозная принадлежность или как там? Не влияет ли дурно на класс? Он не знает их жаргона, ваша честь. Там сплошь нью-йоркские мальчишки. Они видят, что мой сын одет в «ливайсы», говорит с акцентом. Ну так многие носят «ливайсы». Что особенного в «ливайсах»? А они к нему пристают, не считает ли он себя Пацаном Билли. Мальчик играл с братьями в «Монополию», у него была нормальная успеваемость, когда мы жили с мистером Экдалом на Восьмой авеню в Форт-Уорте. Он просто еще не привык, господин судья. Всего лишь перочинный ножик, и он ее не поранил, а теперь они не разговаривают, хоть и братья. Мальчик изучает повадки животных, как они едят и спят, как живут в своих норах и пещерах. Как это называется, в берлогах? Он развитый мальчик, ваша честь. Я говорю, он с раннего детства любил историю и географические карты. Он знает поразительные вещи, хоть и не ходит толком в школу. Мальчик спал со мной в одной кровати чуть ли не до одиннадцати лет, места не хватало, и мы с ним вдвоем жили в такой убогой

комнатенке, пока его братья были в приюте, или в военной академии, или в морской пехоте и береговой охране. Почти все мальчики думают, что папа им луну с неба достанет. А тот бедняга рухнул на лужайку, и так закончился единственный счастливый период всей моей взрослой жизни. С тех пор мы вдвоем, Маргарита и Ли. Мать и сын. Он вовсе не заброшенный ребенок. Говорят, он прогульщик, так они это называют. Заявляют мне, что он весь день сидит дома и смотрит телевизор. О судебной клинике говорят, и что нужно поработать с протестантскими «Старшими Братьями». У него и без того есть старшие братья. Зачем ему еще? Упоминают Армию Спасения. Снимают обертки с батончиков, которые я приношу сыну. Мою сумочку вывернули наизнанку. Унизительно. Я ж не виновата, что он не одет с иголочки. Из-за чего сыр-бор? В Техасе, если парнишка прогуливает, это не значит, что он преступник, которого нужно запереть и изучать. Внесли моего мальчика в повестку дня. Они ждут, что я буду спрашивать у них разрешения, чтобы вернуться домой. Мы не какие-то там бродяги, как нас расписывают. И как, ради всего святого, — а я христианка, между прочим, — как нерадивая мать смогла бы содержать дом в таком порядке,

и я хочу предъявить свою квартиру в доказательство, там я красиво сделала и все лежит на — своих местах. Я не боюсь готовить впрок. Нет ничего зазорного в том, чтобы готовить фасоль и кукурузные лепешки и оставлять их на потом. Скупердяем был мистер Экдал, на Гранбери-роуд в Бенбруке, это когда он начал мне изменять. А произвол и припадки злости повесили на меня. И я снова взяла девичью фамилию, ваша честь. Маргарита Клэйвери Освальд. Затем мы переехали на Уиллинг-стрит, рядом с железной дорогой.

В качестве теста он рисовал фигурки людей, которые сочли убогими.

Психолог пришел к выводу, что уровень его умственного развития выше среднего.

Социальный работник написал: «В результате расспросов выяснилось, что он чувствует себя так, будто между ним и другими людьми существует некий барьер, за которым его не могут достать, но он предпочитает, чтобы этот барьер оставался нетронутым».

Школьный учитель показал, что он пускал в классе бумажные самолетики.

Он вернулся в седьмой класс до конца учебного года. В летних сумерках девчонки сидели на

скамейках южного парка Бронкса. Еврейские девчонки, итальянки в узких юбках, девчонки с браслетами на щиколотках, их речь пестрела мальчишескими именами, словами песен, краткими репликами, которые он не всегда понимал. Когда он проходил мимо, они заговаривали с ним, и он улыбался своей загадочной улыбкой.

О женщина в автобусе, ехавшем с пляжа, от нее пахло пивом. Его глаза саднило от соли после целого дня на солнце и в воде.

— Тебя нельзя было оставлять у моей сестры, — сказала Маргарита. — У нее самой слишком много детей. Плюс обычные семейные дрязги. Так что пришлось нанять миссис Роуч с Полин-стрит, когда тебе было два года. Но однажды я пришла домой и увидела, что она порет тебя, и на ногах остаются следы, и мы переехали на Шервуд-Форест-драйв.

Жара проникала в квартиру через стены и окна, просачивалась сквозь гудроновую крышу. По воскресеньям мужчины разносили выпечку в белых коробках. В кондитерской убили итальянца — пять выстрелов, мозги разлетелись по стенке рядом со стойкой комиксов. Отовсюду в лавку толпами тянулись дети — поглядеть на эти серые брызги. Его мать торговала чулками

на Манхэттене.

У лестницы на линию Л женщина, обычная с виду, лет пятидесяти, в очках и темном платье, сунула ему листовку. Там было написано *«Спасите Розенбергов»*. Он попытался вернуть листовку, думая, что за нее придется платить, но женщина уже отвернулась. Он поплелся домой, слушая ленивый голос из радио, который комментировал какой-то матч. Куча свободных мест, друзья. Заходите, досмотрите конец этого тайма и следующий целиком. Воскресенье, День матери, он аккуратно сложил листок и сунул в карман, чтобы прочесть потом.

Есть целый мир внутри обычного мира.

Он проехался в метро на север до Инвуда, до самого Шипсхед-Бэй. Там во вспышках полицейских мигалок жили серьезные люди. Он видел китайцев, попрошаек, тех, кто говорит с Богом, кто днюет и ночует в поездах, людей в синяках, со спутанными волосами, они спят, терпеливо свернувшись на плетеных сиденьях. Однажды он перепрыгнул через турникеты. Ездил между вагонами, ухватившись за тяжелую цепь. Зубами чувствовал стук колес. Иногда они мчались так быстро. Ему нравилось ощущать себя на грани. Откуда нам знать, что машинист не свихнулся?

Его пробирало странным трепетом. Фонтаны бело-голубых искр из-под колес, взрывы оглушительного шипения, еще миг — и сорвется. Люди набивались внутрь, лица всех возможных видов из книги лиц. Они проталкивались в двери, висли на эмалированных поручнях. А он просто катался. В грохоте была власть и человеческая сила. В темноте была власть. Он стоял в первом вагоне, прижав ладони к стеклу. Рельсы внизу — уже власть. Тайна и власть. Лучи выхватывали из тьмы тайное. Грохот возносился до ярости, проникал в мозг и успокаивал волной злобы и боли.

Никогда больше за всю короткую жизнь, нигде на свете не доведется ему чувствовать той внутренней мощи, доходящей до визга, той потайной душевной силы, как в тоннелях под Нью-Йорком.

17 апреля

Николас Брэнч сидит в комнате, набитой книгами, заваленной документами, заполненной теориями и грезами. Его трудам идет пятнадцатый год, и порой он задается вопросом, не стал ли уже бесплотным духом. Он понимает, что стареет. Иногда не удается сосредоточиться на документе, и приходится снова и снова возвращаться к той же странице, строке, мелкозернистой детали конкретного дня. Он бродит по этим дням под жарким голубым небом, от которого сухая информация становится цветной и объемной. Иногда засыпает в кресле, его рука мнет широкий плед. Это комната старости, комната с огнеупорными стенами, заваленная бумагами.

Но Брэнч знает, где что лежит. Из стопки папок, громоздящихся до середины стены, он четко выдергивает именно ту, которая нужна. Стопки повсюду. Кругом блокноты и кассеты. Книгами заполнены высокие стеллажи вдоль трех стен, книги лежат на письменном столе, на журнальном столике и повсюду на полу. Массивный канцелярский шкаф забит документами такой давности и так плотно, что в любую минуту мо-

жет произойти самовозгорание. Жар и свет. Нет никакой определенной системы в том, как он ищет здесь нужные материалы. Он пользуется глазами и руками, цветом, формой и воспоминаниями, совокупностью подсказок, связывающих предмет с его содержимым. Он вдруг просыпается и не может понять, где находится.

Иногда Брэнч оглядывается и ужасается громадности всей этой бумажной работы. Он сидит среди информационной блевотины сотен жизней. И конца не предвидится. Если ему требуется что-то — отчет или расшифровка стенограммы, что угодно, информация любого уровня сложности, — достаточно лишь попросить. Куратор реагирует мгновенно, он непоколебим в своей решимости доставить именно тот документ, который нужен в этой запутанной области исследования, полной двусмысленностей и заблуждений, политической предвзятости, систематических фантазий. Но речь идет не просто о необходимом документе, не просто о туманной ссылке на открытый источник. Куратор присылает ему материал, которого не видел никто за пределами штабного комплекса в Лэнгли, — результаты внутренних расследований, конфиденциальные досье собственной Службы безопасности Управления.

Брэнч никогда не встречался лично с нынешним Куратором и сомневается, что когда-нибудь встретится. Они общаются по телефону, немногословные, будто кокаинисты, но безукоризненно вежливые — в конце концов, они собратья-книгочеи.

Николас Брэнч, сидящий теперь в лайковом кресле, — старший аналитик Центрального Разведывательного Управления на пенсии, нанятый по контракту писать тайную историю убийства президента Кеннеди. Шесть целых девять десятых секунды жара и света. Давайте созовем собрание, чтобы проанализировать этот мазок. Давайте посвятим наши жизни тому, чтобы понять этот момент, разделив на элементы каждую секунду, полную событий. Выстроим теории, которые засияют нефритовыми божками, создадим интригующие системы предположений, четырехгранные, изящные. Проследим траектории пуль в обратном направлении к жизням, кроющимся в тени, к реальным людям, стонущим во сне. Элм-стрит. Женщина удивляется, почему она сидит на траве, а вокруг — брызги крови. Десятая улица. Свидетельница оставляет свои туфли на капоте машины, в которой истекает кровью полицейский. Брэнчу кажется, что эта странность

граничит со святостью. Здесь вообще много святого — искажение в самом сердце реальности. Давайте возьмемся за все покрепче.

Он садится за домашний компьютер, которым его для удобства расследования снабдило Управление, и вводит дату. 17 апреля 1963 года. Тут же появляется список имен, биографические данные, связи, местонахождение. Жаркие голубые небеса. Тенистая улица славных старых домиков среди местных дубов.

Американские кухни. В этой имелся уголок для завтрака, где человек по имени Уолтер Эверетт-младший — его называли Уин — сидел и размышлял, не обращая внимания на утренние шумы, на привычную суету, мозаику сердцебиения любого счастливого дома: щелчок тостера, дружелюбные и деловитые голоса по радио, оптимистический гул, поселившийся в ушах. Под рукой лежала свежая, еще не развернутая после мальчишки-газетчика «Рекорд-Кроникл». Образы подрагивали в солнечной толчее кухонных приборов, все время что-то двигалось, летала яркость, мир таил в себе так много. Он помешал кофе, задумался, снова помешал, уселся на солнце, покачивая ложку в руке — если судить только по внешности, он человек мягкий и нере-

шительный.

Он думал о секретах. Зачем они нам нужны, что они означают? Жена потянулась к сахарнице.

За завтраком он размышлял о важном. Размышлял и за обедом в кабинете Старого Главного Корпуса. Вечерами сидел на веранде и думал. Он считал естественным, что людей с секретами тянет друг к другу — не потому, что они желают поделиться своим знанием, но потому, что им нужны единомышленники, товарищи по несчастью, отдых от повседневной жизни, от мрачной действительности, в которой приходится сосуществовать с людьми, не хранящими секретов ни по профессии, ни по долгу службы, людьми, для которых это не является делом всей жизни.

Мэри Фрэнсис смотрела, как он намазывает тост маслом. Он держал хлеб за края левой рукой и мерно орудовал ножом, снова и снова разравнивая слой. Он старается распределить масло равномерно? Или есть иные, более глубокие требования? Было грустно наблюдать, как он с головой уходит в пустячное дело, бесконечное намазывание, превращает обыденное действие в пустую манию без цели и смысла.

Она умела ненавязчиво беспокоиться. Умела звуком голоса вернуть его в безопасную и понят-

ную реальность, к завтраку и тарелкам, в этот десятый подряд солнечный день.

— Знаешь, на что приятнее всего смотреть? Чего я не замечала, пока мы сюда не переехали? Как люди выходят из церкви. Как толпятся у входа и разговаривают. Правда же, на них очень хорошо смотреть?

— А ты думала, здесь сплошные бандиты.

— Сам ты бандит. Мне здесь нравится.

— Люди заваливаются в салуны. Изнывая от жажды после перегона скота.

— Я имею в виду церкви вообще. Никогда раньше не обращала внимания.

— Мне нравится смотреть, как люди выходят из мотелей.

— Да нет же, я серьезно. Так приятно смотреть на церковную лужайку или ступеньки церкви, когда после службы не спеша выходят прихожане и собираются по несколько человек. Они такие славные.

— Вот чего я не любил по воскресеньям в детстве. Всех этих старомодно одетых людей в накрахмаленных воротничках. Они угнетали меня безумно.

— А что плохого в старомодности? Вот я, к примеру, старомодная женщина средних лет, и меня

это вполне устраивает.

— Я не о тебе говорю.

Он перегнулся через стол и дотронулся до ее руки, как делал всегда, если ему казалось, будто он сказал что-то не то или перебил ее. Не слушай, что я говорю. Доверяй только моим рукам, моему прикосновению.

— Так уютно, — сказала она.

Мы стараемся держаться вместе, чтобы найти друг у друга утешение в своем недуге. Вот о чем он размышлял за завтраком в славном старом доме, построенном на рубеже веков, с изогнутым крыльцом и дубовыми столбами, увитыми вьюнком. У него достаточно времени на раздумья, на то, чтобы превратиться в маринованного старика, причудливую белую фигурку из мыла. Для человека из тайной службы уход на пенсию в пятьдесят один год — обычное дело. Пенсионный план одобрила специальная комиссия, выпустили заявление о тяжелой и опасной жизни этих людей, о семейных проблемах, о временном характере заданий. Но Уин Эверетт ушел на пенсию не вполне добровольно. Сначала дело в Корал-Гэйблз. Затем проверки на детекторе лжи. И он слышал от специалистов трех уровней термин «истощение мотивации». Двое были психиат-

рами из ЦРУ, один — тщательно проверенным врачом снаружи. Из внешнего мира, который казался ему столь чудовищным и реальным.

Они назвали это «неполной отставкой». Этакая семантическая любезность. Его устроили тут на преподавательское место и выплачивали спецгонорар за вербовку способных студентов в качестве младших агентов-стажеров. Поскольку речь шла о женском колледже, это было неприкрытой издевкой, которую с горечью и терзаниями оценил даже сам Уин — как будто до сих пор был на их стороне и наблюдал за собой издали.

Вот так мы и кончаем, думал он. Шпионим за самими собой. Мы во власти собственной беспристрастности. Хорошая мысль для завтрака.

Он сложил пополам слегка поджаренный кусок хлеба, решив наконец-то поесть. Мэри Фрэнсис чудилось, что в его заурядном теле есть сила убеждения. Худощавая и живая фигура. Мягкое лицо, ясные глаза, высокий, печальный и крапчатый лоб. В этом человеке пылает вера, в нем чувствуется осмысленность. Мэри Фрэнсис яснее, чем когда-либо, видела это сейчас, когда его отстранили от совещаний и планерок, оперативных групп, секретных тренировочных баз.

Лишившись реальных обязанностей, взаимодействия с людьми и событиями, питавшими его рвение, он сам превратился в олицетворенный принцип, воплощенное рвение. Она боялась, что он станет одним из тех, кто свою обиду обращает в праведность и долгие годы сияет чистым светом мученика. По радио сказали — температура далеко за семьдесят. Бог живет и здравствует в Техасе.

Вошла Сюзанна, их шестилетняя дочь: опять проголодалась. Она ткнулась головой отцу в плечо, слегка надув губы и по-особому скрестив ноги; так девочка всегда требовала внимания. Волосы у нее были такие же непритязательно светлые, как у матери, густые и жесткие, а лицо — бледнее, кожа нежная, а не обветренная. Они всегда хотели ребенка, но уже и не надеялись, поэтому Сюзанна стала знаком некоего бескорыстия мира, некой великодушной силы, сумевшей ввергнуть такую малость, как они, в благоговейный страх. Уин прижал дочь к себе, она сценически рухнула в его объятия. Он отдал ей остаток тоста и, пока девочка жевала, сюсюкал с ней, и его серые глаза сияли. Мэри Фрэнсис слушала «Линию жизни» на канале «КДНТ»: родителям рекомендовали бдительнее следить, что читают, смотрят и слу-

шают их дети.

— Опасности повсюду, — произнес зловещий голос.

Уин похлопал по нагрудному карману — где сигарета? Сюзанна побежала на улицу, заслышав гудок школьного автобуса. Наступила тишина, первая за день пауза, первое ощущение легкой изможденности. Потом Мэри Фрэнсис, как была в халате, принялась убирать со стола, в воздухе повисли тихие прозрачные звуки, осторожные, как звон колокольчика.

Во временном кабинете Уина Эверетта в подвале Старого Главного под тусклой и дерганой лампой дневного света сидели двое. Уин, без пиджака, курил, говорил охотно; его удивляло и слегка обескураживало, с каким удовольствием он делился новостями с бывшим коллегой.

В коридоре работали плотники, гнусавые коротко стриженные парни, они перекликались под трубами парового отопления.

Лоренс Парментер, высокий и плотный человек в голубой оксфордской рубашке и темном костюме, наклонился вперед. Даже в минуты покоя энергия из него била ключом. Светлые волосы, бачки чуть тронуты серебром; казалось, он любит вести дела по-домашнему, за шутками и выпив-

кой. Внушительный человек, по мнению Уина, уверенный в себе, с хорошими связями, один из организаторов блестящего переворота 1954 года в Гватемале, коллекционер марочных вин, его друг и ветеран залива Свиней, как и он сам.

— Господи, они тебя похоронили.

— Техасский женский университет. Только послушай, как это звучит.

— И что ты ведешь?

— Историю и экономику. Кое-кто из отдела замдиректора по планированию попросил присматривать для них перспективных студенток. Преимущественно иностранок. Смысл в том, что если среди них окажется будущая премьер-министр, мы завербуем ее прямо сейчас, пока она девственница.

— Боже праведный.

— Сначала меня сдают психиатрам, — сказал Уин. — Потом отправляют в ссылку. Ну и в какой стране мы живем?

Оба засмеялись.

— Я все время повторяю про себя название. Купаюсь в нем. Упиваюсь его духом.

— Техасский женский университет, — благоговейно прошептал Парментер.

Уин сидел и кивал. Они с Ларри Парментером

входили в группу под названием «Выделенная Исследовательская Программа», состоявшую из шести военных аналитиков и разведспециалистов. Группа была одним из звеньев четырехступенчатого комитета, организованного для решения проблемы с Кастро на Кубе. Первая ступень, «Высшая Исследовательская Программа», состояла из четырнадцати высокопоставленных чиновников, в том числе советников президента, военных высокого ранга, особых помощников, заместителей министров, глав разведки. Они заседали полтора часа. Затем одиннадцать человек выходили из зала, и входили шесть новых. Получившаяся группа под названием «Расширенная ИП» заседала два часа. Затем семеро выходили, входили четверо, в их числе — Эверетт и Парментер. Это была «Выделенная ИП», группа, которая разрабатывала конкретные тайные операции, а затем решала, кому из членов «Расширенной ИП» следует об этих планах сообщить. Те в свою очередь раздумывали, стоит ли членам «ВИП» знать, что происходит на третьей ступени. Скорее всего, не стоит. Когда заканчивалось заседание третьей ступени, пять человек выходили из комнаты и входили три не вполне военных офицера — таким образом получалась «Ведущая Четверка». Уин

Эверетт был единственным, кто присутствовал на заседаниях и третьей, и четвертой ступени.

— На самом деле могло быть и хуже, — сказал Парментер. — По крайней мере, тебя еще не выкинули.

— Я бы хотел выйти окончательно, раз и навсегда.

— И чем бы занялся?

— Основал бы собственную фирму. Консультировал.

— По каким вопросам? Тайных вторжений?

— Это только одна из проблем. Я в некотором роде — подпорченный продукт. Другая в том, что у меня до обидного не развит нюх на деловые предприятия. Я умею преподавать. В досье ЦРУ хранятся данные о моей душе до грехопадения. На них взглянули и отправили меня сюда.

— Тебя оставили на должности. В этом все дело. Они смотрят гораздо глубже, чем ты думаешь.

— Мне хотелось бы совсем уйти. А так я до сих пор на них работаю, даже если все это — дурацкая шутка.

— Они вернут тебя, Уин.

— А хочу ли я, чтобы меня вернули? У меня неприятное двойственное отношение ко всему этому. С одной стороны, я их презираю, с другой

— жажду их любви и понимания.

Знание опасно, неведение холят и лелеют. Во многих случаях ДЦР, Директор Центрального Разведывательного, не должен знать о важных вещах. Чем меньше он знает, тем решительнее действует. Будь он в курсе, чем занимается «Ведущая Четверка» — или хотя бы о чем говорит, что бормочет во сне, — он не смог бы искренне говорить правду на расследованиях, на слушаниях или в беседах с Президентом в Овальном кабинете. Объединенный комитет начальников штабов не должен ничего знать. Оперативные ужасы не для их ушей. Детали искажают картину. Министров следует оградить от знания. Им проще жить, ничего не зная или узнавая слишком поздно. Заместителей министров интересуют течения и тенденции. Они сами ожидают, что их введут в заблуждение. Рассчитывают на это. Министру юстиции не следует знать деликатных подробностей. Главное — результаты. Каждый уровень Комитета был предназначен для того, чтобы защищать уровень выше. В разговорах имелись свои тонкости. Требовался особый опыт и проницательность, чтобы разгадать подлинное значение некоторых туманных реплик. В ход шли паузы и ничего не выражающие взгляды. Бли-

стательные головоломки перемещались вверх и вниз по инстанциям, чтобы их обдумали, разгадали или оставили без внимания. Иначе и быть не могло, соглашался про себя Уин. Люди его уровня плодили секреты, подрагивающие, будто яйца рептилий. Планировали отравить сигары Кастро. Изобретали сигары с микровзрывчаткой. Разрабатывали ядовитую ручку. Тайно связывались с представителями организованной преступности, чтобы направить в Гавану убийц, отравителей, снайперов, диверсантов. Испытывали ботулин на обезьянах. У Фиделя начнутся судороги, рвота и приступы кашля, как и у хвостатых приматов, и он умрет в муках. Вы когда-нибудь видели, как обезьяна заходится в кашле? Жуткое зрелище. Они собирались высеять споры грибка в его аквалангe. Обдумывали вариант с ракушкой, которая взорвется, когда он пойдет купаться.

Члены комитета сообщали наверх лишь общие сведения. Конечной целью их предохранительных инстинктов, разумеется, был Президент. Все они знали, что Дж. Ф.К. ждет не дождется, когда Кастро окажется на столе в морге, но им не разрешалось доводить до сведения Президента, что они поставили своей задачей воплотить в жизнь его греховные помыслы. Белый дом дол-

жен оставаться вершиной неведения. Как будто безгрешный лидер возвещает некую древнюю истину, а остальные, в силу своей миссии в этом сложном мире, вынуждены восхищаться ею лишь теоретически.

Но вокруг планов вторжения на остров собирались еще более глубокие тени, неизвестные и мрачные молчаливые фигуры. Президент, конечно же, догадывался об этом: знал в общих чертах, имел представление о том, что должно получиться на выходе. Но система по-прежнему функционировала как муза-хранительница. Пусть он видит все в смягченных тонах. Оградите его от ответственности. Секреты плетут свои собственные сети, думал Уин. Система увековечит себя в этих загадочных и заумных хитросплетениях, двусмысленностях и терпеливых головоломках, на всех уровнях бредовой мысли, по крайней мере, до тех пор, пока их люди не высадятся на берег.

После залива Свиней все изменилось. Уин провел весну 1961 года в разъездах между Майами, Вашингтоном и Гватемалой, заметая следы операции, напиваясь с начальниками баз и советниками, стараясь объяснить ссыльным лидерам, что именно пошло не так. Это была развязка

сюжета, первые недели краха, который он, казалось, решил растянуть с риском для собственного благополучия, как будто хотел возместить ущерб от полумер, приведших к поражению. Вместо старого комитета возник новый, устроенный не так хитро, как прежний, хотя многие из бывших участников снова заняли стулья в комнате, обшитой панелями, и это никого особо не удивило. Смерть Фиделя Кастро опять стала темой светских бесед. Но «Выделенная ИП» и «Ведущая четверка» не принимали в этом участия. Группы расформировали, их членов не стали называть провалившимися заговорщиками и оперативниками: их провозгласили «американцами из вооруженного отряда вторжения, которые лично приняли непосредственное участие в судьбе изгнанников». Устранить следовало именно тех, кто свято верил в правое дело. Связь со ссыльными лидерами, работа по набору и тренировке штурмового отряда привела к тому, что эти люди стали слишком остро реагировать на политические перемены, оказались светочувствительны и непредсказуемы. Все это, конечно, вслух не произносилось. Группы просто растворились в воздухе, а их участникам дали различные задания, не имеющие отношения к кастровской Кубе

— залитому лунным светом идефиксу посреди изумрудного моря.

Что интересно, некоторые из этих людей продолжали встречаться.

— Он нас найдет?

— Сдается мне, он уже здесь, — ответил Уин.

— У меня самолет в пять двадцать пять.

— Он нас найдет.

Они сидели в буфете аптеки «Шрейдерс» на площади перед зданием суда. Уин помешивал кофе, размышлял, просто сидел, снова помешивал. Ларри наклонялся то так, то эдак, чтобы получше разглядеть Дентонский окружной суд — здание из известняка, бодрую смесь архитектурных стилей: башенки, фронтоны, мраморные колонны, остроконечные купола, балюстрады, флигеля в духе Второй Империи.

— Смотрю на эти вычурные старые дома у шумных городских площадей, и кажется мне, будто в них полно оптимизма, а я его ценю. Взгляни, какой внушительный. Представь себе: на рубеже веков человек приезжает в городок на юго-западе и видит подобное здание. Воплощение стабильности и гражданской гордости. Оптимистичная архитектура. Ожидает от будущего такой же осмысленности, что и в прошлом.

Уин промолчал.

— Я имею в виду прошлое Америки, каким мы наивно представляем его себе, — сказал Ларри, — единственный род невинности, который я одобряю.

Официальной темой разговора была Куба. Они уже несколько раз встречались в квартире в Корал-Гейблз, где ранее Парментер инструктировал кубинских летчиков, направлявшихся в Никарагуа. Говорили о необходимости сохранить связи в эмигрантском сообществе, об организации собственной сети в правительстве Кастро. Они — это пять человек, которые не могли оставить мысли о Кубе. Но при этом их группировка была незаконной. Поэтому на встречах они обсуждали сами встречи. Все обращалось вовнутрь. Сейчас у них имелся лишь один важный секрет: само существование группы.

— Еще минуту.

Они прошли под навесом в темное длинное помещение магазина скобяных товаров, заведение забытой и небезукоризненной красоты, где на витринах были выложены орудия времен первых поселенцев и старинные весы; Уин часто приходил сюда побродить между рядами, словно турист посреди печально раскинувшихся руин по грудь

высотой. Приходилось напоминать себе, что это всего лишь инструменты. Он купил скребок для краски, и когда вернулись к взятой напрокат машине Ларри, припаркованной сбоку от площади, на переднем пассажирском сиденье увидели широкоплечего человека в яркой спортивной рубашке. Ти-Джей Мэкки. Слишком нарочитый ковбой, на вкус Уина, однако самый сведущий в «Ведущей Четверке»: боевой офицер-ветеран, он обучал изгнанников обращаться со штурмовым оружием и отвечал за первые этапы высадки.

Парментер сел за руль, напевая себе под нос что-то забавное. Уин устроился посередине заднего сиденья и объяснял, куда ехать. Теперь, когда с ними был Мэкки, действия обрели смысл. Ти-Джей не просто носил на хвосте вести о назначениях и увольнениях, о рождении детей. Он один из тех, за кем кубинцы пойдут без разговоров. А также единственный, кто отказался подписать письменный выговор, когда о тайных встречах в Корал-Гейблз проведал Отдел безопасности. Если бы запечатлеть всех пятерых заговорщиков на историческом холсте — брови нахмурены, торсы развернуты, эти люди вынашивали коварные планы и теперь противостоят широкоплечим агентам безопасности, одетым в

хаки и стриженным под ежик, — картину стоило бы назвать «Свет проникает в пещеру безбожия». Парментер и остальные двое подписали выговор, который подшили в их личные дела. Уин подписал письмо и, кроме того, согласился на «техническое собеседование», то есть тест на детекторе лжи. Подписал и дисклеймер, где говорилось, что на тест он идет добровольно. Подписал договор о неразглашении, где обязался никому о проверке не рассказывать. Когда он провалил тест, люди из Отдела безопасности опечатали его кабинет, комнатку с голубой дверью на четвертом этаже новой штаб-квартиры Управления в Лэнгли. В кабинете обнаружили записи телефонных разговоров и документы, которые, если опустить обычные неясности, свидетельствовали о том, что Уин Эверетт сажал своих людей в руководство «Технического предприятия "Зенит"», процветающей фирмы в Майами, служившей прикрытием для новой волны операций ЦРУ против Кубы. Это, пожалуй, было уже слишком. Сперва он возглавляет группу, которая не подчиняется приказам о роспуске. Затем начинает собственную операцию внутри обширной и многоуровневой антикастровской деятельности Управления. Когда Уина во второй раз посадили

за детектор лжи, после трех вопросов он начал всхлипывать. К его ладони прикрепили электроды, вокруг бицепса завернули манжету, грудь перечеркнули резиновой трубкой. Как же трудно было не лгать.

Они выехали из Дентона к югу и нырнули в деревенскую зелень. Выгоны заросли мескитом и можжевельником, попадались неожиданно бесплодные пустоши. Пылающее марево, одинокое приземистое дерево, узловатое и мрачное. Небеса здесь казались непереносимо высокими.

Мэкки ехал, свесив правую руку из окна. Он не обращал никакого внимания на живописные пейзажи. Проехали баптистскую церковь на шлакоблоках. Мэкки отвечал на реплики легким кивком, движением подбородка, соглашаясь или одобряя.

Парментер сказал:

— На этих старых кладбищах наверняка лежат люди, которые добирались сюда еще на крытых повозках. Переселенцы, борцы с индейцами. Отличное место, Уин, какого черта? Может, обоснуешься здесь, будешь растить свою девчушку, запишешься на абонемент концертов и спектаклей? В твоей школе это наверняка есть. Нет, я серьезно.

Взгляд в зеркале заднего вида.

Психиатры были довольно любезны. Но они обратили его внимание на недомогание и болезнь. Они несли болезнь с собой. Они сами были нездоровы. У них на лицах оставались плохо выбритые участки. Уину не хватило смелости сказать им об этом. Они были славные, но какие-то незавершенные, или, наоборот, чересчур завершенные. Он так ясно различал эти микроскопические волоски. Мотивационное истощение. Управление относилось терпимо к таким проблемам. Управление все понимало. На самом деле он не сажал агентов в «Зенит». Его старая команда и без того уже обосновалась там и работала с новыми кураторами, готовясь к морским рейдам с секретных баз на Флорида-Киз. Но улики, пусть неубедительные, обрывочные, несущественные, по сути своей оказались слишком серьезными, чтобы человек в его положении мог их отрицать. Легче было поверить, чем отрицать. Они расшифровали его заметки, прочли ленты пишущей машинки. Как он мог объяснить им, что любит Кубу, знает язык и литературу? У них были бумаги, приговоренные им к сожжению. Как он мог убедить их, что все его «происки» — ничего не значащие заметки упрямца и идиота?

Он снял куртку, сложил ее вдоль, затем поперек и положил на сиденье рядом. Похлопал по карману рубашки в поисках сигарет.

Они проехали проселочной дорогой и по Старому Олтонскому мосту пересекли Хикори-Крик. Уин показал, что нужно повернуть направо. Свернули на красную грунтовку и четверть мили ехали под плотным навесом дубов и орешника. Лес по одну сторону, пастбища по другую. Ларри отпустил газ, машина замедлила ход и остановилась у штакетника. Уин закурил, наклонившись между передними сиденьями. Двое спереди слегка повернули к нему головы, хотя никто так ни разу и не оглянулся.

— Когда дочь делится со мной секретом, — сказал Уин, — ее руки все время двигаются. Она берет меня за руку, хватает за воротник, притягивает к себе, затаскивает в свою жизнь. Она знает, что секреты — это очень личное. Ей нравится рассказывать мне всякую всячину перед сном. Тайна — это высокая материя, почти как сон. Это способ задержать движение, остановить мир, чтобы увидеть в нем себя. Вот почему вы здесь. А я всего лишь выбрал время и место. Вы приехали, даже не спросив, зачем. Не посчитались с риском для своей карьеры, связавшись с Уолтером Эве-

реттом-младшим после всего, что произошло. Вы здесь потому, что в тайнах есть нечто живительное. Моя дочурка очень щедро делится секретами. Честно говоря, напрасно. Разве не секреты придают ей силы, делают личностью, помогают лучше узнать себя? Как она поймет себя, если будет раздавать секреты направо и налево?

Двое ждали.

— Вторжение провалилось, потому что высокопоставленные чиновники не проанализировали основных посылок. Их властно захватил дух действия. Они с радостью приняли предположения других. Так безопаснее. Четкого плана так и не разработали. Никто ни за что не отвечал. Некоторые понимали, что близится крах. Но они пустили все на самотек. Сами же оказались в недосягаемости. Они хотели, чтобы все получилось само собой. Они давили на этих вооруженных эмигрантов, чтобы те убирались из Флориды на свою чертову Кубу. Вряд ли кто-нибудь потрудился задуматься, что станет с ними после того, как мы высадим их на берег. Вот тут-то в дело включились мы. Мы были на аэродромах, или на борту кораблей, или заперты в казармах вместе с эмигрантскими лидерами. У них были сыновья и братья среди погибших, а вооружен-

ные американские солдаты не выпускали их из казарм в Опа-Лока. Что я мог сказать этим людям? Я чувствовал себя вестником чумы и смерти. А потом — долгое медленное падение. Я хотел освятить наш провал, увековечить его. Если нам не удалось победить, давайте выжмем все возможное из поражения. Этим мы и занимались в самом конце, когда пытались поддержать тление. Пустое занятие.

Они ждали, терпеливые и внимательные.

— Движение нужно реанимировать. Операции, которые Управление осуществляет с Флорида-Киз, — всего лишь мелкие уколы. Нам нужен взрыв. Дж. Ф.К. движется к тому, чтобы урегулировать разногласия с Кастро. С одной стороны, он полагает, что революция — болезнь, которая может распространиться на всю Латинскую Америку. С другой стороны, осуждает рейды боевиков и пытается заполучить бригады в армию Соединенных Штатов, где они будут под присмотром. Если мы хотим еще одного вторжения — на сей раз полномасштабного, без ограничений, без условий, — нам нужно действовать как можно скорее. Мы должны вывести кубинский вопрос за рамки всех этих изящных маневров. Нам нужно событие, которое взволнует и потрясет

эмигрантское сообщество, да и всю страну. Мы знаем, что у кубинской разведки есть люди в Майами. Нужно организовать событие, которое будет выглядеть так, будто они нанесли удар в самое сердце нашего правительства. Настало время играть по-крупному. Хватит с нас полумер, отговорок и промедлений.

Мимо проехал пикап, и они подняли стекла, чтобы в машину не занесло пыль. Водитель как бы помахал им, не отрывая ладонь от руля. Они подождали, пока пыль уляжется, затем открыли окна. Уин несколько секунд помолчал, после чего заговорил снова.

— Некоторых событий ждешь всю жизнь, сам о том не догадываясь. Потом они происходят, и сразу понимаешь, кто ты и как тебе следует жить дальше. Я всегда стремился к этой идее. Надеюсь, вы почувствуете, что она верна. Нам нужны высокие ставки. Нам нужен взрыв. Вы ждете этого точно так же, как и я. Я верю в это, иначе бы вас сюда не позвал. Мы организуем покушение на жизнь президента. Мы спланируем каждый шаг, рассчитаем все случайности, которые приведут к этому событию. Мы соберем команду, оставим туманный след. Улики неоднозначны, однако указывают на кубинское разведуправление. В

плане содержится и второй пласт улик, еще более неясных и интригующих. Они указывают на попытки ЦРУ убить Кастро. Я обдумываю план и американской провокации, и кубинского ответа на нее. Мы подделаем все нужные документы. Паспорта, водительские права, записные книжки. Наша команда снайперов исчезнет, но полиция найдет след. Почтовые бланки заказов, открытки о перемене адреса, фотографии. Мы слепим человека или нескольких людей из мусора, завалявшегося в карманах. Прогремят выстрелы, они потрясут и разбудят страну. След документов выведет на платных агентов, пропавших в Венесуэле, в Мехико. Я убежден — именно это нужно сделать, чтобы вернуть Кубу. У плана есть несколько уровней и вариаций, которые я только начал обдумывать, но по существу он уже верен. Я чувствую, что он верен. Я понимаю, что имеют в виду ученые, когда говорят о красивых решениях. Глубоко во мне что-то отзывается на этот план. У него убедительная логика. Много недель я чувствовал, как он разворачивается, подобно сну, значение которого проясняется постепенно. Вот состояние, к которому мы всегда стремились. Это прозрение, тайна всей жизни, и нам нужно развивать его, тщательно следить

за ним, вплоть до того момента, когда наши снайперы разместятся на крышах домов или на железнодорожном мосту.

Ответом было молчание. Затем Парментер сухо сказал:

— Мы не смогли убить Кастро. Так давайте убьем Кеннеди. Это и есть скрытый мотив твоего плана?

— Но мы не убьем Кеннеди. Мы промажем, — ответил Уин.

Мэкки опускал двадцатипятицентовики в телефон-автомат на заправочной станции «Эссо» примерно в сотне миль от границы Луизианы. Он пытался дозвониться до человека по имени Гай Банистер, бывшего агента ФБР, державшего детективное агентство в Новом Орлеане. Через Банистера проходили деньги ЦРУ на антикастровскую деятельность в этом районе. Мэкки был знаком с ним еще до вторжения, когда Банистер поставлял оружие и взрывчатку эмигрантским формированиям. Настало время для новой встречи.

Голос на другом конце провода не принадлежал ни Банистеру, ни его секретарю. Мэкки потребовалось несколько секунд на определение. Дэвид Ферри. Следователь, «кровосос», духовный

наставник. Мэкки повесил трубку и пошел через продуваемую площадь к машине.

Услышав щелчок в трубке, Дэвид Ферри скривился. У него была привычка морщиться. Он морщился всякий раз, когда глядел на себя в зеркало, надевая самодельные брови и мохеровый парик. Ферри страдал редким и жутким заболеванием, от которого не существовало средства. Его тело было на сто процентов лишено волос. Оно выглядело как нечто, выдернутое из земли, — бугорчатый стебель или гриб, который так ценят гурманы. Но он не собирался сдаваться, впадать в уныние, пить молочные коктейли «Вкусняшка» в темной комнате и дрочить. Его еще многое интересовало в жизни. Например, лекарство от рака, интерес на всю жизнь. Он проводил исследования и писал статьи на эту тему. Его интересовал гипноз, и он умел погружать людей в транс. Глубоким и неизменным интересом было воздухоплавание. Ферри работал старшим пилотом «Восточных Авиалиний», пока не облысел и пока не стали известны его сексуальные развлечения с мальчиками, которые руководство компании сочло деморализующим фактором. Его также интересовала коммунистическая угроза. И Куба.

Положив трубку, Ферри зашел в маленькую

комнату рядом с кабинетом Гая Банистера, где, гримасничая перед зеркалом, наклеил полукруглые брови. Он собирался в торговый центр округа Джеф, где выставили модель противорадиационного укрытия. Ферри хотел узнать его размеры, посмотреть, какие припасы в нем помещаются и как хранятся. У него уже имелись резиновые простыни и радиоприемник на батарейках с четко отмеченными частотами «КОНЭЛИЗ».[1] Он знал военный склад боеприпасов на юго-западе, который можно превратить в удобное убежище, — глубоко под землей, еды и воды хватило бы там на много месяцев. Размышления о бомбе в некотором смысле поднимали настроение. Как хорошо было бы жить одному в норе, думал он. Не потому, что похож на мутанта, а просто выгадать лишнее время, пока на поверхности бушует ад. Он заслужил вознаграждение за свою несчастливую жизнь.

Лоренс Парментер ехал к Лав-Филд на взятом напрокат «додже-дарте». Он предпочел пока не думать о плане Эверетта. Слушал радио, где ка-

---

[1] Примечания: 1

«Контроль электромагнитного излучения» (от *англ.* Control of Electromagnetic Radiation) — первая американская национальная система оповещения населения о радиационной и иной угрозе, установленная президентом Гарри Трумэном в 1951 г. — *Здесь и далее прим. переводчиков.*

кой-то евангелист рассуждал о молитве в розницу и оптом. Молись за себя, молись за весь мир. Уин умный человек, преданный, верный делу. Умный, очень умный, но он пережил нервный срыв. Это обычное дело. Сейчас он выглядит неплохо, живо, хорошо владеет собой, но мысли нужно время, чтобы обнажились ее грани, ее переменчивый свет и блеск. Не то чтобы Ларри хотел затянуть это дело. Он желал вернуть Кубу — и чем скорее, тем лучше, У него там свои интересы. Права, притязания, скрытое финансовое участие в лизинговой компании, которая работала над крупной земельной сделкой, облегчающей добычу нефти. Это было еще до того, как отважные бунтовщики спустились с гор.

Он подумает над планом Эверетта по пути в Вашингтон, в самолете. Будет потягивать мартини с «Бифитером», грызть соленые орешки, молиться за себя, молиться за весь мир. Вдруг вспомнилась строчка из старой застольной песни. Только откуда? Каир, 1944 год, операция по укреплению боевого духа, Бюро стратегических служб. Ларри был участником Гротонско-Йельской сети БСС — так называемые «шпионы-джентльмены», многие из которых теперь занимали видные посты в Управлении. Он не был потомственным

аристократом, истинно избранным, но членом все же являлся и был готов подчиняться воле руководства. Прямая линия, естественное продолжение школьных обществ, тайных клятв и инициаций, всего того, что объединяет молодых людей, не лишенных некоторой отваги. Ларри пропел: «Агентами тайными мы зовемся, лжем и шпионим, пока не нарвемся». Он вспоминал следующую строчку, когда увидел, первый указатель к аэропорту.

Диктор по радио сообщил, что полиция продолжает наблюдать за домом генерал-майора Эдвина А. Уокера и прилегающей территорией. Неделю назад на этого противоречивого политика из правого крыла было совершено покушение. Никаких новых версий.

Наступает темнота, приходит неподвижность, час уединения. Дома в тени, улица — потаенное место, полное загадок. Все, что мы знаем о соседях, успокаивает и убаюкивает глубокий покой, что становится некоей формой близости, пахнущей жасмином, делает нас излишне доверчивыми.

Уин сидел в гостиной и листал книгу. Так считала его жена — листал, а не читал. Переворачивал страницы, пока те не кончались. Он спрашивал себя: осознали те двое, что он созвал их именно

семнадцатого апреля, во вторую годовщину залива Свиней, или нет. Хорошая мысль перед сном. Он перевернул еще одну страницу.

Наверху Мэри Фрэнсис лежала в постели. Ее беспокоил протертый ковер, она думала о завтраке и обеде, старалась не гордиться так по-дурацки своей обновленной кухней — просторной, красивой, удобной, с саморазмораживающейся камерой в холодильнике и подобранными по цвету электроприборами, на тихой улочке, обсаженной дубами и орехом пекан, в сорока милях к северу от Далласа.

В Новом Орлеане

Роберт Спраул, одноклассник Ли, смотрел, как тот переходит дорогу. Книжки, связанные армейским ремнем с медной пряжкой «Морская пехота США», тот нес через плечо. Рубашка разорвана по шву. В углу рта размазана кровь, на скуле синяк с зеленоватым отливом. Лавируя между машин, он перебрался на другую сторону и прошел мимо Роберта, который поспешил за ним, в надежде выудить какие-нибудь объяснения.

Они шли по Норт-Рампарт, границе Квартала, где среди автостоянок и металлообрабатывающих мастерских до сих пор еще встречались дома с коваными балконами.

— Ты так и не скажешь, что случилось?

— Не знаю. А что случилось?

— У тебя кровь идет изо рта, а так ничего.

— Больно не было.

— Какой гордый. Я преклоняюсь, Ли.

— Шел бы ты…

— Похоже, надавали тебе будь здоров, раз до крови.

— Они считают, что у меня дурацкий выговор.

— Тебя избили за дурацкий выговор? И что же

в нем дурацкого?

— Они считают, что я говорю, как янки.

Казалось, он ухмыляется. Ли вообще было свойственно ухмыляться невпопад, если, конечно, это была ухмылка, а не тик или что-нибудь в том же роде. С ним ни в чем нельзя быть уверенным.

— Идем к нам. У нас есть куча разных антисептиков.

В свои пятнадцать лет Роберт Спраул выглядел как маленький студент-второкурсник: белые кожаные ботинки, твидовые брюки, рубашка на пуговицах с расстегнутым воротником. Уже второй раз он встречал Ли на улице после драки. Какие-то парни поколотили того возле причала парома за то, что прокатился на задней площадке автобуса с неграми. По невежеству или из принципа — Ли отказался говорить. Это неуместное мученичество тоже было в его духе, когда непонятно, то ли он просто дурак, то ли наоборот; а правду знал только он сам.

Роберту пришло в голову, что в речи Ли действительно бывают слышны визгливые северные нотки, хотя, учитывая его сложную биографию, ничего странного в этом нет.

Он проводил много времени в библиотеке. Поначалу пользовался филиалом через дорогу

от школы «Уоррен Истон». Двухэтажное здание, где внизу располагалась библиотека для слепых, а наверху — обычный читальный зал. Он часами просиживал на полу по-турецки, изучая названия книг. Он искал книги серьезнее школьных учебников, книги, которые удаляли его от одноклассников, замыкали мир вокруг него. В школе проходили гражданское право и основы экономики. А ему нужны были темы и идеи исторического масштаба, идеи, которые коснулись бы его жизни, его подлинной жизни, внутреннего водоворота времени. Он читал брошюры, рассматривал фотографии в журнале «Лайф». Мужчины в фуражках и поношенных куртках. Толстые женщины с платками на головах. Народ России, иной мир, тайна, покрывающая одну шестую часть суши.

Вскоре филиал исчерпался, и он начал ходить в основное помещение библиотеки на Ли-Сёркл. Коринфские колонны, высокие сводчатые окна, четыре библиотекаря за конторкой справа от входа. Он сидел в полукруглом читальном зале. Публика собиралась всякая: люди разных классов, разного воспитания, с разной манерой чтения. Старики утыкались в страницу и клевали носом. Так они бежали от всего, что снаружи.

Старики, прихрамывая, ходили через зал, люди с хлебными крошками в карманах, иностранцы.

В каталогах он находил имена, от которых замирал в странном сдержанном волнении. Имена, шепотом звучавшие в ушах уже много лет, имена людей, творивших историю и революцию. Попадались книги, написанные ими, и книги, написанные о них. Книги с потрепанными краями. Книги, названия которых стерлись с корешка, растворились во времени. Здесь был «Капитал», три тома с погнутым переплетом и выцветшими страницами, с подчеркиваниями и странными заметками от руки твердым почерком. Он находил математические формулы, всеобъемлющие теории труда и капитала. Он обнаружил «Манифест Коммунистической партии», на немецком и на английском. Маркс и Энгельс. Рабочие, классовая борьба, эксплуатация наемного труда. Здесь имелись биографии и толстые исторические тома. Ли выяснил, что ссыльный Троцкий когда-то жил в рабочем районе Бронкса неподалеку от того места, где жили они с матерью.

Троцкий в Бронксе. Но Троцкий — не настоящее имя. Ленин — тоже на самом деле не Ленин. Сталина звали Джугашвили. Исторические имена, псевдонимы, боевые и партийные клички,

революционные имена. Некоторые из этих людей подолгу находились в изоляции, выживали страшными северными зимами в ссылке или в тюрьме, чувствуя дыхание истории в комнате, ожидая, когда она хлынет сквозь стены и унесет их с собой. История для них была реальной силой, осязаемо присутствовала в комнате. Они чувствовали ее и ждали.

Книги были своего рода битвой. Ему приходилось бороться, чтобы просто понять смысл прочитанного. Но и сами книги — результат борьбы. Люди сражались за возможность писать, сражались за жизнь. Ли вполне устраивало, что тексты чаще всего являли собой скопления неподатливой теории. Чем сложнее книги, тем жестче барьер между ним и остальными.

Но хватало и доступных вещей. Он хорошо представлял капиталистов и эксплуатируемые массы. Они были у него перед глазами, окружали изо дня в день.

Маргарита подрумянивала муку на чугунной сковороде. За едой они смотрели друг на друга. Она всегда была здесь, руки заняты, глаза блестят за стеклами очков в темной оправе. Он видел, как напряжение и возраст отражаются на ее лице, как натягивается кожа у корней волос, и ощущал

смесь жалости и брезгливости. Они смотрели телевизор в соседней комнате. На стене висели миниатюрные ивовые корзинки. Кожа обтягивала ее череп.

— Лилиан считает, что я тебя чересчур балую. Говорит, будто ты уверен, что можешь мной распоряжаться.

— Я твой сын. Ты должна делать то, что я хочу.

— Согласна, я и слова против не сказала бы, но твои братья висели у меня на шее. Они требовали внимания, которого человек просто не в силах дать. Здесь появляется человеческий элемент. Когда я думаю обо всех этих трагедиях… У твоего папы заболела рука, когда он косил траву. Дальше понятно что.

— Они пошли в армию, чтобы смыться от тебя.

— Думаю, каково быть бабушкой, которую лишают любви. По понедельникам мы ели фасоль с рисом. Я возила тебя в коляске в «Годшоз».

Сколько он себя помнил, они ютились в тесных квартирках. То было основное воспоминание Освальда. Он вдыхал запах, когда она проходила, запах ее одежды, висевшей за дверью, тропический туман корсетов и туалетной воды. Заходил в туалет, где стояла ее вонь. Слышал, как она бормочет во сне и скрежещет зубами — зубами

«мертвой головы». Он заранее знал, что она скажет, предугадывал ее жесты.

— Я имею право на лучшую участь.

— Я тоже. Я как раз и имею. У меня есть права, — ответил он.

Он помогал ей вешать выгнутые полки. Он отыщет коммунистическую ячейку и вступит в нее. В этом городе полно всяческих иностранцев с самыми разными идеями и убеждениями. Есть люди, которые помещают в газетах объявления для своего святого покровителя с просьбой о помощи. Есть люди, которые носят береты, люди, не могущие связать двух слов по-английски. В порту он видел угнетенных рабочих, разгружающих девяностофунтовые связки бананов из Гондураса. Он найдет ячейку, ему дадут задание, чтобы он мог показать себя.

— Лилиан думает, я без конца буду ее благодарить. Она жить не может без этих «спасибо» да «пожалуйста».

— Она считает, что нам недалеко до уличных попрошаек.

— Она думает, мы ей обязаны, — сказала Маргарита. — Девочкой меня все любили. Я буду стоять на своем.

Они некоторое время прожили у ее сестры

Лилиан на Френч-стрит. Сняли квартиру на Сент-Мэри-стрит, правда, пришлось переехать в более дешевую, в том же доме. Затем они нашли жилье в Квартале.

Он тихий и прилежный мальчик, и он просит есть, как и всякий мальчик.

— Семья Клэйвери была бедной, но счастливой. По понедельникам мы ели фасоль с рисом. И теперь она болтает у меня за спиной все, что вздумается, только потому, что на пару недель пустила нас к себе. Они чешут языками и выдумывают всякое, но меня это не удивляет. У них есть свои причины, о которых они помалкивают. Они говорят, что я моментально взрываюсь. Ни с кем не могу ужиться, так сказать. В жизни не признаются, что сами виноваты. С ними невозможно спорить. Она говорит, я из-за одного словечка раздуваю целую ссору, и мы не разговариваем, пока не встретимся на улице, и тут же: «Привет, как жизнь? Заходи к нам как-нибудь».

— Она так считает, потому что дает мне деньги на прокат велика.

Они жили в трехэтажном доме в переулке, выходившем на Кэнал-стрит, где люди сновали взад-вперед, и жарко сияли витрины магазинов. В доме были арочные входы с лепниной по краю.

Маргарите они нравились больше всего. Иначе дом являл бы собой грустное зрелище. Ли досталась спальня, Маргарита спала на диванчике в большой комнате.

На Первом кладбище Святого Людовика он видел старого негра в одних носках — он храпел, прислонившись к мавзолею на ножках, солнце играло на бутылочных осколках.

За едой они смотрели друг на друга. Он отрабатывал шахматные комбинации на кухонном столе. Она описывала дома, дворы и мебель начала века, как все было в Новом Орлеане, где она выросла, счастливое дитя. Он понимал, что это важно. Он не отрицал ценности ее слов и силы образов, которые она носила в себе. Все это было важно: семья, деньги, прошлое, но они не затрагивали его подлинной жизни, его центростремительной сущности, и потому ее слова падали в воздушную яму.

Он видел, как возле бара крепкий мексиканец, или кто он там, вдруг по-женски вильнул бедром, и его друзья захохотали.

У него была однотомная всемирная энциклопедия, и тетя Лилиан говорила, что он читал ее, как повесть о морских приключениях. Кинетическая энергия. Плотина «Гранд-Кули». Он вступит в

коммунистическую ячейку. Они будут до глубокой ночи обсуждать теории. Ему станут давать задания, посылать в ночные рейды, требующие смекалки и хитрости. Он будет ходить в черных одеждах, бегать под дождем по крышам.

Многие ли знают, что крикливый зуек — птица из семейства ржанковых?

Пришло письмо от брата Роберта, его родного брата, который все еще служил в морской пехоте. Ли вырвал страницу из тетради на пружинке и сразу написалему, большей частью просто отвечая на вопросы. Он любил брата, но точно знал, что Роберт не догадывается, кто он на самом деле. Это была старая семейная тайна. Ты не знаешь, кто я. Роберта назвали в честь их отца, Роберта Э. Ли Освальда. Отсюда же и его имя, Ли. Отец лежал в конце аллеи Лэйквью и превращался в мел.

— Я возила тебя в «Годшоз» посмотреть на флаг, только ты и я. Шла война, мы жили на Полин-стрит, и на фасаде «Годшоз» вывесили флаг высотой в семь этажей, я еще купила там светло-серый костюм, в котором я на фотографии с мистером Экдалом, сразу после свадьбы. Американский флаг в семь этажей. Это когда ты устроил переполох с миссис Роуч, бросил в нее железной игрушкой.

Ему хотелось написать рассказ о ком-нибудь из библиотеки для слепых. Только так и возможно представить себе их мир.

У Маргариты были голубые глаза и темные ресницы. Она работала продавщицей и кассиром рядом с трикотажной лавкой на Кэнал-стрит, где лет за двенадцать до того была менеджером, пока ее не уволили. Официальным поводом было то, что она не умеет складывать и вычитать. Но Маргарита знала, как все обстоит на самом деле, чувствовала флюиды, слышала презрительный завистливый шепот, и это было еще не так страшно, как в тот раз, когда ее уволили из «Лернерз» в Нью-Йорке, заявив, что она не пользуется дезодорантом. Это было неправдой, потому что каждый день она мазалась шариковым дезодорантом, и если он не действует так, как говорят по телевизору, то почему изгоем сделали ее? Нью-Йорк не отставал от времени по части странных запахов.

Ли делал уроки за кухонным столом: на такие вопросы только идиотам отвечать. Мать будила его в школу, настойчиво хлопая в ладоши в дверях, пальцы одной руки шлепали по ладони другой. Порой хотелось ее убить — если он случайно натыкался на нее посреди улицы. Он слышал ее шаги, слышал, как она поворачивает

ключ в замке. Голос раздавался из кухни, в туалете спускалась вода. Он знал ее интонации, паузы, слово в слово предугадывал, что она скажет. Она хлопала в ладоши в дверях. Проснись и пой.

— Очевидно, — читал он, — определение величины капитала, инвестируемого в рабочую силу, как обращающегося капитала, вторично, поскольку элиминирует его специфические отличия в процессе производства.

Ли говорил с сестрой Роберта Спраула о политике, в основном для поддержания беседы. Они играли в шахматы на закрытой веранде у Спраулов дома. Роберт сидел рядом, дописывая курсовую по истории военной авиации.

Она была на год старше Ли, белокурая, с нежной кожей и серьезным лицом. Она будто бы старалась не казаться чересчур красивой. Встречаются такие девушки — они прячутся за маской опрятности и сдержанности.

— Эйзенхауэр отделался слишком легко, — говорил Ли, — и я могу это доказать.

— Сомневаюсь, но попробуй.

— Розенбергов убили Эйзенхауэр и Никсон. Точно говорю. Это полностью их вина.

— Твои фантазии.

— Ничего подобного.

— Был же суд, если я не ошибаюсь, — сказала она.

— Айк — известный болван. Он мог бы остановить казнь.

— Как в кино, да?

— Ты хоть знаешь, кто такие Розенберги?

— Я просто сказала, что был суд.

— Но есть тайные факторы, то, что не опубликовано…

Девушка строго взглянула на него. Она была как раз такого роста, как нужно. Не слишком высокая. Ему нравилось ее самообладание, нравилось, что она передвигает фигуры почти робко, ни единым жестом не выдавая, победа ее ждет или проигрыш. Это воодушевляло и подстегивало его, шахматного гения с грязными ногтями. В доме кто-то ходил — мать или отец.

— Я прочел о Розенбергах все, пока был в Нью-Йорке, — сказал он. — Обвинение сфабриковали. Все для того, чтобы выставить коммунистов предателями. Айк мог бы что-нибудь сделать.

— Что-то он и делал. Играл в гольф, — вставил Роберт.

— Теперь сенатор Истленд приезжает в Новый Орлеан. И знаешь зачем?

— Он ищет тебя, — ответил Роберт. — Ему по-

зарез нужен пацан в Гражданский воздушный патруль.

— Он выискивает красных по всем закоулкам.

— Ему позарез нужен такой симпатяга, как ты.

— Главное в коммунизме то, что рабочие не приносят прибыли системе.

— Он увидит твою улыбочку и сильно расстроится. Юный коммунист в ГВП, кошмар какой.

Ли отчасти нравились эти подначки. Он следил за сестрой Роберта: что она скажет? Но та упорно смотрела на доску. Хорошее воспитание. Он встречал ее в библиотеке. В школе она была в группе поддержки спортсменов, девочка на дальнем краю, практически незаметная.

— Если даже они шпионили, что с того? Они просто считали, что коммунизм — наилучший строй. Это система, в которой нет эксплуатации. А их за это на электрический стул.

Ли заметил, что кто-то из родителей подошел к открытой двери, остановился за стеной и слушал.

— На русском фамилия «Троцкий» пишется совершенно по-другому, — сказал он сестре Роберта Спраула. — А кое-чего не знает никто. Сталина на самом деле звали Джугашвили. «Сталин» означает «железный человек».

— Стальной человек, — сказал Роберт.

— Это одно и то же.

— Глупый пень.

— Просто все, что нам говорят о России, — Вранье. Россия не такая, как они ее выставляют. В Нью-Йорке коммунисты не прячутся. Они выходят на улицы.

— Прячься, Генри, это «Флит»![2] — сказал Роберт.

— Сперва ты приносишь прибыль системе, которая тебя эксплуатирует.

— Убить в зародыше!

— Потом они все время тебе что-то продают. Все основано на том, что людей заставляют покупать. Если ты не можешь купить то, что они продают, ты ноль в этой системе.

— Ну, это ни то и ни се, — сказала сестра.

— А что? — спросил он.

В дверях появился отец, высокий мужчина со свернутым пледом под мышкой. Казалось, будто он ищет лошадь. Он говорил об уроках и заданиях, бормотал о семейных делах. На лице сестры читалось явное облегчение. Осязаемое, измери-

---

[2] Примечания: 2

Популярная расхожая фраза, придуманная детским писателем-юмористом Доктором Зюссом (Теодором Гайзелем, 1904–1991) в качестве рекламного слогана для инсектицида «Флит».

мое. Она проскользнула мимо отца и безмятежно растворилась в сумерках дома.

Отец проводил Ли к входной двери и распахнул ее настежь. Они расстались молча. Ли пошел домой через Квартал мимо сотен туристов и участников всяческих съездов, толпившихся под мелким дождиком, словно в киноролике новостей.

Он держал в комнате марксистские книги, относил в библиотеку продлить и приносил снова домой. Любопытным одноклассникам давал прочитать заглавия, посмотреть, как морщатся их тупые рожи, но матери книг не показывал. Это было глубоко личным, такое находишь и прячешь — талисман, хранящий тайну твоей сущности. Книги сами по себе были тайной. Запретные и тяжело написанные. Они изменяли комнату, наделяли ее смыслом. Гнетущее однообразие окружения, собственная потрепанная одежда — все объяснялось и преображалось в этих книгах. Он чувствовал себя частью некоего всеобъемлющего целого. Они с матерью были продуктами неумолимой истории, запертыми в системе денег и собственности, с каждым днем уменьшавшей их человеческую ценность, словно по научному закону. Благодаря книгам он

приобщался к чему-то. Нечто привело к тому, что он сидит в этой комнате, именно в этом теле, и впереди его что-то ждет. Люди в крохотных комнатушках. Люди, что читают и ждут, сражаются с секретами и лихорадочными замыслами. Троцкого звали Бронштейн. Ему тоже понадобится тайное имя. Он вступит в ячейку, которая размещается в старом доме рядом с портом. Они будут до утра обсуждать теории. Но и действовать тоже будут. Организовывать и агитировать. Он станет ходить по городу под дождем в темной одежде. Осталось лишь найти ячейку. А она тут есть, несомненно. Сенатор Истленд открыто заявил об этом по телевизору. Подпольные коммунисты в Новом Орлеане.

Тем временем он читал братнин устав Корпуса морской пехоты и готовился к тому дню, когда пойдет в армию.

В классе было два парня, которые постоянно дразнили его «янки», — еще до того, как он бросил школу. Они выслеживали его в коридорах, орали на всю столовую. Он улыбался и был готов драться, но те ни разу не перешли к делу.

Названия на бланках восхищали его. Лиссабон, Манила, Гонконг. Но вскоре он втянулся в обычный распорядок и осознал, что корабли, грузы и

порты назначения не имеют к нему никакого отношения. Он работал курьером. Разносил бумаги в другие пересылочные компании и пароходные агентства или через дорогу на таможню, похожую на денежный храм — серый, массивный, с высокими гранитными колоннами. Он должен был выглядеть энергичным и веселым. Казалось, люди зависят от бодрости его духа. Чем ниже должность, тем более счастливой улыбки от тебя ждут. Он часами пропадал в кино. Или просиживал в пустующем кабинете в дальнем конце коридора на третьем этаже, читая устав.

Он заучивал правила использования смертоносного насилия. Зубрил принципы маневров сомкнутым строем, значение нашивок и знаков отличия. Без разрешения звонил с работы Роберту Спраулу и зачитывал ему душераздирающие подробности штыкового боя. Вращательное движение, удар с плеча, Удар прикладом. Этот устав можно было цитировать без конца. Казалось, книга просто создана для него. Он вчитывался в правила, завороженный их строгостью и точностью, лавиной чудовищных подробностей, мельчайших, странных, безукоризненных.

Роберт Спраул слыхал, что продается ружье, болтовая винтовка, двадцать второй калибр, как

раз на крыс, или можно пострелять по пивным банкам, — и январским морозным днем они в обеденный перерыв Ли отправились за деловой район, в дешевый отель среди автомастерских и лавок уцененной мебели. Холл походил на коридор к туалету. Комнаты располагались на втором этаже над заколоченным магазином с табличкой «Сдача внаем». Роберт знал номер комнаты продавца, но не знал его имени. Предположительно тот был знакомым Дэвида Ферри, летчика и инструктора Гражданского воздушного патруля. Ферри командовал частью, куда этим летом поступили на службу Роберт и Ли, хотя Ли присутствовал всего на трех занятиях — просто дождался, когда ему выдадут форму.

К удивлению мальчиков, дверь открыл сам капитан Ферри. Мужчина под сорок, с печальным и дружелюбным лицом, в купальном халате и гольфах с ромбиками. Он жестом пригласил ребят в комнату, внимательно посмотрев на Ли. Ставни были опущены. Повсюду валялись вещи, из белых картонных коробок вываливалась китайская еда, на полу разбросаны счета и монеты. Комната словно пребывала в некоем оцепенении, словно время текло здесь иначе.

— Молодцы, что пришли, ребята. Меня преду-

преждали, чтобы я ждал гостей. Я так понимаю, Альфредо продает свое ружье. Говорит, будто убил из него человека. Какого-то гринго-миллионера. Каждый латиноамериканец в мечтах убил гринго. Здесь, видите ли, временное пристанище. Ваш летный инструктор на данный момент находится между заданиями.

Ферри уселся в кресло среди раскиданных вещей. Роберт бросил быстрый взгляд на Ли. Перекошенная физиономия.

— Ну что ж, — сказал Ферри. — Роберта я знаю по занятиям в Восточном ангаре Лейкфорта. Кажется, будто сто лет прошло. А кто этот робкий паренек с аккуратным пробором?

— Я ходил несколько раз, — ответил Ли, — а потом перестал.

— Но все-таки ходил. Я так и подумал. Именно так. Твоя форма. В форме все дело. Я знаю моих мальчиков. Помню всех курсантов. Знаете Деннис Рамси? Деннис — курсант. Заходит сюда после занятий. А знаете Уоррена Ван Зандта, толстяка? У папы Уоррена тяжелый рак легких.

— А что насчет винтовки? — спросил Роберт.

— Она где-то здесь. Болтовая «марлин», 22-й калибр. Заряжается с обоймы, можно купить задешево, потому что ударник сломан. Но почи-

нить легко. Отнесете к сварщику, пиф-паф…

— Нам не сказали, что сломан, — произнес Роберт.

— Об этом никогда не говорят.

— В общем, не знаю, сэр.

— Я тоже.

— Если из винтовки нельзя стрелять…

— Он вам приварит все что нужно, пиф-паф.

— Но это лишняя морока.

— Удовольствие того стоит. Понимаете в ружьях? Ружья — моя слабость.

Роберт глянул на Ли: «Сматываемся». В дальнем углу что-то шевелилось. Ли шагнул в ту сторону. Он чувствовал, что к лицу приклеилась улыбка — знак добрых намерений, но ни к Чему не относится. На комоде стояла клетка, в ней суетились белые мыши.

Он обернулся к Ферри и сказал:

— Мыши.

— Жизнь поразительна, верно?

— Зачем они?

— Для исследований. Смотри, после войны прошло одиннадцать лет, настала новая эра, век надежд, а мы так же далеки от того, чтобы покончить с раковой напастью, как и тысячу лет назад. Я всю жизнь изучал болезни. Даже маль-

чишкой отдавал этому время. Я знал, что такое рак, задолго до того, как услышал само слово. Как тебя зовут?

— Ли.

— Отдавай свое время, Ли.

Роберт Спраул незаметно двигался к двери.

— Капитан Ферри, понимаете, сэр…

— Что?

— Мне пора идти, я как-нибудь в другой раз зайду насчет ружья.

— Я изучил принципы совпадений, — сказал Ферри, обращаясь к Ли. — Совпадения — это наука, которую предстоит открыть. Наука о том, как вне рамок причин и следствий возникает структура. Я изучал геополитику в Болдуин-Уоллесе еще до того, как ее назвали геополитикой.

— Ли, ты идешь?

Ли хотел уйти, но вместо этого стоял и глупо улыбался Роберту — тот в ответ состроил красноречивую мину и на цыпочках вышел. Быть может, Ли считал, что уходить ни с того ни с сего невежливо. Но в таком случае остаться должен был бы Роберт. Он отлично учился, был хорошо воспитан, жил в доме с верандой среди азалий, дубов и пальм.

— Расскажи мне о себе, — сказал Ферри. — И

не обращай внимания на бардак. Это в основном шмотки Альфонсо… Альфредо… как его там… Где бы он ни обосновался, хоть на минуту, ощущается преступный дух. Он работает на буксире в Порт-Сульфуре. Работа не для мальчиков с такими умными глазами, как у тебя. Расскажи о своих глазах.

Ферри сидел, откинувшись в кресле. В этом ракурсе, в неверном освещении, он походил на восьмидесятилетнего старика с расширенными от страха глазами. Он был где-то очень далеко. Ли шестым чувством понимал, что, оставшись, он на шаг опередил Роберта, тот слишком рано катапультировался, а дело слишком перспективное, нельзя его упустить, и все оставшееся время он параллельно воспринимал происходящее и пересказывал ситуацию Роберту. Он как бы смотрел на себя со стороны. По мере развертывания событий в настоящем он представлял, как будет излагать их Роберту Спраулу, смакуя свою раскованную манеру повествования, жестикулируя, как одержимый, всё будто в мультфильме, и чувствовал при этом некоторое превосходство. Он остался до конца. Каким же малодушным привередой надо быть, чтобы уйти так рано, решить, что осторожность прежде всего, отправиться

домой к своей счастливой семейке и пледу, и все как-нибудь образуется.

— Если отдавать свое время, можно успеть фантастически много. В твои годы я учил латынь. Сидел дома и учил мертвый язык — боялся, что снаружи меня *заметят,* заставят платить за то, какой я есть.

Он забыл, что я здесь.

— Кливленд, — сказал он, это прозвучало названием погибшей цивилизации. — Мой отец был полицейским. Меня преследует мысль о копах. Правительственных копах, федах — агентах ФБР. Они прилипают, как зараза. Стоит попасть в досье, и тебя уже в покое не оставят. Они пристают, будто рак. Навечно.

Этот человек странен даже для себя самого.

— А что насчет винтовки? — спросил Ли. — Я, может, куплю ее. Сколько он за нее хочет?

— Двадцать пять долларов. Но можешь дать мне пятнадцать. Скидка лично для тебя. Потому что ты мой курсант. Я повсюду высматриваю своих мальчиков. Ты носишь форму, в этом все дело. Взгляни на меня. Стоит мне надеть капитанскую куртку — и этой дерьмовой размазни как не бывало. *Я* становлюсь первым пилотом Восточных авиалиний. Я говорю, как первый пилот. Вселяю

уверенность в паникующих пассажиров. Я на самом деле управляю этим треклятым самолетом.

Он знает, что странен, но ничего не может с этим поделать.

— Если я решу купить, как мне донести ее домой?

— Донести очень просто. Берешь и заворачиваешь в одеяло. Возьми-ка вон то одеяло. От гостиницы не убудет.

Вдобавок ко всему, у него действительно будет винтовка. Он объявится с винтовкой. Сможет сказать, что нес винтовку, завернув ее в украденное одеяло, через весь Новый Орлеан. Ферри наблюдал за мышами в клетке и посвистывал. Все это выстраивалось в гладкий рассказ для Роберта Спраула, будущее в настоящем, короткий мультфильм в сердцевине событий.

— Вопрос в том, сможешь ли ты излечить болезнь раньше, чем она убьет тебя. Как только ты сознательно решаешь ее излечить — как сделал я, еще не зная слова «рак», — ты подвергаешься риску заболеть ею. *Comprende?*[3] За что бы ты ни взялся, твои же навязчивые идеи убивают тебя. Если ты поэт, тебя убивает поэзия и так далее.

---

[3] Примечания: 3
Понимаешь? *(исп.)*

Люди сами выбирают себе смерть, осознанно или неосознанно.

— Если мы найдем эту винтовку и завернем ее, — сказал Ли, — то я, наверное, пойду.

— Скоро будет карнавал, — ответил Дэвид Ферри. — Прощай, плоть

.

Он кричит, когда хочет есть. Он орет. Я буду сидеть внизу в гостях у Миртл Эванс, и мы услышим, как он зовет мать, и я вскочу и побегу наверх готовить ему еду, как нужно любому мальчику.

Никто не знал того, что знает он. Водоворот времени, подлинная внутренняя жизнь. В этом его движущая сила, единственное, чем он владеет. Он смотрел, как мать обжаривает муку, поднимает липкие белые руки над чугунной сковородой. Разносил письма в пароходные конторы. Засыпая, предавался мечтам о мире всемогущего героя Освальда, где ружья поблескивают во тьме. Мечты о власти, о верхе ярости, верхе вожделения, фантазии о ночных улицах, блестящих от дождя, о длинных тенях людей в темных пальто, как на киноафишах. Во тьме власть. Дождь идет на пустынных улицах. Всегда появляются люди, за ними тянутся длинные тени, затем у него в руках винтовка «марлин», заряжается с обоймы,

выстрелить бы в живот, протянуть агонию.

Есть целый мир внутри обычного мира. Партийная кличка Сталина — Коба. Он придумает себе секретное имя, найдет ячейку в портовом районе. Он запоминал цифры номеров, цвет и марки машин. Взял в библиотеке книгу с тюремными фотографиями революционеров. Тюремное фото Троцкого в девятнадцать лет. Тюремное фото Ленина, фас и профиль. Ричард Карлсон, он же Херб Филбрик, обычный гражданин, член коммунистической партии, тайный агент ФБР. Она хлопала пальцами одной руки по ладони другой. Проснись и пой.

Он видел парня, который сидел задом наперед на мотоцикле и курил, глядя в пространство, вся рука от плеча и до тыльной стороны ладони в татуировках.

Мечты о девушке в клетчатой шерстяной юбке. Она лежит на спине поперек кровати, ноги спущены на пол. Бело-коричневые кожаные туфли, белые носки, белая блузка, юбка задрана на четыре дюйма выше колен. Мечта о неподвижности, пик вожделения, пик власти, ее бледные ноги слегка раздвинуты, руки вдоль тела, глаза закрыты. Он то вызывает, то прогоняет эту картинку. Вот что он знает о девушке, о своей власти над

ней, ночью в одиночестве смотрит, как она неподвижно лежит на кровати, а под окнами улица блестит от дождя. Она как раз такого роста, как нужно, с тонкими губами, робкая, глупая. Он смотрит на нее, но его самого там нет.

Есть масса фильмов, где говорится, что человек, раненный в живот, умирает очень долго.

Белые липкие руки поднимаются над сковородой. Она обжаривала муку на каком-то жире, пока та не становилась тускло-коричневой, нужного цвета для подливки. Добавляла бульон, лук, специи. Они ели за кухонным столом. Жуя, она чавкает. Уличные шумы. Она всегда была рядом, следила за ним, в уме измеряла их общую судьбу. У него было две жизни: внутренняя и та, которую она поддерживала. Винтовка у него так и не выстрелила. Он показал ее механику, но тот продержал ружье пять недель, даже не взглянув. Они долго препирались на этот счет. Он не боялся постоять за свои права. В конце концов он продал ружье за десять долларов Роберту Освальду, которого как раз демобилизовали из морской пехоты и который всегда был готов помочь своему младшему братцу Ли, не ожидая благодарности в ответ.

Маргарита сидела на диване и смотрела те-

левизор.

Его огорчил наш переезд в Нью-Йорк, мы всю дорогу туда ехали на этом «додже» 1948 года, но там расквартирован Джон Эдвард с женой и ребенком, а ведь мы семья, и нам никогда не удавалось жить вместе. Некоторые женщины в моем положении не думают о прошлом. Но Ли разъезжал со мной и мистером Экдалом, и ездил один на поезде из Форт-Уорта в Новый Орлеан, когда ему было одиннадцать, в гости к моей сестре, а там не меньше пятисот с лишним миль. Ведет ли он здоровый американский образ жизни? Я бы сказала так, ваша честь, что вокруг нас живет масса замечательных преуспевающих граждан, но во Французском квартале есть и бродяги, и прочие. Встречаются и всякие бары, в том числе бильярд, который прямо под нами, да и на улице играют в азартные игры и занимаются разными делишками. Я бы также отметила, что проституток тут предостаточно. Но в защиту своей материнской правоты скажу, что за последний семестр в Борегаре он пропустил только девять дней, когда я работала у Кригера в восемьсот каком-то доме по Кэнал-стрит. Его будущее и его мечта — морская пехота США, и мы об этом спорили и так и эдак, потому что он

дал под присягой ложное показание, чтобы вступить туда, но в этот раз не получилось. Теперь только ждем, когда ему исполнится семнадцать, хотя он уже бросил школу, и говорит, будто насовсем. Мальчик улыбается, когда его бьют, и ждет новостей по телевизору. А что для него значит мать — так он работал курьером и купил мне пальто за двадцать пять долларов с первой получки, дает матери деньги на квартиру и еду, и купил мне попугая в клетке вместе с кашпо и подставкой. Там был и плющ в горшке, и клетка, и попугай, и вся еда для попугая. Ему просто надо привыкать, ваша честь, и он всегда старается. Вы не представляете, как тяжело растить мальчиков без отца. Я тогда неплохо устроилась, как выражаются у нас в Америке, управляющей в трикотажном магазине «Принцесса», и мистер Экдал сделал мне предложение в машине. Я год не соглашалась, а он ведь закончил Гарвард. Я всегда тащила на себе дом, несмотря ни на что. Мне часто делали комплименты, что я хорошо выгляжу, а я только чуть-чуть подкрашивалась, а теперь, скорее всего, снова поедем в Техас, чтобы жить с его братом Робертом, снова жить семьей, в Форт-Уорте, чтобы мальчик побыл с братом. И пусть не говорят мне, что я вечно зову перевоз-

чиков мебели. Наш век таков, что люди ездят с места на место. Я мать троих сыновей, которая продавала иголки, нитки, пряжу в собственной лавке, прямо в гостиной на Бартоломью-стрит, каркасный дом с задним двориком, когда Ли еще в колыбели лежал. В детстве меня любили, ваша честь. Отец растил меня и еще пятерых, чтобы мы были счастливыми и любили родину. Я сделала все, чтобы вырастить сына в том же духе, несмотря ни на что. Пусть говорят, что хотят, — а они все время на меня нападают, — он-то знает, кто был ему опорой с того дня, как я забрала его домой из Старой Французской больницы на Орлеан-авеню. Я вам не мегера из мальчишеских кошмаров.

На экране появился Джордж Гобел, коренастый, стриженный под ежик, с бодрой улыбкой, и поднес правую ладонь ко лбу. Эдакий братский жест приветствия, принятый в маленьких городах.

Ли сидел у себя в комнате и читал о превращении прибавочной стоимости в капитал, водя по странице указательным пальцем, слово за словом, слово за словом.

26 апреля

Карманный мусор. Уин Эверетт работал, продумывая общие черты, целую жизнь. Он вылепит снайпера из обычных замусоленных листков, из содержимого бумажника. Парментер придумает, как достать бланки документов в Отделе документации. Мэкки найдет прототип для персонажа, которого создает Эверетт. Нужно имя, лицо, телесная форма для претворения вымысла в жизнь. Эверетт решил, что одна фигура будет выделяться немного отчетливее остальных: человек, на котором могло бы сосредоточиться следствие, человек, которого вычислят и, возможно, арестуют. Три или четыре снайпера исчезнут, оставив лишь скудные следы своего участия в деле. Все испаноговорящие — мексиканцы, панамцы, которых тренировали на Кубе специально для этой миссии. И еще одна фигура, чуть более четкий образ, может, человек, брошенный в снайперском укрытии, чтобы выпутывался сам, чтобы его вычислили, нашли, а возможно, и убили люди из Секретной Службы, ФБР или местной полиции. Все, что потребуется по протоколу. Такой вот человек, меткий стрелок, практиче-

ски безымянный, о котором почти ничего не известно, который проявляется лишь при сомнительных обстоятельствах и вновь исчезает, был арестован за некий акт насилия и снова отпущен в свободное плавание, проявляться и исчезать. Мэкки разыщет такого человека для Эверетта. Нужны отпечатки пальцев, образец почерка, фотография. Мэкки также найдет остальных снайперов. Мы не убьем президента. Мы промажем. Нам нужен эффектный промах.

Уин в одиночестве сидел на крыльце. На плетеном столике стоял стакан с лимонадом. В кадках, оконных ящиках и горшках на ступенях зеленели растения. Вдоль кирпичной дорожки росла декоративная травка. Он ждал Мэри Фрэнсис.

Из всех городов, где можно совершить покушение, выбор со всей очевидностью падал на Майами. Сотни эмигрантских группировок жили здесь, устраивали заговоры и пререкались, ждали новой возможности — movimientos, juntas, uniones. Уин представил, как весть разлетится по району, по старинным притонам эмигрантов, отелю «Ла Модерне», кабинетам руководства «Френте». Майами отзовется с энтузиазмом. Это город незаживших ран, взрывной политической ситуации и бурных чувств. Именно эта взрыво-

опасность, этот кубинский свет и жар убеждали Уина сохранить план в тайне от лидеров антикастровской оппозиции.

Кеннеди посетил Майами четыре месяца назад, чтобы принять флаг бригады от людей, переживших вторжение, — многих только что выкупили из кубинских тюрем. Эта эмоциональная чистка была необходима. Поражение теперь признали официально, сорок тысяч человек почтили память павших на футбольном стадионе, все ранее запрещенные материалы реконвертированными волнами транслировались в «Телевижнлэнд», где Эверетт их просматривал. Он с уважением отнесся к поездке президента в Майами. Его удивило и тронуло, когда жена президента заговорила с членами отряда по-испански. Но церемония не оживила общего дела, истовой преданности свободной Гаване. Сейчас он воспринимал произошедшее как обычную рекламную акцию, блестящие картинки, наложенные на каждое действие правительства.

Подъехала машина, и он сошел вниз по ступеням, чтобы помочь Мэри Фрэнсис занести в дом продукты. Подхватил тяжелые сумки. Подул восточный ветер, воздух вдруг наполнился предчувствием дождя. Он увидел себя со стороны:

простой человек занимается повседневными делами на тихой улочке и не боится, что за ним следят.

Уин стоял в кладовке, жена передавала ему покупки. Лампочка перегорела, он складывал все на полки в полумраке. Слабый запах плесени, прохлада маленькой комнаты, знакомые надписи на банках и ящиках — он ощутил себя престарелым усталым ребенком, человеком, которому позволили пережить заново самые простые и значимые минуты, те, что оставляют зарубки на сердце — не память о конкретной боли, но лишь метки самого времени, несущего тяжесть утрат. Он постарался запомнить, что лампочка перегорела, и нужно заменить ее. Слушал, как сотрясается небо, вспоминал грозы своего детства — тогда он жил в деревне, мальчик, старавшийся не показывать, что он умнее старших братьев, — и наблюдал, как меняется освещение, а пейзаж становится суровым и торжественным. Все разбегалось в панике. Страх из воздуха проникал в предметы и детские души. Так надвигаются эти дымчатые грозы. Он обычно прятался в кладовку и считал до пятидесяти — тогда гром прекращался.

— Мне нужно забрать Сюзанну.

— Я здесь все доделаю, — сказал он.

— У тебя сегодня нет занятий?

— Отменили.

— Я хочу зайти в «Пенни», кое-что купить.

— Нам всем нужно в «Пенни».

— Да нет, просто пару вещей, которые я и так собиралась покупать. Мы ненадолго.

— «Пенни» — наш общий дом.

— Лампочки лежат на задней лестнице.

— Она читает мои мысли. Она все помнит за меня.

— Я ненадолго, — сказала она.

Парментер предупредит заранее, если Дж. Ф.К. вознамерится вернуться в Майами. Рано или поздно президент выберется из норы со свитой сопровождающих, охранников, подхалимов и репортеров в город, на улицы, и станет уязвимым. Эверетт хотел подождать с Майами год. Там смысл покушения будет наиболее ясным, станет очевидно, что это долгосрочный проект, с навесной траекторией, телескопический, и никакой бессмысленной людской неразберихи, которую создал бы маньяк, выскочивший из толпы с фамильным пистолетом.

Он проводил Мэри Фрэнсис до двери.

План можно будет счесть удачным, только если

при вскрытии глубинных слоев выявятся замыслы ЦРУ, — в некоторых случаях его собственные замыслы, — связанные с убийством Фиделя Кастро. Этот маленький сюрприз он приберегал под конец. Его личный вклад для сведущих. Пусть увидят, что происходит в залах заседаний и угловых кабинетах. Карманный мусор, имущество снайпера, обходные пути и темные переулки должны дать следователям понять, что Кеннеди хотел смерти Кастро, что планы были разработаны и одобрены на высшем уровне, запущены в действие, и что Фидель или его верховные советники решили поквитаться за это. В этом и состоял основной подтекст и нравственный урок плана Уина Эверетта.

Двое мужчин, сидевшие за столиком в ресторане «Оксиденталь», внешне походили друг на друга. Оба выше среднего роста, в дорогой одежде, крепкие, атлетически сложенные, оба явно чувствовали себя как дома здесь, на арене клана Кеннеди, в столице, что живет по меркам своего рода мужественности, уверенности, надежды и берет на себя смелость рисковать по максимуму.

Манера речи Лоренса Парментера, который был, вероятно, лет на пять помоложе собеседника, выдавала в нем образованного жителя

восточного побережья: он слегка растягивал гласные, как бы с иронией любуясь собой.

Его собеседник, Джордж де Мореншильдт, живший сейчас в Далласе, говорил по-английски с изысканным иностранным акцентом. Он был отнюдь не прочь казаться истинным европейцем. Каковым, в сущности, и являлся. Обаятельный жизнелюб, свободно владевший русским, английским, французским, испанским, может быть, также и того, или на чем говорят у них в Того (Парментер знал, что он побывал там в 1958 году, выдавая себя за филателиста). Ларри нравился этот человек. Они были знакомы не первый год, и он знал, что Управление тщательно допрашивало Джорджа после нескольких его зарубежных поездок. Но хотя их деловые интересы пару раз пересекались, он не мог точно сказать, чем же Джордж занимается.

— Потом в мае я еду на Гаити, — сказал де Мореншильдт.

— Можно один вопрос?

— Спрашивай, конечно. Я еду искать нефть для гаитянцев. Взамен они дают мне плантацию агавы в концессию.

— А агаву им не нужно помогать разыскивать?

— Она вроде бы растет над землей.

Оба сдержали смешок.

— Какие интересные места тебе достаются, Джордж.

И они рассмеялись, вспомнив один и тот же случай. Как-то Парментер зашел в стоматологическую клинику в захолустном городке рядом с воздушной базой ЦРУ на юго-западе Гватемалы, где кубинские летчики и американские инструкторы репетировали действия в заливе Свиней. В убогой приемной сидел не кто иной, как Джордж-де Мореншильдт, в рубашке с крокодильчиком и хлопчатобумажных шортах. Также известный как Ежи Сергиуш фон Мореншильдт. По его словам, он совершал пеший поход по Центральной Америке.

— Все это кончилось ужасно, — сказал Джордж, — если, конечно, вообще кончилось.

— Думаю, кончилось.

— Правительство продолжает запугивать Кастро. Это нелепо и бессмысленно. Я скажу больше. Все правительство сгрудилось вокруг тлеющего костра маленькой коммунистической Кубы. Это отчасти шутка, Ларри, и я знаю, по какую сторону кубинской баррикады ты находишься. Разумеется, это твоя работа, и я ее уважаю.

— Это *была* моя работа. Сейчас я занимаюсь

исключительно поддержкой.

— Хотелось бы верить, что у правительства больше нет видов на Кубу.

— Поверь, Джордж. По итогам ракетного кризиса стало понятно, что на Кубу мы вторгаться не станем. У Кеннеди была возможность избавиться от Кастро, а получилось, что он обеспечил ему работу. Заинтересованности нет ни у кого. Обязательств по этому вопросу абсолютно никаких. Страстная и всецелая преданность делу Кубы сменилась правительством на полную отчужденность и равнодушие, и, черт возьми, за рекордно короткий срок.

— Это болезнь Америки, — мягко улыбнулся Джордж.

Де Мореншильдт по образованию был инженером-нефтяником, но не слишком много времени уделял своей профессии. Он был женат в четвертый раз, насколько знал Ларри, и все его жены происходили из богатых семей. Но эти браки не объясняли открытого сотрудничества с нацистами во время Второй мировой войны, очевидных связей с польской и французской разведками, изгнания из Мексики, явных прокоммунистических симпатий, когда он учился в Техасском университете, советских контактов в Венесуэле,

неувязок в официальной биографии, поездок в Западную Африку, Центральную Америку, Югославию и на Кубу.

Джорджа не раз задерживали и даже стреляли в него за то, что он зарисовывал береговые военные сооружения в стратегически важных районах.

Но он был знаком с Джеки Кеннеди, или с ее родителями, или с кем-то из их семьи и, когда бывал в Нью-Йорке, посещал «Теннисный клуб». Кроме того, у него было формальное право именоваться бароном. Обаяние Джорджа состояло еще и в том, что его прошлое постоянно видоизменялось.

— Когда ты уезжаешь из Вашингтона?

— Завтра лечу в Нью-Йорк, потом обратно в Даллас.

— Я думал, Даллас — вотчина Уокера, — сказал Ларри. — Кто палит по генералу?

— Он полнейший дегенерат и фашист, этот Уокер. Весьма опасен, со своим расизмом и антикастровскими крестовыми походами. Вот что я на самом деле думаю о Кубе. Она пробуждает в американцах худшую одержимость. Это генерал, которого отстранили от должности за то, что он проповедовал ультраправые идеи. Он проводит в Миссисипи расистскую кампанию, его сажают в психушку, он обосновывается в Далласе, где мы

каждый день видим в газетах этот его бред про общество Джона Бёрча и его кубинские тирады. Ненависть чистой воды, Ларри. Два человека в Миссисипи погибли из-за уокеровских провокаций. Он просто-напросто Гитлер районного масштаба.

— Такое впечатление, будто ты и сам не прочь в него пальнуть.

— Говорю тебе, не отказался бы. На самом деле я, кажется, догадываюсь, кто пытался его убить.

Официант нырнул за упавшей ложкой.

— Мальчик из Далласа, мой знакомый, — продолжил Джордж. — То есть это я так говорю — «мальчик». Ему где-то двадцать два — двадцать три. Теперь, когда мне уже за пятьдесят, они все кажутся мальчиками и девочками. Если, конечно, мальчики не кажутся девочками и наоборот.

— С чего бы ему интересоваться Уокером?

— Ответ простой: из-за политики. Он был морским пехотинцем, и что, думаешь, сделал в 1959 году? Сбежал в Советский Союз. Его послали на завод в Минске. Разумеется, он разочаровался и вернулся обратно. Естественно, Управление в нем заинтересовано. Контактные лица попросили меня поговорить с мальчиком.

— Дружеский разбор полета.

— Именно. Я должен был по-отечески войти в доверие. Выяснить, что он видел, слышал, нюхал и пробовал на вкус. Вскорости мы друг другу понравились. Возможно, как раз мои чувства к генералу Уокеру и стали поводом к тому, что Ли в него выстрелил.

— Но ты не вполне уверен.

— Не вполне.

— Он не признался, что сделал это.

— Он ни в чем не признался. Но были указания, определенные знаки, некий дух, понимаешь? Плюс любопытная фотография, которую он мне прислал. Мне искренне жаль, что он промахнулся.

Они снова принялись за еду, за свой обед. Снова проявились голоса и шум: бурный поток новостей, цивилизованный ажиотаж Джордж сказал что-то очень к месту о вине, наливая его в рюмку-тюльпан на высокой ножке. К какому-то столику спешила привлекательная женщина, всем своим видом выражая радостное неудовольствие — после этих пробок на дороге и личных неурядиц наконец-то тихий островок роскоши. Порой Ларри казалось, что обед в превосходном ресторане — кульминация жизни западного человека.

— Ты говорил о политике, — сказал он. — Нас-

колько левых убеждений этот твой юный друг?

— Есть политика, есть эмоции, и есть психология. Я неплохо его знаю, но было бы не вполне честно сказать, что я могу дать ему определение, четко обозначить. Он может быть преданным марксистом, истинным верующим. А может в это играть. Абсолютно достоверно одно — он беден, ужасающе, жестоко беден. Как там говорится?

— Гол как сокол.

— Именно. Он женат на чудесной милой девушке. Честное слово, Ларри, она из этих несовершенных русских красавиц. Невинная и хрупкая. Говорит на прекрасном исконно-русском языке. Не советском, понимаешь? Ее дядя — полковник МВД.

Ларри невольно рассмеялся. Слишком уж это курьезно. Забавно — вот подходяще слово. Вокруг одни призраки или простофили, сущие находки, двойники, тайные агенты, посредники или дезертиры, или же их родственники. Всех объединяет одно масштабное совпадение, круговая порука слухов, подозрений и тайных желаний. Джордж тоже смеялся. Приятный мягкий рокочущий смех. Они смотрели друг на друга и смеялись. Смеялись над тем, как забавна жизнь, как прекрасны и отвратительны дела человеческие, как

хороши еда, выпивка и обслуживание, над тем, как рушатся карьеры, над всем этим созревшим нарывом безумия и сожалений. Ларри чувствовал себя сытым и полным энергии, слегка навеселе — все как и положено. С ними поздоровался посол Гондураса. Кто-то из «Пемекса» остановился и рассказал непотребный анекдот. Чудесный обед. Все великолепно, прекрасно, забавно, как и должно быть.

До Лэнгли Парментер доехал служебным автобусом Управления. Затем написал докладную записку в Отдел Безопасности, требуя срочно проверить Джорджа де Мореншильдта. Где-то в комнате, полной теорий, в одной из записных книжек или папок у Николаса Брэнча лежал список мертвых. Распечатка имен свидетелей, информаторов, людей, так или иначе связанных с Ли Х. Освальдом или с Джеком Руби, причем все эти смерти были удобны, что наводило на размышления. В 1979 году собранный Конгрессом комитет постановил, что смертность среди людей, так или иначе связанных с событиями 22 ноября, не выходит за рамки среднестатистической. Брэнч расценивает это как факт теории вероятности. Его задача — написать историю, а не исследование различных типов паранойи.

Здесь бесконечно много поводов для размышления. Брэнч это признает. Причины смерти — особый язык. Убит выстрелом в голову сзади. Перерезали горло. Застрелен в полицейском участке. Застрелен в мотеле. Застрелена мужем через месяц после свадьбы. Повесился на подштанниках в тюремной камере. Убит приемом карате. Такова неоновая эпопея субботнего вечера. И Брэнчу хочется верить, что это все. И без того хватает загадок в известных нам фактах, хватает заговоров, совпадений, не вяжущихся друг с другом концов, тупиков, множественных интерпретаций. Нет необходимости, считает он, изобретать грандиозный искусный план, замысел, безупречно продуманный в дюжине различных направлений.

И все же случаи перекликаются, ведь так? Большей частью это безымянные трупы. Экзотические танцовщицы, таксисты, продавщицы папирос, потрепанного вида адвокаты с перхотью на лацканах. Но с годами эта волна насилия добралась и до остальных, и с каждой новой серией несчастных случаев Брэнч видит, как очередное убийство проливает мощный и долго не меркнущий свет на структуры и связи, проявляя, что тот человек был знаком с этим, а эта смерть

произошла на удивление близко к той.

Джордж де Мореншильдт, человек неопределенной национальности, воплощающий собой частичную лояльность или отсутствие необходимости в таковой, человек, подружившийся с Освальдом, умер в марте 1977 года в Палм-Бич от выстрела в рот из дробовика двадцатого калибра. Расценили как самоубийство.

Неделей позже в Майами-Бич полиция нашла тело Карлоса Прио Сокарраса, бывшего президента Кубы, миллионера, занимающегося контрабандой оружия; по мнению информатора, он был связан с Джеком Руби. Убитый сидел в кресле, рядом лежал пистолет. Расценили как самоубийство.

Дэвид Уильям Ферри, профессиональный летчик, проводил любительские исследования рака, активный противник Кастро, найден мертвым у себя дома в Новом Орлеане в феврале 1967 года, через пять дней после того, как пресса связала его имя с убийством президента. Следователь утверждает, что он умер естественной смертью, но не всем ясно, каким образом Ферри удалось во время кровоизлияния в мозг напечатать на машинке прощальную записку другу. («Итак, я умираю в одиночестве, никому не нужный».) Сре-

ди его вещей обнаружили три бланка паспорта, стофунтовую бомбу, множество винтовок, штыков и сигнальных ракетниц, исчерпывающую библиотеку книг и прочих печатных материалов об убийстве Кеннеди, доступных на тот момент.

Эладио дель Балле, друг Дэвида Ферри и глава «Комитета Свободной Кубы», был найден мертвым в машине в тот же день в Майами, убит несколькими выстрелами в упор, стреляли в грудь, голова разрублена топором. По делу никто не арестован.

Стопки документов повсюду. В распоряжении Брэнча отчеты об убийствах и диаграммы вскрытий. У него есть результаты спектрографического исследования осколков пуль. Есть отчеты консультантов-акустиков и экспертов по анализу пятен. Он сам изучает пятна, горбится над фотографиями, сделанными на Дили-Плаза случайными людьми, которые просто пришли посмотреть, как глава государства торжественно проедет мимо. У него есть лупа. Есть подробная карта траекторий взгляда фотографов.

Куратор присылает расшифровки стенограмм закрытых слушаний комитета. Он доставляет документы, обнародованные по Акту о свободе информации, другие документы, изъятые у обыч-

ных следователей или подвергшиеся серьезной цензуре. Он все время присылает новые книги, в каждой — блестящие теории, вполне доказуемые, достоверные. Это комната теорий, комната, в которой стареют. И Брэнч думает, не отчаяться ли ему, ведь завершения пока не предвидится.

Здесь также бумаги ФБР об убийстве, сто двадцать пять тысяч страниц, страх и горе, которым нет конца. Куратор присылает новые материалы о пребывании Освальда в России, собранные дезертиром из КГБ (далеко не первым дезертиром, предлагающим свою версию развития событий). Вот новый материал об Эверетте и Парментере, о Районе Бенитесе, Фрэнке Васкесе. Данные просачиваются сквозь годы. Вода капает в его черепную коробку. Вот Кэмп-стрит, 544, в Новом Орлеане, самый скандально известный адрес в хрониках убийства. Здание давно снесли, на его месте теперь новый торговый комплекс. Куратор присылает свежие фотографии, и Брэнч понимает, что должен изучить их, хотя они не относятся к делу напрямую. Здесь гранитные скамейки, кирпичные дорожки, явно субсидированная скульптура под названием «Извне».

Брэнч должен изучить все. Он слишком глубоко завяз в этом деле, чтоб быть разборчивым.

Он сидит с пледом на коленях и волнуется. Дело в том. что он пока не так уж много написал. У него масса частично перекрывающих друг друга заметок в трехфутовых сугробах, все эти годы он делал заметки. Но готового текста крайне мало. Невозможно остановить поток информации. Она продолжает поступать. Теории, которые необходимо оценить, жизни, которые нужно обдумать и оплакать. Никто из ЦРУ не требовал отчета в процессе работы. Ни главы, ни страницы, ни единого слова. Брэнч работает уже со вторым куратором, с шестым ДЦР. С 1973 года, когда он принялся за работу, на посту директора сменились Шлезингер, Колби, Буш, Тернер, Кэйси и Уэбстер. Брэнч не знает, сообщил ли кто-нибудь этим людям, что какой-то человек пишет секретную историю убийства президента. Быть может, о нем и не знает никто, кроме куратора и еще двух-трех людей в Собрании материалов по истории разведки в библиотеке ЦРУ. Быть может, эту историю вообще никогда никто не прочтет.

Т. Дж. Мэкки стоял напротив обшарпанного трехэтажного здания, где располагалось детективное агентство Гая Банистера, на другой стороне улицы. Он был в темных очках и спортивной рубашке, которая плотно облегала тело,

светло-каштановые волосы коротко острижены. Он непроизвольно сжимал и разжимал правый кулак. Между большим и указательным пальцами синела наколка в виде птицы, и когда он разжимал кулак, птица раскрывала голубые крылья.

Он следил за женщиной на Кэмп-стрит — пугливой пожилой бродяжкой в длинном пальто и белых носках до щиколотки, одной из потерявшихся в Новом Орлеане этой нелегкой весной 1963 года, уже слишком жаркой, тяжелой и влажной. Ему было интересно, как менялся темп ее походки. Она замедляла шаг, пропуская людей вперед. Настороженно пригнувшись, двигалась вдоль стены дома 544 и делала знаки прохожим, чтобы они проходили дальше. Она хотела, чтобы ее все обогнали и находились бы на виду.

Мэкки это позабавило. Он пробыл в городе больше недели и видел много нервных пьянчужек, но никого с таким параноидальным остроумием не попадалось.

Вокруг располагались товарные склады, кофеобжарочные фабрики, дешевые отели. Над своеобразным входом в дом 544, теперь заложенным кирпичом, можно было различить надпись «Дом портовых грузчиков». Он пересек улицу и

вошел в здание. Контора «Гай Банистер и партнеры» располагалась на втором этаже. Банистер, крепкий суровый мужчина лет шестидесяти, сидел за столом. Двадцать лет в ФБР. исполняющий обязанности главы полицейского управления Нового Орлеана, член Общества Джона Бёрча и «Минитменов». Когда вошел Мэкки, он открыл нижний ящик стола. Приглашение выпить. Ти-Джей жестом отказался и придвинул к себе стул.

— Ты не хочешь со мной пить. Ты даже не говоришь, где остановился, черт побери.

— Я завтра уезжаю.

— Куда?

— На Ферму.

— Ничего не скажешь, здорово: учить парней из Свартмора, как ломать шеи китайцам.

— Это задание.

— Это, блядь, позорище для таких, как ты, Ти-Джей, ведь ты жизнью рисковал. Этот Кеннеди за многое ответит. Затевает вторжение без нормальной поддержки с воздуха, а расплачиваются, видите ли, активисты движения. Организует облавы на базы боевиков и при этом прекращает поставки оружия.

— Для чего я здесь, по-твоему? У тебя было время, Гай.

— Все не так просто.

— У тебя оружия больше, чем у мексиканской армии.

— Есть свои приоритеты, — сказал Банистер. — Похоже, лето нас ждет непростое.

— Мне понадобятся деньги. Содержание, ежемесячные выплаты, приличное выходное пособие.

— Для скольких людей?

— Скажем так, для нескольких. И может понадобиться летчик.

— Он будет здесь через десять минут.

— Черт.

— Успокойся.

— Только не его.

— Не обращай внимания на внешность и показушный бред, что он несет. Этот сукин сын Ферри — талант. Он может летать на самолете задом наперед. У него первоклассные контакты. Он сотрудничает с адвокатом Кармине Латты. Ездит к Латте домой и возвращается, блядь, с полными вещмешками денег. И все это на благо дела. Может арендовать небольшой самолет, без лишних вопросов и записей. Вот сейчас он подыскивает для меня «Си-47», чтобы вывезти отсюда взрывчатку.

Банистер снова выдвинул ящик стола, достал

литровую бутылку «Ранних времен» и потянулся к полке позади себя за кофейными кружками.

— Я посылаю отборные образцы на одну из наших военных баз на островах Флориды, — сказал он. — Винтовочные гранаты, противопехотные мины, динамит, противотанковые орудия, минометные снаряды. Вслушайся: целые бочки напалма.

Мэкки отметил про себя выражение его серебристых глаз. Ярость Банистера в отношении правительства отчасти была реакцией на общественную жизнь как таковую, на людей, блистающих перед объективами фотоаппаратов. Магия Кеннеди, харизма Кеннеди. Его ненависть была соизмерима с этим, обладала физической силой. Именно она поддерживала в нем жизнь, несмотря на крушение карьеры, плохое здоровье, вынужденное увольнение. Мэкки на секунду встретился с ним взглядом. Многое выражалось в этих глазах: воспоминания, огорчения, утраченная Куба, грядущая Куба — настолько плотен был этот миг, столь полон ассоциаций, глубокого понимания, власти невысказанного, что Ти-Джей отвел взгляд. Слишком много общих помыслов они лелеяли.

— Где ты достал все это железо?

— В лесном бункере. Вставили ключ в замок — и пожалуйста.

— Кто его устроил? — спросил Мэкки.

— Тайный склад оружия ЦРУ. Все, что так и не использовали в заливе Свиней. О чем ты, полагаю, знаешь.

— Я в последнее время не так уж много знаю.

— Завербованные поступают к нам все время. Ждут нового нападения на Фиделя. Мы тренируем их в лагере неподалеку. До сих пор все шло гладко, тьфу-блядь-тьфу, чтоб не сглазить, я лично присматривал и разрабатывал все с федералами. Но этот Кеннеди делает против нас все, что может. Ты знаешь, что эмигрантских лидеров заперли в округе Дэйд? Они не могут выехать за его пределы. Он собирается урегулировать отношения с Кастро. Ведет переговоры с Советским Союзом. Они обстряпывают сделку. Кубу отдают коммунистам. За это Москва оставляет Джека в покое на второй срок. Он заинтересован в собственной защите и безопасности и хочет поднять ее уровень, что в общем-то правильно.

Банистер налил бурбона в кружку.

— А что с этим делом в Далласе, — спросил он, — недели две тому назад?

— Стреляли в Уокера.

— Они поймали того негра, который стрелял?

Мэкки уловил хитринку в тоне старшего собеседника. Уокер захватывал пространство в новостях подобно кинозвезде, которую лихорадит от неуверенности в себе. Мэкки представлялось, что если снайпер стреляет в тебя из-за забора, встав на цыпочки, и промазывает — это лучшая взятка за славу определенного рода. Низводит человека до положения случайной мишени какого-нибудь Мистера Магу[4] с ружьем.

— Ну, допустим, я подумаю насчет винтовок.

— С прицелами.

— И что мне с ними делать?

— Держи при себе, — сказал Мэкки.

— О ком мы говорим?

— Держи их в надежном месте и наготове.

— К чему вообще весь разговор? Я должен знать, что мы ничего не скрываем друг от друга.

— Ты и так это знаешь. Поверь мне на слово. Иначе бы я сюда не пришел.

— Только не намекай, что я постарел для некоторых операций. Это моя работа. У таких, как мы, есть только одно дело.

Краска, осыпавшаяся на стол и на пол, сталь-

---

[4] Примечания: 4

Близорукий персонаж мультфильмов студии «Юнайтед Продакшнз оф Америка».

ные канцелярские шкафы, покрытые пылью. В шкафах хранились разведданные Банистера. Он вел досье на людей, добровольно вступивших в антикастровские группировки в этом районе. У него хранились микрофильмы с отчетами о деятельности левых в Луизиане. У него были имена известных коммунистов, материалы ФБР об агентах и сторонниках Кастро. Мэкки видел справочники по тактике для боевиков, старые номера расистского журнала, который издавал Гай. Были папки со сведениями о других организациях, снимавших помещения на Кэмп-стрит, 544, в прошлом и в настоящем, в том числе о Кубинском революционном совете — альянсе антикастровских группировок, собранных ЦРУ при помощи Банистера.

— Таким людям, как мы, приходится сталкиваться с дилеммой. Когда серьезные люди лишены выхода своей энергии. Когда нас отовсюду попросят, неужели мы смиримся со скамейкой на газончике? Жизнь простого законопослушного гражданина не соответствует нашим особым потребностям. — Он радостно засмеялся. — Двадцать с лишним лет работы в Бюро я жил в особом обществе, которое прекрасно удовлетворяло самые важные требования моей натуры.

Обмен и хранение секретов, определенная опасность, возможность действовать в горячих точках, наставлять пистолет кому-то в морду. Это зачарованное общество. Если у тебя есть преступные наклонности — нет, я не имею в виду нас с тобой, — то один из способов оставить след — насаждать законы. — Короткий довольный смешок. — Іде кончается моя храбрость и начинается лужа дерьма? Вот что я хочу знать. В самом начале карьеры я участвовал в деле Дилинджера. Враг общества номер один. Знаменитая развязка, одной душной ночью я взял его в Чикаго у выхода из кино, из «Биографа». Во время войны я служил в военно-морской разведке, так же, как и молодой Джек Кеннеди. — Он сделал глоток. — Шпионаж, тайные агенты. Мы изобретаем общество, где всегда война. Закон — понятие растяжимое.

Он отставил кружку с бурбоном в сторону и обшарил стопку газет и папок в поисках сигарет.

— В «Джоне Бёрче» у нас сто тысяч человек, — продолжил он. — Уже не управиться. Потом появляется генерал Тед Уокер, они с преподобным Билли Джеймсом Харгисом разъезжают в сомбреро от побережья к побережью. «Минит-мены» так не подставляются, они держатся ближе к земле. Но их рвению я не доверяю. Они ждут Ве-

ликого Дня. Прячут боеприпасы в гараже и знают, что Великий День близится. Валят в одну кучу политику и второе пришествие Христа. Я уважаю твои методы, Ти-Джей. Тебе нужно маленькое подразделение, компактное и мобильное. Никаких чертовых списков рассылок. Тебе не нужны теории и дискуссии. Только действие. Два-три человека, занимающиеся серьезным делом.

Вошел Дэвид Ферри в панаме, которая была ему явно мала, и рубашке с обвисшим воротом. Мэкки, который видел его только раз, показалось, что Ферри выглядит так, будто не оправдал доверия общества и теперь горько кается. (Банистер утверждал, что он священник-расстрига.) Он вяло прошаркал в комнату, шлепая мокасинами, и сразу обратился к Бани стеру:

— Лучше не пить в это время суток.

— Что у нас на складе?

Ферри взглянул на Ти-Джея.

— Несколько старых, очень старых «спрингфилдов». Тридцать шестых. Старых, понятно, да? Есть «М-1», целая куча югославских маузеров с русской маркировкой, если вам это о чем-то говорит. Несколько «М-4» у Лакомба. Я только вчера расстрелял целую обойму.

— Где у нас прицелы? — спросил Банистер.

— Большая часть оптики и стекол сейчас в лагере. Здесь у нас хранятся сверхдлинные оптические прицелы. Конечно, все зависит от того, в кого стрелять. Для крупной волосатой дичи, вроде Фиделя, потребуется широкий угол зрения, потому что он все время движется. Честно говоря, раньше Кастро мне втайне нравился. Правда, недолго. Я хотел сражаться на его стороне.

Он говорил недоверчивым шепотком: казалось, странные повороты собственной судьбы вызывали у него бесконечное удивление. Даже лицо его было недоверчивым: высоко поднятые брови застыли над тусклыми глазами. Его слова трудно было воспринимать отдельно от жуткой внешности, и, по всей видимости, самому Ферри тоже.

— Где у границы ты посадил бы небольшой самолет? — спросил Мэкки. — Представь, что тебе срочно нужно бежать из дома.

— Я полетел бы к Матаморосу. Под Браунсвиллем. Там есть поле. Если хотите подальше в Мексику, можно поиграть в классики на высохших озерах. Минуя населенные пункты.

— Только без обид. Сколько тебе лет?

— Сорок пять. Лучший возраст для астронавта. Я — обратная сторона Джона Гленна. Здоровье отменное, если не считать рака, который гложет

мой мозг.

— Ты умрешь насильственной смертью, — сказал Банистер.

— Хотелось бы верить.

— Ты подавишься начо.

— Я говорю по-испански, — ответил Ферри, изумляясь сказанному.

Он прошел в заднюю комнатенку, где сидела Дельфина Робертс и составляла один из тех списков, для которых на фирме постоянно собирали материал. Дельфина, дама средних лет с пышными волосами, уложенными лаком, американка до мозга костей, секретарша и помощница Банистера.

— И эти чулки, как утверждалось, рваться не должны.

— Всегда что-то утверждается. Но на деле выходит иначе. Такова природа бытия.

— Знаю. Ты учил философию, это оттуда.

— Ты обедала?

— Я опять сижу на «Метрекале».[5]

— Куда тебе еще худеть, Дельфина?

Он включил маленький телевизор.

— Как думаешь, с чего бы негру захотелось

---

[5] Примечания: 5
Смесь для похудения, предшественница «Гербалайфа».

стать коммунистом? — спросила она, ведя пальцем вниз по списку. — Они же и так цветные. Зачем добавлять еще и красного?

— Хочешь сказать, не надо жадничать?

— Просто им и так хватает проблем. Кроме того, если ты цветной, то уже не можешь быть кем-то еще.

Она сидела у окна за письменным столом с покрытием из формайки. Дыру в оконной сетке прикрывала картонка от рубашки.

— На прошлой неделе я приценился к одному бомбоубежищу, — сказал Ферри.

— В общем-то я боюсь не бомб с неба. Ядерный кризис начался и кончился. Я боюсь, что однажды тихим утром появятся войска, армии высадятся на берегу, из облаков посыплются парашютисты. Гаю доложили, что Красный Китай собирает войска в Нижней Калифорнии.

— У меня свои причуды, Дельфина. Мне нужно больше, чем просто армия.

Они смотрели сериал «Пока вращается земля». Ферри сидел на складном стуле, скрестив ноги. Снял шляпу и положил на правое колено.

— Вот мне интересно, зачем Дельфина каждый день ходит в эту крысоловку? Такая женщина, с ее-то образованием и прочим. Есть чудесный

дом на Колизеум-стрит. Занималась бы, скажем, социальными любезностями. Те же «Дочери американской революции».

— Здесь настоящая работа на благо нации. Что бы я делала в городском совете или женской группе? Гай Банистер — в авангарде событий страны: пока он непосредственно наносит удар. Вербует, тренирует, собирает информацию. Я чувствую, что здесь могу вносить вклад в общее дело, а если бы работала в комитете или где-нибудь еще, то не могла бы.

Она посмотрела на выцветший рыжий парик Ферри, который напоминал растрепанную паклю. Задержала взгляд на крутом лбу, орлином носу, почти римском профиле, который почему-то восхищал, несмотря на огромные уши — клоунскую черту внешности. На самом деле она видела этот профиль еще до знакомства с Ферри. У Банистера в папках было фото. На память о двух арестах 1961 года в округе Джефферсон, за действие, которое официально определили как «преступление против природы».

Они смотрели телевизор.

— Дэйв, во что ты веришь?

— Во все. Прежде всего, в свою смерть.

— Ты стремишься к ней?

— Я ее чувствую. Я ходячая реклама рака.

— Но ты так просто об этом говоришь.

— А что мне остается? — спросил он.

На экране две женщины пили кофе и вели неспешный разговор, медленно и размеренно жестикулируя; во время торжественных пауз дамы обменивались обиженными и сердитыми взглядами. Дельфина вернулась к работе, стараясь за шумом телевизора расслышать голоса в соседней комнате, далекий гул приватной беседы, определивший рамки ее рабочего дня.

— Почему у гомосексуалистов пристрастие к мыльным операм? — с отсутствующим видом спросил Ферри. — Потому что у нас яркая жизнь.

Дельфина согнулась от вульгарного хохота. Она упала на стол, держась руками за края, и сотрясалась от непомерного веселья. Дэвид Ферри удивился. Он и не думал, что пошутил. Ему казалось, что это меланхоличное, печально-философское высказывание, незначительная реплика бесцельного дня. Дельфина не впервые так откровенно реагировала на его слова. Она считала, что даже самые безобидные его шутки скандальны по определению. Ее смех был двух видов. Непристойно-вульгарный и бурный, как того требовало общепринятое отношение к сек-

суальной ориентации Ферри и ее собственное восприятие неких анальных верований, служивших материалом для его шуток. И для Банистера — более мягкий грудной смех, в котором звучало понимание, желание подчиниться, легкий шепот заговорщицкой близости — смех, по которому невозможно не понять, что она его любовница.

— Это не сам Кеннеди, — говорил Банистер за дверью, — а то, что видят в нем люди. Блестящая картинка, которую нам постоянно показывают. Он действительно блистает на большинстве фотографий. Предполагается, что мы верим: он — герой нашего времени. Вы когда-нибудь видели, чтобы человек так торопился стать великим? Он считает, что может изменить наше общество. Пытается спроектировать некий сдвиг. Мы для него недостаточно расторопны. Мы не зрелы, не энергичны, не кончали Гарварда, не путешествуем по миру, не красивы, не удачливы, не остроумны. И эти, блядь, безукоризненно белые зубы. Меня один вид его выводит из себя. Знаешь, как я понимаю его харизму? У него в руках тайны. Те опасные секреты, которые раньше держали подальше от правительства. Заговоры, конспирация, революционные тайны, секреты конца общественного порядка. А теперь ключи

к важным секретам в руках правительства. Все опасности в Белом Доме, начиная с ядерного оружия и далее по нисходящей. Что они там замышляют с Кастро? По каким обходным каналам он сотрудничает с Советами? Он снимает трубку, и мир сотрясается. Я ничуть не сомневаюсь, что в правительстве есть течение, посвященное исключительно продвижению коммунистической идеи. Отнимите у этого человека власть секретов — и он превратится в ничто.

Банистер замолчал и подождал, пока Мэкки не посмотрит на него.

— Я искренне верю, что в воздухе носятся силы, принуждающие людей к действию. Назови это историей или необходимостью, как угодно. Что ты сам чувствуешь? Вот к чему я, Ти-Джей. Есть ли в воздухе такое, что ты чувствуешь всем телом, от чего пощипывает кожу, как от теплого пота? Допивай, допивай. Я налью еще.

Взгляд может быть очень красноречив.

Той ночью Мэкки сидел в маленькой комнате через дорогу от фирмы-поставщика хирургических принадлежностей и двух-трех жилых трейлеров. Шансов, что поднимется прохладный ветер, — один из тысячи. Трейлеры стояли за оградами, были завалены строительным мусо-

ром и охранялись злыми собаками.

Он сидел у окна в темноте, смазывая слабым лосьоном комариные укусы на лодыжках и тыльной стороне рук. Нелегко будет уснуть без вентилятора в такой жаре, когда над тобой кружатся эти зудящие самки.

Комнату он снимал в районе, где дома и свалки, казалось, порождали друг друга. Каждое утро кукарекал петух — удивительно, ведь до центра всего несколько кварталов.

У каждой комнаты своя музыка. Иногда он ловил себя на том, что в незнакомых комнатах, когда шум транспорта стихает, он сосредоточенно прислушивается к изменениям тональности, нюансам или изъянам фактуры.

Достать оружие через Банистера, по большому счету, менее рискованно и тактически на порядок легче, чем украсть его с Фермы. Ферма — тайный тренировочный пункт ЦРУ в юго-восточной Вирджинии, пятьсот акров леса, известные внешнему миру как военная база Кэмп-Пири. Мэкки обучал стажеров — выпускников колледжей, рвущихся к подпольной карьере, — обращению с легким оружием. Таким образом Управление указало ему место, после того, как он отказался подписать письмо-выговор. Он жил примерно в

десяти милях от базы, но во время особых учений обитал вместе с другим инструктором в старых деревянных казармах, разделенных на двухместные комнаты. Они ходили в солдатской рабочей одежде и подолгу играли в кункен, прислушиваясь к тупому громыханию на диверсионном полигоне.

Он смочил пальцы лосьоном и осторожно втер его в места укусов. Те все еще саднили.

Куда бы его ни занесло, везде москиты. Он тренировал повстанцев на Суматре и подразделения десантников, подчиненных ЦРУ, в самых разных захолустьях. Но Мэкки понимал, что Управление — не на всю жизнь. Он мог дождаться, пока его уволят, или уйти, не дожидаясь. Он на своем веку повидал достаточно ухищрений и предательств, видел, как бойцов поощряли, а затем избавлялись от них из политических соображений. ЦРУ не зря называли «Конторой». Его создали, чтобы заглушить голос совести, зов крови, который требовал ответа. Это была единственная известная ему и единственно возможная история войны, и война эта всегда кончалась одним и тем же: людей окутывал дым отвлеченных размышлений.

Жара давила, полночь подрагивала, он слышал сирены с Кэнал-стрит, рык какого-то пьяницы-

одиночки. Москит — переносчик инфекции. Он сжал правый кулак. На татуировке был орел, выколотый году этак в 1958-м в темном магазинчике одного из гаванских esquinas del pecado, уголков греха, когда он отвечал за безопасность операции Управления по передаче средств движению мятежного Фиделя Кастро, за три года до вторжения.

У каждой комнаты своя музыка, которая многое может поведать, если умеешь слушать.

Хорошие люди погибли из-за того, что правительство медлило, до конца взвешивая варианты. Мэкки, находившемуся на головном корабле ЦРУ, старом десантном судне, в пятнадцати милях от Блю-Бич, операция показалась сюрреалистической. По мере поступления информации — данные с экранов радара и по радио, световые сигналы двадцатичетырехдюймовых прожекторов эсминца, отраженные от облаков, — он чувствовал: что-то пошло не так. Налицо странные и некорректные данные, совершенное равнодушие, полное иллюзий, обмана, мрачных перспектив.

У одного и того же корабля было два названия.

«Радио Лебедь», размещенное на крохотном островке гуано, передавало бессмысленные

шифровки, чтобы склонить вооруженные силы фиделистов к массовому дезертирству. «Мальчик в желтом доме». «Одноглазые рыбы кусаются». Всю ночь бормотал этот одинокий голос.

Водоросли на рекогносцировочных фотографиях оказались коралловыми рифами, препятствовавшими высадке.

Самолеты вылетали с закрашенными опознавательными знаками, и когда летчикам наконец разрешили разведать внутреннюю часть страны, им пришлось ориентироваться подорожным картам «Эссо».

Военно-морские реактивные самолеты, которые должны были соединиться с «Би-26» из Никарагуа, прилетели слишком рано или наоборот слишком поздно, потому что кто-то перепутал часовые пояса.

Радар засек два корабля с боеприпасами, они полным ходом шли по неверному курсу и не отвечали на радиограммы с приказом вернуться.

Директор ЦРУ Аллен Даллес уехал на эти выходные в Пуэрто-Рико и произнес там перед гражданами речь на тему «Бизнесмен-коммунист за границей».

На корабле Мэкки произошел десятиминутный бунт.

«Небо затянуто темными облаками». «Ястреб нападает на заре».

Наконец, второй авианалет отменили.

Он знал, что, по мнению Эвереста, провал был обусловлен более сложными причинами, нежели отмена одной миссии. Общая скудость идей и средств. Но Мэкки настаивал на простой и ясной версии. Гнев и стыд не заглушить этими бесконечными осложнениями.

У него где-то была жена. Оглядываясь назад, понятно, что она — тоже осложнение. Два года учебы после войны, горное дело и металлургия, и жена, которая его поддерживала. Он едва помнил ее лицо. Бледное и одутловатое от выпивки. К тому времени она стала женой полувоенного. Ей нравилось кино. Нравилось сидеть, просунув задницу между сиденьем и спинкой кресла, с ногами на задранном кверху краю сиденья — она, как серьезная игрушка, раскачивалась под свист пуль. У нее, кажется, были красивые волосы, вспомнилось ему, и она регулярно пила, как бы предвосхищая жалобы на собственную неуправляемость.

Разведгруппа высадилась на берег еще до полуночи. Мэкки был единственным американцем на резиновом плоту, хотя ему не полагалось там

быть. Плот вынесло на берег, один из пассажиров спрыгнул в воду и побежал вдоль борта, зачерпывая плотный песок обеими ладонями и бормоча молитвы. Они начали размечать берег сигнальными огнями для войск, которые ждали за волнорезами в старых кренящихся десантных судах и обретших второе рождение фрейтерах. Нельзя сказать, чтобы местность была совсем пустынной. Несколько человек сидело у распивочной над пляжем, старики разговаривали. Один из разведчиков в черных спортивных трусах и черной трикотажной фуфайке, вымазанный для маскировки камбузной сажей, пошел к ним беседовать с автоматом в руках. Ти-Джей был безоружен. Он не мог сказать, почему — то ли давал понять, что его роль здесь ограниченна, то ли этой ночью он чувствовал себя неуязвимым. Резкий запах моря бодрил. Он увидел рядом с распивочной старый «шевроле» и послал старшего разведчика Раймо взять у кого-нибудь из завсегдатаев ключи от машины — в знак гостеприимства от будущего освобожденного населения. Он хотел выяснить, действительно ли лагерь местной милиции находится там, где должен быть по словам разведки. Машина была сорок девятого года, и на приборной доске красовалась наклейка с кубинским

бейсболистом в форме «Бруклин Доджерз». Они проехали метров двести по каменистой дороге, когда в дальнем свете фар появился джип и в нем — силуэты двух покачивающихся голов. Ти-Джей остановил машину, перегородив дорогу по диагонали. Раймо вышел наружу и что-то заговорил между очередями из своего автомата. Через раз автомат выпускал очередь трассирующими. Жар и свет. Когда магазин опустел, в джипе сидело два мертвых милиционера с открытыми ртами, обивка дымилась. Раймо стоял и смотрел, его приземистое тело замерло. Босиком, в забавных клетчатых шортах, он походил на миннесотца в отпуске, и с живота спускался патронташ. Они услышали пистолетные выстрелы с берега и поехали к распивочной. Кто-то сказал, что разведчик пристрелил одного из стариков за неосторожное замечание. Рядом с убитым толпились люди и спорили. Ти-Джей пошел к пляжу. Аквалангисты помогали укрепить сигнальные огни в воде. Он поручил радисту сообщить на головное судно, чтобы они послали на берег командиров бригад, войска, чтобы они уже, черт побери, шевелились. Вернувшись на дорогу, он увидел женщину, которая стояла у соломенной хижины и хлопала по телу ладонью. Они нахо-

дились совсем недалеко от болота Сапата, что славилось своими москитами.

Он прочитал надпись на рекламной растяжке. Скидки на рабочие халаты. За углом послышались голоса, характерный резкий смех людей, выходящих из бара. На заре закричит петух, залают собаки, будто среди жестяных хижин какой-нибудь карибской деревушки.

Память представала серией неподвижных образов, пленкой, разорванной на кадры. И не получалось связать их воедино. Он видел, как Раймо распахивает дверь машины — прерывистое движение, каждый сегмент оставляет расплывчатый след. Очереди из списанного «томпсона» стали первыми выстрелами в заливе Свиней. За это Раймо пользовался уважением других пленных, когда двадцать месяцев они сидели в крепости «Ла Кабанья», слушая винтовочные выстрелы, доносившиеся из рва, где расстреливали их товарищей; каждый резкий залп отзывался четким эхом, громом с ясного неба, и пленники думали о собаке, что жила во рву и лакала кровь.

Наконец у дома остановилось такси.

Он пошел в ванную и сунул руки под холодную воду, чтобы облегчить зуд от укусов там, где не помог лосьон. Во время командировки в Индо-

незию он подхватил малярию, и она то и дело давала о себе знать, тело будто превращалось в болото. Он подошел к двери и стал ждать.

Однажды жена поранила его: замахнулась ножом через кухонный стол и попала по челюсти слева — после ночи, проведенной бог знает как. Он в мыслях никогда не называл ее по имени. Для него она обитала в каком-то туманном далеке, в комнате с занавесками, и никогда не вставала из кресла. Вот что происходит с любимыми, которые уходят от нас. Мы навечно запираем их в комнате.

Вошла до черноты загорелая женщина, с закопченной и потрескавшейся кожей. Сказала, что ее зовут Ронда. Толстый слой темной косметики заставлял его думать о ночах на побережье и гонорее.

— Казаль велел с тобой хорошо обращаться.

— Как думаешь, что он хотел сказать?

Она улыбнулась и расстегнула молнию на юбке. Казаль был барменом в «Гаване», притоне на набережной, где обслуживали моряков торгового флота, обиженных кубинцев и прочие тела, вынесенные морем на берег.

Всю ночь разносилось над водой: «Слушайте, братья мои, рев белого тайфуна». Самое непри-

ятное, самое мерзкое чувство — стыд за свою страну.

Уин Эверетт сидел в пижаме и просматривал позавчерашний выпуск «Дэйли Ласс-О», студенческой газеты Техасского женского университета. Писали о соревнованиях капитанш болельщиков и тамбурмажорок. По всей стране искали обычную студентку. Он сидел в кресле в углу спальни. Из газеты он узнал, что изначально его учебное заведение именовалось Техасским институтом промышленности и образовательным колледжем для белых девушек штата Техас по гуманитарным и техническим дисциплинам. Он пропустил статью про Дж. Ф.К.

Внизу зазвонил телефон. Он услышал, как Мэри Фрэнсис прошла в кухню и сняла трубку. Затем подошла к лестнице, и он отложил газету в ожидании, что она его позовет.

Она смотрела, как муж спускается по лестнице, в своей пижаме он казался невесомым; эта мягкая походка появилась у него совсем недавно — он словно хотел показать стороннему наблюдателю, что ушел в тень. Они слегка коснулись друг друга, когда он проходил мимо, и она понимала, что это значит: они займутся любовью на свежем белье в спальне с открытым окном, запахом дождя и

влажных листьев.

Парментер звонил из автомата. Слышен был шум машин и уличной суматохи. Уин смотрел, как Мэри Фрэнсис поднимается по ступенькам, рука ее заскользила по перилам, едва касаясь.

— Ну, как у нас дела?

— Телефон не прослушивается. Я их больше не интересую. Кроме того, я его прочистил.

Короткий смешок.

— Ты умеешь это делать?

— Вожусь иногда с железками в подвале, — ответил Уин.

— Ты знаешь такого человека, Джорджа де Мореншильдта?

— Нет.

— Он подрабатывает в Отделе контактов с населением. Я выяснил, что он также связан с армейской разведкой. Куба через Гаити. Сейчас летит в Гаити. Возможно, речь о поставке оружия. Джордж выглядит сторонником Кастро. Полагаю, это искренние симпатии. Но дело в том, что, если моя информация верна, он работает против интересов Кастро, или начнет работать, как только доберется до Гаити. Так или иначе, нас его дела напрямую не касаются. У него есть молодой друг, парень, которого он опрашивал

по поручению Управления. Дезертир, который вроде бы раскаялся после двух с лишним лет в СССР. Я выяснил у Джорджа, как его зовут, и кое-что проверил. На этого парня заведено досье 201, начиная с декабря 1960-го.

— Его забросила наша разведка?

— Учитывая, как мы подделываем собственные досье, точно не скажешь. Никаких явных свидетельств, что в Россию его направили. Это все, что я могу сказать, за исключением одного: в армии он частично служил на закрытой базе в Японии. Ацуги. Работал на радаре. Имел доступ к информации о рейсах «У-2».[6] Славный сувенирчик для советской стороны, когда он к ним переметнулся. Женился на русской девушке. Затем решил вернуться домой. Молодожены обосновались в Далласе, познакомились с Джорджем, проводили вечера в компании местных эмигрантов, предавались воспоминаниям. По словам Джорджа, ночью, примерно две с половиной недели назад, наш юноша выстрелил в темноту, целясь в печально известную голову генерал-майора армии США в отставке Эдвина Э. Уокера.

Пауза. Уин прислушивался к плотному потоку

---

[6] Примечания: 6

Американские самолеты-шпионы «У-2» совершали регулярные разведывательные полеты над территорией СССР с июля 1956 г

в трубке, жизни города, автомобильным гудкам, машинам, несущимся по мостам через Потомак.

— Возможно, это неплохой вариант, Ларри.

— Ты так говоришь, будто речь о трехкомнатной квартире. Мы могли бы из него что-нибудь слепить. Крайне левый тип. Впихнуть его в систему. Связать с кубинской разведкой. Возможно, даже вывести на сцену. Пусть думает, что работает на левых, на Кастро, на Советы, что бы его там ни интересовало, а мы поможем ему выбрать одну из сказок. Причины стрелять в президента всегда найдутся.

— Скажи Мэкки. Сообщи Ти-Джею детали. Он его обработает.

Казалось, будто он только и делает, что ложится спать. Все время пора в постель. День приходит и уходит, и снова спать.

Он обошел дом, выключил повсюду свет, проверил входную дверь и черный ход. Однажды он видел «У-2» на солевой равнине в Неваде. Таким дети представляют себе настоящий самолет-разведчик. Причудливый разворот крыльев, с виду незаконченный корпус, сами крылья завернуты на концах. Зато планерный каркас оснащен реактивным двигателем, самолет мог взлетать под углом больше сорока пяти градусов, подниматься

на восемьдесят пять тысяч футов в высоту, камеры наблюдения охватывали полосу шириной более ста миль. В Советском Союзе его называли «темной леди шпионажа». Уин проверил, выключена ли духовка. Больше на первом этаже проверять было нечего.

Мэри Фрэнсис ждала в постели. У кресла горел мягкий свет. Раздеваясь, Уин ощутил кожей прохладу. Ночь наполнилась новыми запахами: мускуса почвы, влажной коры и ночного жасмина, благоуханием свежести; земля вращалась после дождя. Он медленно прижался к телу жены. Обветренное лицо и выгоревшие брови. Грудь слегка пахнет духами. Он залюбит ее до смерти, погрузит в потаенный сон. Ее голова металась по подушке, веки были плотно сомкнуты. Он уткнулся лицом в изгиб ее шеи. Ночь полнилась звуками воды: слабые всплески, капли дождя падали сквозь листву, вода стекала с крыши, журчала по водосточным трубам, влажно шелестели шины по асфальту, по мокрым улицам. Он слегка приподнялся, переплел их пальцы. Они с силой прижимались друг к другу. Аромат напряжения. Глухой гром вдалеке. Безмолвная вода в лужицах среди травы, вода бежит по черенкам листьев, скапливается на паутинке в их середине, капли,

дрожащие брызги, влага на листьях дуба, что растет у дома, брызги на стекле, когда меняется ветер. Волосы у нее белокурые с проседью, кожа розовая и шероховатая, она крупнее него и энергичнее, пока что энергичнее, и всегда хотела для него лишь безопасности и ясности. Он вдыхал слабый запах пота, чувствовал, как на подбородок стекает слюна. Руки стиснуты, напряженные пальцы дрожат. Ее ягодицы двигались, простыни отзывались шуршанием, пушок в уголках ее губ повлажнел. Он произнес ее имя и увидел, как она распахнула глаза, полные того особенного изумления, того безграничного доверия, которым наделяла она будничные таинства. Она была частью мира, чего ему не удавалось никогда. Она сама и была миром. Он высвободил руку и вытер слюну. Она быстро произнесла его имя, много раз подряд, словно капитан болельщиков повторяет ритмичный лозунг, и это было то, что нужно, то, что нужно.

Бок о бок, слушая радио.

— Интересно, что говорят друг другу остальные? — спросила она.

— Когда?

— Вот в такие минуты. Узнать бы, что они говорят. Может, о том, о чем мы даже не задумы-

вались. — Она рассмеялась сама над собой. — То, что мы должны были бы говорить.

— Во время секса или потом?

— Во время секса неинтересно. Любовные охи-вздохи. Нет, после, как сейчас.

— Ты думаешь, мы все эти годы говорим что-то не то?

— А тебе не хотелось бы подслушать? Подсматривать я не хочу, а вот подслушать можно было бы.

— Они говорят: неплохо бы покурить.

— Кто тебе звонил?

— Где мои сигареты? Вот что люди говорят.

— Мне он не представился.

— Ларри Парментер. Ты его знаешь. Мы видели его у кого-то в гостях в Майами.

— Очень смутно.

— Года три назад.

— О чем он с тобой говорил?

— Вот любопытная какая.

— Иногда по ночам хочется, чтобы меня обнимали. Сегодня я хочу слушать. Так здорово лежать на смятых простынях и слушать. Укрой меня словами. Мы — двое ночных болтунов. Расскажи, о чем вы говорили.

— Об очень сексуальных вещах.

— Ну уж, конечно.

— Об «У-2». Это самолеты, которые засекли ракеты, когда СССР поставлял их на Кубу. Мы раньше называли их снимки порнографией. Собирались толкователи снимков и говорили: «Ну-ка, что за порнушку нам сегодня привезли». И правда — Кеннеди разглядывал эти снимки в спальне.

— А еще? — сказала она.

— Шпионские самолеты, беспилотные самолеты, спутники с фотоаппаратами, которые за три сотни миль различают то, что ты видишь с тридцати метров. Они видят и слышат. Знаешь, как древние монахи, которые тщательно записывали знания. Эти системы собирают и обрабатывают информацию. Все тайные знания мира.

— Одна из самых чудесных вещей — такими ночами ощущать всей кожей воздух, правда?

— Я скажу тебе, что это значит — эти датчики на орбите, которые слышат наши постельные разговоры. Это значит — конец доверию. Чем сложнее системы, тем меньше люди в себе уверены. Уверенность из нас высосут. Приборы выжмут нас, мы станем невнятными и мягкотелыми.

Годы, проведенные вместе, быстротечные годы, отвлекающие маневры, ловкие опровержения, гробовое молчание — все это не давало Мэри

Фрэнсис надеяться, что она когда-нибудь узнает, какие тайны Уин хранит в данный момент, то есть ей были приятны подобные минуты откровенности, форма и размах его словесных хитросплетений. Она побуждала его рассказывать обо всем, о темах и событиях, связанных с работой, или просто о своих мыслях — молчаливо поощряла его, создавая поле восприятия, безмолвия. Такая же естественная обязанность для нее, как выбор занавесок. Теперь она стала экспертом по части создания атмосферы робкого любопытства, и хотя он больше, по сути, не работал, она по-прежнему хотела все знать, страстно желала слушать. Но сегодня случилось так, что она уснула, тихо уплыла по течению, завернувшись в простыню и положив руку ему на грудь. Он слушал радио, кто-то проповедовал евангелие четким радостным голосом, волнующим, энергичным, уверенным. Да-да-да-да. Бог живет и здравствует в Техасе.

Он создаст этого человека, выстроит личность, моток тонкой пряжи из привычек и убеждений. Ему нужен человек с правдоподобными причудами. Он создаст затененную комнату, комнату снайпера, которую следствие в конце концов обнаружит и подвергнет каждую мелочь

безжалостному изучению, выслеживая друзей, родственников, случайных знакомых, проникая в их собственные комнаты, полные теней. Наша жизнь интереснее, чем мы думаем. Наша жизнь — это сюжет без сокращений и таинственной подсветки. Наша жизнь, если внимательно изучить все родственные и прочие связи, изобилует смыслом, полна течений и сложных поворотов, которых нам самим не позволено воспринять целиком. Он выявит скрытую гармонию в неприметной жизни.

Записная книжка с двусмысленными указаниями. Фотографии, искусно (или грубо) смонтированные. Письма, билеты, поддельные подписи, череда вымышленных имен. Все это потребует тщательной дешифровки, перевода в обычный текст. Ему зримо представились команды лингвистов, фотоаналитиков, специалистов по отпечаткам пальцев, специалистов по почерку, волосам и волокнам, пятнам и кляксам. Исследователи, воссоздающие цепь событий. Он обеспечит их заработком на долгие годы, приведет их в подвальные комнаты продуваемых ветром рабочих трущоб, в затерянные города тропиков.

Он выключил радио и выскользнул из-под руки

Мэри Фрэнсис. Хотелось курить. Он надел пижаму и нашел два помятых «Уинстона» в кармане рубашки на кресле. Закурив, сел и попытался читать. Грохочущие бело-голубые прожилки грозы сместились к западу. Ти-Джей его обработает. Уин знал, что имя Мэкки — псевдоним, назначенный Отделом Документации. Теодор Дж. Мэкки. Уин также долгие годы пользовался вымышленным именем, обычная практика для должностных лиц, задействованных в секретной работе. После того как ссыльные лидеры обнаружили, что Мэкки высаживался на берег вместе с разведчиками в Блю-Бич, его имя окутал некий ореол славы и легенды. Как только стало понятно, что вторжение провалилось, Мэкки вернулся на вельбот и в поисках выживших обследовал с мегафоном все бухты. Уин не знал его настоящего имени.

Он читал «Дейли Ласс-О». Писали, что в 1905 году институт отказался от своего исторического названия и был переименован в «Центральный рабочий университет», или ЦРУ Он слишком устал, чтобы оценить иронию или совпадение, чем бы это ни было. Он слишком часто сталкивался с иронией и совпадениями. Какому-нибудь ловкачу однажды придет в голову, если уже не пришло, основать религию совпадений и зарабо-

тать на этом миллионы. Да-да-да-да. Он огляделся: где пепельница? Ему давно уже не бывало хорошо. С тех самых пор. Усталость и забывчивость. Ему приходилось разговаривать с самим собой, когда он вел машину, отдавать простые приказы, ругать себя, чтобы внимание не рассеивалось. Он неловко перебирал мелочь у аптечных прилавков, покупая детское мыло в аэрозольном баллончике для дочурки. Порой невыносимо было оставаться дома одному. Дом превращался в комнату ужасов, когда не было жены и дочери, когда они запаздывали, возвращаясь домой на машине. Он все время представлял себе аварии. Обломки крушения на обочине. В доме становилось все темнее и темнее.

Все это было частью долгого падения, ощущения, что он умирает.

В Ацуги

Темный самолет спланировал вниз, прочертив в туманном небе к востоку от посадочной полосы крутую дугу. Легкий, как дерево бальза, шаткий, с необычайно длинными крыльями, он заходил на посадку, пролетев над ЛЭП, что тянулась через рисовые поля вдаль к холмам и терялась за горизонтом. В воздухе разнесся странный свистящий звук, и люди, что жили за пределами базы, выбежали из домов и, полуприсев, наблюдали спуск самолета. Звук походил на бесконечно растянутый крик чайки, он отражался от сводов глубоких пещер, окружавших базу, притонов камикадзе времен второй войны. Люди высунулись из окон казарм поглядеть на приземление. Возле радарного кожуха стоял мужчина и наблюдал за происходящим, скрестив руки на груди. Два человека в форменных фуражках остановились подальше от всеобщей суматохи, когда самолет наконец плавно сел, миновав поля и ограды из колючей проволоки, легко коснулся земли, вислоухие крылья, задевая посадочную полосу, будто в мультфильме, высекали искры среди белого полуденного сияния.

— Этот сукин сын забирается потрясающе высоко.

— Я знаю. Слышал, — сказал Хайндел.

— Да как быстро. Не успеешь оглянуться, а его уже нет. И на любую высоту.

— Я знаю, на какую.

— Я бывал в «пузыре», — сказал Рейтмайер.

— Восемьдесят тысяч футов.

— Этот сукин сын запрашивает сведения о ветре на высоте восемьдесят тысяч.

— Что невозможно по определению, — ответил Хайндел.

— Я настраивал перехват. Я слышал. Загадочный тип разговаривает.

Первый морской пехотинец, Дональд Рейтмайер, был мощного квадратного телосложения, с ленивой походкой — казалось, будто его ноги вязнут в песке. Он смотрел, как подъезжает тягач, чтобы отбуксировать самолет в отдаленный ангар. Самолет будут сопровождать люди с автоматами, затем они окружат ангар. Рейтмайер снял фуражку и указал ею на человека, который шел в их сторону по дымящемуся гудрону, худощавого, с опущенной головой, одно плечо ниже другого. Тот самый морской пехотинец, который наблюдал за посадкой самолета от радарного

кожуха.

— Это Оззи. Очень на него похоже.

Хайндел крикнул:

— Освальд, пошевеливайся!

— Еще чути-чути! — воззвал Рейтмайер на местном пиджине.

— Не помирай на ходу.

— Живее давай, живее.

Втроем они пошли к казармам.

— Он летает высоко, это мы знаем, — сказал Рейтмайер, — остается вопрос, как далеко он летает и что делает там, куда долетает.

— Далеко в Китай, — сказал Освальд.

— Ты-то откуда знаешь?

— Логика и здравый смысл. И еще в Советский Союз.

— Его называют служебным самолетом, — сказал Хайндел.

— Это шпионский самолет. Он называется «У-2».

— Ты-то откуда знаешь?

— Из простых фактов, большей частью, — ответил Освальд. — Кое-что понятно и так, а то, чего не знаешь, довольно легко выяснить. Видели здания за ангарами в восточном секторе? Это называется «объединенная техническая консуль-

тативная группа». Но это все лапша на уши, на самом деле там прячутся шпионы.

— Ну, блядь, ты знаток, — сказал Рейтмайер.

— А ты думал, у них там общежитие для спортсменов?

— Ты бы лучше молчал о таких вещах.

— Я хожу на инструктаж. Я знаю, о чем нужно молчать.

— Ты что, не видишь вооруженных охранников?

— А я что говорю, Рейтмайер? К этой базе без допуска близко не подойдешь.

— Ну вот и заткнись тогда.

— Только представьте себе: полет над Китаем, — сказал Хайндел. — Китайские просторы.

— Китай не такой уж просторный, — ответил Освальд. — Не сравнить с Советским Союзом.

— А он какой по площади?

— Проехаться бы как-нибудь вдоль и поперек Союза на поезде. Поговорить с людьми. В России меня больше притягивают идеи, а не площадь.

— Какие идеи? — спросил Рейтмайер.

— Почитай книжку.

— Ты всегда говоришь «почитай книжку», будто там есть ответы на все вопросы.

— Может, и так.

— А может, и нет.

— Тогда почему я соображаю лучше тебя?

— Ты тупее меня.

— Но все-таки не тупее офицера, — встрял Хайндел.

— Тупее офицера не бывает, — ответил Освальд.

Они прозвали его Кроликом Оззи за поджатые губы, ямочки на щеках и быстроту движений при потасовках в казармах или в баре за территорией. Ростом он был пять футов и девять, весил сто тридцать пять фунтов, глаза голубые, скоро восемнадцать, оценки по поведению и квалификации повышались, потом падали, опять повышались и опять падали; количество очков, которые он набирал на стрельбище, было столь же неустойчивым.

Хайндела без особых на то причин называли Хайделом.

Он ходил в кино и в библиотеку. Никто не догадывался, с каким трудом ему даются простые английские предложения. У него не всегда получалось четко представить словесный образ. Писать было еще труднее. Когда он уставал, то мог правильно написать лишь пять слов подряд; даже в маленьком слове тяжело было не менять

буквы местами.

Этой тайной он ни с кем не делился.

У него был пропуск в увольнительную, яркая гавайская рубашка, из-за которой он чувствовал себя самозванцем в собственной шкуре, и место у окна в поезде на Токио.

Свидание организовал Рейтмайер, объяснив Ли, что от него требуется лишь появиться в нужном месте в нужное время и улыбнуться своей искренней американской улыбкой. И тысяча запретных удовольствий у него в кармане.

Добро пожаловать в Японию — страну раздвижных дверей и узкоглазых шлюх.

Он шел невидимкой сквозь многослойный хаос сумеречного Токио. Шел около часа, глядя, как неоновый свет пробивается через транспортный смог, бросаются в глаза английские слова: «ПОТРЯСАЮЩЕ ПОТРЯСАЮЩЕ», шел под трамвайными проводами, мимо лапшевен и баров. Он видел японских девушек, что разгуливали под руку с шестерыми военнослужащими США — с виду повара или пекари, совсем щенки, на каждом — куртка с вышитым драконом. Шел 1957 год, но Ли казалось, что эти солдаты ведут себя как чванливые вояки, боевые ветераны, загребающие все подряд своими крюками для мяса.

Он шел по лабиринтам узких улочек, где толпились покупатели. Он был на редкость спокоен. Сейчас он находился вне базы, вдали от соотечественников, вдали от Америки, и это притупляло его настороженность, расслабляло напряженную кожу.

Он проверил по бумажке, как ее зовут.

Вдоль переулков горели фонари. Он видел безногого с аккордеоном, туловище человека сидело на странной металлической подставке, как швейная машинка «Зингер», на груди болталась картонка с иероглифами.

Мицуко ему понравилась: девушка с детским личиком, несколько бесформенная, в юбке, белой блузке и платке на голове; она ждала у знака с надписью «ВХОД ДЛЯ СОЛДАТ». О месте свидания условился Рейтмайер — улочка дешевых игровых автоматов.

Она отвела его в салон патинко — длинную узкую комнату, заполненную людьми, которые прижимались к прямоугольным автоматам. Они пытались загнать стальной шарик в крохотную дырку. Автоматы издавали фабричный грохот, наподобие типографского, наверное. Найдя свободное место, девушка нажала на рычаг, запускающий шарик. Это было сигналом к

впадению в нирвану, или как они там называют свое абсолютное состояние. Она уставилась на серый круг, глядя, как вращается шарик. Люди проталкивались в комнату: студенты, пожилые дамы в кимоно, люди, с виду образованные, с высокооплачиваемой работой — все они ждали, когда освободится автомат. К некоторым выстраивались очереди человека по три, люди терпеливо переносили шум и табачный дым, как будто их не касалось ничего, кроме серого скачущего шарика.

Он проверил по бумажке, как ее зовут.

Два часа спустя они оказались в комнате с раздвижными ширмами и соломенными циновками. Что-то подсказало ему, что квартира не ее. Будто имитация под японское жилье. На стене висел шелковый свиток, только скорее всего это был не шелк. Краем глаза он заметил настенный календарь над туалетным столиком, несколько брусков мыла «Лайф-буй». Она сняла босоножки. Он никак не мог поверить, что находится на легендарном пороге того самого траха. Той темы бесконечных обсуждений, перешептываний, смеха и воплей во всех известных ему казармах. Он застыл, глядя на первую обнаженную девушку в своей жизни, взрослую, не из журнала. В голой

женщине есть нечто значительное. Он чувствовал себя другим, серьезным, неподвижным. Он был частью некоего мирового потока. Потом ее рука оказалась у него в штанах, как нечто обыденное, будто бы она повернула кран. Он разделся, аккуратно сложил рубашку с развевающимися пальмами. Это событие ждало своего часа. С того дня, как он родился, комната поджидала его здесь, ждала, когда он войдет в дверь. Нужно было только войти в дверь, слиться с потоком вещей.

Надо ли ей заплатить? Рейтмайер не предупредил. Он со стороны наблюдал, как занимается с ней сексом. Он находился отчасти вне происходящего. Занимался сексом и следил за этим, ожидая, когда же наслаждение овладеет им, захлестнет прибойной волной, согнет деревья. Он, скорее, думал о том, что происходит, нежели видел, хотя и видел тоже.

В следующие выходные он дежурил, но как только выдалась возможность, вернулся в Токио. Выяснилось, что она берет у него деньги только для того, чтобы играть в патинко. На патинко она была помешана, подсела на эту игру, как наркоман, часами простаивала у автоматов в чужом плаще. Он выходил, возвращался, снова выходил, заходил в стрип-клубы и ковбойские

бары. Стоял у входа и смотрел, как она играет. Люди протискивались в комнату. То и дело кто-то выигрывал приз: упаковку сладостей в форме листиков. Он глядел, как она рассеянно почесывает левую щиколотку правой ступней.

Странные дни на сказочном Востоке.

На этот раз она привела его в большой многоквартирный дом поблизости от фабрик и нефтехранилищ. Пахло серой и нечистотами после отлива. Из окна он видел реку, но не знал, как она называется. Мицуко сказала, что ей тридцать четыре года. Странные дни и ночи. После того как они оделись, в комнату вошел мужчина, проскользнув через тени, молодой, тощий, он чувствовал себя в этой комнате как дома. Казалось, он воспринял Ли как нечто само собой разумеющееся, вел себя так, будто знал обо всем, что Ли когда-либо говорил и делал. Он искал свой плащ.

Ли так и не понял, кем этот человек приходится Мицуко. Брат, кузен, любовник, наставник или своего рода телохранитель, хотя явно не сутенер (поскольку денег она не брала). Ли встречал его несколько раз за следующие две недели. Он оказался интересным, этот тип по фамилии Конно, с волнистыми волосами и в темных очках.

Постоянно курил «Лаки Страйк», разбирался в американском джазе, знал имена, которые Ли ни о чем не говорили. Они рассуждали о политике. Пили пиво и джин, которые приносил Ли, но сам он потягивал алкоголь только из вежливости. Конно говорил по-английски очень прилично, лучше, чем начинающий. Он носил потрепанную одежду, потертые ботинки и черный шелковый шарф — всегда, и на улице, и дома.

Осенняя сырость вступила в свои права. Фонарный свет мерцал в хитросплетениях переулков с деревянными домами и лавчонками. Они отняли у него простор Америки. Не то чтобы это много для него значило — его простор, в сущности, был постоянным блужданием, ложью, прикрывавшей маленькие комнатки, телевизор, нескончаемую болтовню матери. Луизиана, Техас — все это ложь. Бессмысленные места, что обвивались вокруг тесных комнатушек, куда он все время попадал. Здесь же в миниатюрности имелся смысл. Бумажные окна и комнаты-коробки — все это было хорошо продуманной формой благополучия.

Мицуки ввела его в страну «нудо». Рекламные щиты, фотографии, листовки, объявления на фонарях, обнаженные фигуры в киосках и театрах,

неоновые и бумажные ню, голые фотомодели под разноцветными огнями, необычайно бледные при искусственном розовом свете. Улицы, блестящие от дождя, похожие на улицы его грез, киношные тени и мужчины в темных плащах, надутые губки Мицуко, язык ее вздохов и намеков, грезы о неподвижности, пик вожделения, ее ноги слегка раздвинуты, руки вдоль туловища.

Она не делала того, что обещал Рейтмайер, но Оззи и не просил об этом.

В радарной он работал с энтузиазмом, отмечал перехваченные траектории, проверял на осциллографе движение электронов, которое говорило о наличии воздушного транспорта в данном секторе.

Во время ночных дежурств он завязывал беседы с офицерами, задавал им вопросы о мировых проблемах. Выяснилось, что он осведомлен лучше. Они не знали элементарных вещей. Имен лидеров, типов политических систем. Младшие офицеры, типичные студентики, не знали практически ничего, и это подтверждало его прежние подозрения о том, как устроен этот мир.

Потрескивающий голос запрашивал информацию о ветре на высоте восемьдесят тысяч футов, голос из-под купола ночи, вне мыслимых

пределов.

Рядом с базой имелись бары и девушки, но ему больше нравилось одному ездить в Токио, где он навещал Конно в громадном здании рядом с фабриками. Красноватый смог был настолько густым, что скрывал заходящее солнце. Конно курил «Лаки» и рассуждал о борьбе за существование. Он работал лифтером только на полставки, потому что биржи труда наводняли выпускники колледжей. Иногда появлялась Мицуко, и они с Оззи занимались любовью под странные бренчащие и звякающие блюзы Телониуса Монка, в которых, если подумать, есть что-то японское. Иногда Конно брал его с собой в «Пчелиную матку», ночной клуб с замысловатыми представлениями в зале и шикарными женщинами, плывущими сквозь завесу дыма, будто сотня официанток из ресторана «Говард Джонсонз» в юбках с разрезом. Ли время от времени недоумевал, что в подобном месте делают лифтер и рядовой первого класса.

Конно, сгорбившись, проходил внутрь, снимал плащ и волочил его за собой по полу, пока их провожали к столику на помосте; ниже располагались туристы, японские бизнесмены, американские офицеры, летчики-контрактники

(в любую погоду их легко узнать по рубашкам с коротким рукавом и модным темным очкам). Конно прятал чеки в карман, причем казалось, что он никогда не платил. Однажды он познакомил Ли с официанткой по имени Тэмми, женщиной в серебряном платье и с блестящим гримом.

Конно верил в бунты.

Конно считал, что США воспользовались зарождением конфликта в Корее, а здесь, в Японии, проводили эксперименты с веществом под названием «лизергиновая кислота».

Жизнь — борьба, считал он. Борьба состоит в том, чтобы влить свою жизнь в великий прибой истории.

Чтобы установить подлинный социализм, говорил он, нам нужно сначала укрепить капитализм, повсеместно, беспощадно, а затем постепенно уничтожить его, похоронить в море.

Он был членом Общества японо-советской дружбы, Японского мирного совета, Японо-китайской ассоциации культурного обмена.

Иностранный капитал, иностранные войска захватили господство в современной Японии, говорил он.

Все иностранные войска — это войска США. Всякий западный человек — американец. Вся-

кий американец служит делу монопольного капитала.

Тэмми сводила Ли в буддистский храм.

Однажды ночью в «Пчелиной матке» Конно объявил, что Первую эскадрилью наведения авиации, подразделение Ли, скоро отправят на Филиппины. Для молодого морпеха это оказалось новостью. Он только начал привыкать к Японии. Ему нравилось приезжать в Токио. Он рассчитывал на продолжение дискуссий с Конно, который мог оспаривать позицию Ли с исторической, а не только личной точки зрения, оспаривать из пепла, из перестроенных обломков разрушенного пейзажа и экономики.

Зачем усылать его отсюда именно теперь, когда жизнь для разнообразия стала налаживаться, когда у него появилось, чего ждать: женщина, с которой время от времени можно забраться в постель, люди, с которыми можно поговорить, которые не считают его тенью?

Они отправились в дом рядом с рекой. Конно расхаживал по комнате, дергая за концы своего шелкового шарфа. Он дал понять, что некоторые люди наслышаны о рядовом первого класса Освальде и восхищаются его политической зрелостью. Сказал, что люди с подобными взглядами

на мировые проблемы могли бы что-нибудь осуществить, обосновавшись в определенных местах и в пределах досягаемости друг для друга. Он подарил Ли пистолет — скромный, маленький и посеребренный, крупнокалиберный, двухзарядный — и попросил раздобыть немного «Лаки» на базе.

Рейтмайер попытался приподнять его и перевернуть вверх ногами, ухватив сзади за промежность и воротник рубашки, — бессмысленная молодецкая забава, — но запутался, и одна его рука оказалась у Оззи в боковом кармане, а другая под мышкой, причем жертва висела более или менее параллельно полу и молотила ногами по дверному косяку. Сперва Оззи отвечал веселыми удивленными воплями, загребая воздух руками и ногами; потом, когда Рейтмайер продолжил грубо дергать его, отказываясь признать, что ничего не выходит, и попытался кувырнуть колесом, Ли яростно зашептал ультиматумы и отрывистые угрозы; затем сделал отчаянную попытку высвободиться и чуть не разрыдался от бессилия, как ребенок, извивающийся в силках, красный от злости; в конце концов совершенно обмяк, и это принесло ему некое тайное удовольствие, знакомое, предательское, отвратительное.

Как-то вечером в Токио он забрел в бар, который походил не то на притон, не то на театр кабуки — а может, на то и на другое. Посетители были только мужского пола, а официанты или официантки — по мере того как его глаза привыкали к темноте, они становились все больше похожи на мужчин — одеты в яркие кимоно и высокие кудрявые парики, губы четко накрашены, лица покрыты белилами. Познавательно. Рядом зашуршали — официант ждал, чтобы проводить его к столику, но Оззи тихонько направился к выходу, чувствуя, будто за ним следят, будто он странный, ненормальный, чудной. Открыв дверь, он заметил на улице знакомую фигуру. Мимо проходил Хайндел, морской пехотинец из его подразделения. На мгновение Оззи запаниковал. Не хотелось, чтобы видели, как он выходит из подобного заведения. В казарме надраят полы его шкурой, если пройдет такой слушок. Они вываляются в своем чудовищном веселье, как свиньи в грязи. Оригинал-одиночка пойман на выходе из гей-бара. Он отступил в полумрак и заказал пива, не спуская глаз с улицы. Хайндел в черной куртке с прыгнувшим тигром на спине. Оззи пил пиво и оглядывался по сторонам. Темнота пугала. Со стен звучала жалобная музыка.

Он поймал такси и поехал в район, где жил Конно. Химический дым валил из заводских труб и с верфей. Бритоголовые мальчишки вылетали на велосипедах из переулков и проносились по ухабистой улице, пригнувшись к рулю, будто профессиональные гонщики.

«Хайдел» означает «помалкивай».

Дома никого не оказалось. Заблудившись, он прошел несколько миль, пока не обнаружил еще одно такси. Он поехал в «Пчелиную матку», его приветствовала официантка, чья единственная обязанность заключалась в том, чтобы кланяться входящим гостям. Конно в одиночестве сидел за столиком У стены. Они долго говорили. Девушки в купальниках фланировали по сцене, виляя бедрами перед бизнесменами и офицерами армии США. Просторное заведение, шумная толпа. Конно, усталый и охрипший, чем-то заболевал. Тишина за столиком. Затем Ли довел до сведения Конно, что видел в Ацуги кое-что интересное: самолет под названием «У-2».

Он замолк и прислушался к себе. Он занимал островок спокойствия посреди ритмичной музыки и аплодисментов. Он не вполне осознавал окружающее, да и самого себя, и говорил не столько с Конно, сколько с человеком, которо-

му Конно обо всем доложит, с кем-то оттуда, из свободного мира, с коллекционером небрежных реплик, со специалистом, живущим во тьме, как те мужчины с яркими губами и в париках из крученого шелка.

Он уточнил, что самолет выходит за пределы видимости радара. Набирает высоту на пять миль выше известного рекорда. Предположил, что самолет оснащен потрясающими камерами и предназначен для полетов над территорией противника.

Он почти не замечал, как говорит. Вот что интересно. Чем больше он говорил, тем сильнее чувствовал, что мягко разделяется надвое. Все это было так далеко, что он не придавал значения своим словам. Он ни разу не взглянул на собеседника. Сидел в полном спокойствии, пуская фразы по течению. Конно изучал его, прислушивался, нервный, давно не бритый, нюхал прокуренные пальцы — эта его привычка будто бы говорила, что ему все время не хватает чего-то, не хватает до смерти. Ли спокойно продолжал говорить. Десять тысяч лет счастья, или что там означает их «банзай».

Он дал понять, что вычислил скорость взлета «У-2». Он не назвал ее, но принялся излагать дру-

гие, менее важные подробности, проверяя знания Конно в технике, отчасти — читая лекцию, указывая на огрехи в системе безопасности базы.

Мужчина в белом смокинге поименно представил красавиц в купальниках. Искренние аплодисменты. Двое вышли в холодную ночь. Было темно и тихо, и Ли плотнее запахнул ветровку. Конно стоял на полусогнутых ногах и курил, съежившись на ветру, глядя на пустую неоновую улицу.

Что останется, если от «Ли» отнять «и»?

Что останется, если в «Хайдел» спрятать «эл»?

«Хайд» по-английски — «спрячь».

«Хайдел» значит «спрячь Л».

Не рассказывай.

Белые иероглифы. Латинские буквы, мигающие в темноте. Конно сказал, что они ждут знакомую официантку, Тэмми, и казалось, его это слегка удручало — вероятно, ему хотелось спать. Она вышла из боковой двери в полиэтиленовом дождевике, в шляпе и разношенных калошах, казалось, она предвкушает заслуженный отдых. Надеется, что салон патинко неподалеку еще открыт. Она собиралась играть в патинко.

Радарщик по фамилии Бушнелл карабкался по наружной лестнице к себе в казарму, когда

услышал резкий звук, одиночный удар, будто линейкой щелкнули по парте. Хотя нет, пожалуй, не так. Больше похоже на тихий хлопок, вроде двухдюймовой шутихи. Впрочем, и на шутиху не похоже. Даже совсем не похоже. Наверное, просто хлопнули дверью.

Он вошел и увидел Оззи — тот сидел на солдатском сундучке, один во всем отсеке, с обычной улыбочкой на лице. В правой руке он держал крохотный пистолет, а по левой, над локтем, тонкой струйкой стекала кровь.

— Кажется, я себя ранил, — сказал он.

Сценка была безукоризненна. Бушнелл подумал, что реплика Оззи прозвучала, будто очаровательное историческое высказывание, прямо как в кино или сериале.

— Где ты взял пистолет? Вот о чем подумал бы дежурный офицер, который случайно тут оказался.

— Может, все-таки сделаешь что-нибудь?

— Чего, например, тебе хотелось бы?

— Например, санитара.

— А что там с тобой? Кровь течет? По-моему, похоже на порез от бритья.

— У меня в руке дырка.

— Оззи, ты что, уже бреешься? Я слышал, твоя

мамочка бреется, а ты еще нет. И что будет, когда они увидят пистолет?

— Это несчастный случай.

— Чушь. Лучше бы стрелял из своего сорок пятого калибра.

— И отстрелил бы себе руку.

— Зато он стоит на вооружении, засранец. Что ты им скажешь? «Я нашел пистолет на тротуаре среди бела дня»?

— Но я его действительно нашел.

— Господи, Оззи, от тебя сдуреть можно. Ты сидишь здесь один. А если бы я не вошел? Так бы сидел и ждал? Чего я не люблю, так это плохих расчетов.

— Но я все-таки ранен.

— Охуеть.

— У меня кровь идет, Бушнелл.

— И поделом. Тебе, блядь, как раз бы побелеть и окочуриться. Со своими трюками. Это самый старый трюк в мире. Думаешь что, они придут и скажут: «Все нормально, ты ранен, Освальд, останешься здесь, а остальные пускай грузят свои задницы на корабль и выметаются в море»?

— Но я ведь ранен. Думаю, примерно так они и скажут.

— И даже не посмотрят на то, что кость у те-

бя, судя по всему, не задета. Точно говорю, они передадут дело в военный трибунал, как только увидят, что оружие неуставное.

— Я достал пистолет из шкафчика, чтобы сдать его начальству, а он вдруг выстрелил.

— Расскажи еще, какой он маленький и славный.

— У меня кровь идет.

— Тебя в любом случае отдадут под суд за неправомерные действия. Все равно что винтовка с резиновыми пулями.

— Он выстрелил, когда я уронил его. Я поднял его с пола, при этом у меня закружилась голова, и я подумал, что у меня шок, так что я запер шкафчик, попытался сесть, и тут ты меня нашел.

— Мне-то не рассказывай. Им будешь рассказывать, умник.

— Ты только приведи санитара, Бушнелл. Кто-нибудь должен меня вылечить. Я же раненый морской пехотинец.

ДИАГНОЗ: ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ РАНЕНИЕ, ЛЕВОЕ ПЛЕЧО ПРОСТРЕЛЕНО, КОСТЬ И НЕРВЫ НЕ ПОВРЕЖДЕНЫ № 8255

1. При исполнении (произведение работ).

2. Пациент уронил автоматический пистолет 45-го калибра, при падении на пол пистолет выстрелил, и пуля попала пациенту в левую руку, причинив ранение.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ:

Мужчина, 18 лет, случайно прострелил себе левую руку из пистолета 22-го калибра (согласно отчету). При обследовании обнаружена входная рана в средней доле левого плеча, чуть выше локтя. Повреждений нервной системы, кровеносных сосудов или кости не обнаружено. После заживления входного отверстия пуля была извлечена с помощью специального надреза на два дюйма выше раны. Пуля имеет 22-й калибр. Рана благополучно зажила, пациент выписан для дальнейшего несения службы.

ХИРУРГИЯ: 10-5-57: ИНОРОДНОЕ ТЕЛО, ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ КОНЕЧНОСТИ, ЛЕВОЕ ПЛЕЧО № 926.

Открытка № 1. На борту военного корабля США «Террел Каунти» в Южно-Китайском море. Оззи сидит на корме с Рейтмайером, считает дни

учений при испепеляющей жаре, сомневаясь, доведется ли когда-нибудь вновь увидеть землю.

— Давай поучу тебя играть в шахматы, что скажешь?

— Отъебись.

— Для твоего же блага, дурак ты, Рейтмайер. И потом, надо же как-то время убить.

— Ебал я тебя в задницу.

— Лучшие игроки в мире обычно русские.

— Вот их я и подавно ебал бубями.

Они, оцепенев, сидели в струящемся свете.

Открытка № 2. Коррехидор, военные руины. Джон Уэйн приезжает навестить истосковавшихся по дому моряков Первой эскадрильи наведения авиации, прервав работу над фильмом, съемки которого идут где-то на Тихом океане. Оззи несет суточный наряд на кухне, он теперь все время дежурит по кухне, но ему удается краем глаза взглянуть на знаменитость, обедающую с группой офицеров, — ростбиф с подливкой, который он помогал готовить. Он хочет подойти поближе к Джону Уэйну, сказать что-нибудь подобающее. Джон Уэйн разговаривает и смеется. Странно и жутковато видеть экранную улыбку в реальной жизни. Поднимает настроение. Этот человек вдвойне реален. Он не мошенничает, не обманы-

вает ничьих ожиданий. Когда Джон Уэйн смеется, Оззи улыбается, светится, практически растворяется в собственном сиянии. Кто-то фотографирует Джона Уэйна с офицерами, и Оззи интересно, будет ли на заднем плане, в проходе, видна его собственная улыбка. Пора возвращаться на кухню, но он еще на секунду задерживается, глядя на Джона Уэйна, вспоминая, как перегоняли скот в «Красной реке», какой был потрясающий момент ожидания перед началом сцены. Все замерло, быки нервничают, всадники в рассветных лучах, холмы на горизонте, низкий уверенный голос стареющего Джона Уэйна, успокаивающий голос, в котором столько оттенков чувств, Джон Уэйн решительно говорит приемному сыну: «Отгони их в Миссури, Мэтт». Лошади встают на дыбы, замыкающие улюлюкают, музыка, воодушевляющая песня, честные небритые лица (этих людей он будто бы знал всю жизнь), вся слава и пыль великого пути на север.

Он читает Уолта Уитмена на развалинах госпиталя.

Кое-что о Конно. Он никогда не обращался лично к Освальду. Казалось, он декламирует, наговаривает в диктофон. Его манера была начисто лишена гибкости. Он не замечал индивидуаль-

ности собеседника.

Еще кое-что. Формально говоря, он влип по уши. Он не знал терминологии, словосочетаний и марок авиационной электроники, подробностей разведки на большой высоте. Лифтер. Ха-ха.

Ли не выдал, что ранил себя из пистолета, полученного от Конно. Во-первых, потому, что план остаться в Японии все равно провалился. Во-вторых, и это важно тоже, он не хотел давать Конно понять, что подпал под его влияние.

Не разговаривать.

Стоять по стойке смирно, пока не будет других указаний.

На белое не наступать ни в коем случае. Пол местами выкрашен белой краской. До белого не дотрагиваться. В проходах прочерчены белые полосы. Не наступать и не пересекать эти полосы. Все писсуары расположены за белой чертой. Чтобы помочиться, нужно получить разрешение.

Бьют всегда между грудью и пахом, так что синяки не видны. Такова традиция. Или охранник надевает тебе на голову ведро и колотит по нему дубинкой.

Если тебя сажают в карцер, охранник будет поливать его из брандспойта, пока ты там.

Есть особые приспособления для наказания:

«дыра», «коробка», «клетка» — названия, живо знакомые по кино.

Нельзя ходить, если есть место для бега. К контейнеру и обратно нужно бежать. Останавливаться у каждой белой черты и ждать разрешения пересечь ее. По тюремному двору передвигаться бегом, с мотыгой в положении «на грудь».

Во время обработки ходить нагишом, держать мешок с пожитками над головой на вытянутых руках и выкрикивать «так точно» и «никак нет» на малейший звук. Мешок разрешается опустить на плечи, только когда наклоняешься, чтобы твое анальное отверстие проверили на предмет печатного материала, наркотиков, алкоголя, орудий для подкопа, телевизоров, средств самоуничтожения.

Такова гауптвахта в Ацуги, многоэтажное каркасное здание с цементными полами, большим количеством складов, офисов и отсеков, территорией тюремных надзирателей и большим помещением, огороженным мелкой проволочной сеткой, где стоит двадцать одна койка. Помещение набито под завязку. Новых заключенных размещали в шести бетонных камерах вдоль коридора, размеченного белыми полосами. Камеры планировались как одиночные, но летом

наступал сезон неудачников, беглецов, воришек, головорезов, людей чувствительного темперамента, так что у Освальда имелся товарищ по камере, Бобби Дюпар, тощий негр с грустными глазами, волосы и кожа отливали медью.

Освальд, которого посадили первым, занимал койку, привинченную к полу. Дюпару выделили шаткую раскладушку и матрас, кишащий плоскими кусачими насекомыми — по мнению Дюпара, если такую тварь раздавить ногтями, она распадается надвое, затем их становится четыре, восемь, и они снова лезут в свои хлопчатобумажные гнезда, чтобы размножиться еще, так что нет смысла даже и пытаться их извести.

Ночью они разговаривали шепотом.

— Говоришь, когда их убиваешь, они размножаются?

— Я говорю, что их нельзя убить. Эти твари слишком мелкие.

— Спи поверх одеяла, — посоветовал Освальд.

— Они проберутся через него. Прогрызутся насквозь.

— Прогрызаются термиты.

— Слушай, Джим, я годами живу с этими тварями.

— Положи одеяло на пол. Спи на полу.

— Пол наполовину в белых линиях, они как в воду глядели. И все равно, эти вши спрыгнут на меня.

Почти голые стены, простые предметы, простые потребности. Чувства Освальда резко обострились. Он ощущал привкус железа на языке. Слышал голоса от проволочной сетки, охранники рычали, будто крупные псы. Когда они поливали из брандспойта пол в камере, он чувствовал запах земли, залитой в бетон — галька, гравий, шлак и дробленый камень, все перемешано с аммиаком, словно добавили презрения.

Дюпар был родом из Техаса.

— На первом месте по числу убийств, — сказал Освальд.

— Точно.

— Откуда именно?

— Из Далласа.

— Я сам из Форт-Уорта, время от времени там бывал.

— Соседи. Надо же. Сколько тебе лет, паренек?

— Восемнадцать, — ответил Освальд.

— Ребенок. Они бросают детей в тюрьму. Сколько тебе здесь куковать?

— Двадцать восемь дней.

— За что тебя?

— Сперва я случайно выстрелил себе в руку, за что меня отдали под трибунал, но приговор отложили.

— Если выстрелил случайно, к чему они придрались?

— Сказали, что я использовал неуставное оружие. У меня было личное оружие.

— Которое они тебе не выдавали.

— Которое я нашел. Но им это неважно, ведь оружие неуставное.

— Приговор они отложили, и что дальше?

— Потом был второй трибунал.

— Похоже, кое-кто искушает судьбу.

— Это была случайность. Ничего больше.

— Я верю.

— Там был сержант Родригес, все время посылал меня дежурить на кухню. Он меня не любит, и это взаимно, будь уверен. Так что мы ругались не раз. Я дал ему понять, что мне не нравится быть козлом отпущения. Он ответил, что меня не подпускают к радарной установке из-за трибунала, плюс общие требования, то есть он сказал, моя одежда и поведение не соответствуют стандартам. Я увидел его в местном баре и подошел. Я ему все высказал. Что хочу уйти с этой лакейской работы. Мы стояли лицом к лицу. Он

думал, я выскажусь и уберусь. Но я так и стоял. А народ собрался вокруг. Я уже начал соображать: потенциальные свидетели. Я высказал ему все, что думал. Вот и все. Не особо умничал. Говорил просто и ясно. Я сказал, что хочу справедливого обращения. Просто сказал, не поддевал его. А он сказал, я его дразню. Сказал, что драки я не дождусь. Дело того не стоит. А то его разжалуют или в таком духе. Кое-кто начал нас подстрекать. Говорили: Родригес, наддай ему хорошенько. Но я не пытался вызвать его на драку. Я отстаивал свои права. Он обозвал меня *marikon.*[7] Прошипел мне *«marikon»* с такой довольной улыбочкой. Я сказал, что знаю это слово. Слышал его от пуэрториканцев. Я знаю такие слова. Он сказал, что он не пуэрториканец. Я ответил: тогда не выражайся, как пуэрториканец. Тут все накалилось. Вокруг нас толпился народ. Меня кто-то толкнул, и я облил Родригеса пивом. Случайно облил. И сказал: ты видел, что меня толкнули. Так и сказал. Я не извинился, не стал оправдываться. Я же не виноват. Вокруг все толкались. Я только отстаивал свои права военного.

— Тише ты, — шепнул Бобби.

---

[7] Примечания: 7
Педик *(исп.).*

— Вот и вышел второй трибунал. Но на этот раз я защищался. Допрашивал Родригеса как свидетеля. Постановили, что я не виновен в обливании его пивом, а формально это нападение на старшего по званию.

— Тогда что ж мы тут лежим и разговариваем?

— Они сказали, что я виновен в менее тяжком нарушении. Незаконное использование провоцирующих слов в отношении штабного младшего офицера. Параграф один-семнадцать. Бац.

— И ворота захлопнулись, — сказал Бобби.

Он ходил в полинявшей форме, на которой были видны следы давно отпоротых сержантских нашивок. Он работал в полях, расчищал землю от камней и сжигал мусор. Охранник носил пистолет 45-го калибра и поворачивался к заключенным тем боком, на котором пистолет не висел. Говорить и отдыхать запрещалось. Они работали под дождем. В ту первую неделю зарядили проливные дожди, дожди на просторе, долгие и ритмичные. Над головами плыл дым, пахнущий мокрым недогоревшим мусором. Бессмысленная работа волочилась за ними целыми днями. Он думал, что с большой вероятностью попадет в офицерскую кандидатскую школу. Перед выходом в море сдал квалификационный экзамен на

капрала. Он был бы в хорошей форме, если бы не случай с выстрелом и с разлитым пивом. Он все еще мог быть в приличной форме. Он достаточно сообразителен, чтобы стать офицером. Вопрос не в этом. Вопрос в том, дадут ли ему стать офицером. Он стриг кустарник и расчищал поле от камней. Вопрос в том, станут ли они против него мухлевать.

— Меня сюда занесло как во сне, — шептал Дюпар той ночью. — Думаю, я уже покойник. Осталось дождаться, когда мне накидают землю на лицо.

— В чем тебя обвинили?

— Моя полка загорелась, и меня обвинили в поджоге. Но про себя я бы мог сформулировать это иначе. Другими словами, улики были неубедительны.

— Но ты поджег.

— Так прямо сказать нельзя. Я могу объяснить по-разному, и про себя буду уверен, что говорю правду.

— Ты не знаешь, хотел ли на самом деле поджечь. Ты просто думал, не сделать ли это.

— Ну вроде как: «Не уронить ли сигаретку?»

— И будто это случилось, когда ты так подумал.

— Как бы само по себе.

— И что, полка сгорела?

— Белье слегка подгорело, и все. Как если заснуть на десятую долю секунды с горящей сигаретой.

— А зачем ты хотел устроить пожар?

— Нужно как следует обмозговать, почему именно я это сделал. Потому что там явно психология.

— И что дальше?

— В общем, только одно. Я дезертировал.

— Почему?

— Потому что я хочу отсюда смотаться, — сказал Бобби. — Я не морской пехотинец. Вот и все. Они должны были просто понять и положить этому конец. Потому что чем дальше, тем меньше шансов, что я справлюсь с этим дерьмом.

В книгах о тюрьме, которые Освальд читал, всегда встречался старый ловкий мошенник, который наставляет более молодого сокамерника, дает практические советы, с философским размахом обсуждает мировые проблемы. Тюрьма располагает к обсуждению мировых проблем. Заставляет желать чьего-то опыта, знаний какого-нибудь седеющего человека с добрыми усталыми глазами, наставника, сведущего в этой

игре. Он не совсем понимал, кого подкинула ему судьба в лице Бобби Р. Дюпара.

На следующий день он вернулся после работ и обнаружил, что в камере двое охранников избивают Дюпара. Они не спешили. Сначала показалось, что происходит нечто другое: эпилептический припадок, сердечный приступ, но затем стало ясно, что это избиение. Бобби лежал на полу и пытался закрыться, а охранники по очереди били его по почкам и ребрам. Один сидел на койке Освальда, нагнувшись, и наносил короткие удары левой, будто заводил лодочный мотор. Второй стоял на одном колене, закусив губу, и задерживал кулак, чтобы прицелиться и не попасть по скрещенным рукам Бобби. Лицо Бобби говорило: должно же это когда-нибудь закончиться. Он очень старался, чтобы им не удалось добиться своего.

Они обозвали его кучерявым бараном. Он слегка улыбнулся, будто лишь слова и могли пробудить его интерес. Они снова принялись его лупить.

Освальд остановился у белой черты снаружи камеры. Он подумал, что если будет стоять неподвижно, глядеть в сторону, терпеливо дожидаясь, пока они закончат, чтобы попросить разрешения

пересечь черту, возможно, они снизойдут и впустят его, не избивая.

Он ненавидел охранников, но втайне становился на их сторону по отношению к некоторым заключенным, считал, что те получают по заслугам, жестокие идиоты. Он чувствовал, как его злоба постоянно меняет адресата, испытывал тайное удовлетворение, терпеть не мог тюремный распорядок, презирал людей, которые не могли ему следовать, хотя знал, что режим продуман так, чтобы сломать их всех.

Когда кого-нибудь из проволочного заграждения выпускали обратно в подразделение, кого-то из одиночных камер переводили на его место.

Стоило кому-то из проволочного заграждения проштрафиться, его сажали в одиночку, на сухой паек, и устрашающе пристально наблюдали за ним.

Если проштрафился обитатель камеры, его бросали в дыру, камеру, меньшую по размеру, чем стандартная, с земляным полом и входным отверстием, куда разве что кошка пролезет.

Из-за переполненности заключенных постоянно перемещали, происходило множество церемоний у белых линий, проверок, обысков, вымогательства, неразберихи.

В ночь избиения Дюпар молчал, хотя Оззи знал: тот не спит.

В камере он пытался ощутить ход истории. Эта история сошла со страниц Джорджа Оруэлла, место, где нет выбора. Он видел, что с самого дня своего рождения шел сюда. Эту тюрьму создали специально для него. Просто по-новому назвали тесные комнатушки, в которых он провел жизнь.

Однажды он сказал Рейтмайеру, что коммунизм — единственная истинная религия. Он говорил серьезно, но также хотел произвести впечатление. Рейтмайер бесился, когда он называл себя атеистом. Считал, что нужно дожить лет до сорока, чтобы претендовать на такое звание. Подобную позицию можно выработать лишь за годы упорного труда, наподобие руководящей должности в профсоюзе водителей-дальнобойщиков.

Не исключено, что тюрьма — тоже разновидность религии. Тюрьма вообще. То, что проносишь через всю жизнь, противодействие политике и лжи. Она западала в душу глубже, чем то, что вещают с кафедры. Она заключала в себе неоспоримую истину. Он с самого начала шел сюда. Неизбежно.

Троцкий в Бронксе, всего в нескольких кварталах от него.

Возможно, так и нужно: индивидуум должен позволить увлечь себя, оказаться в потоке без выбора, текущем в одном направлении. Так и получается неизбежность. Ты используешь созданные ими ограничения и наказания, чтобы укрепить дух. История означает «слияние». Цель истории в том, чтобы выбраться из собственной шкуры. Он читал слова Троцкого, что революция выводит нас из тьмы отдельного «Я». Мы вечно живы в истории, вне «Эго» и «Ид». Он точно не знал, что такое «Ид», но был уверен, что оно спрятано в слове «Хайдел».

В коридоре горела голая лампочка. В полумраке, на своей кишащей насекомыми раскладушке, сидел Дюпар, уставясь в пустоту. Его костлявые запястья торчали из рукавов выцветшей рубашки. Он был нескладным, и казалось, будто ему шестнадцать, будто он неуклюжий и шумный, но он прекрасно бегал — по тюремному двору, в уборную, не спуская глаз с белых линий. Вытянутое лицо запуганного недотепы, пыльные рыжевато-коричневые волосы. В глазах, которые он быстро отводит в сторону, настороженность и боль. Освальд лежал неподвижно, слыша гул

здания, мощное дыхание, жестокость, тяжелый сон. Дюпар разделся, забрался под одеяло и принялся мастурбировать, отвернувшись к стене. Освальд глядел, как дергается его плечо. Затем сам отвернулся к стене, закрыл глаза и волевым усилием попытался заснуть.

Хайдел означает «помалкивай, гад».

«Ид» — это ад.

Дерганый Джекил и Хайд в одной камере — полный отпад.

Освальд стоял у белой черты перед писсуаром. Охранник прохаживался рядом, с любопытством глядя на него: чем бы нам тут поразвлечься?

Освальд попросил разрешения пересечь черту.

— Я вот гляжу на твою стрижку, говнюк. Какой длины должны быть сзади волосы у основания шеи?

— Нулевой.

— И что же я вижу?

— Не знаю.

Охранник толкнул его, Освальд пошатнулся и переступил черту. Повернувшись, чтобы шагнуть обратно, он посмотрел этому человеку в лицо. Вытянутая голова, проблески разума, маленькие горящие глаза.

Освальд снова повернулся к писсуару и попро-

сил разрешения пересечь черту.

— Я вот гляжу на твои бачки. На что я гляжу?

— На мои бачки.

— Волосы на бачках в полную длину не превышают чего?

— Одной восьмой дюйма.

Охранник потянул его за бачок большим и указательным пальцами, скрутив волосы для полноты ощущений. Освальд наклонил голову в ту же сторону, не столько чтобы облегчить боль, которая не была сильной, сколько чтобы показать, что он не намерен стоически терпеть в подобных обстоятельствах. Охранник отпустил волосы и стукнул его по голове запястьем.

Освальд попросил разрешения пересечь черту.

— Длина волос на макушке не превышает скольких дюймов?

— Максимум трех.

Он ждал, что охранник загребет его волосы в горсть.

— Ширинка брюк висит как, и что не делает, когда что?

— Ширинка брюк висит вертикально и не расходится, когда молния расстегнута.

Охранник потянулся и ухватил его за яйца.

— Знаю я таких.

— Так точно, сэр.

— Я чую таких за версту.

— Так точно, сэр.

— Таких, которые не умеют терпеть боль.

— Так точно, сэр.

— Сопля ты, а не морской пехотинец.

Какой-то заключенный подошел к другой белой черте и попросил разрешения пересечь ее. Охранник медленно обернулся. Отпустил причиндалы Освальда. Снова закапал дождь. Он отстегнул дубинку от ремня и подошел ко второму заключенному.

— Имя?

— Девятнадцатый.

— Ты что, не знаком с кодексом, Девятнадцатый?

— Я попросил разрешения пересечь черту.

— Ты не просил разрешения разговаривать, — охранник легонько двинул его по ребрам. — Заключенные обязаны молчать. В этой уборной мы соблюдаем международные правила военного времени. Это моя уборная. Никто не говорит, пока я не разрешу.

Он ударил заключенного дубинкой.

— Заключенные бегают молча. Они молча падают на пол, когда их бьют. Ты умеешь падать,

Девятнадцатый?

Охранник стукнул его дважды, потом еще три раза посильнее, пока до Девятнадцатого наконец не дошло, что он должен упасть на пол. Он проделал это медленно, согнувшись в несколько осторожных приемов. Его правое плечо коснулось белой черты. Охранник пнул его ногой, так что тот перевернулся.

— В этой уборной мы соблюдаем принципы ночного передвижения. В чем состоит первый принцип ночного передвижения, Девятнадцатый?

— Бегать ночью лишь в случае экстренной необходимости.

Охранник взмахнул дубинкой, не дав себе труда нагнуться к заключенному, небрежно ударил слева, слегка задев его локоть. Замахиваясь, он не смотрел на жертву. Одна из особенностей местного стиля.

Охранник посмотрел на Освальда.

— Почему я его ударил?

— Он назвал принцип номер два.

Охранник взмахнул дубинкой и ударил Девятнадцатого по плечу.

— В этой уборной мы знаем руководство назубок, — сказал он скрюченному заключенному,

повернувшись к нему спиной. — В этой уборной мы говорим только то, что есть в руководстве'. Мы убиваем тихо и неожиданно.

Освальду страшно хотелось в туалет.

— Во время атаки отдельно взятый морской пехотинец с винтовкой и чем приближается к врагу и уничтожает его?

— Со штыком, — ответил заключенный.

— Мощная штыковая атака, выполненная морскими пехотинцами, стремящимися применить холодное оружие, может что, что, что?

Человек на полу молчал. Он плотнее свернулся калачиком за секунду до того, как охранник отступил на полшага назад и широко замахнулся дубинкой. На сей раз он попал по колену. Освальд с нетерпением ждал, когда обратятся к нему.

Охранник посмотрел на Освальда, который моментально выпалил:

— Мощная штыковая атака, выполненная морскими пехотинцами, стремящимися применить холодное оружие, может вызвать ужас в рядах противника.

Охранник снова замахнулся дубинкой и ударил Девятнадцатого по руке. Освальду это доставило некоторое удовольствие. Охранник считал для себя обязательным глазеть в сторону, нанося удар.

Освальд почувствовал, что интерес охранника сместился в его сторону. Он был готов к вопросам.

— Принцип номер один.

— Вонзить лезвие во врага.

— Принцип номер два.

— Быть беспощадным, злым и стремительным во время атаки.

Охранник сделал полшага вперед, перехватил дубинку левой рукой и со всего размаху заехал Освальду по ключице. Тот искренне удивился. Казалось, что им удалось достичь взаимопонимания. Удар отбросил его на три шага и заставил упасть на одно колено. Он думал, что на сегодня уже получил свою порцию битья.

— Правильных ответов не существует, — заметил охранник, глядя в сторону.

Освальд поднялся на ноги, подошел к белой черте и уставился на писсуар. Он попросил разрешения пересечь черту.

— Нанося удар сплеча, необходимо сделать что?

— Первое: встать в защитную стойку.

— Затем что?

— Второе: шагнуть на пятнадцать дюймов левой ногой, оставив правую на месте.

Охранник замахнулся дубинкой и ударил его по руке. Его прошиб пот, так хотелось в туалет, он взмок и озяб.

— В этой уборной правильных ответов не бывает. Только самонадеянный идиот дает ответ, который считает правильным.

Охранник ткнул его в ребра толстым концом дубинки. Девятнадцатый все еще корчился на полу.

Охранник замахнулся дубинкой и вытянул Освальда по спине. Тогда какого черта приставать с вопросами? Освальд решил опорожнить мочевой пузырь. Из злости и в качестве компенсации. Моча стекала по ноге, и он чувствовал глубокое облегчение, освобождение, бодрость во всем теле и долгую жизнь впереди.

Охранник замахнулся дубинкой и ударил Освальда по шее сбоку.

Тот схватился за затылок, закрываясь. Последний удар странным образом лишил охранника терпения. Он по-прежнему смотрел в сторону, но уже иначе — рот открыт, в глазах слепое пятно, и Освальд понимал, что лишь слово отделяет его от тайного кровавого избиения — время от времени о подобном доносились слухи, без имен и подробностей.

Он глядел, как по полу растекается лужица, руки сложены на затылке. Ему нужна была секунда на размышление.

Он глубоко вдохнул и шагнул к белой черте. Посмотрел прямо перед собой и медленно опустил руки вдоль туловища. Ему казалось, что если он будет двигаться медленно и открыто и не подаст вида, что испуган, охранник его не тронет. Нужно принимать в расчет душевное состояние охранника. Они все здесь должны позаботиться о том, чтобы охранник добился своего. Освальд надеялся, что человек, скрючившийся на полу, понимает это так же хорошо. Он чувствовал, что этот человек отдает себе отчет в происходящем. Нужно дать мгновению улечься, чтобы оно вновь стало частью дождливой среды в Японии.

Он стоял у белой черты и ждал.

Дюпар в темноте говорил шепотом.

— Я все сильнее убеждаюсь, что меня хотят отправить домой в ящике. Как только я надел зеленую форменную куртку, я понял, что мертв. Это похоронный костюм для дурака. Я это сразу же просек.

— Мне нравилась форма, — сообщил Оззи. — Она здорово смотрелась. Я удивился, как отлично себя в ней чувствую. Все время чистил ее и обра-

батывал от моли. Старался не класть в карманы тяжелые предметы. Смотрел в зеркало и говорил: это я.

— Славная шутка. Моей матери сказали: «Отдайте его в армию, миссис Дюпар. На улицах Америки с каждым днем все неспокойнее. С нами ваш мальчик будет в безопасности».

— Моей матери сказали то же самое.

— Послали меня в Японию, чтобы спасти от ниггеров из Западного Далласа. Ты веришь в эту чушь? Они посадили меня за решетку, чтобы никто не смылся с моим бумажником и ботинками.

— Все это гигантская система. Мы в этой системе нули.

— Они удостоили меня особого внимания, надо думать.

— Они все время следят за нами. Как Большой Брат в «1984». Это книга не о будущем. Она о нас, здесь и сейчас.

— Я раньше читал Библию, — сказал Бобби.

— А я читал устав. В учебники даже не смотрел, но читал «Устав Корпуса морской пехоты».

— Чтобы почувствовать себя мужчиной.

— Потом я понял, о чем оно на самом деле. Как быть шестеренкой в системе. Рабочей деталью. Это настоящий учебник капитализма.

— Иди в морские пехотинцы.

— Оруэлл пишет о военизированном уме. Полицейское государство — это не Россия. Оно везде, где есть мозги, которые придумывают уставы, набитые правилами, как убивать.

— А что этот Сталин, умер?

— Умер.

— Кажется, я об этом слыхал.

— Но Эйзенхауэр жив. Айк — наш собственный Большой Брат. Наш главнокомандующий.

Они лежали в темноте и размышляли.

Из-за того, что они сделали с нами. Из-за того, как ей приходилось работать, увольняться, заботиться обо мне, ее увольняли, она работала, увольнялась, собиралась, и мы уезжали. Давай соберемся и уедем. Наскребали гроши на очередной переезд. Ежедневное унижение — вот вся ее жизнь. Для этого есть термин: жертва системы. Вот только она никогда не подвергала все это сомнению. Все дело лишь в местных условиях. Все дело в мистере Экдале с его жалким разделом имущества. В шепоте за ее спиной. В соседях с их стиральными машинками «Хотпойнт» и автомобилями «форд-фэйрлейн», которым она могла противопоставить лишь одно:

— Мой мальчик Ли любит читать.

От матери никуда не деться.

Три дня подряд без каких-то видимых на то причин из пищи им давали только кроличью жвачку: салат, морковь, вода.

Освальд пробежал мимо проволочной сетки, завернул в отделение одиночных камер, остановился у белой черты. Дюпар в нижнем белье сидел на его койке. Матрас Дюпара тлел. Освальд глядел, как в воздух поднимается бледный дым. Его сокамерник виновато и задумчиво ковырял свою ступню.

— Бобби, какого хрена?

— Тебе нужна койка?

— Сиди.

— Нам не положено говорить.

— Ты же все усугубляешь.

— Я просто вывожу вшей. Они вгрызаются в кожу. Время освободить помещение, парень.

— Ты просил новый матрас?

— Просил. Схлопотал по морде.

Он был спокоен, слегка угрюм, но больше задумчив и покорен.

— Тебя продержат здесь еще дольше.

— По мне так им не из-за чего волноваться. Тут нет никакой вины, за которую меня можно наказать. Я выкуриваю вшей. Другими словами,

я как бы делаю работу за них.

— Это уже второй пожар на твоем счету.

— Говори потише.

— Честно говоря, я не вижу большого смысла поджигать матрасы.

— Замолчи, Оззи. Они тебя прикончат.

В коридоре появились два охранника, проскочили мимо Освальда в камеру. Пожар был настолько незначительным, что они позволили себе отложить поход за водой на пять минут, в течение которых угрюмо колошматили Дюпара.

Освальд стоял у белой черты и смотрел в сторону.

Его перевели в проволочное заграждение. Теперь не только охранники, но и товарищи по тюрьме — все эти люди, которых нужно избегать, эти глаза и внутренние интонации — страх, уныние, насилие над психикой. Внутри заграждения фокус в том, чтобы оставаться в своей личной зоне, избегать взгляда в глаза, случайного прикосновения, определенных жестов, всего, что может намекнуть на личность, таящуюся за рабочей единицей. Безопасность лишь в безликости.

Он выработал манеру говорить, которая помогала ему изо дня в день. Вечную, бесконечную, одинаковую. Гауптвахта была настолько бездум-

ной, что в конце концов вытеснила страх. Он бегал по коридорам, бегал на работу. Отмывал светильники в уборной, приводил в порядок свою территорию, заправлял свою койку. Смысл гауптвахты — поддерживать чистоту на гауптвахте. Он приносил ведро из кладовки, стоял у белой черты. Здание гауптвахты построили только для того, чтобы мыть его. И прочертили там белые линии. Все зависело от этих линий. Гауптвахта была местом, где все линии, проведенные в мозгу военного, ярко нарисованы и отмыты дочиста. 'Уяснив это, он понял, что раскусил их.

Он сидел в телевизионной комнате и смотрел повторение «Американской эстрады» Дика Кларка. Рейтмайер зашел пожать ему руку. Еще человек шесть заходили узнать, как дела на губе. На нем была гавайская рубашка, он слегка ухмылялся, говорил, что легко отделался. Прекрасная подготовка для жизни в США. Дает тебе преимущество в соревновании. Вот так Оззи, сказали товарищи по казарме. Вот так Кролик, вот так Шизик, — и по одному удалились, оставив его в одиночестве смотреть, как старшеклассники и старшеклассницы вяло шаркают по танцплощадке в Филадельфии.

Две недели спустя он отправился по указан-

ному адресу в Токио, в район Саниа. Пробрался через поселение старьевщиков, выстроенное из того, что собрали на свалках в других частях города. Старухи семенили по переулкам, неся пустые бутылки, сломанные ножки стульев, какой-то неопределенный мусор. Дома высотой по плечо были сделаны из старых упаковочных ящиков и листового металла, стены набиты картоном и тряпьем. К передвижным донорским пунктам стояли очереди сдавать кровь, казалось, что эти люди пусты изнутри, такие они маленькие и изможденные. Дна достичь невозможно. Как бы низко в этот мир ты ни опускался, еще можно падать и падать, впереди ждут еще худшие зрелища и испытания. Он решил пройти через этот район не спеша. Хотел увидеть все, что там есть.

Он вошел в многоквартирный дом и заглянул в открытую дверь квартиры, где молодой человек чинил мимеограф. Конно велел ему подняться на четвертый этаж, но не назвал номер квартиры. В темной прихожей воняло. Где-то на верхних этажах орал ребенок.

Хайдел взбирается по древней скрипучей лестнице.

На четвертом этаже оказались открыты еще две двери. В квартирах толклись студенты, переходи-

ли из одной в другую. Молодой человек взглянул на Оззи, который в своей футболке и пыльных джинсах стоял в прихожей и улыбался. Парень улыбнулся ему в ответ и указал на дверь в конце прихожей. Освальд постучал, и его пригласили войти. Он увидел татами и низкий столик. Через комнату прошла женщина в легком хлопчатобумажном кимоно. Ей было около пятидесяти, лицо круглое, прическа будто у феи. Она сказала, что ее зовут доктор Браунфельс. Частным образом преподает немецкий и русский студентам Токийского университета. Если она верно поняла, его интересует изучение русского. Он ответил «да» и стал ждать. Она села, скрестив ноги, на циновку по другую сторону столика. Попросила его разуться. Эти милые незначительные действия довершали декорацию.

Макияж вокруг ее глаз сочетался с бледно-голубым оттенком кимоно. Он не ожидал, что она окажется европейского происхождения. Это обнадеживало, все было к лучшему, все говорило ему, что решение принято своевременно, при благоприятных обстоятельствах. Вероятно, она была важной фигурой, наставницей студентов-радикалов и офицером-вербовщиком или тренером агентов. Она жестом пригласила его

сесть на циновку напротив. Смотрела, как он неуклюже садится. Они поели рисовых лепешек, завернутых в водоросли.

— Итак, вы Освальд Ли, — наконец произнесла она, как бы восстанавливая нарушенное равновесие, добавляя последнюю величавую ноту к некоей дипломатической беседе.

У нее за спиной висели бамбуковые шторы, у одной из стен стояла ширма. Потолок низкий, темного дерева. Маленькие полированные предметы тут и там. Полагалось ценить эту почти пустоту, продуманную расстановку вещей. Веточки в вазе на лакированном столике.

Он сообщил, что хочет дезертировать.

— Я думаю, что этот шаг надо сделать, я никогда не смогу жить в США. Хочу жить, как эти студенты, которые участвуют в политике и в борьбе. Я не наивный юнец, не считаю, что Россия — страна моей мечты. Я смотрю на это хладнокровно, с точки зрения правильности и неправильности. Я уверен, что в Советском Союзе есть нечто уникальное, и я хотел бы понять это для себя. Великая теория воплощена в жизнь. Мне еще пятнадцати не исполнилось, как я начал сам обучаться в библиотеке Нового Орлеана. Я изучил марксистскую идеологию. Я поднимал голову от книги и видел

обнищание масс прямо перед собой, включая мою мать, которая изо всех сил старалась поднять на ноги троих детей. Социалистические книги объяснили, что меня окружает. Основной тезис верен. Капитализм начинает отмирать. Он отчаянно барахтается. Воздух наполнен истерией, вроде ненависти к неграм и коммунистам. В армии я узнал всю силу системы. В этой системе есть нечто, пробуждающее ненависть. Как я смогу жить в Америке? Я стану или рабочим в системе, которую презираю, или безработным. Никто не знает, как я к этому отношусь. Я предан своему идеалу, поэтому хочу дезертировать. Тут нет ничего невозможного. Я готов пройти через боль и лишения, чтобы навсегда покинуть свою страну.

Тем вечером он сидел один в «Пчелиной матке» и думал, что слишком быстро перешел к делу. Казалось, ее не слишком обрадовали эти сведения, и в ответ она сообщила ему свои новости. Его подразделение через пару недель отправляют в новую горячую точку, на Формозу. И в данный момент она хотела бы одного — чтобы он отложил мысли о дезертирстве и сосредоточился на получении доступа к секретным документам и фотографиям. Некоторое время они это обсуждали. Она говорила о его работе, а не о жизни. Ей

нужны были боевые позывные, идентификационные коды, радиочастоты. А также фотографии «У-2».

Ему заплатят, хотя она понимала, что для него дело не в деньгах. Она договорилась с ним о новой встрече в Ямато, рядом с базой, и подробно объяснила, как добираться. Тоном опытного человека рассуждала об операциях и работе, о необходимости дисциплины, возможно, намекая на его мятую уличную одежду и двухдневную щетину. Она сказала, что восхищается японцами, потому что человек может потратить всю жизнь, чтобы правильно понять что-то одно.

У нее были полные губы и маленькие руки. В облике сквозило нечто как бы девическое, несколько уровней коварства и насмешки. Он сказал ей, что серьезно намерен изучать русский.

В «Пчелиной матке» он подождал, когда Тэмми закончит работу, и провел с ней ночь в квартире, где она жила с двумя сестрами. Они переспали, украдкой, пока сестры смотрели телевизор. Свернувшись в углу комнаты, положив голову на согнутую руку любовницы, он не мог уснуть и думал о множестве вещей, которых доктор Браунфельс не знала. Она не знала, что со времен

первого трибунала он дежурил по кухне. Наряд на кухню, наряд в караул, и еще куча всяческого дерьма — но только не наблюдал за экраном радара. Она не знала, что он потерял допуск после второго трибунала. Она вообще не знала, что был второй трибунал, да и первый, коли на то пошло, и не знала об инцидентах, которые к ним привели. И последнее, чего она не знала: какой опасности ему придется себя подвергнуть, чтобы добыть документы из запретной зоны без допуска.

Представляя ее гладкое круглое лицо, слыша речь с акцентом, он в темноте спрашивал себя: во что ты ввязался, Освальд Ли?

Вернувшись в Ацуги, он начал запоем смотреть кино. Каждый фильм по два раза, все держал в себе, проводил много времени в библиотеке базы, изучал русские глаголы.

«А что если она просто хочет обвести меня вокруг пальца?» — думал Оззи.

Он встречался с ней в квартире над магазином велосипедов. В коридоре сушился раскрытый зрнтик. Она одевалась в западную одежду, на плечи набрасывала плащ. Они пожимали друг другу руки, будто соседи по больничной палате. Волосы ее были неровно подстрижены, слишком

по-молодому, и из-за этого он думал, что на нее нельзя полагаться, что она жить не может без двойного умысла, говорит одно, а имеет в виду нечто противоположное.

— Ты принесешь гораздо больше пользы, — говорила она, — если продолжишь выполнять свои обязанности и периодически отчитываться мне. Отправляйся туда, куда тебя пошлют. Почему нет? Мы хотим, чтобы ты продвигался вперед. Продвигался здесь, а не в Москве или Ленинграде.

— А если я решил уехать?

— Время еще не пришло.

— Разве нельзя натренировать меня там и заслать обратно?

— Тебя уже заслали обратно.

Шуточки. Он сказал ей, что у него нет документов. Возможно, документы появятся в ближайшем будущем. Зависит от обстоятельств. В то же время он проявлял добрые намерения, сообщая число и типы самолетов своей эскадрильи и опознавательные индексы самолетов, появлявшихся в зоне идентификации и покидавших ее. Он не рассказал ей всего, сто знал об «У-2». Сообщил несколько технических подробностей, изучая ее реакцию на термины. Сказал, что на базе ходят слухи, будто фотоаппараты самолета снимают

многоапертурным способом.

Какова ширина захвата?

Очень не хотелось признаваться, что он не знает. Она спросила, как зовут пилотов «У-2». Ей нужны были технические руководства, инструкции. Он пытался создать впечатление, что дальнейшая информация будет доступна по ходу дела, по обстоятельствам.

Он настойчиво хотел уроков русского языка. Принес англо-русский словарь. От вида этого словаря доктор Браунфельс плотнее завернулась в свой плащ. Велела ему больше никогда так не делать. Она сама принесет все необходимые книги.

Они сидели за столом в тусклом свете и отрабатывали произношение. Похоже, что его прилежание произвело на нее впечатление. Если он продолжит изучать язык самостоятельно, не привлекая к себе внимания, она поможет ему всем, чем сможет. Она некоторое время рассказывала о языке, вопреки собственному здравому смыслу: привлекало его искреннее стремление к знаниям.

Работая с ней, произнося новые звуки, следя за ее губами, повторяя слова и слоги, слушая, как его невыразительный голос приобретает фактуру и объем, он почти ощущал, как его переделывают,

дают выход некоей расширенной и углубленной части личности. Глубоко проникающая честность русского языка была соразмерна этому. Он считал доктора Браунфельс хорошим учителем, строгим и серьезным, и чувствовал, как порой между ними проскакивает искра подлинной радости.

Он сказал ей:

— Через тысячу лет люди будут читать исторические книги и узнавать, кто где провел черту, кто совершил правильный выбор, а кто нет. Движущая сила истории на стороне Советского Союза. Это абсолютно очевидно для того, кто вырос в Америке с незашоренным умом. Нет, я не отрицаю местные ценности и традиции. На самом деле эти ценности в потенциале привлекательны. Все хотят любить Америку. Но неужели честный человек может забыть, что он видит в повседневной жизни, эти бесконечные компромиссы, подобные миллиону маленьких войн?

Рейтмайер выслушал приветствия, за которыми последовал нескладный диалог, сопровождаемый жестикуляцией. Разговаривали Освальд, которого он время от времени считал своим приятелем, и капрал по фамилии Ярославский. Забавно, двое морских пехотинцев США каждый

день появляются на смотре, болтая по-русски. Рейтмайера это раздражало. Будто его гладили против шерсти. Они оборачивали все происходящее в интимную шутку, смеялись над какими-то фразами, называли друг друга «товарищами». Кажется, им это было смешно. Семь, восемь, девять дней подряд. Бестолковая иностранная тарабарщина. Такое только в Америке, как говорится. Правда, дело происходит в Японии, напоминал он себе, а на этом сказочном Востоке каждый день странный.

Он смотрел, как Тэмми красит губы карандашом для бровей — повсеместная причуда японских девушек-подростков в тот год. Она была моложе Мицуко, но не так уж и юна. Мицуко растворилась в изменчивом мире, и вполне вероятно, что Тэмми в любой момент последует за ней. Сейчас она позировала ему в пышной блузке и тореадорских брюках. Оззи больше не стеснялся, когда другие морские пехотинцы видели его с женщиной такого хорошего сложения. Для парней из Первой эскадрильи наведения авиации это было непостижимо.

Она отвела его в местечко под названием «Бар одиночества», где официантки носили купальники, пропитанные каким-то химическим

составом. Хитрость в том, что можно чиркнуть спичкой по заду девушки, проходящей мимо твоего столика. Четверо чернокожих солдат вошли в раж, чиркая спичками по лоснящимся задницам. У всех между костяшками пальцев торчали спички. Они улюлюкали и хохотали, не в силах скрыть восторга. То были молодые чернокожие южане, неуклюжие и долговязые, развязные и симпатичные, и глядя на них, он задумался, как там Бобби Дюпар. Это слегка омрачило вечер. Он сидел в вони горелых спичечных головок, пил пиво и простыми словами рассказывал Тэмми о своем прошлом. Один вечер из жизни «Бара одиночества».

Три дня спустя он почувствовал жжение, когда мочился. Внутри саднило. Еще через два дня ему пришлось заметить мутные выделения из пресловутого органа. Он ночью пошел в уборную, чтобы разглядеть жидкость, гадостные желтоватые капли. В лаборатории у него взяли множество мазков, прописали девятьсот тысяч единиц пенициллина внутримышечно в течение трех дней и перевели на облегченный режим.

Оззи подхватил триппер.

Летчика привозят на «скорой помощи» с вооруженной охраной. На нем белый шлем, при-

стегнутый к герметичному костюму, и он без промедления шагает к самолету без опознавательных знаков. Наземная команда и охранники отступают назад, мотор издает пронзительный звук, на который несколько человек всегда выскакивают из радарной лачуги, посмотреть, как черный реактивный бандит пронесется по взлетной полосе. Самолет резко отрывается от земли, визг нарастает, вспомогательные стойки поддерживают длинные крылья на нужном уровне, пока не достигается скорость для взлета. Затем самолет взмывает, ходули отваливаются, люди пытаются уследить за быстрым крутым взлетом, блестящим прыжком в новую реальность. Они корчат рожи, вглядываясь в дымку. Но объект уже вне поля зрения, растворился в высоком, спокойном, плоском покрывале неба, а вслед ему несутся тихие протяжные ругательства и шепот недоверия.

Рано или поздно пилот, кем бы он ни был, с любой базы и с какой угодно миссией, задумывается о предметах, упакованных в сиденье-катапульте. Вода, полевой паек, сигнальные ракеты, аптечка первой помощи, охотничий нож и пистолет, игла со смертоносным ядом моллюска на кончике, спрятанная в фальшивом серебряном долларе.

(«Мы просто хотим отнять у них возможность допросить вас, ребята, мы вовсе не думаем, что вы расколетесь».) Кроме того, имеется точный заряд гексогена, который превратит в порошок фотоаппарат и электронное оборудование через неопределенное число секунд после того, как пилот активирует таймер и просунет ноги в стремена катапульты, едва возникнет отдаленный намек на необходимость подобного рода маневра. («Вы, парни, понимаете, что катапультирование может привести к ампутации конечностей, если не все сработает идеальным образом, так что вам лучше постараться перевалиться через борт бочком, осторожненько, как если б вы боялись разбудить спящего ребенка».) Рано или поздно ему приходится задуматься, что будет, если случится худшее. Остановка двигателя на предельных высотах. Или неподалеку разорвется ракета «СА-2» и вырубит стабилизатор. («В общем-то, эти ублюдки вряд ли знают, как забраться на такую высоту».) И в следующий миг он в стратосфере, болтается в воздухе с мешком на спине и пытается убедить затекшую руку дернуть за кольцо. На высоте четырех с половиной километров это происходит автоматически, шлеп — и оранжевое оперение развевается за его

лопатками. Теперь остается достойно завершить спуск. Он планирует в бескрайнем пространстве, потрясенный одновременно красотой земли и необходимостью просить прощения. Он чужак в маске, он падает. В поле зрения появляются люди, крестьяне, дети бегут к месту, куда его относит ветер. Их грубые шапки сбиты на затылок. Он уже достаточно близко, чтобы расслышать их крики, слова вылетают и растягиваются вдоль контуров земли. Земля пахнет свежестью. Он опускается в уральскую весну и понимает, что честь увидеть такой эту землю побуждает его к откровенности. Он хочет сказать правду. Он хочет прожить новую жизнь без секретности, вины и груза тяжелых событий. Вот что думает пилот, плавно покачиваясь над коричневатыми полями мирного пейзажа, гостеприимного, почти как дома.

20 мая

Лоренс Парментер забронировал место на ежедневном авиарейсе на Ферму, секретную тренировочную базу ЦРУ в Вирджинии. Этот рейс выполнялся под военным прикрытием, и летали им преимущественно агенты Управления, у которых были краткосрочные дела на базе.

Ферма официально была известна под кодовым названием «ИЗОЛЯЦИЯ». Наименования мест и операций складывались в особый язык Управления. Парментеру было любопытно, что в этом языке постоянно обнаруживаются все более глубокие секретные уровни, к которым люди не из кадрового состава не могут получить доступа. Можно сказать, что самое тесное братство в Управлении составляют те, у кого хранятся списки кодовых названий, кто разрабатывает ключи и диграфы и знает истинные названия операций. Кэмп-Пири — это «Ферма», «Ферма» — это «ИЗОЛЯЦИЯ», а у «ИЗОЛЯЦИИ», возможно, есть еще более секретное имя где-нибудь в запертом сейфе или в компьютере, зарытом под землей.

У ворот он предъявил охраннику из военной полиции свою ламинированную карточку. По

секретному коду опытный глаз определял, какой степенью допуска обладает ее владелец. После письменного выговора Парментера перевели в «рабскую дирекцию» — так в шутку называли отделение поддержки нелегальных служб — и выдали новый значок, на котором было меньше красных буковок по краям. Жена спросила: «Сколько буковок нужно потерять, чтобы вообще испариться?»

Т. Дж. Мэкки ждал на КПП. В своей хорошо отглаженной рабочей солдатской одежде он чем-то напоминал портье, что стоит в золотой ливрее у дверей нового отеля. В общем-то, не хотелось бы попасться друзьям на глаза.

Он проводил Парментера на участок, где младших офицеров-стажеров обучали всему подряд — от боевых искусств до основ контрразведки. Они вместе уселись на места для зрителей, образующие над ареной амфитеатр, разделенный на четыре сектора. В пыли боролись двое молодых людей. Инструктор озабоченно бегал вокруг и обращался к ним на неизвестном Ларри языке.

— Нас рано оборвали, — сказал он Мэкки, — но теперь мы достигли стабильного периода.

— Я виделся с Гаем Банистером.

— Кэмп-стрит.

— Точно. Он навел справки об этом Освальде в далласском отделении ФБР. В конце концов ему ответили. Парень покинул Даллас двадцать четвертого или двадцать пятого апреля.

— Но есть еще русская жена.

— Уехала из Далласа десятого мая вместе с их ребенком.

— И никто не знает, куда.

— Именно так.

— То есть надо искать.

— Я думал, ты знаешь, как с ним связаться.

— Через Джорджа де Мореншильдта. Но он сейчас на Гаити. Кроме того, я не хочу, чтобы он знал, насколько мы заинтересованы в Освальде.

— А насколько мы заинтересованы?

— Кажется, он — то, что нужно, политически и вообще. Уину требуется снайпер с рекомендациями. Освальд — бывший морской пехотинец. Мне удалось получить доступ к его зачетной книжке М-1 и прочим записям.

— Стрелять он умеет?

— Тут некоторая нестыковка. Чем дольше я изучаю эти записи, тем больше кажется, что нам не обойтись без толмача. По большей части оценки у него плохие. Но лучше всего он стрелял на квалификационном экзамене. Получил оценку

два-двенадцать — это означает, что он снайпер. Однако ему дали более низкую характеристику. Так что либо оценка неправильная, либо характеристика неправильная.

— Или парень всех надул.

— Нужно еще кое-что обсудить, хотя, как я сказал Уину, пока рановато. Случайные попадания.

— Ты хочешь, чтобы все выглядело достоверно. То есть нужны многочисленные выстрелы с разных точек.

— Уин говорит: «Цельтесь в президентский лимузин, в тротуар, в охранника из спецслужб. Только не попадите ни в кого в машине».

— Цельтесь в охранника из спецслужб.

— Цельтесь, но не убивайте.

— Это неуправляемый эксперимент, — сказал Мэкки.

— Если возможно — попытаться ранить кого-нибудь в машине кортежа. У них все устроено так, что в машине сопровождения на каждой подножке — по два агента. Это четыре висящих человека. А машина едет со скоростью примерно двенадцать миль в час. И всего в пяти футах от президентской машины, так что будет вполне правдоподобно, если агенту безопасности достанется пуля, предназначавшаяся для президента.

— И где все это будет?

— В Майами.

— Неплохо.

— Если это вообще возможно, то там, говорит Уин.

— Майами подходит лучше всего.

— Определенно.

— Согласен.

— Рано или поздно президента занесет во Флориду. Судя по политическим приметам, все идет к тому.

На арену вышли двое других молодых людей. Мэкки сказал, что это южные вьетнамцы, которых тренируют для тайной полиции. Иностранцев, занимающихся на Ферме, называли «черными стажерами». Нескольких под строжайшим секретом привезли в США, причем, как объяснял Мэкки, эти люди не должны знать, в какой стране находятся. Ларри подумал, что это чересчур. Стоит взглянуть на треклятые деревья, и сразу понимаешь, что ты в Вирджинии. Но он благоразумно промолчал. С Ти-Джеем не стоило спорить о предмете его непосредственных интересов.

Он сказал Парментеру, что будет поддерживать тесный контакт с Гаем Банистером. Детективное

агентство Бани стера было вокзалом Гранд-Сентрал кубинской авантюры. Туда стекались ренегаты всех видов и мастей. Гай поможет им найти замену этому исчезнувшему пареньку. Кого-нибудь с квалификацией эксперта и винтовкой с оптическим прицелом. Снайпера, который способен отстрелить палец у висящего на подножке человека.

Парментер ушел, а Ти-Джей остался на трибуне — смотреть, как вьетнамцы пляшут друг вокруг друга. Новой горячей точкой был Сайгон. На базе только об этом и говорили. Кубу отложили в дальний ящик, и его это вполне устраивало. Пусть забудут. Пусть у них появится новое развлечение. Тогда инцидент в Майами окажется еще более сногсшибательным.

Несколько часов спустя Мэкки сидел в своем трейлере в лесу неподалеку от Уильямсбурга. Сквозь листву деревьев пробивались лучи солнца. Потом он услышал характерный лязг «бель-эйр» 57 года — машины Раймо. Он распахнул дверь трейлера и стал наблюдать, как двое мужчин выбираются из машины, движения тяжелые и скованные — типичные водители-дальнобойщики.

Мэкки сказал:

— Вы как раз к ужину, вот только ужина нет.

В ночной тишине слова прозвучали резко и ясно.

— Может, хотя бы глоточек. *Un buchito,* — сказал Раймо. — Мы поели по дороге.

Второй мужчина, Фрэнк Васкес, доставал одеяла и одежду с заднего сиденья. Он вылез из машины спиной вперед, встал вполоборота к ним, руки заняты вещами, сильно толкнул дверь бедром и легким пинком захлопнул. Раймо, подхода к трейлеру, покачал головой, увидев, как неуважительно товарищ обращается с некогда шикарным автомобилем.

— Кофе сколько угодно, — сказал Мэкки. — Рад вас видеть. Как дела?

— Давненько не виделись. Рад тебе. Как дела?

— Привет, Ти-Джей.

— Привет, Фрэнк. Мне казалось, ты вставил зубы.

— Он их никогда не вставит, — сказал Раймо.

Они обнялись, рассеянно похлопав друг друга по спине, abrazos, случайные столкновения.

— Как жизнь?

— Давненько не виделись.

— Сто лет, дружище.

Они стояли у дверей трейлера и обменивались

кивками, взглядами, незавершенными фразами — все так отчетливо, слова так правильно звучали в свежем невесомом воздухе.

Мэкки расчистил в трейлере место для их вещей. Затем сели пить кофе. Раймо, коренастый мужчина с седыми усами, сидел за складным столиком. Черная ковбойская шляпа, черная футболка, армейские штаны и ботинки. Походное обмундирование. Мэкки в Раймо определенно нуждался. Каждое действие этого человека — зажигал ли он спичку, выгуливал собаку или почесывал голову — несло в себе целенаправленную силу его гнева. Это была их память, о которой они молчали, память о Bahia de Cochinos, заливе Свиней, битве при Плайя-Хирон — называйте как угодно. Само его коренастое тело, эта мускулистая плоть, казались воплощением направленной энергии. На футболке нарисован фламинго. Только этому человеку Ти-Джей доверял безоговорочно.

— Апрель мы частично провели за сбором урожая.

— Собирали апельсины в центральной Флориде, — уточнил Фрэнк.

— По десять ящиков на бадью. Как думаешь, сколько это по весу?

— Он свалился с лестницы, — сообщил Фрэнк.

— Говорю тебе, это тяжкий труд.

— Ну а потом мы отправились в Лив-Оук у границы Джорджии.

— Увязывали табак в здоровенные тюки, — сказал Раймо. — Такие громадные пластины, как у них это называется. Оки нас загоняли до смерти, Ти-Джей.

Мэкки знал, что они брались за любую работу, которая только подворачивалась: ночную, подработки в свободное время, случайную халтуру, — чтобы поднакопить денег и основать собственный бизнес. Может, станцию техобслуживания или небольшую строительную фирму.

— Потом мне звонит жена из Майами, — сказал Фрэнк. — Мы сразу же сели в машину и поехали сюда.

Проехать через всю Джорджию и обе Каролины, чтобы услышать новости от Ти-Джея. Это могло быть связано только с кубинской операцией. Ничто другое не заставило бы его с ними связаться, и ничто другое не привело бы их сюда.

Васкес сидел на койке. Лицо печальное и осунувшееся — он неплохо смотрелся бы в спецовке сапожника в темной тесной лавчонке на окраине Маленькой Гаваны. У него было два ряда нижних

зубов, или, может быть, один, но вразбивку, зигзагом; зубы росли под углом друг к другу. Из-за этого он походил на святого бессребреника. В сражении у Ред-Бич потерял брата и кузена, еще один брат умер при голодовке в тюрьме «Ла Кабанья». На Кубе Фрэнк был школьным учителем. Сейчас, в промежутке между подработками, они с Раймо приехали в тренировочный лагерь в Эверглейдз со своим единственным оружием — так называемым «кубинским винчестером», собранным из трех других винтовок с добавлением самодельных частей. Они тренировались вместе с одной из групп, жили в открытых шалашах из эвкалиптовых бревен и различных лиан. Раймо стрелял из винтовки, раскачивался на веревках, ссал в высокую траву. Фрэнк занимался на стрельбище, а в остальное время просто болтался без дела, молчаливый старинный приятель, одетый, как одевался всегда: просторные штаны и коричневая безрукавка навыпуск.

Оба они изначально были с Кастро, еще в горах.

— А как жена и дети, Фрэнк? Все нормально?

— Все путем.

— У тебя ведь трое, верно? А что у Раймо? Так и не подвернулась подходящая бабенка?

Это были единственные люди, с которыми Мэкки мог разговаривать таким вот образом: затянувшиеся церемонные приветствия, искорки семейных новостей и прочих житейских мелочей. Необходимая авансцена. Он знал, что от него этого ждут, и сам уже ждал с нетерпением. Нужно же было им о чем-то говорить. Единственная тема, которая их по-настоящему объединяла, не подходила для светской беседы.

Ладно. Мэкки сообщил им некоторые условия операции. За ней стояли исключительно преданные делу люди. Идея в том, чтобы всколыхнуть страну, показать народу опасность коммунистической Кубы. Главное управление разведки Кубы будет представлено как преступная организация, пытающаяся применить крайние меры против важных фигур, противостоящих Кастро.

Он рассказал, что разрабатывается покушение, которое, по замыслу, выведет на кубинскую разведку. Он хотел, чтобы Фрэнк и Раймо приняли в нем участие, и сообщил некоторые детали операции. Мощные винтовки, огневые точки высоко над землей, след подложных улик, козел отпущения. Каждого из них ожидают пятьсот долларов в месяц с настоящего момента и кругленькая сумма по завершении работы. План разрабатывали

уважаемые люди, ветераны Управления, всецело преданные свободной Гаване.

Он не называл Эверетта и Парментера по именам. Не сказал, кто их мишень и где будет совершено покушение. Он то и дело по мере необходимости опускал некоторые детали. И также не упомянул того, что по замыслу они должны промахнуться.

Парментеры жили в Джорджтауне, в низеньком каркасном доме в конце улицы с кирпичным тротуаром. Тротуар был выщербленный и неровный, а некогда изящный дом теперь несколько обветшал — невзрачный, неприметный реликт.

Жить здесь захотела Берил. Корпоративные пригороды — не для них, сказала она. Осторожные деловые разговоры с коллегами и их озабоченными женами за выпивкой и ужином. Она хотела жить в маленьком городке. Фрамуги, ажурный чугун, освинцованные стекла. Безопасность небольшого потаенного местечка, где тебя окружают старые знакомые вещи, книги, коврики, пыль, винный погреб для Ларри, крошечность, незамечаемость (если есть такое слово). Длинный и низкий дом на открытом пространстве, с лужайкой и навесом для автомобиля, чем-то ее пугал.

Теперь Ларри в огромном полосатом халате расхаживал по маленьким комнатам с выпивкой в руке. Берил сидела за письменным столом и вырезала из газет новости, чтобы послать подругам. С недавних пор это стало ее страстью, как бывает у немолодых людей, которые вдруг обнаруживают, что рождены для показов на выставках породистых собак. Все, что было раньше, оказывается бессмысленным, не идет с этим ни в какое сравнение. Недельный запас газет лежал на столе. Она посылала вырезки всем подряд. Неожиданно оказалось, что можно вырезать массу всего.

— Ты только послушай. Не знаю, плакать или смеяться.

Она огляделась, ища глазами мужа.

— Ларри, вот послушай. «Си-би-эс» запретили фолксингеру Бобу Дилану исполнять одну из своих песен на «Шоу Эда Салливана». Слишком спорная.

— Что же в ней спорного?

— Она называется «Разговорный блюз про Общество Джона Бёрча».

— Он белый или негр? Просто белым в блюз соваться не стоит.

— Но ты только подумай, его не выпустили в

эфир!

— Сейчас постараюсь проникнуться. Дай мне десять минут.

— Знакомые приметы, друг мой.

— Какие еще приметы?

— Ты шатаешься по дому и хлещешь джин. Мне все понятно. Это ностальгия по Гватемале.

Некоторые думали, что у Берил много денег. Одно из распространенных заблуждений на ее счет. На самом деле у нее был только небольшой магазинчик, чисто побочный доход — там продавались литографии, фотографии, рамки. Другие считали, что она творческая личность. Какой-нибудь нежный вид искусства — шитье лоскутных одеял, акварель. Она выглядела и вела себя таким образом, что казалась человеком, не считающимся с условностями, своего рода затворницей в миру. Носила мягкие вещи. Небрежно укутывала себя в несколько слоев: миниатюрная женщина, зарывшаяся в пастельные тона. Постоянно ощущалось, что в своем тихом уединении она прячется от страха или боли. Она покупала мокасины в магазине при фабрике, никогда не носила украшений, хранила снимки матери в любимых книгах. Окружающим казалось, будто она — наследница какого-нибудь консервного

магната, на досуге рисующая морские пейзажи с птицами. Она ела мягкую пищу, говорила тихо, хрипловато, сексуально. В свои сорок семь она была очень сексапильна, сохранила некую дымку чувственности. Походка от бедра, глубокий голос. Она без церемоний высказывала дружеские оскорбления людям прямо в лицо. Стоило ей, покачивая бедрами, войти в комнату — и в воздухе повисало предвкушение развлечения. Все были готовы смеяться еще до того, как она что-нибудь произнесет.

Она перемывала кости Управлению при всей честной компании, а Ларри смотрел и ухмылялся. Все привыкли видеть в этом изысканность четы Парментеров.

И не то чтобы она кривила душой.

— Нет. Я не издеваюсь. Я восхищаюсь тем, что вы сделали в Гватемале. Если не в политическом плане, то во всех остальных. Вы обошлись практически без кровопролития. Я, честное слово, восхищаюсь.

— По учебнику.

— Понятное дело, в этой операции не было бы нужды, если бы гватемальцы не отобрали всю землю, принадлежавшую «Юнайтед Фрут».

— Значит, вот как на самом деле? Надо же.

— Мне понравилось, как ты сказал: «операция по учебнику».

Да. Кроме всего прочего, то был пик карьеры Ларри: радиостанция, предположительно вещавшая из повстанческого аванпоста в гватемальских джунглях. На самом же деле вещание шло из амбара в Гондурасе, и все передачи должны были оказывать давление на левацкое правительство и сеять в народе беспокойство и страх. Слухи, ложные отчеты с полей сражений, бессмысленные шифровки, провокационные речи, приказы несуществующим повстанцам. Это было похоже на школьное задание по моделированию действительности. Парментер лично писал часть передач, стремясь к яркой образности: кучи гниющих трупов, летчики дезертируют на своих истребителях. Настоящий же летчик метнул динамитные шашки из окна своей «Сессны». Реальная бомба упала на площадь для парадов, взметнув зловещий столб дыма. Правительство капитулировало на девятый день после сообщения о том, что пятитысячные оккупационные войска движутся к столице. Войска же появились в виде нескольких грузовиков и переполненного фургона с радиостанцией, в общей сложности — человек сто пятьдесят оборванных ополченцев.

Это произошло девять лет тому назад. На какое-то время Ларри оказался вовлечен в бизнес, связанный с законно зарегистрированными фирмами, которые на самом деле финансировались и контролировались ЦРУ. Когда Управление собиралось совершить что-нибудь интересное в Курдистане или Йемене, оно обращалось к корпорации в Делавере. Как раз тогда он вошел в контакт со многими «активами» Управления, то есть с владельцами серьезных вложений в неспокойных областях полушария. Бизнесмен из «Юнайтед Фрут», бизнесмен из Кубинско-венесуэльского нефтяного треста (в действительности не кто иной, как Джордж де Мореншильдт). Коммерческие банки, сахарные компании, торговля оружием. Любопытное стечение мотивов и вкладов. Владельцы отелей, держатели игорных заведений. Люди с яркими биографиями, порой — с тюремным прошлым. Он обнаружил, что бизнес и разведка находятся в естественном родстве. И понял, что компании, которые он помогал открывать в качестве прикрытия для операций Управления, обладают потенциалом законной прибыли — а кроме того, на них можно здорово нагреть руки.

Контакт с богатыми и влиятельными людьми

воодушевлял — ведь Ларри был воспитан с верой в американский гений, позволяющий совершать скачки на новые уровни привилегий. Он увидел, что богатство — то, до чего можно дорасти. В Управлении хранилась масса разведданных о банановых республиках и их лидерах. Ларри обменивал секреты на возможности перспективной деятельности. Он проводил время на Кубе, налаживая отношения между правительством Батисты и заинтересованными лицами в США. Он помогал организовывать исследования полезных ископаемых, совершать сделки по подготовке месторождений, составлять буровые контракты, получать лицензии на открытие казино. Он ездил в провинцию Ориенте, чтобы оценить, до какой степени повстанцы могут угрожать полям сахарного тростника, находившегося под контролем североамериканских фирм. Угроза оказалась весьма ощутимой. Когда американская администрация покинула тенистые улицы, обсаженные пальмами, и белые особняки, когда бежали охранники компаний, когда местный армейский гарнизон был опустошен, состояние Ларри Парментера все еще оставалось вложенным в неисследованные нефтяные владения Кубы.

— Мне нравится этот халат, Ларри. Ты похож

на Орсона Уэллса крупным планом.

Он стоял в дверном проеме, рассеянно улыбаясь знакомой категоричности ее голоса, не вникая в смысл слов.

— Хотя если подумать, знаешь, на кого ты похож больше? На продажного боярина из «Ивана Грозного», выряженного в роскошные звериные шкуры. Налей мне чего-нибудь, я составлю тебе компанию. Мы должны составлять друг другу компанию.

После революции возник план вторжения. Парментер помог организовать корпорацию «Дабл-Чек», фронт вербовки летных инструкторов. Затем последовал «Гибралтарский Пароход» — компания, во главе которой стоял бывший чиновник Госдепартамента и экс-президент «Юнайтед Фрут». Парментер подчас и сам не мог сказать, где кончалось Управление и начинались корпорации. Людей связывал брак или кровное родство; среди директоров компаний встречались бывшие офицеры разведки высокого ранга, среди правительственных советников встречались бывшие директора компаний. Это общество было моделью мира в целом, но модель работала лучше, чем сам мир, здесь каждая вещь почти сказочным образом оказывалась связана с други-

ми. Здесь все происходило по сжатому плану. Эти люди полагали, что история зависит от них.

«Гибралтарский Пароход» обеспечивал прикрытие для пропагандистских операций против Кубы. Средством пропаганды было «Радио Лебедь», передатчик, установленный в огромном фургоне на одном из далеких островов на западе Карибского моря. Большой Лебяжий остров состоял из птичьих экскрементов, копившихся многие сотни лет. Три кокосовых пальмы и двадцать восемь человек. Славная арифметика, в один голос твердили все, имея в виду пустынность и изоляцию, основные компоненты для данного ремесла. Парментер использовал для вторжения те же приемы радиовещания, которые сработали в Гватемале. Зашифрованные послания из шпионских фильмов сороковых годов. «Внимание, Эдуардо, луна красная». Романтическая образность, сдобренная названиями местной фауны. «Барракуда спит на закате». «Акула оставляет золотой след». Позже Мэкки скажет Парментеру, что на его десантном судне, дрейфовавшем неподалеку от Блю-Бич, эта тарабарщина звучала бредом сумасшедшего. Она сводила на нет всю операцию, превращала бойцов в персонажей идиотской комедии.

Когда эти послания передавались в эфир, Ларри находился в Вашингтоне, в штаб-квартире вторжения, временном здании Управления рядом с мемориалом Линкольна. Он ел раскисшую еду с картонной тарелки, когда в зал управления поступила новость — Дж. Ф.К. не одобрил воздушное прикрытие высадки десанта. Люди не сразу осознали смысл сказанного. Слишком уж невероятная глупость и жестокость. Через комнату прошел полковник в костюме для гольфа. Люди начали орать на свое начальство, чуть не дошло до рукоприкладства. Кого-то лениво вырвало в мусорную корзину — он склонился над ней, упираясь руками в колени. Уин Эверетт прибыл из Майами, написал заявление об отставке, разорвал его, улетел обратно в Майами, быть рядом со ссыльными лидерами, которых заперли в казармах Опа-Лока, чтобы не просочилось ни слова о высадке. На той неделе в Южной Флориде случилась первая крупная предсмертная судорога.

Никто не произносил слов «операция по учебнику». Через три дня «Радио Лебедь» все еще выходило в эфир, обещая войскам, брошенным в болотах Сапаты, что подкрепление уже в пути. Ларри спал на раскладушке в грязном белье, но обязательно брился каждый день. Бритье подни-

мало его боевой дух, а он сейчас был рад любой поддержке. Несколько недель назад он занял внушительную сумму, чтобы скупить акции «Сахар Франциско» по сниженным ценам. Тогда все разговоры вертелись вокруг сахара. Свои люди обещали, что сахар даст ошеломляющую прибыль, как только плантации снова окажутся во владении США.

— Люди считают наш брак очень странным, — сказала Берил.

— С чего бы это? И кто? Что в нас странного?

— Да все подряд.

— Мне-то кажется, что люди находят нас интересными.

— Они находят нас странными. У нас нет ничего общего. В нашей жизни нет никакого бытового смысла. Нам даже не приходит в голову говорить о бытовых вещах.

— У нас нет детей. Мы не родители. Пускай родители говорят о быте. У них есть на то причины.

— Не важно, есть дети, нет детей. Говорю тебе, нас считают странными.

— Не думаю, что мы странные. Мне кажется, мы интересные.

— В каком-то смысле, интересные. Но при этом

странные. В основном имеют в виду меня. Из нас двоих я страннее.

— Не люблю такие разговоры. Я не знаю, что положено говорить в таких случаях.

— Возможно, зря об этом заговорили.

— Так что давай сменим тему.

— Хотя на самом-то деле, дорогой мой, ты гораздо страннее, чем при всем желании могу быть я.

— Как это страннее? Я не странный. Мне это все не нравится.

— Странный как мужчина. Странный, потому что мне никогда не удавалось разгадать, что у тебя на душе, в чем твоя суть.

— Слава богу, это не по моей части.

— Прожив с мужчиной долгие годы, я все равно не могу и отдаленно представить себе, каково это: быть им.

— Забавно. Я думал, женщины — загадочные существа.

— Нет-нет-нет, — мягко ответила она, будто поправляя обидчивого ребенка. — Это мудрость, которая передается от мужчины к мальчику годами, опыт и знания сотен поколений. Но это всего лишь очередная ложь Управления.

С той минуты как ЦРУ засекло передачу повстанцев от 1 января 1959 года, провозглашав-

шую, что тиран Батиста покинул страну в 2 часа ночи и доктор Фидель Кастро Рус стал верховным лидером Кубинской революции, — с той самой минуты и до теперешней, четыре с половиной года спустя, когда он в своем полосатом халате готовил для жены коктейль, Ларри постоянно занимался то одним, то другим заговором с целью вернуть Кубу. Никак не навоюешься, говорила Берил. Ей нравилось напоминать, что он по натуре не мстителен, не имеет стойких политических убеждений, не испытывает к Кастро ненависти и не желает ему телесных повреждений. На самом деле Ларри прославился тем, что однажды явился на маскарад Фиделем Кастро, с бородой, сигарой, в военной форме цвета хаки — где-то за месяц до вторжения. Тогда это казалось смешным.

Ларри очень не нравилось только одно. Тип людей, с которыми ему время от времени приходилось иметь дело, чтобы совместными усилиями вернуть свои кубинские капиталовложения. Держатели азартных притонов, казино и отелей, люди, которые привычно подкупали чиновников, регулярно отправляли с Багамских островов курьеров с тяжеленными сумками в Международный кредитный банк Женевы — эти люди стремились вернуть миллионы, которые

когда-то загребли с игровых столов в Гаване. Он не хотел иметь ничего общего с этими приземистыми итальяшками.

В тот же день, но чуть раньше, в приемную «Гай Банистер и партнеры» в Новом Орлеане вошел молодой человек. Дельфина Робертс сидела за столом и перепечатывала исправленный список правозащитных организаций для картотеки Банистера. Молодой человек терпеливо ждал. Подвернутые джинсы, на подбородке двухдневная щетина. Дельфина прервалась только для того, чтобы поправить свои начесанные волосы, — нервная привычка, с которой она намеревалась бороться. Затем снова принялась печатать, при этом видела, что молодой человек изучает календарь на стене, убеждая себя, будто его не заставляют ждать. Ей были знакомы самые разные повадки. Она могла одновременно печатать сложный текст и скрупулезно изучать посетителя. Улыбочка этого парня как бы говорила: «А вот и я — тот самый, кого вы ждали».

— Я хотел бы заполнить заявление о приеме на работу в вашу фирму.

Дельфина продолжала печатать.

— Я полагаю, у вас есть люди, которые занимаются подпольной работой, например, втираются

в доверие к студентам или ходят на политические собрания. Я имею в виду сбор информации. Я хотел бы работать у вас секретным агентом. У меня есть надежная кличка. Я служил в армии. И жил за границей в условиях, которые позволили мне постичь глубину коммунистического склада ума.

Дельфину это не удивило. К ним на Кэмп-стрит, 544 частенько захаживали без приглашения индивиды, заставляющие призадуматься. Этот адрес притягивал людей с самыми цветистыми биографиями.

Она прекратила печатать и протянула молодому человеку бланк заявления. Он сказал, что должен вернуться на работу в кофейную компанию за углом, но заполнит бланк и принесет утром. Затем ушел.

Из задней комнатки вышел Дэвид Ферри и своим всегдашним недоверчивым шепотом спросил:

— Это еще кто?

— У него надежная кличка.

— У нас что, есть бланки для секретных агентов?

— Нет. Я дала ему стандартный бланк.

— Там, где рост и вес?

— Наверное. Я не знаю.

— Есть ли психические заболевания в семье. Или сообщите нам историю болезни.

— Как хочешь, так и думай, Дэйв. Я занята. Очень занята.

— Как можно описать заболевание на стандартном бланке?

Дэвид Ферри прошел в пустой кабинет Гая Банистера и выглянул на улицу, в надежде увидеть молодого человека, чей голос он только что слышал. В его манере говорить было что-то знакомое. Сможет ли он узнать его внешне, судя по голосу? Ферри вглядывался в толпу пешеходов. Черномазых полно, думал он. Но ни намека на сладкоголосого паренька, который хочет стать шпионом.

В Форт-Уорте

Даже вернувшись из армии, он оставался военным. Его отец был ветераном. Оба брата служили. Мой собственный брат был военным моряком. Мы семья военнослужащих. Он каждый месяц высылал мне часть своего жалования, и когда узнал о моем увечье, о чем я написала в письме, то подал заявление об увольнении по семейным обстоятельствам, так как я была недееспособна и полгода пыталась накопить, чтобы подать иск. Тогда их часть размещалась в Калифорнии, и его быстро отпустили на помощь матери. Меня покалечило банкой с леденцами, упавшей с полки; четыре врача делали мне рентген носа и лица, плюс там еще время и стоимость проезда, а магазин по-прежнему не желает раскошеливаться. Я инвалид, я не в состоянии копить деньги. Это как во времена мистера Экдала, у которого ежегодный доход в десять тысяч, а жил он за казенный счет и обстряпал все так, что мне не досталось никакого пособия.

Я не говорю про то, что у Ли был замечательный голос и что в шесть лет он прекрасно пел в Ковингтоне, штат Луизиана. Он солировал в

лютеранской церкви, «Ночь тиха», и это можно подтвердить.

И теперь мальчик возвращается из армии и говорит, что будет работать на торговом судне и посылать мне деньги. Больше мы и не поговорили за те три дня, что он спал на раскладушке в кухне, потому что у меня не нашлось другого места, плюс он сказал: мама, я сдал экзамены за среднюю школу и это уж я совсем не понимаю, зачем, если собираешься таскать ящики на грузовом корабле. Он побыл здесь всего несколько часов за эти три дня, собрал сумку и уехал. Потом я получила письмо со штампом почты Нового Орлеана, что он забронировал место на судне в Европу. Мне трудно с этим примириться, ваша честь. В письме ничего не сказано про торговое. Про то, что он будет работать некоторое время, пока я не найду для нас обоих квартиру побольше. Там сказано: «Я забронировал место». Там сказано: «Моя система ценностей сильно отличается от твоей и Роберта». Там сказано: «Я не сообщил тебе о моих планах, потому что ты вряд ли поняла бы меня».

Эта извечная борьба всей моей жизни заставила его уехать.

Открытка № 3. На борту фрейтера «Марион

Лайкс», направляющегося в Гавр. Одинокому чудаку не о чем говорить с остальными тремя пассажирами в этом шестнадцатидневном плавании. Серое море, сильное волнение, пропущенные завтраки, обеды и ужины. Он говорит им, что едет учиться в Швейцарию, но не упоминает ни названия учебного заведения, ни профессии, которой намеревается себя посвятить. Он отказывается сняться на память, как ни уговаривают его дружелюбные попутчики. Она — вполне славная дама, ее муж — подполковник армии США в отставке. Уж казалось бы, посреди океана он мог бы спокойно сидеть на палубе, а не отвечать на вопросы какого-то вояки с ясным взором. Меньше всего он общается с четвертым пассажиром, соседом по каюте. Парнишка только что окончил школу и направляется во Францию учить французский. Он родом из Техаса, и внешне похож на Ли, только в более удачном исполнении для окружающего мира.

Будто тень его собственной жизни то и дело ложится поперек дороги.

Он наблюдает за ними на ужине в кают-компании, и, кажется, понимает, почему они так довольны собой. Они уже почувствовали незримые узы: все они американцы. Они чуть ли не

светятся от осознания этого факта, направляясь к чуждым берегам, в окружении отчасти иностранного и по преимуществу чернокожего экипажа, восхищаясь своей прямотой и положительностью, своими демократическими ценностями, своей моральной силой, тем, как они держат нож и вилку, как улыбаются в этом великолепии и блеске — именно поэтому он не ел вместе с ними и не вступал в разговор.

Перед ним на белом блюдце лежит спиральная кожура мандарина. Он думает о девяти месяцах, которые провел на аэродроме морской пехоты Эль-Торо в Калифорнии, вернувшись из Японии. Он продолжал изучать русский, подучил испанский (это было время Фиделя Кастро) и обдумал изящный обман, который позволил бы ему оказаться там, где он находился сейчас.

В библиотеке базы он нашел каталог зарубежных колледжей. Просмотрел список на предмет малоизвестных школ, расположенных в нужных ему местах, и запросил бланк заявления о приеме. Колледж Альберта Швейцера. Хурвальден, Швейцария. Ему нужно было придумать повод для поездки за границу, потому что морской пехотинец после демобилизации еще два года находится в резерве.

На бланке в качестве основных интересов он перечислил: *философия, психология, идеология, футбол, бейсбол, теннис, коллекционирование марок.*

Профессиональные интересы (если они определены): *написание рассказов о современной американской жизни.*

При определенном освещении море становится зеленым, он наблюдает с палубы неторопливую однообразную рябь. Вернувшись в свою каюту, он лежит на койке и слушает неспешное поскрипывание корабля, будто вокруг него шевелится какой-то гигантский мозг. Перлини — это канаты для швартовки.

На бланке заявления о приеме в колледж он счел необходимым указать, что по окончании семестра намерен посетить летние курсы университета Турку — в Финляндии.

Хайдел пробирается все дальше на Восток.

19 июня

Мэри Фрэнсис оставила машину под дубом на круговой автомобильной дорожке рядом со зданием Педагогического Колледжа, иначе говоря — Старым Главным Корпусом. Ей было приятно, что Уин работает в самом старом строении на территории колледжа. Ей нравилось само здание: арки подъездов, колонны высотой в два этажа. В Дентоне есть потаенные улочки, хранящие томный дух истории, староамериканское спокойствие, задумчивость и неизменность, есть и еще более древние черты, идеи и ценности, запечатленные в известняке и мраморе, в завитках, венчающих колонны, и в деталях фриза, как на банкноте. Старый Корпус, здание окружного суда, широколобые фасады, дома с большими тенистыми верандами, деревья, улицы, названные в честь деревьев, — все это радовало, наводило на мысль, что счастье каждую минуту живет во всем, что она видит и слышит. Счастье состояло в том, чтобы замечать мелочи — много мелочей, день за днем, каждую минуту, — и теперь она ощущала это не только всем сердцем, но и всей кожей, каждым волоском.

Сюзанна сидела рядом с матерью, вытянув руки по швам, поставив прямо худые незагорелые ноги, вся — притворное послушание. Они друг с другом не разговаривали.

Можно быть счастливой прямо сейчас. Не обязательно переживать счастье только в воспоминаниях, подобно Уину. Он любил доказывать это в своей мягкой манере, с миной «профессора-неудачника» (как он сам выражался), слегка наклонив голову вправо. Счастье не имеет отношения к труднодостижимому сиянию или медитации. Его можно почувствовать прямо сейчас, собрать из названий окружающих предметов: персидской сирени, дуба, вяза. Ей нравилось жить здесь после Майами, Гаваны, Мехико, Гватемалы, непродолжительного пребывания в юго-восточной Вирджинии (ИЗОЛЯЦИЯ), прямых улиц с одинаковыми домами на побережье Каролины (ТРОПИК ИЗОЛЯЦИИ).

Сейчас они поедут в «Стейк-Хаус» на Саут-Локаст — полакомиться гигантскими креветками с салатом, картошкой фри и горячими булочками, потом Уин предложит зайти в «Лэйнз» за мороженым.

Жаркие голубые небеса.

Тишина в машине, тишина на выгорающих

лужайках.

Сюзанна задерживала дыхание.

Из своего кабинета в подвале Старого Главного Корпуса Уин Эверетт разговаривал по телефону с Парментером.

— Откуда Мэкки все это знает, если он не выходил с ним на контакт?

— Ти-Джей получает информацию из конторы Банистера. Один из людей Банистера — доверенное лицо Освальда.

— Что дальше?

— В январе он заказывает у одной фирмы в Лос-Анджелесе тупорылый 38-го калибра. В марте выписывает из Чикаго итальянский карабин со снайперским прицелом.

— Вооружен и опасен, — тихо произнес Уин.

— Это еще не все. Ты там хорошо сидишь? Он раздает на Улице прокастровские листовки. Два или три дня назад вручал их морякам с авианосца.

Эверетт уставился в пространство.

— И как это согласуется с тем, что он работает в одном здании с детективным агентством Банистера, непосредственно над конторой Банистера, то есть, черт побери, над опорным пунктом всей антикастровской кампании в Луизиане?

— Никак не согласуется, — ответил Парментер.

— Я рад, что ты это сказал. А то я уже начал думать, что чего-то недопонимаю.

— Мне известно только то, что сообщил Ти-Джей. А именно: объект появляется в конторе Банистера и предлагает свои услуги в качестве секретного агента. Банистер определяет его в чулан этажом выше. Комнатенка превращается в новоорлеанский штаб комитета «Справедливость для Кубы». И объект в белой рубашке и галстуке кидается на улицы раздавать листовки.

Между собой они называли Освальда «объектом», президент же обозначался кодовой кличкой «Улан», принятой в Секретной службе. Человек всеми силами стремится ограничить поверхность, на которой могли бы задержаться боль и раскаяние — чья угодно боль. Темя для вечерних раздумий.

— Дай-ка разобраться, — произнес Уин. — Значит, объект покидает Даллас. Он испаряется, исчезает из нашей жизни — перспективная часть операции навеки утрачена.

— Потом он внезапно всплывает там, где мы меньше всего ожидаем его увидеть.

— Он возникает из ниоткуда в конторе Гая Банистера в Новом Орлеане и ищет подпольную

работу. Тот же самый парень, который дезертировал в проклятый Советский Союз, а потом из заказной винтовки выстрелил в генерала Уокера. Забредает прямо в центр вражеского лагеря.

— Мэкки должен поручить Гаю Банистеру подыскать замену нашему мальчику. И что же? С улицы забредает подлинник собственной персоной.

Эверетт обшарил карманы: где сигареты?

— Ты должен сблизиться с объектом, — сказал он.

— Только не это.

— Послушай, Ларри…

— Я не больше тебя жажду личного контакта, дружище. Поручи его Мэкки.

— Он сейчас где?

— На Ферме, насколько мне известно.

— Хорошо. Знаешь что? Добудь образец почерка этого парня.

— Я сейчас же свяжусь с Ти-Джеем.

Коридор был пуст. Уин поднялся по лестнице на первый этаж. За стойкой никого. Он вышел на улицу. Учебный год закончился. Вдалеке не спеша двигались люди — летние студенты, обслуживающий персонал; поливальная установка на газоне разбрызгивала воду непрерывными

дугами, трава лениво посверкивала.

Покушению должна предшествовать провокация.

Он разрабатывал сверхсекретную директиву избранным членам «Высшей исследовательской программы» от заместителя директора по планированию, датированную маем 1961 года. В ней убийства зарубежных лидеров рассматривались с философской точки зрения. Также цитировался фрагмент из Псалтири, о котором внешний мир и не подозревал. «Уничтожайте с крайним пристрастием». Парментер изготовил эту директиву на соответствующих бланках и пишущей машинке.

Второе. Через своих людей в Маленькой Гаване Эверетт разместил в эмигрантском журнале, издававшемся в Нью-Джерси, зашифрованную новость. В этой заметке «из анонимного источника» речь шла об операции, которую Военно-морская разведка проводила из Гуантанамо, базы США Рядом с восточной оконечностью Кубы, в июле 1961 года. История была сфабрикована, но сам по себе план убийства Фиделя Кастро и его брата Рауля существовал в действительности. Вырезку из этого журнала должны будут найти среди вещей объекта после неудачного покушения на жизнь президента США.

Третье. Он работал над схемой записей телефонных разговоров на листах бумаги из Отдела технических служб. Закорючки, номера телефонов, аббревиатуры быстродействующих ядов, произведенных в спецлаборатории этого Отдела, которую в шутку именовали «Комитетом модификации здоровья». Расшифровщику последовательности телефонных номеров придется проделать извилистый путь, в котором наряду с большим количеством тупиков (цветочная лавка, супермаркет) будут фигурировать домашний телефон ссыльного лидера в Майами, мотель в Ки-Бискейне, которым владеет мафия, яхта, пришвартованная у пристани Майами, — местожительство резидента ЦРУ.

Он направился к машине.

Местный колорит, биографические данные, связи, над которыми исследователям придется поломать голову. У него были и другие схемы, другие, подлинные документы, относящиеся к попыткам покушения на Кастро — попыткам, в которых он лично участвовал на стадии планирования. Парментер устроит так, чтобы это чтиво окольным путем попало в руки журналистов, членов подкомитетов и прочих людей, способных выставить их на всеобщее обозрение. Стоит

народу понять, что покушение на президента — кубинский ответ на многочисленные попытки американской разведки убить Кастро, как остров снова почти у нас в кармане.

Уин издалека увидел их в машине. Его лицо расплылось в улыбке. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он двинулся к правой передней дверце. В жарком слепящем свете казалось, что мокрая трава усыпана блестками. Он на цыпочках подкрался еще ближе и, широко улыбаясь, стал ждать, когда Сюзанна его заметит.

Гай Банистер в одиночку сидел в баре «Кац и Джеммер», на любимом месте в ближнем углу, где барная стойка закругляется и упирается в стену. Ему нравилось сидеть, привалившись спиной к стене, глядя на улицу, на неоновые головы прохожих, что, покачиваясь, проплывали мимо рекламы пива «Фальстаф» в высоком окне.

Доктор запретил ему пить. Он пил. Запретил курить. Он курил. Посоветовал уйти из детективного агентства. Он стал работать больше обычного, составлял более длинные списки, перевозил оружие, хранил боеприпасы, заправлял славными ребятами, шпионившими в местных университетах.

Дэйв Ферри вечно зудел по поводу опухоли,

растущей у него в мозгу. Но если кого и донимали провалы сознания и головокружение, так это Банистера; он сидел за письменным столом и наблюдал, как собственная рука начинает дрожать где-то в отдалении, будто чужая.

Ему шестьдесят три года, из них двадцать лет он провел в Бюро. Агент, кавалер многих орденов сидел в баре один и пил.

Под пиджаком он носил «кольт» из вороненой стали, рассверленный для патронов «магнума-357». Гай искренне полагал, что старого доброго «особого тридцать восьмого» недостаточно для тех ситуаций, в которые человек его положения мог попасть в любое время дня и ночи. Аминь. Красивая золотистая жидкость поблескивала на дне стакана. Он залпом проглотил остатки бурбона и уставился на подошедшего бармена.

— Мы взяли его на выходе из «Биографа» в Чикаго, в июле тридцать четвертого, застрелили в переулке в трех домах от театра.

— О ком идет речь? — уточняет лопоухий бармен.

— О мистере Джоне Диллинджере. Вот о ком. Налей мне, блядь, еще.

— Со льдом или без?

— Знаменитый финал. Поклонники старины

Диллинджера могли бы сказать тебе, какой шел фильм, когда мы его пристрелили.

— Ума не приложу.

— «Манхэттенская мелодрама» с Кларком Гейблом.

Бармен рассеянно наполнил стакан.

— Если знаменитый финал случается неподалеку от кинотеатра, надлежит знать, что там показывали.

— Не сомневаюсь, мистер Банистер.

— Это был большой, блядь, фурор.

Он доставлял боеприпасы на острова южной Флориды — бомбить нефтеперегонные заводы и для залива Свиней. У него в конторе скопилось такое количество оружия, что Ферри пришлось забрать часть домой. На кухне у Ферри складировали противопехотные мины. Судя по тому, что десятки группировок склонялись ко второму вторжению, должно было что-то произойти. И правительство знало об этом. Рейды и аресты теперь стали обычным делом. Все переворачивалось с ног на голову.

Он увидел, как мимо окна прошел юнец Освальд, он направлялся домой со своей работы в «Кофейной компании Уильяма Рейли». Еще одна голова покачивается в великом новоорлеанском

потоке.

Рука начала дрожать где-то вдали. К нему это не имело отношения.

Он стал работать еще больше, составлять еще более длинные списки. То и дело его люди обнаруживали новые имена. Ему нужны были списки подрывных элементов, профессоров левых убеждений, конгрессменов, голосовавших за сомнительные законопроекты. Списки негров, любовниц негров, вооруженных негров, беременных негритянок, светлокожих негров, негров, состоящих в браке с белыми. Негра невозможно сфотографировать. Он ни разу не видел фотографии негра, на которой можно было бы распознать черты лица. Такова их природа: они не излучают света.

«Таймс-Пикайюн» была набита россказнями о правозащитной программе Дж. Ф.К. Кого-кого, а Кеннеди сфотографировать можно. Для этого Кеннеди и нужен. От человека с секретами всегда исходит сияние.

Мы профукали Восточную Европу. Мы профукали Китай. Мы профукали Кубу, всего в девяноста милях от нашего берега. Мы вот-вот профукаем Юго-Восточную Азию. Дальше пойдет белая Америка. Мы отдадим все негритосам. Во всех этих

маршах и демонстрациях против дискриминации Гай не выносил одного. Когда проклятые белые принимаются петь. Все трещит по швам. От этого всем становится не по себе.

Он подозвал бармена:

— Ты знаешь, что Кеннеди повсюду возит с собой десять или пятнадцать человек, похожих на него как две капли воды? Знаешь?

— Нет.

— Ни разу не слышал?

— Ни разу не слышал, что возит.

— Возит, — сказал Банистер.

— Таких же, как он?

— Их что-то около пятнадцати. Куда ни поедет, они вместе с ним. Они, блядь, всегда на стреме. Знаешь, зачем? Чтобы отвлекать внимание. Потому что он знает, что многие из-за него сбрендили.

Банистер — ровесник века, двадцать лет работал в Бюро; был большой шишкой в местной полиции, пока не выстрелил из пистолета в потолок одного туристического бара.

Он допил виски и собрался уходить.

Враг народа номер один. Душная июльская ночь. Мы разделались с ним в переулке у «Биографа».

Контора его располагалась в двух шагах от бара, но он не хотел заходить с Кэмп-стрит, потому что именно там его будут поджидать, чтобы уничтожить, рано или поздно, днем или ночью, когда придет время. Он зашел через боковой вход с улицы Лафайет и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж.

Дельфина сидела за своим рабочим столом в приемной. Она улыбнулась ему ханжеской улыбочкой, означавшей, что она догадывается: он пил. С такой любовницей никакая жена не нужна.

— Ты кое-что обязательно должен узнать, — сказала она.

— Скорее всего, я и так знаю.

— Нет, об этом не знаешь.

Он сел на виниловый диванчик, который, по мнению Ферри, распространяет раковую заразу, неторопливо вытряхнул сигарету из пачки и закурил. Зажигалка «Зиппо», которую он пронес через всю войну, до сих пор исправно работала, выбрасывая шипящий язычок пламени.

— Насчет этого Леона этажом выше, как бишь его, который работает в свободной комнате.

— Освальд.

— Я поднялась туда после обеда, искала папки

— они словно встали и ушли. В кабинете никого не было. Только стопки рекламных листовок на столе. Знаешь, что в них? «Руки прочь от Кубы». «Справедливость для Кубы». Эта прокастровская пропаганда лежит на столе прямо у нас над головой.

Гай Банистер повертел сигарету в руке.

— Ну и что дальше? — В его глазах светилась усмешка.

— Я не шучу, Гай. В этом кабинетике лежит подрывное чтиво.

— Ты, главное, проследи, чтобы эта рекламка не встала и не пришла сюда. Я не хочу, чтобы она оказалась здесь. У него своя работа, у нас своя. Все ради одного и того же.

— То есть ты об этом знал.

— Мы просто посмотрим, как оно подействует.

— Так что же ты знаешь о *нем!*

— Лично я — не то чтобы много. В основном он работает с Ферри. Ферри поручился за него. Это проект Дэвида Ферри.

— Хотела бы я знать, к чему это, — сказала Дельфина.

Банистер улыбнулся и встал. Ткнул сигарету в пепельницу. Затем подошел к Дельфине сзади и принялся массировать плечи и шею. На столе

лежал недавний выпуск «В цель», бюллетеня «Минитменов». Его внимание привлекла фраза, напечатанная курсивом: «Даже сейчас ваша шея находится в перекрестье оптического прицела». Что-то витает в воздухе. Некая сила, которую разные люди ощущают в один и тот же исторический момент. Ее можно почувствовать кожей, кончиками пальцев.

— Что насчет парня, который звонил сегодня утром? — спросила Дельфина. — Он будто бы говорил издалека — во всех смыслах.

— Ты выслала ему пятьдесят долларов?

— Все, как ты сказал.

— Это один из людей Мэкки. Мне он не знаком. Я сказал ему, как связаться с Ти-Джеем.

Она прикоснулась к волосам, глядя в дымчатое стекло входной двери.

— Увижусь ли я с моим агентом сегодня вечером?

Он потянулся за сигаретой через ее плечо.

— Прежде чем уйдешь, заведи папку, — сказал он. — «Справедливость для Кубы». Пусть она будет в славной розовой обложке.

— И что туда класть?

— Дельфина, главное — завести папку, а наполнить ее содержимым — дело времени. Материал

будет: заметки, списки, фотографии, слухи. Мелочи и сплетни, которые молчат, пока кто-то не начинает их собирать. Все они ждут, когда ты заведешь папку.

Этим холодным утром Уэйн Элко, безработный чистильщик бассейнов, сидел на длинной скамье в зале ожидания вокзала Юнион в Денвере.

Ему пришло в голову, что уже бог знает сколько времени он постоянно то уезжает, то приезжает. Никогда не сидит на месте — да и нет для него места. Он ни здесь, ни там. Прямо философский вопрос.

Рядом на скамейке лежал рюкзак цвета хаки и допотопная хозяйственная сумка из какого-то супермаркета «Эй-энд-Пи» на Побережье. Вся материальная составляющая его жизни умещалась в этих двух старых торбах.

Он был человеком «рисковым». Это словцо с настоящего фронтира, ему уже сто лет. За двадцать долларов он мог подкрутить вам одометр на двадцать тысяч миль. Дело пятнадцати минут. А за сотню долларов — установить пластиковую бомбу и отправить машину в автомобильный рай, если того требовала ваша страховка. Правда, это он мог сделать и бесплатно. Из чистого научного интереса.

Свет раннего утра проникал сквозь высокие арочные окна. Скамейки были длиной тридцать футов, с высокими, хорошо отполированными закругленными спинками. На потолке висели гигантские люстры. В зале никого, за исключением двух-трех вокзальных завсегдатаев, двух-трех призрачных людей, которых он встречал на каждой остановке, людей, живущих в стенах, будто ящерицы. Тишина, арочные окна, деревянные скамейки и люстры — похоже на церковь, думал он: туда приезжаешь на поездах, из грохота и пара ныряешь в высокое пустое пространство, где можно размышлять о самом сокровенном.

Он проспал на скамейке десять минут, когда полицейский треснул его дубинкой по задранному колену. Звук был такой, будто стукнули полую деревяшку. Добро пожаловать в Скалистые горы.

Уэйн поднялся, собрал вещи, перешел через дорогу и тут же заснул на бетонной погрузочной платформе товарного склада. Теперь его разбудили грузовики. Он миновал район со складскими холодильниками, где на мощеных булыжником улицах пересекались старые двухколейные рельсы. На углу Двадцатой и Блейка человек мыл шваброй мусоровоз. За колючей проволокой стояла сотня разбитых автомобилей, и на

каждый квадратный фут приходилась тысяча осколков стекла. Денверский район битого стекла. На углу Двадцатой и Лаример ему попалось несколько мужчин с нетвердой походкой. Ранние пташки-алкоголики на прогулке. «Баптистская Миссия». «Денежные ссуды». Парень в остроконечной шляпе — индеец или мексиканец, а может, полукровка, кто его разберет, — спускался вниз по улице и бормотал проклятия на каком-то придуманном языке. Напомнил Уэйну людей из Эвеглейдз и с Безымянного острова, когда он тренировался с бригадой «Интерпена».[8] Всех этих парней, сражавшихся за Кастро и перешедших на другую сторону. Мрачная ярость на лицах. Фидель предал революцию.

Ему доводилось жить среди постоянно обновляющейся популяции лихих коммандо в пансионате на Юго-западной 4-й улице в Майами. Они неделями тренировались в мангровых болотах и на тридцатипятифутовом баркасе совершали вылазки на кубинское побережье, в основном чтобы высадить агентов и пострелять по силуэтам. Или же, не отходя далеко от дома, обшитого вагонкой, чистили автоматы на заднем

[8] Примечания: 8

Боевая группа «Силы межконтинентального проникновения» (Interpen) была основана под эгидой ЦРУ в 1961 г.

дворе. Инструкторы по дзюдо, капитаны буксиров, бездомные кубинцы, бывшие парашютисты вроде Уэйна, наемники с тех войн, о которых никто не слыхал, в Западной Африке или Малайе. Вылитые персонажи любимого фильма Уэйна «Семь самураев», воины без господина, которые держатся вместе, чтобы спасти деревню от мародеров, отвоевать родину, а кончилось все тем, что их предали. Сначала реактивные самолеты ВМФ начали совершать рекогносцировочные полеты над Безымянным островом и щелкать на пленку грязных ребят. Затем пятерых коммандо «Интерпена» забрали за бродяжничество — любезность шерифа округа Дэйд. Потом к ним ворвались таможенники США и арестовали дюжину парней, в том числе Уэйна Элко, в боевом обмундировании и с маскировочной раскраской на лице, они как раз отплывали на Кубу на своем двухмоторном баркасе.

Дж. Ф.К. заключил сделку с Советами, чтобы Кастро оставили в покое. Невероятно. Тот самый человек, за которого Уэйн голосовал бы, если бы вовремя почесался зарегистрироваться. Он верил в свою страну, в преданность, в горы и реки. Все это было связано между собой.

Он отыскал телефон и позвонил в Новый Ор-

леан по номеру, который Т. Дж. Мэкки дал ему около года назад, за счет абонента. Он сообщил женщине, взявшей трубку, что хочет поговорить с мистером Гаем Банистером.

— Алло, это Уэйн Элко. Меня тут прибило к берегу в Денвере, Колорадо, передайте Ти-Джею. Мне бы работу.

Уин Эверетт сидел в подвале у себя дома, сгорбившись над столом. На столе было разложено все для работы, в основном — обычные бытовые предметы, небольшие и недорогие: ножницы, лезвия, ацетатная калька, несколько видов клея, мягкий ластик, дорожный утюг.

Он чувствовал себя на редкость бодрым и уверенным, создавая человека с помощью ножниц и клейкой ленты.

Его снайпер возникнет и вновь растворится в лабиринте выдуманных имен. Следователи найдут заявку на почтовый ящик, военный билет морского пехотинца США, карточку социального страхования, заявление о выдаче паспорта, водительские права, украденную кредитную карту и еще полдюжины документов на два или три разных имени, каждое из которых выводит на Управление разведки Кубы.

Он работал над карточкой «Обеденного клуба»,

удаляя чернила с рельефных букв с помощью ватной палочки, смоченной в полиэфирной смоле. Из радиоприемника на полке доносилась спокойная музыка. Он прижал карточку к теплому утюгу и стал медленно нагревать его, чтобы расплющить буквы. Затем бритвенным лезвием срезал оставшиеся выпуклости. Нужно будет еще раз нагреть карточку и напечатать на ее лицевой стороне новое имя и номер с помощью адресографа.

Он научился этому тонкому ремеслу в самом начале своей карьеры офицера-оперативника. До этого преподавал в нескольких гуманитарных колледжах на Среднем Западе, в городках вроде Франклина, Индиана, где проницательный коллега, каким-то образом связанный с ЦРУ, завербовал его для секретной работы. Сразу же стало ясно — вот именно то, что нужно, возможный выход для того нетерпения, что он ощущал, работая в своей системе, необходимость рисковать чем-то важным, бросать вызов своему нравственному довольству, чтобы почувствовать себя состоявшимся. Вскоре он уже обучался полезным способам распечатывания и запечатывания конвертов (как читать чужую почту, чтобы адресат об этом не догадывался) и то и дело вспо-

минал сонные дни в маленьком Франклинском колледже. Проведя несколько лет в Гаване и Центральной Америке — в частности, на должности начальника базы в Гватемале, — он оказался в числе людей, которым поручили координировать обучение бригады кубинских эмигрантов. С тех пор он постоянно спешил. Подводные диверсии в Пуэрто-Рико и Северной Каролине, парашютные маневры в окрестностях Феникса, организация групп в Никарагуа, Майами, Ки-Уэст.

Сейчас он был энергичен как никогда, он на пике событий.

Следующим пунктом шла записная книжка молодого человека. Главный проект. Как только появится образец почерка, Уин нацарапает на этих небольших страницах вдоволь ложных следов, примет бурной жизни, неуловимой тайны, такое количество реальных и вымышленных лиц, что следователи будут обеспечены работой на несколько месяцев.

Уин открутил колпачок универсального клея «Элмер». Лезвием вырезал из листа матовой бумаги новую полоску для подписи. Сверил длину и ширину полоски с пустым местом на кредитной карте. Потом нанес ровный слой клея на бумагу и слегка прижал ее к карте. Пока клей подсыхал,

он слушал радио.

С тех пор он постоянно спешил. Форт-Гулик в зоне Панамского канала. База Траке в Гватемале. Теперь все стихло. У него достаточно времени, чтобы перелистать страницы всех книг, которые он намеревался прочесть.

После записной книжки он займется вымышленными именами. Он с нетерпением ждал этого. Школьным ластиком дочери удалил излишки клея с оборотной стороны карточки. Выключил радио, выключил свет и поднялся по старой дощатой лестнице.

Снайпер появится из-за живописной марлевой кулисы. Нужны совпадения, неуловимая тайна. Так будет правдоподобнее.

Он проверил, заперта ли входная дверь. Дни приходят и уходят. Снова пора спать. Теперь все время пора спать. Он обошел дом, выключая повсюду свет, проверил заднюю дверь, проверил, выключена ли плита. Это означало, что все идет как надо.

Когда-нибудь эту операцию будут изучать на высочайших уровнях разведки в Лэнгли и Пентагоне.

Уин выключил свет в кухне. Начал подниматься по лестнице, но решил еще раз проверить

плиту, хотя и был уверен, что она выключена. Поразить их воображение. Создать настолько странную цепочку совпадений, что им придется поверить. Создать одиночество, терзающее жестоким вожделением. Вот такого человека. Арест, вымышленное имя, ворованная кредитная карта. Выслеживать жертву — способ организовать свое одиночество, сплести из него сеть, ткань связей. Отчаявшиеся люди посвящают свое одиночество цели и судьбе.

Плита была выключена. Он постарался это запомнить. Поднялся наверх и услышал тихую музыку из радиоприемника в спальне.

Вот такого человека. Он сам себе сторож, он живет в случайном пространстве. Если мир — это место, где мы прячемся от самих себя, то что делать, когда мир оказывается недоступен? Мы придумываем себе новое имя, придумываем судьбу, заказываем по почте огнестрельное оружие.

Улан отправляется в Гонолулу.

На этом уровне он действовал безукоризненно. Полный энергии, проницательный, все под контролем. Дальше идет записная книжка. Нам нужен живописный промах.

Голос радиостанции «КДНТ» сообщил, что комитет Организации Американских Государств,

состоящий из представителей восьми держав, обвинил Кубу в подготовке марксистского переворота в Западном полушарии. Остров — место подготовки агентов. Правительство вступило в новую фазу поощрения насилия и беспорядков в Латинской Америке.

Ему не нужны подобные напоминания. Не нужны дикторы, сообщающие, во что превратилась Куба. Его удел — безмолвная борьба. *Он* преисполнен тихой ярости и решимости. Ему не нужны попутчики. Чем больше людей верит в то же, во что и он, тем менее чистым становится его гнев. Страна гудит от дураков, позорящих его гнев.

Он надел пижаму. Кажется, будто теперь он постоянно в пижаме. Еще и полдня не прошло, а уже снова пора спать. Мэри Фрэнсис спала. Уин выключил радио, выключил лампу. Он мысленно обратился к той неизвестной силе, что правит небом, бесконечными водородными спиралями, сферой ночи, всеми земными душами. И просто попросил: пожалуйста, пусть я засну и не увижу снов.

Сны приносят с собой необъяснимые кошмары.

В Москве

Он открыл глаза и увидел большую комнату. Высокий потолок, старые плюшевые кресла, рядом на стене — тяжелый ковер с затхлым запахом. Он выбрался из постели и дошел до окна. Люди спешат, на автобус длинные очереди. Он умылся и побрился. Надел белую рубашку, серые фланелевые штаны, темный узкий галстук, коричневый кашемировый свитер и снова босиком подошел к окну. «Москвичи», — подумал он. Затем надел носки, добротные ботинки и фланелевый пиджак. Взглянул в зеркало с позолоченной рамой. Потом уселся в одно из старых кресел в комнате с тюлевыми занавесками и аккуратно положил ногу на ногу. Теперь он — историческая личность.

Позже он впишет в свой «Исторический дневник» краткий отчет об этих днях и следующих за ними неделях и месяцах. Буквы в основном печатные, строки перекошены и гуляют по странице. Листы испещрены словами сверху донизу и от края до края: вычеркнутые слова, замазанные слова, слова, написанные без пробела, попытки

исправлений и добавлений, нечаянные переходы на письменный почерк — ощущение, что человек писал, не переводя духа, лишь изредка попадаются спокойные фрагменты.

Он сообщил своему интуристовскому гиду, молодой женщине по имени Римма, что собирается подать прошение о советском гражданстве.

> Она изумилась, но соглашается помочь. Расспрашивает меня обо мне и почему я это делаю. Объясняю ей, что я коммунист и т. д. Она вежлево сочув. но теперь тревожится. Старается быть дружелюбной. Ей меня жалко. Ведь я новичок.

На двадцатилетие (два дня спустя после его прибытия) Римма подарила ему роман Достоевского на русском языке и написала на титульном листе «Поздравляю! Пусть все твои мечты сбудутся!».

После этого время ускорилось. Он не успевал следить за смыслом событий, не получалось стать прежним и думать по-прежнему. Тайна, которую он больше года лелеял в морской пехоте, — план дезертирства, — была главным смыслом его жизни до этого момента. Теперь в кабинете какого-то лысого чиновника он пытался объяснить, что для него означает жить в Советском Союзе, в центре

мировой борьбы.

Чиновник смотрел сквозь Освальда на закрытую дверь кабинета.

— СССР велик только в литературе, — сказал он. — Отправляйтесь домой, друг мой, и примите наши наилучшие пожелания.

Но Освальд не шутит.

> Я ошеломлен я снова повторяю просьбу, он говорит, что проверит и даст мне знать.

Решение сообщили в тот же день. Виза Ли Х. Освальда перестанет действовать в восемь часов вечера. У него остается два часа на то, чтобы покинуть страну. Казалось, будто полицейский чиновник, который принес ему эту новость, понятия не имел, что Освальд в тот же день, но раньше, разговаривал с чиновником в паспортном отделе. Ли попытался объяснить, что первый чиновник не ставил ему жесткого срока, надеялся, что визу можно продлить. Он не мог вспомнить ни имени чиновника, ни названия отдела в Министерстве внутренних дел, где тот работал. Принялся описывать его кабинет, одежду. Отчаяние захлестывало его. Второй чиновник не понимал, о чем он говорит.

Ужасала именно эта беспомощность. Никто не осознавал его исключительности. Существовала некая уловка, которая разом бы все уладила, но он ею не владел. Другие знали, как следует поступать, а он нет. Другие справлялись, ему же это не удавалось. Он самостоятельно добрался сюда. Гавр, Саутгемптон, Лондон, Хельсинки — затем на поезде через советскую границу. Он строил планы, готовился к новой жизни, а теперь никто не хочет уделить ему десяти минут и уяснить, кто он такой. Ноль в системе. Он сидел у окна, уставившись на открытый чемодан, что стоял на подставке в другом конце комнаты. Часть вещей он даже не успел распаковать.

Я потрясен!! Мои мечты!

Здесь он — иностранец. Возмущаться бессмысленно. Он не знал, как выразить обиду. Она американского происхождения и здесь не имеет веса. Освальд впервые осознал, какой опасный поступок он совершил, покинув свою страну. Попытался бороться с этим осознанием: он терпеть не мог узнавать то, чего узнавать не хотелось. Он открыл дверь и выглянул в коридор. Женщина, раздающая ключи, сидела за маленькой конторкой возле лифта. Она повернулась и взглянула на

него. Он вернулся в комнату.

> 7 часов вечера. Я решаю покончить с этим. Подержу запястье в холодной воде, чтобы не чувствовать боли.

Он стоял возле раковины, закатав левый рукав. Он вытащил руку из-под холодной воды, чтобы вставить новое лезвие в бритвенный станок. В ванну наливалась теплая вода.

Хайдел пытается прикончить собственного создателя, ха-ха.

Разве это смешно? Ему так не казалось. Его все время заставляли покинуть места, из которых не хотелось уезжать. Холодная вода притупит боль. Это первый шаг. В теплой воде кровь легко вытечет. Это второй шаг. Придется сделать лишь небольшой надрез на коже. «Жилетт» спонсирует телетрансляцию ежегодного чемпионата по бейсболу — у них еще в рекламе говорящий попугай. Свободной рукой он ослабил галстук.

> Мои сокравенные мечты разбились вдребезги.

Он представил, как в восемь часов придет Римма и обнаружит его труп. Торопливые звонки

чиновникам по домашним телефонам. Он следил за тем, как наполняется ванна. А есть ли смысл наполнять ее? Он же не собирается залезать туда? Только опустит в воду надрезанное запястье. Советские чиновники начнут звонить американским чиновникам. Он всегда оказывался чужаком, всегда нужно приспосабливаться. Он выключил холодную воду, взял лезвие и сел на пол рядом с ванной.

Затем резануть левое запястье.

Но что здесь смешного? Почему он наблюдает за собой, не издав ни стона, ни крика? Первая ниточка крови выступила наружу, капли одна за другой вытекали из аккуратного надреза. Не то чтобы личная жизнь его не удалась. Просто у него твердые убеждения, практический опыт. Он свесил левую руку через край ванны.

где-то играет скрипка, а я смотрю, как
вихрем уносится прочь моя жизнь.

Как они здесь измеряют порезы, в сантиметрах? Срочные звонки в Техас. Это я, мама, я лежу в луже крови в гостинице «Берлин». Он смотрел, как вода становится мутно-розовой. Я учился

по «Берлицу». Я еще плохо говорю по-русски, но буду больше с этим работать. Я не стану отвечать на вопросы о моей семье, но вот что скажу для прессы. Эмиграция — непростое дело. Никому не посоветую. Ты оказываешься в новой стране, ты всегда чужак, постоянно приспосабливаешься. Я не то чтобы полный идеалист. Мне довелось наблюдать американскую армию в действии. Если вы хоть раз видели морскую базу в заливе Субик, вы понимаете, о чем я. Военные машины до самого горизонта. Иностранцев эксплуатируют ради выгоды. Через некоторое время он закрыл глаза и положил голову на край ванны. Размякни. Пусть делают что хотят.

Про себя я думаю: как легко умирать.

Я хотел бы рассказать о случившемся со своей точки зрения. Я хотел бы заставить людей в Соединенных Штатах задуматься. Он понимал, где находится, мог представить себя на кафельном полу, но при этом смотрел со стороны.

и «сладкая смерть (под звуки скрипки)

Захотелось спать. Ложное спокойствие. Нечто предательское. Почувствовал себя ребенком в

белом кафельном мире, полном порезов и пластырей и воды в ванной, голова слегка кружилась от едких запахов, щиплет крепкий йод, лавровишня мистера Экдала. Внутри мира существует особый мир. Я сделал все, что мог. Пусть теперь другие совершают свой выбор. Ощутил, как время сгущается. Почувствовал в воздухе некую насмешку, когда, истекая кровью в теплой воде, соскальзывал с той единственной известной поверхности, которая доступна нашему пониманию, пониманию обычных людей.

Министерство здравоохранения СССР

ЭПИКРИЗ

21 окт. Пациент доставлен на машине «скорой помощи» в приемное отделение Боткинской больницы, после чего направлен в 26-й корпус. Порез первой трети левого предплечья с целью самоубийства. Рана линейного характера с отчетливыми краями. Первичная хирургическая обработка: четыре шва и антисептическая повязка. Пациент прибыл из США 16 октября с туристической целью. Окончил техникум по радиотехнике и

электронике. Родителей нет. Настаивает на нежелании возвращаться в США.

Его поместили в отделение с шизиками. Кормят ужасно, все время пялятся добрыми глазами. Римма навещала его, она похлопотала о переводе в нормальное отделение. Как-то достала из пальто банку без этикетки и велела пить мелкими глотками. Водка с кусочками огурца. За твое здоровье, сказала она.

После выписки она отвела его в отдел виз и регистрации. Он поговорил с четырьмя чиновниками о получении гражданства. Они о нем слыхом не слыхивали, не подозревали о его беседах с другими чиновниками. Сообщили, что ответа придется ждать довольно долго.

В своей новой гостинице, «Метрополе», он провел три дня в одиночестве. Это был первый из периодов молчания, которые Ли Х. Освальду придется пережить за два с половиной года в Советском Союзе.

Он прохаживался по коридорам мимо громадных живописных портретов героев Советского Союза. Брал ключ у дежурной по этажу, которая заплетала волосы в косы. Вдыхал запах лака и табака.

У себя в комнате он сидел в резном кресле под канделябром. Переставил время на наручных часах по часам на камине. Часы, кольцо, деньги и чемодан, аккуратно упакованные, прислали из первой гостиницы. Нетронутыми. Деньги до единой копейки.

Он набросал в блокноте примерный план улиц Москвы, в центре — Кремль.

На третий день одиночества поел только один раз. Ждал звонка чиновника. Пытался читать Достоевского. Он слышал, как туристы проходят мимо двери и беседуют о достопримечательностях, красивых станциях метро, потрясающих бронзовых и мраморных скульптурах. В конце коридора стояла статуя. Обнаженная, в полный рост. Русский язык — трудный. Он думал, что Достоевский пойдет легче.

31 окт. Ловлю такси. «Американское посольство», говорю.

Служащая в приемной велела расписаться в регистрационном журнале. Он сказал ей, что пришел аннулировать свое американское гражданство. Понятно. Она отвела его в кабинет консула. Он подошел к креслу слева от стола и сел нога на ногу, как дома.

— Я марксист, — начал он.

Консул поправил очки.

— Я знаю, что вы мне ответите. «Ступай, подумай хорошенько. Потом вернешься, и мы это обсудим». Но я хочу заявить прямо сейчас, что готов подписать необходимые бумаги и отказаться от гражданства.

Консул сказал, что подготовка бумаг займет какое-то время. На лице его читалось: «Это еще кто?»

— Я получил секретную информацию, когда служил оператором радара. Если стану советским гражданином, то передам эту информацию их властям.

Похоже, ему удалось привлечь внимание чиновника. Он наблюдал всю сцену как бы из будущего. Три дня в одиночестве. За это время он убедился, что нужно достичь предела, откуда нет пути назад. Сталина звали Джугашвили. «Кремль» означает крепость.

> Я покидаю посольство счастливым, я раскрыл свои карты. Уверен, после такого знака доверия русские сделают для меня исключение.

Он так и жил в своем номере, питался скудно,

некоторое время сидел на одном супе, мучаясь от дизентерии, почти сломленный, почти две недели одиночества провел в плюшевом кресле, небритый, в рубашке и галстуке.

Его перевели в другой номер — поменьше, очень простой, без ванной — и попросили всего три доллара в день, будто знали, что у него больше нет денег на стандартные интуристовские условия.

Он написал свое имя русскими буквами в записной книжке.

Дни полного одиночества

Выпал первый снег. Восемь часов в день — внушительное время — он занимался русским языком по двум самоучителям. Еду ему приносили в номер. Он уже задолжал гостинице и со дня на день ожидал визита заместителя заведующего.

Никто не пришел.

Он отправился в отдел виз и регистрации. Сообщил о своем визите в посольство США, о желании стать гражданином. Они, казалось, не понимали, что с ним делать.

На улице мальчишка принял его за американца и стал выпрашивать жвачку. Температура

воздуха ниже нуля. Толстые тетки сгребают лопатами снег. Его впервые поразила громадность окружающей тайны. Он находился посреди гигантского секрета. Другой склад ума, бесконечное пространство снега и мороза.

Ленин и Сталин лежали рядом в оранжевом свете, в мавзолей вела каменная лестница. Одна из немногих достопримечательностей, которые ему удалось увидеть.

Осталось двадцать восемь долларов.

Он писал по-русски в своей записной книжке. *Я имею, ты имеешь, он имеет, ты имеешь, мы имеем, вы имеете, они имеют.*

На следующее утро, около семи, в номер вошли двое мужчин. Он стоял босиком во фланелевых штанах и пижамной рубашке и следил за ними. Он не питал иллюзий на их счет — это не Дед Мороз и Снегурочка. Теперь комната принадлежала им. Он не заметил, как им удалось так быстро ее захватить, но уже начал чувствовать себя незваным гостем, этаким бестактным туристом. Ведь по его вине им пришлось вставать так рано.

Они одеты не как чиновники. Это не работники «Интуриста» и не сборщики денег по просроченным счетам. На одном — черная куртка и темные очки, как у гангстера из «Шоу Для полуночни-

ков». Второй мужчина заметно старше, в зимних ботинках, с лысеющей головой.

Он и указал Освальду на кровать, предлагая сесть. Сообщил, что его фамилия Кириленко.

— Ли Х. Освальд, — ответил Освальд.

Мужчина кивнул, едва заметно улыбнувшись. Потом прямо в пальто сел в кресло напротив Освальда, свесив правую руку между колен.

Ли по собственной инициативе продолжил:

— Мой паспорт лежит в посольстве США. Я передал его им в качестве свидетельства, что не желаю больше быть гражданином. О чем я решительно сообщил.

Мужчина снова кивнул, прикрывая веки.

— Вы знаете, какую организацию я представляю?

Освальд криво улыбнулся.

— Комитет государственной безопасности. Мы полагаем, что вы пытались связаться с нами доступным вам способом. Возможно, вы не знали, как это следует делать. Видите ли, мы всегда с подозрением относимся к таким попыткам. Это от нервов. Надеемся, что когда-нибудь пройдет.

У Кириленко были светло-голубые глаза, серебристая щетина, слегка отвисший подбородок. Приземист, дышал с небольшим присвистом. В

нем сквозило некое лукавство, которое Освальд принял за проявление дружелюбия. Казалось, что он наполовину говорит с самим собой — так мужчина средних лет непринужденно беседует с ребенком, чтобы развлечь заодно и себя.

— Рассказывайте. Как вы себя чувствуете?

— У меня бывает понос.

Кивок.

— Вы счастливы здесь? Или все это ошибка, и вы хотите вернуться домой?

— Сейчас уже хорошо. Вполне счастлив. Все прояснилось.

— И насколько я понимаю, вы хотите остаться.

— Стать гражданином вашей страны.

— У вас здесь друзья.

— Никого.

— В Америке у вас семья.

— Только мать.

— Вы любите ее?

— Мне бы не хотелось больше с ней встречаться.

— Сестры и братья?

— Они не понимают, к чему я стремлюсь. Два брата.

— Жена. Вы женаты.

— Не состою в браке. Детей нет.

Мужчина наклонился ближе:

— Девушки. Молодая женщина, о которой вы думаете, лежа в постели.

— Я ничего там не оставил. Ни с кем не ссорился.

— Скажите, почему вы порезали запястье?

— От разочарования. Мне не разрешали остаться.

Кивок.

— Вы на самом деле чувствовали, что умираете? Лично мне очень любопытно.

— Я хотел, чтобы все решил за меня кто-нибудь другой. Я больше не управлял ситуацией.

Кивок, прикрытые веки.

— У вас есть средства, или вам пришлют их из дома?

— У меня практически ничего не осталось.

— А теплые вещи? У вас есть ботинки?

— Вопрос в том, разрешат ли мне остаться. Я готов работать. Я прошел специальную подготовку.

Кириленко, казалось, пропустил это мимо ушей.

— Где вы собираетесь работать? Кто даст вам работу?

— Я надеялся, что государство. Я готов делать

все, что потребуется. Работать и учиться. Я хотел бы учиться.

— А скажите, вы верите в бога?

— Нет.

Улыбка.

— Совсем не верите? Мне просто интересно.

— Я считаю религию глубоким предрассудком. Люди строят свою жизнь вокруг этой лжи.

— Почему, если я правильно помню, вы перечеркнули в паспорте родной город?

— Все это осталось далеко позади, поэтому я так поступил. И потом, я не хотел, чтобы они связались с моими родственниками. Все равно прессе это удалось. Но я не отвечал на их телефонные звонки и телеграммы.

— Почему вы сообщили в своем посольстве, что собираетесь раскрыть военные секреты?

— Я хотел добиться их согласия с моим отказом от гражданства.

— И они согласились?

— Сказали, что сейчас суббота и они рано закрываются.

— День невезения.

— Сказали: приходите еще, мы сделаем все, что в наших силах.

— Мне нравится с вами разговаривать.

— Я не доставил им такого удовольствия, и не стал приходить снова. Вместо этого изложил свою позицию в письменном виде.

— А эти секреты, которые вы пронесли с собой…

— Я служил в Ацуги.

Кивок.

— Это закрытая база в Японии.

— Мы еще поговорим об этом. Хотя я вот думаю, не утратили ли эти секреты ценности, как только вы объявили о своем намерении раскрыть их?

Последние слова предназначались для второго человека из КГБ, который курил, прислонясь к оконной раме. Кириленко произнес эту фразу подчеркнуто в сторону. Он снова придвинулся к Освальду.

— Скажите, шрам хорошо заживает?

— Да.

— Вы хорошо переносите холод? Это же совсем не смешно, правда?

— Я начинаю к нему привыкать.

— А еда? Вы едите то, что здесь готовят? Недурственно, да?

— Мне не понравилась только больничная еда. Но это во всех больницах так.

Он опустил взгляд и увидел, что из-под брюк

высовываются пижамные штаны. Торопился открыть дверь, надел брюки прямо на пижаму.

— А как вам русские люди? Очень любопытно, что вы о нас думаете.

Ли прочистил горло, прежде чем ответить. Этот вопрос его несказанно обрадовал. Он предвкушал, что об этом спросят, и более или менее подготовил ответ. Кириленко терпеливо ждал, явно развлекаясь, будто в точности знал, о чем думает Освальд.

Освальд думал: «Вот человек, которому я могу полностью доверять».

Вдалеке в воздухе висел фабричный дым, неподвижные высокие серые столбы в промерзшем голубом небе. Они с Кириленко ехали на заднем сиденье черной «волги». Сонно-белый город казался оглушенным. Освальд пытался вычислить, в какую сторону его везут, высматривая ориентиры, но когда они проехали главное здание Московского университета, больше ничего знакомого не попадалось. Он со стороны видел, как описывает эту поездку кому-то похожему на Роберта Спраула, его школьного друга из Нового Орлеана.

Розенбергов убили Эйзенхауэр с Никсоном.

В комнате двенадцать на пятнадцать стояла

железная кровать, некрашеный стол и комод в занавешенном углублений. В темном коридоре находился умывальник, за ним — туалет и маленькая кухня. Кириленко сказал что-то второму сопровождающему, тот вышел, вернулся с низеньким стулом и поставил его у стола. Освальду дали заполнить биографическую анкету, затем еще одну — о причинах побега, и еще одну — о военной службе. Он писал весь день, с энтузиазмом, выходя далеко за рамки поставленных вопросов, царапал на полях и на оборотной стороне бланков. Стул оказался слишком низким для стола, и длинные предложения он выводил, привстав с него.

Вечером состоялся короткий разговор с Кириленко. О Хемингуэе. Теперь на кровать сел сам Кириленко, так и не сняв дубленку. Он вспоминал строки из хемингуэевских рассказов.

— Однажды, когда я здесь обживусь и стану учиться, — сказал Освальд, — я начну писать рассказы о современной американской жизни. Я многое видел. Молчал и наблюдал. Меня и привело сюда то, что я видел в Штатах, плюс чтение марксистской литературы. Я всегда относился к СССР как к своей стране.

— Мне бы страшно хотелось когда-нибудь уви-

деть Мичиган. Только лишь из-за Хемингуэя.

— Мичиганские леса.

— Когда я читаю Хемингуэя, у меня текут слюнки, — сказал Кириленко. — Ему даже не обязательно писать о еде, чтобы я проголодался. Все дело в стиле. У меня просыпается аппетит, когда я его читаю.

Освальд улыбнулся.

— Если он гениален, то гениален именно в этом. Он пишет о грязи и смерти, а я чувствую голод. Вы когда-нибудь ездили в Мичиган?

— Я ездил, куда мне велели, — ответил Освальд.

В полумраке Кириленко выглядел усталым. На ботинках проступили солевые пятна. Он встал, достал из кармана дубленки шапку из выхухоли и хлопнул ею по ладони другой руки.

— Нам многое нужно обсудить, — сказал он. — И кстати, можете называть меня Аликом.

Утром они говорили об Ацуги. Освальд описывал четырехчасовую вахту в радарной. Алика интересовали подробности, имена офицеров и срочнослужащих, конфигурация комнаты. Он хотел знать детали процедур, терминологию. Освальд объяснял, как все происходит. Рассказывал о мерах безопасности, типах оборудования

высотомера. Алик делал пометки в записной книжке, смотрел в окно, когда собеседник не мог чего-нибудь припомнить или говорил неуверенно.

Когда речь зашла об «У-2», к беседе присоединились еще двое. Один из них бесстрастно называл его «метеосамолетом». Привели с собой стенографиста. Им нужны были имена пилотов «У-2», описание взлетов и посадок. Суровые люди. Стенографист оказался пожилым человеком с розеткой в петлице.

Когда Освальд не знал правильного ответа, он придумывал что-нибудь или пытался спрятаться за возбужденный синтаксис. Казалось, Алик понимал его. Они общались друг с другом вне общей беседы, молча, без жестов, без взглядов.

Имя конкретного пилота. Имя механика или охранника.

Непроницаемые люди склонились к нему. Он описывал случаи, когда радарная команда получала запросы о ветре на высоте восьмидесяти тысяч футов, девяноста. Описывал голос, доносившийся *оттуда,* напряженный, тусклый, дребезжащий, звук, раздробленный на элементарные частицы — урок физики или голос призрака. Они выжимали из него факты, имена.

Масса новых вопросов. Скорость движения в воздухе, дальность полета, приспособления для глушения радаров. Он с досадой признавал, что ничего об этом не знает.

Алик сказал, что они продолжат утром. Ли ждал от него какого-то знака. Правильно ли он все делает? Разрешат ли ему остаться, поручат ли важные задания, разрешат ли изучать политэкономию?

— Когда я наклоняюсь, коленка хрустит, — заметил Кириленко. — Возраст, наверное, как считаете?

Похоже, он хотел сказать: всему свое время. Время вспоминать мельчайшие подробности, время пересматривать жизнь, время менять сознание. Мы здесь, чтобы помочь тебе прояснить лейтмотивы твоей жизни.

Они потратили не один день на ранние воспоминания Освальда о службе в армии, еще столько же — на «У-2» и Ацуги, разделяя каждую тему на фрагменты, затем разделяя сами фрагменты. В конце концов они добрались до Девятой эскадрильи наведения авиации морской пехоты, радарной части, в которой он служил в Калифорнии.

Как раз тогда на политическую арену ворвался

Кастро. Освальд хотел отправиться на Кубу и тренировать новобранцев. Он был квалифицированным военным специалистом и симпатизировал Фиделю.

Он подписался на русскоязычную газету и социалистический журнал. Кагэбэшникам в своей каморке он отвечал по-русски «да» и «нет». Их это очень забавляло. Они окрестили его «Освальдовичем».

Он сообщил Алику, что краем уха слышал о программе подготовки ложных дезертиров, проводимой Военно-морской разведкой. В Восточный блок забрасывали агентов — тщательно отобранных людей, провозгласивших себя жертвами американской системы, одинокими и впечатлительными, стремящимися к иной жизни.

Как раз в то время он предпринимал все возможное для побега. Эту программу придумали как будто специально для него. Он отчасти ждал, что к нему обратятся из Военно-морской разведки. Трудно было поверить, что они не слышали о его просоветских выступлениях и русскоязычной газете. Он объяснил бы, что пытался выйти с ними на связь доступным ему способом. Они бы организовали для него интенсивное обучение. Он стал бы настоящим дезертиром, выдающим

себя за ложного дезертира, выдающего себя за настоящего дезертира. Ха-ха.

Алик сидел за столом напротив него и тряс в кулаке соленые орешки. Он сказал, что должны принести телевизор. Освальд удивился, когда услышал, что передачи начинаются в шесть вечера. Это чуть ли не самое странное, что ему доводилось слышать с тех пор, как он пересек океан.

Появился охранник. Он появлялся каждый вечер перед уходом Алика. Алик не представил его, словно не замечал его присутствия в квартире. Обычно охранник сидел рядом с умывальником в прихожей, положив шляпу на колено.

Было кое-что, о чем Освальд не стал рассказывать Алику, — например, подробности о радарной системе «МПС-16», только что введенной в сеть. Он хотел посмотреть, как будет развиваться их дружба. Ему пришло в голову, что теперь, когда он переметнулся на чужую сторону, американским военным в любом случае придется потратить уйму денег на переустройство системы. Как удивительно просто оказалось распоряжаться судьбами и событиями.

Еще об одном он не сказал Алику — касательно программы ложных дезертиров. Когда никто не

вышел с ним на связь, Оззи решил записаться на экзамен по иностранному языку. По русскому. Просто чтобы его заметили.

Он получил «П», что означало «плохо» во всех отношениях.

Пришли врач и медсестра, чтобы осмотреть его. Прослушали сердце, посветили в уши фонариком. Взвесили, измерили его и ушли с образцами крови и мочи. Затем появились трое мужчин и отвели его в бетонное здание примерно в получасе ходьбы. Он оказался в современной квартире. Его заставили вынуть содержимое из карманов. Усадили на стул, подключенный к столу с миллиметровкой, скорописцами, наборными дисками, переключателями и т. д. Велели поставить ступни на пол. Затем прикрепили трубочки и прочие приспособления к предплечьям, груди и ладоням Освальдовича. Один из мужчин сел напротив. Вас зовут так-то и так-то? Пользовались ли вы когда-нибудь другим именем или кличкой? Ваш любимый цвет — голубой? Вы агент разведки США? Вы поддерживаете тайную связь с кем-то в этой стране? Ваши волосы каштановые? Вас послали сюда, чтобы убить человека или нескольких людей? Вы женаты? Вы гомосексуалист? Вы употребляете алкоголь или табак?

Бесстрастные.

Алика нет и в помине. Освальд стоял, пока его отключали от прибора. Он тосковал по другу и смутно подозревал, что безнадежно напутал в этом тесте.

Он сказал им, что Алик обещал телевизор.

Кто-то принес его вещи. Он жил в новой квартире три дня. Ему давали тесты на уровень интеллекта и способностей, тесты для психологического профиля, тесты по английскому и элементарной математике, тесты на распознание рисунков и форм.

Ему приснилось, как он заходит в дом на Юинг-стрит в Форт-Уорте с волосами, мокрыми после купания в бассейне Ассоциации молодых христиан.

Ленин и Сталин в оранжевом сиянии. Каспийское море, самое крупное внутреннее море в мире, на границе между Европой и Азией. Кремль означает крепость.

Дело происходит в Москве. Он рассказывает о своем проживания в охраняемой квартире человеку в костюме и галстуке. Может, это Ричард Карлсон в роли Херба Филбрика по телевизору. *«Я вел тройную жизнь».* Может, кто-то из посольства США, второй секретарь или консул, как его

там называют; он поправляет очки и с интересом слушает рассказ о бывшем морском пехотинце, внедрившемся в советский разведаппарат в рамках программы ВМФ США по подготовке ложных дезертиров.

Кириленко стоял на паркетном полу своего отдельного кабинета в Первом отделе Седьмого департамента Второго Главного управления в штаб-квартире КГБ. Центр, площадь Дзержинского, дом 2. Монументальный комплекс из тщательно обработанного камня — старое главное здание, послевоенная пристройка, тюрьма, Лубянка, знаменитая своими расстрелами, другие, менее значительные здания, и сквозь зарешеченные окна или экраны ячеек из толстой проволоки виден двор. Ему нравилось думать стоя.

Что приятно в Центре — это недорогие икра и семга, которые продаются в двенадцатом корпусе через дорогу, «Джим Бим» и «Джонни Уокер» по доллару за бутылку. Далеко не так приятна гнетущая атмосфера сталинского террора. Кроме того, он терпеть не мог стул, который ему выделили, — современное контурное кресло, оно по-дурацки смотрелось рядом со старым деревянным столом.

Еще один повод думать стоя. Он скрестил руки за спиной, взявшись левой за запястье правой. Мысли его вращались вокруг американского парнишки, Ли Х. Освальда. Урок Ли Х. Освальда состоял в том, что простые случаи никогда не бывает простыми. Это напоминало классические аксиомы из первых уроков геометрии и арифметики. Печально узнавать, что самоочевидные истины, *необходимые истины,* так легко опровергаются при тщательном исследовании. Здесь нет плоских поверхностей. Мы живем в искривленном пространстве.

Алику нравился мальчишка. Такой открытый энтузиазм во взгляде. Он старался уцепиться за мир. Факты, слова, исторические идеи. Он боролся с судьбой — да, как настоящий пролетарий из общественной вселенной Маркса. Он искренне верил в высокие принципы и цели, хотя будущее оставалось весьма смутным.

В двадцать лет знаешь лишь одно — что тебе двадцать. Все остальное — туман, окружающий этот факт.

Он вскрыл себе вены, чтобы остаться в России.

Но, разумеется, идеалисты непредсказуемы. Они могут за одну ночь утратить надежду, обманутые ложью, которую внушили себе сами. С

людьми, дезертирующими из практических соображений, легче разговаривать, и удерживать их легче. Деньги, секс, разочарование, возмущение, тщеславие. Мы понимаем и сочувствуем. Мы сами порой находимся почти на грани.

За ним наблюдали, начиная с Хельсинки, где он зарегистрировался в отеле «Торни», затем переехал в более дешевый «Клаус Курки», подал документы на визу в Советском консульстве, сообщил секретарю на проходной, что он — бывший морской пехотинец, прекрасно осведомленный в радарном оборудовании и электронике.

Как снег на голову. Но не слишком уверен в себе. Толком не понимает, что и как.

Они облегчили ему въезд в страну, выдав визу в течение сорока восьми часов.

В Москве гид из «Интуриста» Римма Широкова докладывала о его отдельных высказываниях в Четвертый отдел Седьмого департамента, где их передавали Кириленко. Алик выжидал, позволяя мелким чиновникам все запутать, заставляя мальчишку шагать взад-вперед по комнате, затем переехать в номер подешевле, выжидал, выжидал.

В посольстве США установлено сто пятьдесят подслушивающих устройств. В сейфе с буквен-

ной комбинацией Алик хранил расшифровку реплики Освальда о том, что тот собирается разгласить военную тайну. Стараниями секретаря консульского отдела он получил фотографию паспорта Освальда и копию конфиденциальной телеграммы по поводу заявления молодого человека, отправленной из американского посольства в Москве в Государственный Департамент.

ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА «Я МАРКСИСТ». ПОВЕДЕНИЕ: САМОУВЕРЕННОЕ, АГРЕССИВНОЕ.

Простой случай, который заставил Алика задуматься о прокоммунистических занятиях Освальда в армии. Неужели американская разведка не взяла его на учет? Неужели они не станут использовать его политические симпатии, чтобы узнать как можно больше о людях, с которыми он контактирует, о методах вербовки КГБ, о подготовке агентов? Переманили бы его, когда им это потребуется. Вот тогда-то он и расскажет им обо всем, что узнал, точно так же, как сейчас рассказывает нам.

Нужен ли этот паренек России-матушке? Он полезен как специалист по радарам с американской базы. Что нам с ним делать? Мыслимо ли отправлять его в здание на Кутузовском проспекте, где

его обучат, с радостью поднатаскают в марксизме-ленинизме, микрофотографии и секретном письме, Русском и английском, заново слепят, так сказать, создадут из него новую личность и отправят на Запад в качестве подпольного агента?

Ведь именно этого они все хотят. Все эти люди, которые прячутся по углам внутри себя, за шторами, в норах. Новая личность, более безопасная. Научите нас жить, говорят они, жить кем-то другим.

Прибыли результаты проверки: удовлетворительным оказался только анализ мочи. Освальд эмоционально неустойчив. Склонен к эксцентричному поведению. Страдает определенной формой дислексии, потерей способности читать. Набрал приличный балл по физике и низкий по большинству остальных предметов. Результаты детектора лжи довольно хаотичны, но так почти всегда и бывает. *Неубедительно в связи с многими факторами.* Возможно, мальчик был напуган.

Простой случай — отправить его домой. Только вот у Алика квота. Он обязан завербовать определенное число агентов, выведать ценную информацию (или выдумать ее). Решающими были сведения об «У-2», которым Алик не вполне доверял. Двадцать пять километров? Двадцать семь

с половиной километров? Так высоко не летают. Если подняться на двадцать семь километров, можно увидеть души праведников с нимбами. О метеосамолете Освальда допрашивали офицеры ГРУ, военной разведки, и они никак официально не отозвались о полученной информации. Что они могли сказать? Если парнишка плохо читает, может, он точно так же плохо считает?

Алик сел в изогнутое кресло.

Масса опасностей связана с тощей фигурой этого Ли Х. Освальда, невинного юнца, который забрел в периферийные участки Центра и заставил задуматься серьезных людей. Отслеживают ли американцы его передвижения? Отдали бы они его в наши лапы, если бы полагали, что ему известно нечто важное? Ацуги — ключевая база. У нас есть отчеты Ханны Браунфельс, выуженные из документов Седьмого департамента (Япония, Индия и т. д.) Первого Главного управления. В каком-то смысле мы и так уже далеко зашли с этим мальчишкой, открыли ему слишком многие из наших методов. Несмотря на тесты и беседы, возможно, мы знаем о нем меньше, чем он о нас. Где-нибудь в Пентагоне ждут не дождутся, когда можно будет поковыряться у него в мозгах.

Алику платили за то, чтобы он сводил себя с

ума.

Проверка выявила одно — Освальд не из того теста, из которого лепят агентов. Для этого нужно самообладание и выносливость, сила воли. А этот парень играет в пинг-понг у себя в голове. Но Алику он нравится, нужно организовать для него что-нибудь пристойное. Главное — подальше от Москвы. Там, где нет западных журналистов, нет возможности использовать его для пропаганды. Обеспечить ему уютную квартиру, хорошо оплачиваемую работу, приличную дотацию от Красного Креста — стимулы, чтобы остаться в этой стране. У Алика были все основания полагать, что Ли Х. Освальд в конце концов получит советское гражданство, станет убежденным марксистом и довольным работником, будет ходить на лекции и групповую физкультуру, встроится в систему, найдет свое место в истории или в географии — в общем, то, что искал. Подлинный Освальдович.

Однако Алик рекомендовал бы какое-то время продолжать наблюдение, куда бы парня ни отправили.

Ли точно не помнил, видел ли уже этого чиновника. Их было так много, все в одинаковых темных костюмах.

Чиновник сказал, что его запрос о советском гражданстве еще не рассматривался. Вместо этого ему выдали удостоверение личности, не имеющей гражданства, за номером 311479. В любом случае, бумажка оказалась довольно красивой.

Чиновник сообщил, что его отправляют в Минск. Он произнес название города с оглушительной четкостью, будто У него болели зубы.

— Это в Сибири? — отпустил шутку Освальд.

Чиновник рассмеялся, пожал американцу руку, затем крепко хлопнул его между лопатками и выпроводил наружу, в снегопад.

На следующий день Красный Крест выдал Освальду пять тысяч рублей, что едва не сразило его наповал.

Еще днем позже свежевыбритый Ли Х. Освальд отправился на поезде в свой Минск. В семи часах езды от Москвы ему удалось минут двадцать поспать на деревянной полке, на матрасе и подушке. Потом он съел пирожок с мясом и выпил чаю, и ему показалось, что в жизни не ел ничего вкуснее. За окнами поезда в русских сумерках простирались безмолвные заснеженные леса.

2 июля

Дэвид Ферри ехал на «рамблере» к югу мимо химических заводов, где излишки газа выгорали красным и желтым пламенем. Чуть поодаль заметил лачуги сборщиков устриц, торчащие на сваях над болотной травой. Он направлялся в местечко под названием Уэйдинг-Пойнт, загородную дачу Кармине Латты. Он проехал мимо знака «тупик», мимо «посторонним вход воспрещен», помахал рукой трем мужчинам, что совещались на лужайке, затем свернул на грунтовую дорожку. В Уэйдинг-Пойнте люди все время совещались. Ферри каждый раз наблюдал, как они толпятся у входных дверей или сидят в машине на дорожке, изрытой колеями: четверо крупных мужиков теснятся б «фольксвагене» чьего-то племянника, поглощенные серьезным разговором.

Сгорбленные спины, повторяющиеся жесты, стиснутые челюсти и застывшие взгляды, сама структура группы, некий дух исключительности, тела наклонены к центру круга.

Ферри умел распознать гештальт серьезного разговора. Когда-то он заочно учился психологии у итальянских специалистов. Это было задолго до

того, как «Восточные Авиалинии» уволили его за моральное разложение и лживые утверждения о медицинском образовании. Как будто диплом помогает разрешить загадку Товарища Рака. Они навсегда отобрали у него форму.

Он ехал к старому домику в заболоченной пойме, где Кармине и его мальчики любили отдыхать. Во дворе четверо парней жарили козла на вертеле. Ветхость домишки не попадала под определение деревенского шарма, под крышей лепились ласточкины гнезда. Ферри поставил машину в тени и вошел в дом. Седовласый мужчина с ясными глазами, жилистый, древний, сидел на диване со стаканом в руке. Дряхлый, лицо рябое, искаженный и вороватый взгляд герцога с портрета. Порой в его присутствии Ферри переживал благоговейный трепет такой силы, что становился частью сознания этого человека и воспринимал мир, комнату, движущую силу власти так, как их воспринимал Кармине Латта.

Кармине владел игровыми автоматами. У Кармине были проститутки везде, до самого Боссиер-Сити, где можно подцепить дурную болезнь, просто прислонившись к фонарному столбу. Ему принадлежали казино, тотализаторы, наркобизнес. До прихода Кастро к власти он владел третью

всех наркотиков Кубы. Теперь у него имелся флот по ловле креветок, поставляющий продукцию из Центральной Америки. Бизнес в целом приносил ему миллиард долларов в год. Кармине владел мотелями, банками, музыкальными автоматами, торговыми автоматами, судоверфями, месторождениями нефти, экскурсионными автобусами. На скачках государственные чиновники потягивали лимонный коктейль с бурбоном в его ложе. А началось с того, что он вложил полмиллиона наличных в предвыборную кампанию Никсона в сентябре 1960 года. Как называли мальчики, «неслабый конвертик».

— Мой друг Дэвид У. Ферри. «У.» от чего сокращение?

— Упьюсь вусмерть, — ответил Ферри.

Кармине засмеялся и указал на шкафчик с напитками. В комнате находился еще один человек, Тони Асторина, водитель и телохранитель, иногда и курьер. Почему-то его прозвали Тони Толкач. Они с Кармине предавались мрачным воспоминаниям о генеральном прокуроре. Роберт Кеннеди превращался в навязчивую тему для обсуждения, стоило Кармине где-нибудь задержаться на десять минут. Кармине имел против него зуб. Ферри видел, как в его глазах

вспыхивает злость на Бобби Кеннеди, решительная, отточенная, тщательно продуманная ярость, будто худощавое лицо старика несло в себе некую утонченную тайну, последний суровый расчет.

— Так я о чем говорю, — произнес Асторина, — вся эта история тянется еще с Кубы. Посмотри, что творится теперь, это Министерство юстиции, этот постоянный нажим… Если бы мальчики в тот раз убрали Кастро, все пошло бы совсем по-другому.

— Это справедливо лишь наполовину, — ответил Кармине. — Если вернуть Кубу, мы получим свободу действий. В чем ценность Кубы — с ее помощью можно ослабить нажим на материке. Но дело в том, что на Кастро все смотрели сквозь пальцы. Не слишком-то мы выкладывались.

Все трое рассмеялись.

— Убрать Кастро было мечтой ЦРУ, не более. Мальчики во Флориде просто водили их за нос. Они следили за тем, чтобы прокуроры не придрались. В любой момент могли заявить, что служат своей стране. И это срабатывало. ЦРУ всегда прикрывало их.

— Что я и говорю. Все началось с Кубы.

— Ну хорошо. Но мы же реалисты. Мы не устраиваем фокусов с зеркалами и фальшивым дном.

Это не в нашем духе.

Ферри не удивлялся, что они обсуждают столь деликатные темы в его присутствии. Он проводил для Кармине исследования в законодательной области и многое знал о его вкладах и операциях. А также знал ответы на некоторые щекотливые вопросы.

Почему Кармине так яростно ненавидел Бобби Кеннеди, почему выходил из себя от одного лишь его трескучего бостонского выговора?

— Тогда, давным-давно, Гавана была, блядь, сущим раем. Стены казино из листового золота. Одно слово, красота. Красивые канделябры, женщины в бриллиантах и норковых палантинах. Крупье во фраках. Лакеи у дверей, и те во фраках. Двадцать пять тысяч за лицензию на казино, неслыханный грабеж, плюс двадцать процентов выручки. Батиста получает свой конвертик, и все довольны. Мы разрешали кубинцам крутить рулетку. Играли в очко и в кости. Ну и как ее, парча, блядь, шторы там. Люблю смотреть на игровой зал, где крупье во фраках. Дела шли по всему городу. И петушиные бои тебе, и хай-алай. В перерыве между скачками играешь в рулетку. Спрашивается, куда все подевалось.

— Кеннеди стоило все там взорвать, когда была

возможность.

— Взорвешь Кубу — русские тут как тут.

— У меня наготове резиновые простыни. И консервов хватит на целую вечность. Я совсем не против жить в убежище. Уходишь в леса и выкапываешь себе личную уборную. Канализационная система есть разновидность государства общего благосостояния. Это правительственная труба к морю. Люблю представлять, как люди независимо выкапывают себе уборные в лесу, в миллионах задних дворов. Каждый отвечает за собственное дерьмо.

Кармине на диване затрясся. Ледяные кубики в бокале звякнули. Ферри знал, что может рассмешить Кармине почти всегда, когда захочет. Он угадывал нужный момент, чувствовал, с какой стороны подойти. Просто потому, что он так же воспринимал мир.

— Хочу сказать еще вот что, — произнес Тони. — Я так или иначе против президента ничего не имею. Но эта крыса, стукач Бобби, зарывается. Хрен бы с ним — у них своя работа, у нас своя. Но он выставляет все так, будто у него тут личный интерес. Он перегибает палку.

— Они оба перегибают палку, — ответил Кармине. — Президент зашел слишком далеко, когда

пустил слух, будто хочет смерти Кастро. И вот еще что…

— Что?

— Хочу напомнить об одной мелочи, которую всегда нужно иметь в виду. Если кто-то создает тебе проблемы, снова, снова и снова, если кто-нибудь с амбициями пытается залезть на чужую территорию, нужно думать в первую очередь о верхушке.

— Иными словами, действовать на высших уровнях.

— Оттуда и начинается сыр-бор.

— Иными словами, идти в обход.

— Нужно очистить позицию номер один.

— Иными словами, обустроить все так, что наверху оказывается человек, который ловит суть и меняет эту политику.

— Отруби голову, и хвост перестанет вилять.

Дэвиду Ферри нравилась эта пословица. Нравилось растворяться в чужой силе. Мощная сила, подобная силе Кармине, вводила в состояние обостренного восприятия. Этот человек походил на сказочного колдуна, способного одним взглядом, одним словом изменить твою жизнь. Ферри в свое время разработал теологическую теорию, основанную на воинствующем антиком-

мунизме. Когда-то был мастером гипноза. Изучал языки, политологию, хорошо знал различные заболевания, имел официальное подтверждение пилотских навыков. И все это меркло в присутствии Кармине Латты и подобных людей.

Кармине держал боевой отряд адвокатов, имел на руках миллионы, чтобы противостоять бесконечным нападкам правительства. Его люди разрабатывали планы конспирации, помехи для правосудия, лжесвидетельства, тысячи утомительных деталей. Ферри проводил для Кармине исследования о налоговых льготах. Государственные чиновники и президенты банков подавали личные судебные иски в его пользу. Кармине с мальчиками — крупнейшее предприятие государства. Ему принадлежали финансовые компании, бензозаправки, агентства по грузоперевозке, таксопарки, бары, рестораны, строительные бригады. Специальный человек отстирывал в жидкости для мытья посуды его карманные деньги, чтобы убить микробов.

Теперь Ферри шел за Тони Асториной по коридору, с обеих сторон которого располагались скромные спальни. На полу в последней комнате стояла высокая холщовая сумка, сверху зашнурованная. Ферри заметил квадратные выпуклости

от денежных пачек. Подарок от Кармине по этому случаю. Гай Банистер позаботился о том, чтобы ссыльные лидеры знали, кто поставляет наличные на их оружие и обмундирование. Это была заявка Латты на концессии под игорные заведения после того, как свергнут Кастро.

Вернувшись в гостиную, Ферри сказал:

— Я сразу заберу их на Кэмп-стрит, Кармине. Они будут счастливы и признательны. Все движение.

— Мы все с нетерпением ждем решающего дня, — ласково проговорил Кармине. — Мы хотим лишь вернуть то, что принадлежало нам.

Ферри считал, что этот человек гениален. Кармине родился в середине восьмидесятых годов девятнадцатого века, отец его был итальянцем, а мать персиянкой. Родился он на море, под знаком Тельца. Сильное сочетание элементов. Ферри обожал Тельцов. Они щедрые, стойкие и терпимые люди. одаренные правители.

Он отнес брезентовый мешок в машину. Помахал рукой мальчикам и вырулил на главную дорогу. Астрология — язык ночного неба, расположения звезд, истина на границе человеческого разумения.

Раймо свернул синюю бандану и повязал ее на

шею своей немецкой овчарке. Вонючая жара. У него была комната в маленьком оштукатуренном доме, ощетинившемся телевизионными антеннами. Неподалеку от того каменного дома на Северо-западной 7-й улице, где, обретаясь в Майами, жил Кастро, копил деньги, подыскивал сообщников для революции. Раймо погладил пса по голове, шепнул что-то в шелковистое ухо. Потом пристегнул поводок и спустился вслед за овчаркой по лестнице.

Он пошел на юг, к Калле-Очо, главной улице Маленькой Гаваны. Собаки кидались к заборам, чтобы облаять Капитана. Множество собак-убийц, множество автомобилей с декоративными фигурками на радиаторе, которые только и стоило бы сохранить. Старые машины утопают в гудроне. Собаки мечутся вдоль заборов и брешут в слепящей жаре. А Капитан плетется вперед, старый и невозмутимый.

Раймо повернул налево на Калле-Очо. Миновал ювелирные лавки. В окне каждой булочной красовался розово-белый свадебный торт. В маленьком скверике толпилась сотня картежников и доминошников. Времени еще предостаточно. Он купил фруктов, потом стал останавливаться раз в полквартала и заговаривать с кем попало.

Улица переполнена людьми. Мужчины стояли группами, женщины сновали от магазина к магазину. Как, черт побери, распознать среди этих сплошных кубинцев, кто шпионит на Фиделя?

Чуть дальше по Флэглер-стрит мимо коренастых пальм вразвалку шел Уэйн Элко. Его ботинки парашютиста покрылись белыми пятнами от соленой воды, и он подумывал, не остановиться ли выпить пивка. Неумная мысль, Уэйн. Он уже почти две недели колесил по Флориде в поисках Ти-Джея. Проработал три дня чернорабочим и зазывалой в балагане Джерри Лепке «10 в 1». У них был ящик с мечами, лестница из мечей, пожиратель пламени, двухголовый ребенок и девушка-змея со скобками на зубах. Он позвонил дюжине своих знакомых по движению. Наконец в Майами, в магазине «шевроле» Эллиота Бернстейна он напал на след: заместитель заведующего отделом продаж оказался антикастровским активистом и разрешил ему ночевать в подержанной «импале».

Не опаздывай, Уэйн. Он прошел по Калле-Очо и увидел человека, которого искал: на условленном углу стоял Рамон Бенитес с трясущимся зверем. Он немного знал Раймо по тем давним дням, когда ссыльные отрабатывали на газонах

упражнения в сомкнутом строю, и на них глазели сонные детишки.

Они пожали друг другу руки и т. д.

Уэйн про себя подумал: крутой мужик. Раймо провел его на полтора квартала к югу. Кубинские фасады сменились разновидностью американского пригорода. Солнечные оштукатуренные домики с лужайками, как на картинке. Они вошли в одноэтажный дом. В задней комнате играло радио. Они вышли через боковой вход и уселись за деревянный стол в маленьком бетонном дворике со статуей святой Барбары в центре.

— Это дом Фрэнка, — сообщил Раймо.

Волосатые руки. Один из тех упитанных типов, которых невозможно убедить обычными аргументами. Такие думают не больше чем о двух или трех вещах, о которых уже успели составить себе твердое представление. Уэйн понятия не имел, кто такой Фрэнк.

— То есть все по-прежнему бурлит, — сказал он. — Этот мой дружок, который работает в магазине «шевроле», у себя в подвале делает напалм из бензина и детского мыла. Я сплю в машине в его магазине. Я неофициальный ночной сторож.

— Ти-Джею нужно, чтобы ты просто повертелся здесь несколько дней.

— Я ищу его.

— Он занят по горло, — неубедительно объяснил Раймо. Подрагивая, пес лежал в тени.

Фрэнк Васкес появился в сопровождении жены и двух детей и принес еду. Жена и дети украдкой взглянули на гостя. Уэйн ждал, когда кто-нибудь произнесет *«Mi casa es suya»*.[9] Ему доставляли удовольствие подобные старосветские любезности. Но они скользнули обратно в дом, и его улыбка повисла, как тряпка на швабре.

Трое мужчин пообедали на звенящей полуденной жаре. Уэйну не удалось добиться ничего существенного от этих кубинцев. Чем более светской становилась беседа, тем очевиднее было, что затевается нечто серьезное. Трапеза была насквозь пропитана серьезностью, типично латиноамериканской важностью и тактом, и к концу Уэйн вполне убедился, что речь идет не о мелкой вылазке на кубинское побережье, которых у него и десантников из пансиона на счету было предостаточно.

Он рассказал Раймо и Фрэнку об операциях, в которых ему доводилось участвовать. Невероятная неразбериха. Шквалы, кубинские канонерки,

---

[9] Примечания: 9
Твой дом — мой дом *(исп.)*.

погони полицейских катеров. Он описал, как Ти-Джей появлялся из ниоткуда — они даже не знали, из Управления он или сам по себе — и обучал их специальным приемам обращения с оружием и ночного боя. Никакая мелочь не была для них лишней.

С «Интерпеном» Уэйн по-прежнему жил в пронзительном ритме своего парашютистского прошлого. Его молодость на этом завершалась. Дело, о котором шла речь теперь, по всем признакам казалось совершенно иным. Какой-то темный мрачный план. Достаточно одного взгляда на Фрэнка Васкеса, чтобы понять это. Грустные глаза, вытянутое лицо, серьезность, ему практически не о чем говорить, кроме как о бедах, которые претерпело его семейство, — о них он повествовал сжато, как будто пересказывал документальный фильм о войне столетней давности.

Уэйна Элко вдруг озарило, что все это очень напоминает «Семерых самураев». Там свободных бойцов выбирали по одному за раз для выполнения опасной миссии. Этих вояк, изгоев общества, призывали спасти беспомощных людей от уничтожения. И они размахивали своими двуручными мечами.

Уин Эверетт сидел в своем кабинете на опустев-

шем кампусе Техасского женского университета. Из-за всей этой жары и света он благодарил судьбу за сумрак укромного уголка в подвале. Здесь он терпеливо работал над своей обидой, оттачивая и очищая ее. Он возвращался к ней периодически, будто к легенде времен своей молодости, золотому моменту на футбольном поле или замерзшем пруду, событию столь безупречно сложенному, что забыть о нем — все равно что потерять нечто глубоко личное.

В кабинет он приходил, когда Мэри Фрэнсис и Сюзанны не было дома. Здесь он не боялся оставаться один. Здесь можно посидеть и подумать, ища сумрачной справедливости уже в самом воспоминании о том, что с ним сделали — здесь место для того, чтобы оттачивать и очищать, для того, чтобы заострять свое чувство прошлого. Лампа дневного света гудела и мигала. Когда в комнате становилось жарко, он снимал пиджак, аккуратно складывал его вдоль, затем поперек, и мягко бросал на шкафчик.

Больше невозможно было прятаться от того факта, что Ли Освальд существует независимо от его плана.

Ти-Джею пришлось воспользоваться отмычкой в доме 4907 по Магазин-стрит в Новом Орлеане.

Это стало необходимым, когда обнаружилось, что у «Гая Банистера и партнеров» нет образца почерка объекта. В папках нашелся один-единственный документ — заявление о приеме на работу, заполненное печатными буквами и не подписанное.

Ли Х. Освальд реальнее реального. То, что Мэкки удалось узнать о нем во время краткого визита в его квартиру, совершенно выбило Эверетта из колеи. Он чуть не впал в суеверную панику, взглянув на воплощение собственной выдумки, на выдумку, раньше срока появившуюся в реальном мире.

Он уже знал об оружии. Мэкки подтвердил информацию об оружии. Револьвер 38-го калибра. Болтовая винтовка с оптическим прицелом.

Он уже знал о листовках. Освальд раздавал на улице листовки. В заголовке значилось: «Руки прочь от Кубы!»

Обнаружилась переписка Освальда с национальным директором комитета «Справедливость для Кубы».

Повсюду была разбросана социалистическая литература. Речи Фиделя Кастро. Буклет с цитатой из Кастро на обложке: «Революция должна быть школой освобождения мысли». Экземпляры

«Активиста» и «Рабочего». Буклет «Грядущая революция в Америке». Еще один: «Идеология и революция» Жана-Поля Сартра. Книжки и брошюры на русском. Обучающие карточки с картинками и надписями кириллицей. Альбом для марок. Двенадцатистраничная рукописная тетрадь, озаглавленная «Исторический дневник».

Переписка с Социалистической Рабочей Партией.

Роман «Идиот» на русском.

Брошюра под заголовком «Преступление против Кубы». На третьей странице обложки Мэкки обнаружил напечатанный адрес: Кэмп-стрит, 544.

Призывная повестка на имя Ли Х. Освальда. Призывная повестка на имя Алека Джеймса Хайдела.

Паспорт, выданный Ли Х. Освальду. Свидетельство о прививке со штампом «Др. А.Дж. Хайдил». Военный билет морского пехотинца США на имя Алека Джеймса Хайдела.

Бланки, заполненные на имена Осборна, Лесли Освальда, Алексея Освальда.

Членский билет новоорлеанского отделения комитета «Справедливость для Кубы». Членом значился Ли Х. Освальд. А. Дж. Хайдел — глава

отделения. Подписи, по свидетельству Мэкки, сделаны разным почерком.

Вырезанная из журнала фотография Кастро прикреплена к стене скотчем.

И сама по себе комната. Мэкки обнаружил большую часть этих материалов в некоем подобии кладовки сбоку от гостиной. Маленькая, темная, обшарпанная комнатенка, безнадежное запустение — место, как нельзя более подходящее на роль хибары снайпера, с тараканами, бегающими вдоль плинтусов.

Эверетту нужен был только образец почерка и фотография. И можно создавать иллюстрированную историю объекта, начиная с вымышленного имени. Он с нетерпением ждал того момента, когда нужно будет придумать имя, подходящее имя, воплощенное в буквах время, отпущенное бродяге на земле.

У Освальда уже были имена. Свои собственные готовые имена. Варианты имен. Были поддельные документы. Чего ради Эверетт возился с ножницами и клеем? У Освальда имелся собственный метод копирования, собственные инструменты для подделки. Мэкки сказал, что он пользовался фотоаппаратом, матовым красителем, ретушированными негативами, пишущей машинкой,

резиновыми печатными инструментами.

Эверетт обозвал работу халтурной. Но не собирался винить мальчика в технических недочетах (Хайдел, Хайдил). Вопрос, очевидно, куда серьезнее. Что он делал со всеми этими сфабрикованными бумажками, с фотоаппаратом «Минокс», запрятанным в глубине шкафа?

Эверетт резко развел руки, чтобы оторвать рубашку от взмокшей кожи. Обшарил комнату взглядом: где сигареты? Похоже, в эти последние несколько дней вопросов возникает больше, чем поступков, а обид — больше, чем вопросов. В обиде хорошо то, что над ней можно работать, очищать страдание и ненависть. Это опыт, ведущий к совершенству.

Улан вернулся из Берлина.

Все сводилось к ненависти, к оттачиванию и очистке. К тому, насколько они снизили его самооценку. К вопросу меры. К тому, что они с ним сделали. К тому, что он сидел в кабинете Старого Главного Корпуса и работал над своей яростью.

Последнее, что увидел Мэкки, уходя из квартиры, — роман о Джеймсе Бонде на столике у двери.

У Николаса Брэнча есть неопубликованные государственные документы, отчеты детектора

лжи, диктофонные записи полицейской радиосети от 22 ноября. В его распоряжении увеличенные фотоснимки, планы этажей, любительские киносъемки, биографии, библиографии, письма, слухи, миражи, мечты. Это комната, заполненная мечтами, комната, где он бился столько лет, прежде чем понял, что его тема — не политика и не жестокое преступление, а люди в маленьких комнатках.

Неужели сейчас он — один из них? Недовольный, увязший, он шпионит за самим собой, ищет способ связи, способ вырваться. После Освальда американцам уже не требуется безропотно вести жизнь, полную тихой безысходности. Можно заказать кредитную карточку, купить пистолет, проехать по городам, селам и торговым центрам, все анонимно, анонимно, дожидаясь возможности выстрелить в первую же пустую одутловатую знаменитость, просто для того, чтобы люди поняли, что где-то на свете есть человек, который читает газеты.

Брэнч увяз не на шутку. Он отказался от своей жизни, чтобы постичь этот момент в Далласе, семь секунд, переломивших хребет американского века. У него есть краткий отчет судебного патологоанатома, анализ активации нейтронов.

Кроме того, разумеется, есть доклад Уоррена с прилагающимися двадцатью шестью томами свидетельских показаний и вещественных доказательств, миллионы слов. Брэнч думает, что это тот самый мегатонный роман, который написал бы Джеймс Джойс, поселись он в Айове и доживи до ста лет.

Все здесь. Свидетельства о крещении, табели успеваемости, почтовые открытки, заявления о разводе, аннулированные чеки, папки ведомостей по учету рабочего времени на каждый день, налоговые отчеты, описи имущества, послеоперационные рентгеновские снимки, фотографии завязанных шнурков, тысячи страниц свидетельских показаний, голосов, бубнящих в залах судебных слушаний в старых зданиях судов, невероятное количество человеческой речи. Все это так плотно прижато к страницам, так неподвижно висит в тяжелом воздухе, настолько не поддается синтаксической и любой другой классификации, что напоминает своего рода разбрызганный разум, поэзию жизней, запачканных и истекающих словами.

Документы. Вот карта матери Джека Руби из стоматологического кабинета, датированная 15 января 1938 года. Есть микрофотография трех

прядей лобковых волос Ли Х. Освальда. Где-то в другом месте (в отчете Уоррена все лежит где-то в другом месте) присутствует подробное описание этих волос. Гладкие, не вьющиеся. Чешуйки среднего размера. Область корня практически лишена пигмента.

Брэнч не знает, с какой стороны подобраться к такого рода информации. Хочется верить, что этим волосам есть место в отчете. Для его навязчивого чувства ответственности чрезвычайно важно, чтобы все в этой комнате служило точности исследования. Все здесь уместно, все встраивается в систему: невнятное свидетельское бормотание, фотографии неразборчивых документов и разрозненный печальный хлам, личные вещи, собранные после смерти, — старые туфли, пижамная рубашка, письма из России. Все это составляет одно целое, разрушенный город мелочей, где люди страдают от настоящей боли. Это Американская Книга Джойса, помните: роман, из которого ничего нельзя выкинуть.

Брэнч уже давно простил докладу Уоррена все его прегрешения. Это слишком ценный документ человеческой неразберихи и разбитых сердец, чтобы пренебрегать им или презирать его. Двадцать шесть томов преследовали его. Судьбы

мужчин и женщин, всплывающих в памятках ФБР, прослеживаются в течение нескольких страниц и вновь растворяются — официантки, проститутки, ясновидящие, управляющие мотелей, владельцы стрельбищ. Их истории подвешены во времени, лишние, в своем роде совершенные, неоконченные.

> РИЧАРД РОУДЗ и ДЖЕЙМС ВУДАРД однажды вечером напились, и ВУДАРД сказал, что они с ДЖЕКОМ провезут какое-то количество оружия на Кубу. У ДЖЕЙМСА ВУДАРДА был дробовик, винтовка, и, возможно, один пистолет. Он сказал, что у ДЖЕКА гораздо больше ружей, чем у него. ДОЛОРЕС заявила, что не видела у ДЖЕКА никаких ружей. Она также заявила, что у него в гараже было несколько коробок и сундуков, а ИЗАБЕЛЬ сообщила, что там были сложены ее меха, которые заплесневели в связи с повышенной влажностью воздуха в этом районе.

Фотографии. Многие передержаны, засвечены, еще худшего качества, чем могли быть от старости, предметы можно распознать лишь в общих чертах, хотя это самые простые вещи, и снимки

сопровождаются подробными пояснениями. *Карнизы для штор, найденные на полке в гараже Рут Пэт.* Вот они. На фотографии именно они, ни убавить, ни прибавить. Но Брэнч чувствует, что здесь запечатлено одиночество, странное отчаяние. Откуда у этих фотографий такая власть бередить его душу, печалить его? Плоские, бледные, размытые временем, подвешенные в стороне от сути той или иной эпохи, ничего не утверждающие, ничего не проясняющие, одинокие. Может ли фотография быть одинокой?

Эта печаль пригвождает его к стулу, и он сидит, уставившись в пространство. Он ощущает души пустых помещений, обнаруживает, что снова и снова возвращается к снимкам столовой второго этажа Техасского хранилища школьных учебников. Комнаты, гаражи, улицы очистили от людей для того, чтобы сделать официальные снимки. Теперь они навсегда пусты, заперты в каком-то фотографическом чистилище. Он ощущает души тех, кто был там и ушел оттуда. Он чувствует печаль в предметах, в складских картонных коробках и одежде, залитой кровью. Он вдыхает одиночество. Он ощущает мертвых в своей комнате.

У. Гай Банистер, бывший спецагент ФБР, сбор-

щик антикоммунистических разведданных, найден мертвым у себя дома в Новом Орлеане в июне 1964 года, его «магнум-357» с монограммой — в ящике рядом с кроватью. Списано на сердечный приступ.

Фрэнк Васкес, бывший школьный учитель, сражавшийся на стороне Кастро и против него, найден мертвым перед «Эль Мундо Бестуэй», супермаркетом на Западной Флэглер-стрит в Майами в августе 1966, убит тремя выстрелами в голову. Доклады о разборках между антикастровскими группировками в этом районе. Сообщения о споре в местном клубе, случившемся ранее тем же вечером. Никто не арестован.

Десять лет спустя, в тот же день, также в Майами, полиция обнаружила разлагающееся тело Джона Роселли, урожденного Филиппо Сакко, подпольной фигуры, незадолго до того он выступал в качестве свидетеля перед комитетом Сената, расследующим попытки мафии ЦРУ убить Кастро. Тело плавало в нефтяной цистерне в бухте Дамбфаундлинг, ноги отпилены. Никто не арестован.

Брэнч сидит, уставившись в пустоту.

Управление платит ему по ставке госслужащего, которой он достиг при увольнении, с

периодическими индексациями в связи с повышением прожиточного минимума. Они оплатили комнату, которую он пристроил к своему дому, эту самую комнату, вместилище документов и выцветших фотографий. Оплатили переоборудование этой комнаты в несгораемую. Оплатили персональный компьютер, которым он пользуется для просмотра биографической информации. Брэнчу не по себе, когда приходится предъявлять им счета на деловые расходы, и зачастую он указывает сумму меньшую, чем реально потратил.

Ест он обычно прямо в комнате, расчищая место на письменном столе, продолжая читать за едой. Он засыпает в рабочем, кресле, просыпается, вздрогнув, несколько секунд боится пошевелиться. Бумаги повсюду.

Ранним вечером они сидели на деревянных скамьях открытой трибуны и смотрели, как старики играют в софтбол. На игроках были белые рубашки с короткими рукавами, длинные белые штаны и черные галстуки-бабочки, а также бейсболки и белые кроссовки. Раймо пришел от галстуков в полный восторг. Галстуки показались ему очень к месту — стиль истинного янки.

Фрэнк сидел на один ряд выше, чуть в стороне, и потягивал оранжад.

— Я все еще думаю про горы, — сказал он.

— Он все еще думает про горы. Ты взгляни только на этого парня на первой базе. Ручаюсь, ему не меньше семидесяти пяти. И он все еще танцует вокруг базы.

Но Раймо тоже думал о горах. Во время «Движения 26 июля» он был с Кастро, среди голодной толпы бородачей. Фидель тогда был своего рода магической фигурой. Никто не сомневался, что он — носитель силы, легенды. Высокий, сильный, длинноволосый, поминутно сквернословил, мешал в одну кучу заумную теорию и обыденную речь, вездесущий, всезнающий, задавал вопросы солдатам, крестьянам, даже детям. Он сделал так, что люди ощущали революцию кожей. Идеи, свистящие слова отзывались трепетом во всех органах чувств. Он был похож на Иисуса в ботинках, проповедовал всюду, скрывая свое истинное лицо от кампесинос, пока время не обнажило трагической правды.

— Было ужасно, — сказал Фрэнк. — Болезни, голод, дожди. Но еще и потому, что я никогда не был уверен в своих целях. Когда я думаю о горах, то в основном вспоминаю это мое замешательство. Меня тянуло в две стороны одновременно. Поэтому и было так сложно.

Это правда. Франк всегда был немножко «гусано», тайным поклонником Батисты. Теперь все они стали гусанос, червями-антикастровцами, если выражаться языком левых Но Фрэнк всегда был наполовину червем, наполовину «батистиано», даже когда сражался за Фиделя.

Кастро любил вспоминать первые дни восстания, до того, как Фрэнк и Раймо отправились в район Сьерра-Маэстра. Двенадцать человек с одиннадцатью винтовками. Раймо теперь понимает, что режим был свергнут не за один день, не только за 2 июля. С первой же минуты Кастро начал изобретать удобную историю революции, чтобы оправдать свое алчное стремление к власти, чтобы стать Максимальным Лидером.

Игрок на третьей базе занял положение низкого старта — нагнулся и широко расставил руки. Старик на базе послал мяч по линии к левому центру. Его товарищи по команде следили за ним, привстав со скамейки. Солнце запуталось в пальмовых листьях за оградой поля с правой стороны.

— Я сейчас больше, чем когда-либо, думаю о горах, — сказал Франк.

— Потому что ты дурак, парень.

— Но я совершенно не задумываюсь о втор-

жении.

— Какой смысл думать что об одном, что о другом? К тому же ты потерпел кораблекрушение.

— Сел на мель. Но все же наша убежденность не поколебалась.

— Набитый дурак. Я с берега видел, как начала погружаться корма.

— У нас все еще была надежда, — серьезно ответил Франк.

— Ничего удивительного, что ты думаешь о горах. В горах мы победили.

Франк протянул ему апельсиновый напиток, в банке еще оставался глоток. Они глядели, как старики в галстуках-бабочках выбивают противников из игры, серьезнее и внимательнее мальчишек, механически точные в свои семьдесят. Они вспомнили, как Фидель использовал бейсбольные термины в разговоре об операциях. Мы выведем их из игры. Мы обыграем этих ублюдков всухую. Они спустились по ступенькам и пошли к машине. Капитан развалился на заднем сиденье, будто украденная шуба.

Раймо повез приятеля домой. Конечно, Фрэнк все время думает о горах. Он провел в горах двадцать три дня. Он ныл каждый день из этих двадцати трех, и когда дочитал свой жалобный

молитвенник, вернулся в педучилище. Учить детей тех людей, которые рубили тростник для сахарных магнатов, детей, которые бесплатно чистили и упаковывали стебли этого тростника.

Здание, где жил Раймо, располагалось между рекой Майами и стадионом «Орандж-Боул». Он припарковал машину, отвел собаку к гидранту и направился в дом. Вонючая жара. Первым он услышал транспортный гул от подвесного моста Северо-западной 12-й авеню. Звук чуть громче естественного фона окружающего мира, звук мыслей человека, одиноко сидящего в комнате.

Войска режима боялись гор. Горы означали для них верную смерть. Раймо даже с одной миллионной долей вероятности не мог предположить, что он умрет. В Сьерре он был неуязвим, жирный и заросший, даже во время последней серьезной атаки, когда волны напалма одна за другой выжигали землю и воздух. Они все считали себя неуязвимыми. В этом и был смысл повстанчества.

Он лежал в кровати и думал.

Бросок на Гавану занял что-то около пяти дней. Их встретили с почетом, какой завоевывают герои в книжках. «Очистите страну», — кричали им. Раймо видел много казней. Насильники и па-

лачи режима, люди, загонявшие гвозди в черепа. Их вежливо попросили встать у края траншеи по колено глубиной. Все они скончались по-разному — кто-то упал на бок, кто-то на спину, кто-то раскинул руки, кто-то прижал их к себе, но всех смерть застала врасплох, все умерли с глубочайшим удивлением.

Потом появились коммунисты, которые вводили профсоюзы и деревенские комитеты. Кастро придал им законный статус. Появились «Миги» в ящиках — они только и ждали, когда кубинские пилоты научатся ими управлять. «Мыслите на языке коллективизма», — носилось в воздухе. Индивидуум должен исчезнуть.

Он говорил об одной революции, а дал нам совсем другую. Некоторые области были недоступны для кубинцев. Появились русские и чешские техники, русские строительные бригады повсюду, куда ни кинешь взгляд. Студенты, действовавшие против нового режима, заметили грузовики-платформы, везущие ночами по скоростным трассам длинные предметы вполне определенных очертаний, укрытые брезентом. Шутили, что на черном рынке торгуют пальмами. На самом деле груз состоял из «СА-2», первых советских ракет, прибывших на Кубу. Они оказа-

лись здесь, чтобы защитить небеса от высотных шпионских самолетов.

К тому моменту Раймо, ветеран залива Свиней, находился в тюрьме «Ла Кабанья». Да, именно так, бородатый герой превратился в червяка. Двор был обнесен старинными складами и хранилищами, галереи с цилиндрическими сводами теперь использовались как камеры, и в одной сидел он вместе с бывшими кастровскими боевиками и офицерами Батисты, с рабочими, радикалами, профсоюзными деятелями, студенческими лидерами, людьми, которых пытали и при старом, и при новом режиме, обычный кубинский бардак. Дальний конец его камеры выходил на ров для расстрела. Он ждал, когда Джон Ф. Кеннеди его вызволит.

Порой они слышали по десять расстрелов за ночь. Однажды Раймо видел стройного мужчину, который стоял в свете прожектора перед мешками с песком. На нем были белые ботинки, темная рубашка, галстук-удавка и симпатичная панама. Они так торопились казнить его, что даже не удосужились выдать ему серую тюремную одежду, не говоря уже о слушании дела и суде. Раймо видел, как шляпа взлетела с его головы, когда раздался залп. Она взмыла прямо в воздух, как в

мультфильме. Индивидуум должен исчезнуть.

Еще одна машина задела решетку в центре моста, и тихий гул вновь усилился.

Ему хотелось верить, что он уже не в тюрьме. Некогда он сражался в Сьерре и при Плайя-Хирон, теперь же его действия свелись к тому, что он выслушивал бесконечные споры Кастро и Кеннеди, в ходе которых решалось, где он живет, чем питается, с кем разговаривает. В Ориенте Раймо был квалифицированным рабочим, механиком в никелевой шахте, владел которой американец, и именно там он узнал о «Движении 26 июля» от студентов, которые убедительно рассуждали о несправедливости. Теперь он, стоя на стремянке, собирал фрукты и ждал, когда верховные правители сообщат ему, куда отправляться дальше. Они так запятнаны величием, оба этих человека с их историческими взглядами и героической осанкой. Каждый в свою очередь — тень второго, его навязчивый кошмар. Один покупает то, что продает другой. Тысяча сто ветеранов штурмовой бригады были выпущены из тюрьмы после того, как США заплатили пятьдесят три миллиона долларов правительству Кастро. Раймо стоял возле боковой линии у стадиона «Орандж-Боул», в трех кварталах от этой вонючей кровати, и выслуши-

вал новые обещания, вторую волну пустословия. С тех пор прошло полгода. Он не верил, что его освободили от чего-либо. Только во время тренировок на густой траве в Эверглейдс. Только тогда он чувствовал себя свободным.

Одного не удавалось забыть — как прыгнула в воздух шляпа с головы того щеголя. Тяжелое глухое удивление, неожиданное оскорбление. Даже когда ты думаешь, что видел уже все возможные способы насилия и ничто не может тебя удивить, возникает такое, чего ты не мог себе представить. С какой же силой бьют эти пули, если они ударяют человека в грудь, и его шляпа подпрыгивает на четыре фута? Это был хороший урок физики и напоминание людям, что ничего нельзя гарантировать.

В Минске

Завод находился в восьми минутах ходьбы от его квартиры Он работал регулировщиком первого класса, иными словами — неквалифицированным слесарем. Завод занимал площадь в десять гектаров, выпускал радиоприемники и телевизоры, здесь трудилось пять тысяч человек.

В первый день он предъявил директору завода написанную от руки автобиографию. «Мои родители умерли, — писал он. — У меня нет ни братьев, ни Сестер».

Директор радушно встретил гражданина Освальда.

Ровно в восемь часов пунктуальный дежурный звонил в колокольчик. Скрежет металла. Пилы вгрызались в железные болванки. Он никогда не думал, что радиоприемники изготавливают с таким пронзительным неистовством.

Все время собрания сверху на рабочих смотрел большой портрет Ленина. Пятнадцать собраний в месяц, всегда после работы, плюс обязательная ежедневная гимнастика.

Он водил девушек в оперу и осматривал достопримечательности. В этом промышленном

городе построили массу внушительных зданий, порой они казались ему немного забавными. У здания профсоюза сделали фасад греческого храма, но на фризе вместо богов и героев вырезаны фигуры каменщика, землемера, толкательницы ядра и мужчины в двубортном костюме с портфелем.

Он питался жареной капустой в уличных забегаловках.

Каждая автономная республика представлена одиннадцатью депутатами в Совете Национальностей Верховного Совета. «Совет» означает совещание.

Я быстро учу русский.

У него была квартира на четвертом этаже с отдельной кухней и ванной. Он спал на диване-кровати. Балкон выходил на широкий плес реки, протекающей через Минск. Пятого числа каждого месяца он получал перевод от Красного Креста.

Он читал на балконе, писал по-русски в своем стенографическом блокноте. «Спасибо», — писал он. Существительные среднего рода с «о» на конце во множественном числе оканчиваются на «а». Он записывал слова популярных песен.

Шпили церквей в отдалении.

Теперь у него достаточно денег. Он интересный человек: американец, иностранец со своей историей. Америку знали только по слухам: сияющее далёко, в существование которого люди толком не верили и охотно выслушивали все, что он рассказывал.

А первого мая, в День международной солидарности трудящихся, в небе над уральским городом Свердловском произошло сногсшибательное происшествие.

Заключенный стоял в металлической клетке внутри лифта. Светонепроницаемость, звуконепроницаемость. В каком-то смысле — нагое осознание, которое сейчас ему не требуется. Неровное сердцебиение. Острая боль в правой ноге. Истощение дает о себе знать сквозь промозглую головную боль и свист в ушах.

Его вели по коридору. Четверо сопровождающих, двое из них в форме. Он чувствовал их мрачное удовлетворение, в воздухе витало что-то похвальное, наконец-то давнишняя обида утверждена в правах. Как раз сейчас по плану он должен был приземлиться где-то у норвежских фьордов.

Его привели в маленькую комнату. Очередной стриптиз. Весь день ему то и дело приказывали

снять высотный костюм, летную форму, теплые кальсоны, стоять смирно, нагнуться, посмотреть вот сюда, надеть вот эти трусы, вот эту рубашку. Потом отводили еще куда-нибудь и заставляли проделать все это заново.

Он понимал, что находится на Лубянке, прямо в центре Москвы, в местной тюрьме КГБ для политических преступников. Может быть, его обыскивают в последний раз.

Ему выдали новые вещи, в том числе — двубортный костюм на три размера больше, чем требовалось, и отвели в комнату для допросов, где его ждали человек двенадцать, среди них трое в форме, два майора и полковник. Нигде не видно магнитофона. Переводчик сел рядом с заключенным. Стенографист, с виду такой старый, что вряд ли успеет записать что-нибудь, кроме имени и национальности, сел в другом конце длинного стола. В петлице у него была розетка.

Заключенный слабо кивнул этому сборищу мрачных лиц. Людям, занимающим высокие посты в Комитете государственной безопасности. Казалось, они относятся к нему скептически, хотя он не произнес еще ни слова. Может, им казалось — все это слишком чудесно, чтоб быть правдой: американский воздушный пират сам попался в

руки после четырех лет перелетов без опознавательных знаков. Заключенный подозревал, что до конца дней ему суждено питаться одними щами. Возможно, конец этот не за горами. Они ведь вполне могут, как в кино, пристрелить его во дворе под приглушенную барабанную дробь.

Яркая вспышка в небе, самолет качнулся вперед, как машина, которую стукнули в транспортной пробке.

Началась долгая ночь вопросов. Имя, национальность, модель самолета, тип задания, высота, высота, высота. Проблема с ложью в том, что нужно запоминать свои слова и суметь повторить их, когда тебя снова об этом спросят. По большей части он говорил правду. Он хотел говорить правду. Он хотел понравиться этим людям. Несколько искусных недоговорок в определенных областях, знать бы точно, какие именно области следует оберегать. Его к этому не готовили. Никто не учил его, что говорить. Он всего лишь пилот. Это он и пытался до них донести. Он летал по определенному маршруту, в соответствии с указанной миссией. Он гражданский служащий. Фиксировал записи приборов, сбивался с курса, возвращался обратно. Парень из холмистой Вирджинии. Не курит, не пьет, не жует. В пятом

классе смастерил для учителя самолетик из коробки для сигар.

Он сказал, что летал на высоте шестидесяти восьми тысяч футов.

Исследовав обломки крушения, они станут расспрашивать о модуле уничтожения, который он не запустил, поскольку боялся, что все взорвется раньше, чем он покинет самолет. Как-то неловко получилось. Потом начнут расспрашивать об иголке с ядом, которую они конфисковали у него в Свердловске несколькими часами ранее. Да, заключенный несколько оконфузился. Предполагается, что он уже мертв. Некоторые важные люди будут несказанно удивлены, когда узнают, что он все еще жив. Они потратили миллионы, чтобы обеспечить ему комфортную смерть.

Когда вопросы закончились, ему выдали новую одежду, отвели в другую комнату, попросили спустить штаны и сделали укол, который, как он подозревал, либо поможет заснуть, либо заставит говорить правду.

Его провели мимо стойки надзирателя в двухъярусный тюремный блок. Камера восемь на пятнадцать с массивной дубовой дверью, обитой сталью. Железная кровать, маленький стол и стул. Окно с двойной рамой, укрепленное прово-

лочной сеткой. Он был один, до него доносился бой кремлевских курантов. Слух о пропавшем «У-2» уже начал распространяться. Бодо, Инчирлык, Пешавар, Висбаден, Лэнгли, Вашингтон, Кэмп-Дэвид. В каком-то смысле это захватывающе. Когда он раздевался в пятый или шестой раз за этот бесконечный, утомительный и бессвязный день, то заметил в двери глазок.

Самолет вошел в штопор вверх тормашками, нос смотрел в небо. Словно во сне, в котором ты не в состоянии пошевелиться.

На следующий день, вместо того чтобы пытать и добиваться нужных ответов, его повезли на экскурсию по Москве.

Алексей Кириленко присутствовал на втором туре допроса. На столе перед ним лежала пачка сигарет «Лайка» с фильтром. В комнате находилось десять человек. Допрос шел своим чередом. Заключенный по имени Фрэнсис Гэри Пауэрс чистосердечно говорил правду примерно в половине случаев, и столь же чистосердечно врал все остальное время. Так показалось Алику.

Нет, ранее он не летал над советской территорией.

Нет, ЦРУ не давало ему списка подпольных агентов, с которыми он сможет здесь связаться.

Нет, он никогда не базировался в Ацуги в Японии.

А как насчет самолета?

Да, самолет однажды базировался в Ацуги.

Они остригли его под крестьянина. Стрижка ему идет, подумал Алик. Большая квадратная голова, мужественные черты лица, тревожный взгляд провинциала, переходящего дорогу в столице.

Нет, заключенному не приходило в голову, что, нарушая советскую границу, он ставил под угрозу срыва предстоящую встречу в верхах.

В Центре полагали, что Хрущев не станет открывать местонахождение Фрэнсиса Гэри Пауэрса, пока американцы не выдвинут свою версию событий, все ее обнадеживающие и жалкие вариации (безоружный самолет метеорологической службы пропал в окрестностях озера Ван в Турции после того, как гражданский летчик сообщил о сбоях в системе подачи кислорода). Добавят или уберут какие-то детали, по мере необходимости. Но в любом случае они рассчитывают на то, что пилот мертв.

Затем генсек в деловом костюме со скромной гроздью орденских планок на нагрудном кармане поднимется на трибуну Большого зала и

провозгласит интересную новость, сопровождая выступление фотографиями, надлежащими жестами; его голос пулеметными очередями разнесется над делегатами, членами президиума, дипломатическим корпусом и представителями международной прессы.

Товарищи, начнет он, я должен открыть вам один секрет. Широкая улыбка, взмах рукой. У нас находится пилот обыкновенного метеорологического самолета, о котором все вы слышали. У нас есть обломки самолета. Он сбит нашими ракетами над советской территорией в двух тысячах километров от границы. Тень в небе. Ее послали фотографировать военные и производственные объекты. У нас есть фотоаппарат и бобины с пленкой. Будет размахивать шпионскими фотографиями, отпускать шуточки на предмет проб воздуха, которые самолет якобы послан собирать. Да, да, Фрэнсис Гари Пауэрс жив и здоров, несмотря на модуль уничтожения, несмотря на яд, который должен был оборвать его жизнь, пистолет с глушителем и длинный нож. Сделает паузу, чтобы отхлебнуть воды. Семь тысяч советских рублей. Может быть, его послали обменять старые рубли на новые?

Смех, аплодисменты.

Алик с нетерпением ждал спектакля, в который Хрущев превратит историю с «У-2». Встреча в верхах должна была состояться в Париже через две недели. Все моральное превосходство Эйзенхауэра превратится в пшик.

Но когда допрос растянулся на долгие часы, а затем и дни, он начал нервничать. Люди в форме, ГРУ, все время возвращались к вопросу о высоте. Они что, не знали, на какой высоте летел самолет, когда его сбили? Может, это было случайное попадание забарахлившей ракеты? Может, пилот сбавил высоту, чтобы попытаться заново завести двигатель? Может, они подбили его в этот момент? Ходили слухи, что его вообще никто не подбивал. Может, этот самолет — акция ЦРУ для срыва встречи в верхах?

Фрэнсис Гэри Пауэрс упорно заявлял, что летел на максимальной высоте, когда почувствовал толчок и увидел пламя. Шестьдесят восемь тысяч футов. Похоже, ГРУ считали это враньем. Они полагали, что «У-2» летает значительно выше, и знали, что советские ракеты не достигают такой высоты.

Почему они считают, что самолет летел выше, чем заявляет пилот?

Потому что так сказал Освальд? Определенно,

у них есть подтверждение из других надежных источников. В любом случае эта история, по всей видимости, укрепила парня в его претензиях на авторитет. Он, очевидно, был прав, говоря о максимальной высоте, которой может достичь этот самолет. Он также единственный человек в СССР, знающий работу «У-2» не понаслышке, он американец, как и Пауэрс, он может оценить ответы своего земляка, интонации, которые того выдадут, подтвердить или опровергнуть слова о наземном персонале, системе безопасности базы и прочем.

Ли Х. Освальд приобретал в глазах Кириленко очертания этакого Чарли Чаплина, скользящего по кромке великих и опасных событий.

Не зная, зная лишь отчасти, зная, но не говоря, этот мальчик обладал удивительным качеством: он оставлял за собой хаос, он служил причиной бедствий и разрушений, сам того не замечая, он превращал свою жизнь в загадку, а всех нас, возможно, — в дураков.

Алик никогда не был в Соединенных Штатах. Все, что он знал об этой стране, заставляло опасаться ее импульсивности, ее пустой самоуверенности. Это ясли культуры, испуганные, слюнявые, беззаботные в сравнении с тем, что у

нас здесь — с громоздкими сокровищами истории, обременяющими людские души.

Сигареты делали его патриотом. Он снова начал курить после того, как шесть лет грыз всякую мелочь.

По крайней мере, Освальд выглядел как американец. Фрэнсис Гэри Пауэрс в конце концов окажется на скамье подсудимых под люстрами Колонного Зала, со своей идиотской прической и в смешной одежде, которая ему велика, похожий на балканского дровосека.

Гражданин Освальд прибыл в город в темном галстуке, кашемировом свитере и сером фланелевом костюме. Хорошо было снова оказаться в Москве.

Его завели в комнату через несколько минут после начала допроса. С блокнотом и карандашом он сел у стены, в пятнадцати футах за спиной заключенного, рядом охранник в штатском.

Новость, разумеется, разнеслась повсюду, просочилась в прессу и в эфир. «У-2» стал величайшей сенсацией за много лет. Грандиозный ажиотаж, праведный гнев Советов, историческая ложь американцев, испорченные отношения. Он слушал, как Фрэнсис Гэри Пауэрс пытается ответить на вопросы Романа Руденко, одного из главных про-

куроров нацистских военных преступников на Нюрнбергском Процессе. Он подумал, что обвинитель нацистов — это чересчур драматический жест для такой мелкой сошки, как Фрэнсис Гэри Пауэрс. Заключенный, судя по речи, обычный парень. Сын шахтера из какой-нибудь глуши. Ему платили за то, что он летает на самолете.

Битых три часа вопросов и ответов Освальд смотрел на затылок Фрэнсиса Гэри Пауэрса.

Затем он отправился в шахматный павильон в Парке Горького, где выставили обломки фюзеляжа и хвостовой части самолета. Крылья установили в центре павильона. Высотный костюм пилота, личные вещи и подписанное признание находились в стеклянном ящике. Фотографии пилота под табличкой с надписью: «ПАУЭРС ФРАНСИС ГАРИ, ПИЛОТ СБИТОГО АМЕРИКАНСКОГО САМОЛЕТА». У толпы праздничное настроение. Интересно, играет ли Пауэрс в шахматы. Хорошо бы Алик пустил его в камеру, сыграть партию в шахматы с Фрэнсисом Гэри Пауэрсом.

Сопровождающий в штатском отвел его обратно на Лубянку. Алик и охранник в штатском проводили его в тюремный корпус. На полу лежал ковер. Камера Пауэрса располагалась на

нижнем этаже. Охранник отодвинул заслонку с дверного глазка. Освальд заглянул в камеру. Заключенный сидел за маленьким столиком и чертил линии на бумажке. Освальд подумал, что он, видимо, рисует календарь. Люди в маленьких комнатах, в изоляции. Камера — это основа. Тебя помещают в комнату и запирают дверь. Просто до гениальности. Таков конечный размер всех окружающих нас сил. Восемь на пятнадцать.

В Пауэрсе была какая-то мягкость. С людьми такого типа Освальд легко уживался в бараках. Он поднял голову и посмотрел прямо на глазок, будто почувствовал, что за ним наблюдают. Ему платили за то, чтобы он летал на самолете, и, в частности, чтобы он убил себя, если миссия провалится. Но мы же не всегда подчиняемся приказам, да? Некоторые надо обдумать, ха-ха. Он хотел сказать заключенному через дверь: *«Ты был прав, тебе так лучше, не подчиняйся».* На Пауэрсе была рубашка в клетку, застегнутая на все пуговицы. Он отогнал муху и вернулся к своему листу бумаги. Казалось, что черчение линий дается ему с большим трудом. Как по-русски называется расстрельная команда?

Алик отвел Освальда в комнату, где проводился допрос. Они уселись в одиночестве, в комнате

едва заметно воняло затушенными окурками.

— Теперь вы видели его близко, как только возможно. Скажите, он вам знаком?

— Нет.

— Вы знаете его по Ацуги?

— Они носят шлемы с лицевыми панелями. Вокруг них все время вооруженные охранники. Мне ни разу не удалось взглянуть на пилота.

— Но, может быть, знаете по барам, ночным клубам?

— Нет, я совершенно его не помню.

— Вы знали, что они совершают перелеты из Пешавара?

— Где это?

— В Пакистане. Оттуда вылетел и этот самолет.

— Нет.

— Пауэрс много лжет нам. Что скажете?

— Он в замешательстве. Я думаю, что по большей части он говорит правду. Он хочет выжить.

— По его словам, двадцать один километр — максимальная высота. Вы говорили двадцать пять километров, двадцать семь.

— Я мог ошибаться.

— Не думаю, что вы ошибались.

— Я наверняка мог перепутать.

— Вы говорили очень уверенно. Описывали

голос пилота. Есть причины полагать, что вы были правы.

— Восемьдесят тысяч футов — это очень высоко. Может, мне только показалось, будто я услышал «восемьдесят», а на самом деле он сказал «шестьдесят восемь». Я думаю, Пауэрс говорит правду, судя потому, каким человеком он кажется.

— А каким человеком?

— В основном честным и искренним. Он будет сотрудничать с вами, насколько это возможно. Что его ждет?

— Слишком рано говорить.

— Его будут судить?

— В этом я почти уверен.

— Его казнят?

— Не знаю.

— Его поведут на расстрел?

— Неверно такое предполагать.

— Ведь это так делается, правда? Здесь их и расстреливают.

Улыбка.

— Теперь уже не так часто.

— Позвольте поговорить с ним.

— Лучше не стоит.

— Я мог бы прочесть ему лекцию о благах жизни в Советском Союзе. Об изготовлении ра-

диоприемников для масс.

— Массы нуждаются в радиоприемниках, чтобы перестать быть массами.

— Мне тут пришла в голову мысль… — Он помолчал, прежде чем произнести эти эффектные слова. — Я хочу поступить в Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

— Несомненно, это замечательное место. Но, к несчастью, университет в Москве, а мне кажется, что сейчас вам не стоит жить здесь.

— Алик, но как же мне развиваться? Я хочу учиться. На заводе все тупо и по расписанию. Все время собрания, все время читать пропаганду. Все одно и то же. Все одного и того же вкуса. В газетах пишут одно и то же.

— Хорошо, достаточно. Мы подумаем о дальнейшем обучении Ли Х. Освальда.

— Буду ждать вестей. От них все зависит.

— Скажите мне, в частном порядке, для моего личного просвещения, Фрэнсис Гари Пауэрс — типичный американец?

Освальду пришло в голову, что заключенного все называют полным именем. Советская пресса, местное телевидение, «Би-би-си», «Голос Америки», допрашивающие, и так далее. Как только ты совершаешь нечто печально известное, к

тебе цепляют добавочное имя, второе имя, которое обычно не используется. Тебя официально отметили, ты стал страницей в воображении государства. Фрэнсис Гэри Пауэрс. За какие-то несколько дней имя приобрело резонанс, оттенок судьбоносности. Оно уже звучало, будто имя исторического деятеля.

— Я бы сказал, что этот честный трудяга попал в ситуацию, когда его хотят раздавить противоположные силы. Что и делает его типичным.

Он произнес эти слова по-русски и увидел, что на Алика это произвело впечатление.

Из «Исторического дневника».

Наступление осени, мой ужас перед новой русской зимой тают в роскошном золоте и пурпуре белорусской осени сливы персики абрикосы и вишни в изобилии в эти последние недели осени я здорового коричневого цвета и набит свежими фруктами.

мой 21-й день рождения видит Розу, Павла, Эллу на небольшой вечеринке у меня дома Элла — очень привлекательная русская еврейка с которой я последнее время гуляю, она тоже работает на заводе

радиоприемников

Теперь находит приближение зимы. Растущее одиночество переполняет меня не смотря на завоевание Эннатачины девушки из Риги

Новый годы я провожу дома у Эллы Жермен. Я думаю, я влюблен в нее. Она отвергла мои более позорные продвежени

После преятной прогулке заруки в местное кено мы приходим домой, стоя на пороге я делаю придложение она колеблется затем отказывает, моя любовь реальна, но она не любит меня. (Я слишком потрясен что бы думать!) Я жалак!

Он говорил с друзьями о Кубе, и с удивлением обнаружил, что они не слишком интересуются. Из-за Кубы он легко начинал горячиться, о ней не переставая говорили в англоязычном «Уоркере», на местном радио и на «Би-би-си». Микоян подписывает торговый договор с Че Геварой. Россия посылает тяжелое вооружение. Айк разрывает дипломатические отношения.

Шоколад дорогой. У этих людей порочная тяга к сладкому. В кондитерской постоянные очереди. Жизнь состоит из мелочей. Шоколад, проигрыва-

тель, еда из автомата.

Друзья с трудом произносили его имя. Им было неудобно говорить «Ли». Это звучало по-китайски, или просто язык отказывался выговаривать.

Он сказал, чтобы его называли Аликом.

Открытка № 4. Вашингтон. 21 января 1961 года, на следующий день после вступления Джона Ф. Кеннеди в должность президента, Маргарита Освальд на вокзале «Юнион» ищет телефон. Она только что приехала из Форт-Уорта, три дня и две ночи на поезде, взяла денег со страхового полиса, чтобы заплатить за билет, опустошила свой счет в банке, чтобы купить туфли, и всю дорогу она ехала сидя — не хватало денег на купе в спальном вагоне. Злая, усталая и разочарованная женщина. Письма к конгрессмену остались без ответа. Звонки в местное отделение ФБР также не дали результата. Телеграммы в Госдепартамент. Письма и звонки в Международный Комитет Спасения. Госдепартамент связывается с Международным Комитетом Спасения, но никто не хочет разговаривать с ней. Неужели действительно так странно, что она использует слово «заговор»? Она всего лишь пытается проанализировать толщу событий, которые неверны в

корне.

Коммутатор Белого дома отвечает ей, что президент на совещании.

Она бросает еще одну монетку в щель.

Коммутатор Госдепартамента отвечает, что госсекретарь Раек в данный момент недоступен, но если они могут что-нибудь для нее сделать и т. д. и т. п. Оператор — негритянка, а ведь Маргарита в детстве жила в смешанном районе негров и белых на Филип-стрит в Новом Орлеане, играла с негритянскими детьми, а по соседству была славная негритянская семья, так что наконец, после всех перипетий, ее соединяют с человеком, который, кажется, говорит из кабинета, а не с коммутатора. У него тихо, он представляется консультантом и вежливо осведомляется, в чем дело.

— Я приехала в город насчет своего сына, который пропал в России.

Она объясняет, что не мамочка-плакса, но дело в том, что она сейчас после болезни и не знает, жив ее сын или мертв. Он где-то за границей, работает агентом нашего американского правительства. У него есть право решать за себя, говорит она, но очень возможно, что правительство выкрутило ему руки, и он не может оттуда

выбраться.

Человек отвечает, что метеослужба обещала ужасную метель и их отпускают с работы раньше.

Маргарита опасается заговора.

Она говорит в трубку:

— Я не могу выжить в этом мире, если я не уверена, что американский образ жизни никуда не делся, и я могу начать с самого начала. Я должна проработать все, с того времени, когда в шестнадцать лет он твердо хотел вступить в морскую пехоту, о чем мы спорили и так и сяк, когда жили во Французском квартале. — Она говорит: — Он читал устав Роберта днем и ночью. Он знал его наизусть. А теперь я ничего не слышу от него уже больше года, и я уверена, что в том нет его вины, как бы агенты ни вели себя там, за границей. Я здесь, чтобы потребовать информацию по сути о том, где он находится.

Человек из Госдепартамента отвечает, что все покидают контору в связи с приближающимся снегопадом. Он, по всей видимости, неотвратимо надвигается. Метеорологи говорят, что он может разразиться в любой момент.

Марина любила слушать, как он говорит по-английски. Это волновало, это своего рода

приключение. Она даже не знала, что в Минске есть американец. Удивительное событие. Отношение людей к Америке никуда не девалось.

Она танцевала с Аликом на безбрежном паркете Дворца Культуры. Вежливый и аккуратно одетый, говорил ей, как она красива в своем парчовом платье и с начесанными волосами. Он говорил по-английски с некоторыми ребятами, но с ней, разумеется, только по-русски. Она редко слышала английскую речь, не знала ни слова, кроме текстов песен и Тарзана.

Сама Марина появилась в Минске, свалившись как снег на голову, говорил ее дядя Илья. Она жила здесь незаконно, она была сиротой, ее тянуло к людям, не похожим на остальных. Илья сказал американцу, что у нее ветер в голове.

Она часто встречалась с Аликом. Казалось, что они вместе сияют в центре вещей. Они все делали своим. Своя скамейка в парке рядом с шахматистами, обычные, ничем не примечательные вещи. Они влюбились друг в друга, как это происходит со всеми. Они были из совершенно разных миров, культур, но их свел вместе случай, так считала Марина. Ее сердце начало биться по-новому.

Они льстили друг другу, каждый становился

неповторимым и чудесным. Такой лжи верит всякий в девятнадцать лет, а Марине было именно столько, когда она встретила этого неожиданного человека.

Она бросила Анатолия, похожего на киноактера, и Сашу, который был прекрасен во всем и потому ей не подходил.

Алик жил в славной маленькой квартирке, слушал Чайковского на патефоне. Водил Марину кататься на лодке по Молодежному озеру. Они были такими же, как все, говорили то, что обычно говорят друг другу люди. Любая мелочь их жизни становилась сокровищем. Марина при рождении весила чуть меньше килограмма. Алик благоговел перед этим фактом. Это делало ее по-особенному прелестной, хотелось нянчиться с ней. Он пытался отмерить руками, сколько это — килограмм драгоценной жизни. У нее были голубые глаза. В детстве ее дразнили «спичкой» за худобу и склонность вспыхивать, говорить короткими взволнованными фразами. То, что они рассказывали друг другу, походило на истории из постоянно меняющейся книги, и от этого любовь их казалась бесконечной.

Он сказал, что его мать умерла.

Говорили обо всем: о солнце и луне, о мухе на

оконном стекле. Он прятался в подъездах, когда дул холодный ветер. Ледяной ветер вдоль реки.

Судьбой им было назначено пожениться, и с приходом весны они отправились в загс, всего шесть недель спустя после знакомства. Алик принес букет ранних нарциссов, а она надела короткое белое платье с травяным рисунком. В ту ночь он нежно поблагодарил ее за девственность.

Она работала в больничной аптеке и, приходя домой, видела, как он стирает или моет пол шваброй. Он не разрешал ей стирать свою рабочую одежду. Стеснялся сажи и пота и не любил думать о себе как о фабричном рабочем, человеке ручного труда, выполняющем одно бесконечное задание.

Каждый вечер в десять часов он настраивался на «Голос Америки».

У них оказались похожие шрамы на руках, на его левой и ее правой, оба шрама рядом с локтем, одинакового размера и формы. Предназначение, отраженная в зеркале судьба. Он сказал ей, что был ранен в бою, в Индонезии, в операции против коммунистов. Ничего не сказал о другом шраме, на запястье.

Он, как и она, был сиротой, отщепенцем — все

это замечательно, но большего об Алике Марина не знала. Она, казалось, смотрела на него со стороны. Он никогда не находился рядом полностью. Другой человек, тот, с которым она жила, — американец, заявивший, что ему двадцать четыре. Но в день свадьбы, когда она увидела штамп в его виде на жительство, выяснилось, что ему всего двадцать один.

Через несколько недель она узнала, что его мать жива.

Некоторые заводские ребята говорили Марине, что он довольно славный малый, но всегда держится в стороне, всегда один, не вливается в коллектив, совсем не похож на русского по темпераменту — иными словами, душа не нараспашку.

В день их свадьбы Кастро получил Ленинскую премию Мира. Это случилось через две недели после залива Свиней.

В записной книжке он написал по-испански числа с одного до семнадцати, пропустив пятерку и шестерку.

— А другие девушки, с которыми я здесь знакомился, почему они хотели встречаться со мной, как ты?

— Я не знаю, — ответила она.

— Потому что я американец. Вот что смешно. Я покинул свою страну из протеста, а теперь я для всех — настоящий американец. Кроме, разве что, вот чего. Когда я хотел жениться на девушке с завода, Элле, она отказала по той же причине, по которой начала со мной встречаться. Я американец. Она сказала, что рано или поздно меня арестуют за шпионаж. Ее семья думает, что я шпион. Возможно, она и сама думает, что я шпион. Страх обычного российского жителя. Я ее видел несколько дней назад. Растолстела, как бочка.

Интересно, думала Марина, он так много пишет в этих новых больших блокнотах. Что за фотографии он хранит в шкафу на верхней полке, за чемоданами? Что за карандашный набросок, похожий на план первого этажа завода радиоприемников?

Он сказал, что описывает свои впечатления от России.

А что это за маленькая штучка на стене над диваном-кроватью, которая совсем там ни к чему? Кто-то подслушивает, о чем мы говорим?

Даже теперь, после смерти Сталина, она не знала, кому Доверять. Ее дядя Илья — полковник МВД. В форме он походил на нарисованного героя Великой Отечественной. Алик хотел, чтобы

она выяснила все о должности Ильи, зарплате, обязанностях. Она знала, что он как-то связан с лесной промышленностью. Ответственный пост, но совершенно не имеющий отношения к шпионам и контрразведке. Он был заведующим лесоматериалами или что-то вроде. Так ей казалось.

Алик сказал, чтобы она выяснила поподробнее. Это нужно для его записок о России.

Иногда Алик в одиночку брал напрокат лодку и плыл по течению реки мимо дома. Он несколько раз выкрикивал ее имя против ветра, пока она не выходила на балкон, чтобы помахать ему рукой. Он махал в ответ, как ребенок, чуть не подпрыгивая от восторга. Казалось, что он из своей лодочки восклицает: «Посмотрите на нас, это же чудо, настоящее чудо».

За два года до этого, во время поездки в Минск, когда Марина еще жила в Ленинграде, она заметила красивый дом с балконами, выходящими на реку. Один балкон зарос цветами, и она представила, как хорошо было бы жить там. И теперь она была уверена, что стоит именно на том балконе, ее и Алика, который машет ей рукой, пока лодка медленно проплывает мимо.

Судьба больше, чем факты или события. Это

нечто за пределами чувств, во что можно верить, когда бог так далек от нашей жизни.

Некоторые не верят в бога, но красят яйца на Пасху, просто для разнообразия.

Открытка № 5. Двойная, раскладывается. «Виды Минска». Освальд сфотографирован у памятника Победы, Дворца Культуры, на площади Сталина. Он весело улыбается прямо в камеру, но как раз сейчас у него мало оснований для счастья.

Его заявление о приеме в Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы отклонили. Он тяжело переживал эту новость. Из-за этого почувствовал себя маленьким и бесполезным. Председатель приемной комиссии пишет, что это учебное заведение создавалось исключительно для молодежи из неимущих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Интересно, почему же его считают имущим. Это часть общего идиотизма, связанного с жизнью в США.

Что еще? Ну, он написал в американское посольство в Москве с просьбой вернуть его паспорт. Он слегка нервничает, вспоминая, как швырнул им паспорт, фактически заставил забрать его, а потом сказал то, о чем теперь жалеет, насчет военных секретов. Будут ли его преследовать, если он вернется?

Что еще? Вот это смешное маленькое приспособление на стене в его квартире, не розетка, не выключатель и не держатель для картины. И еще. Он то и дело видит машину с табличкой «Автошкола», курсирующую взад-вперед по его улице. Может быть, эта улица — место экзамена, думает он, да только вот в машине никогда нет ученика.

Он считает, что за ним следят, поскольку считают ложным дезертиром, засланным Военно-морской разведкой. Легко можно представить, что ВМР и в самом деле ждет не дождется, когда он отсюда выберется и сможет рассказать, что здесь узнал.

Он знает, что кто-то читает его почту, потому что как только он написал в посольство США, ежемесячные выплаты от так называемого «Красного Креста» неожиданно прекратились, и его доход уменьшился вдвое. Он принимал эти деньги прежде всего потому, что был голоден, измучен и в Москве лежал снег. Он не хотел думать о подлинном источнике средств. Ему платили за дезертирство, за ответы на вопросы о военной службе. Теперь, когда он хочет вернуться домой, деньги перестали поступать.

Ничего от Алика. Ни слова. Полная тишина.

Может, это все Алик. Все дело в Алике. Все для того, чтобы извлечь из него пользу. Пригвоздить к стене, а ему просто хотелось учиться.

Я все еще не сообщил жене, что хочу вернуться в США.

Друг Эрих познакомил его с кубинскими студентами; ему нравится разговаривать с ними, нравится жаловаться на минскую скуку. У кубинцев есть талант и чутье. Он считает, что в кубинском вопросе все честно. Это борьба побежденных. Здесь же люди используют партию, чтобы продвигаться вперед. Партия — инструмент для получения материальной выгоды.

Он еще раз сфотографировался, на сей раз в темных очках.

Рядом с его домом за колючей проволокой стояла пятисотфутовая радиобашня, которую сторожили вооруженные охранники с неизменными рычащими собаками. Неподалеку находились две конструкции поменьше, столь же усердно охраняемые. Это были башни-глушители, создававшие помехи для высокочастотных передач из Мюнхена и других западных городов.

Он представлял, как будет описывать свою историю журналу «Лайф» или «Лук», повесть о

бывшем морском пехотинце, который проник в самое сердце Советского Союза, наблюдал за повседневной жизнью, видел, как страх правит страной. Шоколад в четыре раза дороже, чем в США. У индивидуума нет ни малейшей свободы действий.

Он фотографировал аэропорт, политехнический институт и армейское административное здание, просто так, на всякий случай, на потом.

«Воистину странное зрелище, — напишет он. — Местный партработник произносит политическую проповедь перед группой простых крепких рабочих, которые каким-то странным образом превращены в камень. Превращены в камень все, кроме суровых коммунистов с блуждающим взглядом, они высматривают малейшую невнимательность со стороны рабочих, сулящую им надбавку к премии».

Он представлял, как сидит в редакции «Лайф» или «Лук», с рукописью в кожаной папке на коленях. Как это называется — «сафьяновый переплет»?

Он договорился с другом Эрихом, чтобы тот давал ему уроки немецкого.

Когда Марина сообщила, что беременна, он

подумал, что его жизнь наконец-то обрела смысл. В нем заговорил отец. Он нашел свое место, осознал свой долг. Эта женщина принесет ему удачу, на которую он никогда не рассчитывал. Марина Прусакова, сама на два месяца недоношенная, весившая при рождении меньше килограмма, девушка из Архангельска на Белом море, на противоположной стороне земного шара от Нового Орлеана. Он взял ее лицо в ладони. Светловолосая, худенькая. Полный рот, высокая шея, голубоглазая девочка-Цветок, его стройный бледный нарцисс. Пусть ребенок будет похож на нее, пусть так же кривит губы, так же вспыхивают в гневе глаза. Он закружил ее по комнате, пообещал, что будет заботиться о ней как никто другой. Она сама станет ребенком, пока не появится настоящий ребенок.

Он сказал, что магазины в Америке ломятся от всевозможных вещей. Все, что нужно ребенку, есть в ближайшем универмаге. Целые отделы для малышей. Целые детские магазины. Ты в жизни не видела таких игрушек.

Он первым приходил домой, мыл посуду, оставшуюся после завтрака. Он слышал, как она поднимается по лестнице, с каждым днем все медленнее. В сумке у нее мороженое и халва.

— Собираются убрать Сталина, — сказала она. — Я шла мимо площади, ее огородили.

— Без динамита им не обойтись.

— Они свалят его цепями.

Она убрала еду, села за кухонный стол позади него и закурила.

— Сталин слишком большой, — возразил он. — Придется его взрывать.

— Слишком много еще сталинистов. Я думаю, они свалят его цепями, когда стемнеет, и куда-нибудь оттащат. Так что никто не узнает, а потом будет уже поздно.

— И так уже все знают. Площадь огорожена. Потуши, пожалуйста, сигарету.

— Я в последние дни курю гораздо меньше.

— Ребенку это вредно. Нет, нет и нет, — сказал он.

— Я уже не так много курю, Алик.

— Ты прячешь их повсюду. Я нахожу сигареты в каждом углу. Ребенку это очень вредно.

— Я курю все меньше и меньше. Сегодня всего вторую. Что насчет виз?

— Я ходил повсюду. Министерства, ведомства, все обежал. Это безнадежные люди, Марина. Они читают мою почту, так что я в письмах жалуюсь брату на их безнадежную бюрократию.

— Ты пишешь и ему, и им. Два письма по цене одного.

— Экономим целое состояние, — сказал он.

— А где, собственно, находится Техас?

Он вымыл кофейник в чуть теплой воде.

— Это там, где живет генерал Уокер. Глава всех ультраправых экстремистских группировок в Америке. Уокер сегодня на первых страницах газет. «Генерал Уокер претендует на роль фюрера». Он ушел в отставку из армии, чтобы военные не мешали ему возглавить правый переворот.

— Мне уже пора учить английский?

— Потом, когда мы туда приедем.

Эти дни и ночи стали для него откровением. Он оказался домоседом, жил счастливо в своей квартире, мыл посуду, болтал с женой про обои. Это было чудесное открытие. У него появилась возможность избежать верного краха. Такой безопасной казалась жизнь в этих маленьких комнатах, и Марина рядом, с ней можно говорить, к ней можно прикасаться, благодаря ей Россия перестает быть такой огромной и загадочной. Гнев утихал, когда он сидел под торшером и читал, читал о политике и экономике, а рядом жена в свободном платье, беременная, и над рекой горят фонари.

Этой ночью во сне они услышали громыхание. Два, три, четыре гулких удара, будто некая небесная сила, раздались в ночи. Он лежал тихо, с открытыми глазами, ожидая, что она заговорит, дословно зная, о чем она спросит.

— Что это, Алик? Гром?

Он услышал последний неторопливый раскат.

— Они взрывают статую вашего вождя.

Тишкевич, заведующий отделом кадров, сказал гражданину Освальду, что его работа регулировщика признана неудовлетворительной. Он не проявляет инициативы. Чересчур болезненно реагирует на полезные замечания бригадира. Работает небрежно.

Он сказал, что пишет рапорт. Он сообщит обо всем наверх и добавит, что гражданин Освальд не принимает участия в общественной жизни цеха.

Ни намека на Алика. Ни слова. Будто ему и дела нет до того, жив Освальд или мертв.

Мать разыскала его. В письме она сообщила, что его уволили из морской пехоты с лишением прав и привилегий.

Он попытался выяснить у брата, будет ли правительство его преследовать.

Он написал в посольство США с просьбой о

предоставлении кредита, чтобы он с семьей мог добраться до Америки.

Он написал матери, чтобы она оформила нотариально заверенное приглашение для Марины.

Он написал сенатору Техаса Джону Тауэру и в Международный комитет спасения.

Весь этот процесс оформления документации, бесконечный бюрократический лабиринт, бумажки в трех экземплярах, расшифровка и заполнение бланков — мучительный труд для него.

Он писал Джону Б. Конналли-младшему, поскольку думал, что Конналли — министр ВМС. На самом деле тот был губернатором Техаса.

Вошла Марина с книжкой доктора Спока, которую подруга прислала из Англии. Она уселась рядом, и он стал переводить фрагменты книги на русский. Она сказала, что рождение ребенка — женская тайна, подобная тому, что происходит на дне океана, во мраке, в безмятежных водах, загадка, которую никто не может разрешить, даже если мы знаем всю биологическую подоплеку.

Доктор Спок писал: «Не бойтесь своего ребенка. Ваш ребенок родился, чтобы стать разумным и дружелюбным человеком».

Марина смотрела на него, пока он переводил

эти строки. Казалось, она впервые задается вопросом: что за страна эта Америка?

Он снова вернулся к письму. Можно ли сообщить министру ВМС, что он — ложный дезертир? Он хотел возместить ущерб, причиненный ему и его семье. Он знал свои права. Он хотел, чтобы его позорное увольнение пересмотрели. Но как он сообщит министру ВМС, что заслан военно-морской разведкой, чтобы жить в СССР простым рабочим, наблюдать систему, фотографировать стратегические объекты и заносить в блокнот детали повседневной жизни, если его почту проверяют?

Он представлял, как будет сидеть в кабинете министра ВМС у флага с кистями и беседовать с хозяином кабинета, человеком с квадратной челюстью и честными глазами, дружелюбным техасцем.

Рассвет. Марина будит меня. Ей пора.

Это событие имеет определенный образ, традиция передается из поколения в поколение. Так и его собственный отец стоял в полуосвещенном коридоре и ждал крика сына. Крика Роберта Освальда. Второй сын родился лишь через два месяца после того, как отец умер.

Он сразу же написал Роберту.

> Ну вот, у меня есть дочь, Джун Марина Освальд, 6 фунтов, 2 унции, родилась 15 февраля 1962 года в 10 ч. утра. Как тебе?!
>
> Правда, ты меня обскакал, но я постараюсь догнать. Ха-ха.
>
> Как там у вас дела? Я слышал по «Голосу Америки» что выпустили Пауэрса, парня из шпионского самолета «У-2». Там у вас это важная новость, скорее всего. Когда я видел его в Москве, он показался славным, симпатичным и сообразительным американцем.

Он по второму разу покрасил подержанную детскую кроватку, пока Марина лежала в роддоме. Отдраил квартиру, перестирал белье, погладил ее блузки и рубашки. В конце концов, бюрократы настояли, что второе имя ребенка должно быть таким же, как у отца, а не как у матери. Он передвинул кроватку на свою сторону кровати, и каждую ночь всего несколько сантиметров отделяли его от Джун Ли.

Он — человек без гражданства, страдающий алексией — вскочил среди весенней ночи и на-

писал свой «Исторический дневник».

Написал он его в два приема, сделав перерыв на кофе в 4 часа утра. Он хотел объяснить себя грядущим поколениям. Однажды люди прочтут эти строки и поймут страхи и чаяния человека, который всего лишь хотел узнать на деле, что такое социализм.

Это было прощание с Россией. Это означало официальный конец целой эпохи его жизни. Это подтверждало его опыт, как написание истории придает событиям определенность и форму.

Он писал слова печатными буквами и представлял, как люди будут читать их, люди, тронутые его одиночеством и разочарованием, даже скверным почерком, по-детски сумбурной композицией. Пусть видят его борьбу и унижение, те усилия, которые нужно было прилагать, чтобы написать простое предложение. Страницы переполнены, перепачканы, требуют неотложного внимания — подлинное отражение его состояния: бешенства и разочарования, знания и неспособности толком изложить это знание.

Он начал с первого дня, с осени 1959 года, нырнул в прошлое, писал в детской горячке, когда в полубреду сны с текучими красками кажутся состоянием более чистого знания. Он чувство-

вал легкие приливы волнения, когда описывал попытку самоубийства голосом Хайдела, театральным, с издевкой над собой. Таков подлинный голос того эпизода. Он слышал его тогда, глядя, как бледная кровь смешивается с теплой водой в ванной *(где-то играет скрипка),* и легко воспроизводил этот голос теперь, потея в своей пижаме за кухонным столом.

Постоянное напряжение, композиционный хаос. Он не мог навести порядок в поле мелких символов. Они расплывались. Не получалось разглядеть картинку, которая называется словом. Слово — это еще и картина слова. Он видел пропуски, незаконченные линии, и старался домыслить остальное.

Он предпринимал чудовищные попытки фонетического письма. Но язык обманывал его своей непоследовательностью. Он видел, как предложения разваливаются, и оказывался бессилен исправить их. Природа вещей неуловима. Вещи ускользали от его восприятия. Он не мог ухватить убегающий мир.

Повсюду ограничения. Куда ни повернешься, везде наталкиваешься на собственное несовершенство. Зажатый, неуклюжий, неполноценный. Он знал, о чем пишет. Трудность не в том, что

он не знал.

Он стоял на балконе и пил кофе. От ветерка пропотевшая пижама прилипла к телу. Если букву «N» положить на бок, получится «Z».

Даже в той спешке он аккуратно опускал некоторые вещи, которые могли быть использованы как законные аргументы против его возвращения в США. Да, в какой-то степени этот дневник служит в его интересах, но в основном отражает истину, полагал он. Подлинной была паника, голос разочарования и растерянности.

Он знал, что там неувязки, перепутанные даты. Странно было бы ожидать, что столько времени спустя он вспомнит даты правильно, никто не читает такие вещи ради имен, дат и орфографии.

Пусть они видят его борьбу.

Он истово верил, что жизнь повернется таким образом, что однажды люди станут изучать «Исторический дневник», чтобы отыскать ключ к сердцу и разуму его автора.

— Алик, с ужасом думаю, как буду вдыхать воздух России в последний раз.

— Твои подруги уже завидуют тебе.

— На вокзале будет невыносимо грустно. Наши добрые друзья будут стоять на платформе. Никто не поверит, что я действительно уезжаю. Дядя с

тетей так расстроятся. «Мариночка, ты как будто в космос улетаешь». Невыносимо даже подумать об этом.

— Они будут рыдать от зависти, клянусь.

— Я хочу, чтобы они кидали цветы, когда поезд тронется. Лепестки белых нарциссов будут медленно кружиться в воздухе. Воздух наполнится цветами.

Она представляла себе, что будет дальше. Вокзал, граница, корабль. И все. В голове не рисовалось ничего, похожего на дом.

Муж сидел за кухонным столом и писал.

Он написал «Коллектив» — больше сорока страниц от руки, скрупулезное повествование о жизни в России, о жизни в Минске, жесткой дисциплине на заводе радиоприемников. Он собирал статистику и задавал Марине сотни вопросов о ценах на еду, обычаях и так далее. Он хотел исследовать тему власти, как Коммунистическая партия правит советской жизнью.

Он написал «Новую эру», краткий отчет о сносе памятника Сталину в Минске.

Он делал заметки к очерку об «убийстве истории» — ужасающем шествии советского коммунизма. О депортациях, массовых репрессиях, проституции искусства и культуры, «целе-

направленном урезании рациона в условиях пренебрежения потребителем в среде российского населения».

Марина плакала, уезжая из Минска. На вокзале за ними наблюдал какой-то человек, почти не прячась в толпе. Она мельком увидела его из окна. Возможно, это ее бывший ухажер Анатолий — человек с буйной светлой шевелюрой, когда-то сделавший ей предложение, человек, от чьих поцелуев у нее кружилась голова, — или кто-нибудь из КГБ?

Когда поезд подъехал к польской границе, Ли взял свой дневник, все исписанные бумажки, черновики статей, и стал запихивать их в трусы, под рубашку. Часть страниц забавно угнездилась в промежности. Два советских таможенника зашли в купе, и Марина отвлекла их внимание на ребенка. Таможенники быстро осмотрели багаж и пожелали удачи.

На борту «Маасдама» он продолжал писать. Роттердам — Нью-Йорк. Он писал речи, которые ему, возможно, однажды придется произносить как человеку, прожившему долгое время в капиталистической и коммунистической системе.

Он написал предисловие к «Коллективу».

Написал очерк под названием «Об авторе». Ав-

тор — сын страхового агента, чья ранняя смерть «оставила далеко идущую полосу независимости возникшую вследствие принибрижения».

Женщины на корабле были сплошь из Америки или Европы, модно и со вкусом одетые. Марина на их фоне казалась девчонкой — маленькая, в потрепанной одежде, с ребенком, укутанным по-русски в льняные пеленки. Она сидела в их каюте третьего класса. И почти не выходила оттуда — только на завтрак, обед и ужин.

— Мне уже пора учить английский? — спросила она.

Рано утром 13 июня — июнь по-английски «джун», как имя его дочки — он стоял на палубе и смотрел, как на горизонте вырисовывается южная оконечность Манхэттена, дуга громадных зданий, громоздящихся в дымке. То же самое видел и Лев Троцкий в конце второй зарубежной ссылки в 1917 году: очертания Нового Света. В России он почти не вспоминал о Троцком. Но теперь понял этого человека. Троцкий искал пристанища. Его вышвырнули из Европы. Его преследовала тайная полиция. Он пересек океан до Уолл-стрит на ржавом испанском пароходе.

Ли боялся, что полиция будет ждать его на причалах Хобокена. Явился дезертир с женой-

нищенкой и дочкой-нищенкой. Он заготовил для них ответы, два набора ответов, которые набросал и выучил наизусть в корабельной библиотеке. Если он почувствует, что может сойти за невинного путешественника, то станет отвечать дружелюбно и аполитично. Но если власти будут враждебны к нему, если заставят его обороняться, если у них есть информация о его деятельности в Москве, он готов к неповиновению и презрению. Он поставит вопрос о своем праве на определенные убеждения. Смело встретить их, издеваться над ними, бесстрашно смотреть в прищуренные полицейские глаза и дать им понять, кто они и кто ты.

Буксир двигался по рассветной гавани, появились мосты, волнорезы, огни над шоссе вдоль Гудзона.

Только бы добраться до Техаса, и все будет хорошо.

Часть вторая

«Кому-то придется собирать меня по кусочкам...»

Джек Руби. Из свидетельских показаний

15 июля

Эта женщина умела быть незаметной. Можно находиться с ней в одной комнате и забыть о ее существовании. Она уходила в тишину, растворялась в окружающих предметах. Ти-Джей любил думать, что это искусство она оттачивала годами.

Он стоял у окна и ел виноград из бумажного пакета, разорванного сбоку. Норфолк — чужой город. Здесь стажеры с Фермы совершенствуют свои тайные техники. Взломы, шпионские тайники, слежка, прослушивание. Ньюпорт-Ньюс и Ричмонд также назначены чужими. Балтимор — чужой время от времени. Но Ти-Джей здесь не для того, чтобы наблюдать, как проводятся взломы, и оценивать работу парней.

Она сидела на кровати, держа в обеих руках карты, и сама с собой играла в покер. Она родом с Формозы, по ее словам, и выглядела достаточно юной, чтобы изображать в рекламе сироту, потерявшую родителей на войне. В эту тесную комнату он приходил уже третий раз. Она была в футболке с надписью «ВМФ Диксон», и Ти-Джей не заметил, когда она успела ее надеть. Ее нагота

не привлекала внимания, казалась совершенно естественной. Он бы с легкостью поверил, что так она и живет.

Она шлепнула журналом по стене, чтобы убить слепня. Через несколько мгновений он снова о ней забыл.

Всякой тайне угрожает одно — предательство. Рано или поздно кто-нибудь доходит до того состояния, когда хочется рассказать о том, что знаешь. Мэкки не доверял Парментеру. Есть тысячи карьерных служащих, подобных Парментеру. Самое сильное их убеждение — это обед. Не доверял он и Фрэнку Васкесу. За несколько месяцев до вторжения Фрэнк по указанию Мэкки шпионил за своими же ссыльными товарищами. Фрэнка сложно просчитать. У него душа *chivato,*[10] блеющего шпиона с козлиным лицом, но когда появляется цель, он исполняется тихой решимости. Мэкки не доверял Дэвиду Ферри. Ферри знает, что оружие для этой операции поставляет Гай Банистер. Возможно, он также знает, что Банистер предложил переправить деньги, которые нагреб в Новом Орлеане, команде стрелков. Чем серьезнее тайна, тем опаснее доверять ее таким,

---

[10] Примечания: 10
Стукач, информатор *(исп.).*

как Ферри. Есть и другие, кого придется посвятить в дело. Кто-то из них наверняка не выдержит. Он знал, о чем думают эти люди, плывущие по течению чужих заговоров. Они хотят шепотом разболтать все человеку, укрывшемуся в тени.

Он придвинул стул к кровати и взял одну руку. Почему-то возникло ощущение, что он испортил ей удовольствие. У нее были стриженые волосы, узкие бедра, небрежная, почти легкомысленная манера двигаться, своеобразный язык тела; Ти-Джей считал, что так она приспособила к себе местный стиль поведения. Она ходила так, будто толкала тележку в супермаркете.

— Я научу тебя кункену. На двоих лучше играть в него.

— А что, ты еще придешь?

— Может быть.

— А может, и нет.

— Может, и нет.

— Тогда зачем учиться? — спросила она.

Ему нравилось думать, что шлюхи — глубокие личности. Он уважал шлюх. Они быстро делают выводы — у них вообще быстрая работа, — и порой казалось, что они могут сказать о нем такие вещи, которых он никогда не замечал. Им доступны самые ошеломительные факты. Поэтому он

уважал их и остерегался.

Она взяла его правую руку и приложила его ладонь к своей. Сначала он не понял, зачем. Затем сообразил, что она сравнивает их по величине. Увидев разницу, она хихикнула.

— Что смеешься?

Она сказала, что его рука смешная.

— Почему моя? Ане твоя? — спросил он. — Если они такие разные, может, это твоя смешная.

— Нет, твоя, — ответила Лю Ван.

Она сравнила левые ладони и с хохотом упала на кровать. Возможно, он казался ей представителем другого вида. Причем экзотического, в отличие от нее.

Пиво уже согрелось. Он встряхнул бутылку и посмотрел на девушку.

— Магазины закрыты, — сказала она.

Прорыв сделал Эверетт. Эверетт обдумал смелую идею убить Кастро и счел ее бессмысленной и жестокой. Вместо этого он предложил контрмеру, более разумную во всех отношениях. Незаурядную, четкую, ясную. На самом деле нам нужен Дж. Ф.К. Мэкки доверял Эверетту. Это сложный, страстный человек, который умеет находить разумные решения. В Лэнгли и Майами до сих пор разрабатывают планы убить Фиделя. Это

стало индустрией, подобно производству целлюлозы или обуви. Эверетт счел более правильным действовать дома. У этого плана есть сила и подтекст. Конечно, Эверетт не собирается застрелить Кеннеди в прямом смысле слова. Только открыть огонь на улице. Ему нужен хирургически точный промах.

Второй прорыв совершил Мэкки. Сделал он это, узнав о плане Эверетта, когда ехал один к границе Луизианы через два года после залива Свиней, его темные очки лежали на приборной доске в мягком сумеречном свете. Нужен еще один шаг. Одержимость Эверетта растворилась в технических деталях. План стал слишком запутанным и сложным. Эверетт хотел построить лабиринт, уходящий в бесконечность. Хлопотный план ради плана. Ему не хватает пылающей страсти. А им следует довести его до конца. Для Мэкки стало откровением, когда в минуту прозрения, пробиваясь на машине сквозь толщу воздуха, он почувствовал, что ему, как ни странно, чертовски жаль президента Джека.

В холодильнике стоял сок. Он отпил глоток и протянул ей бутылку. Она вытерла рот ладонью, отпила и снова вытерла. На реке загудел корабельный ревун. Он отставил бутылку, и девушка

выскользнула из футболки. Он уперся коленом в край кровати, глядя, как она незаметно перетекает в свою вторую кожу. Личность исчезла бесследно. Он никогда не встречал женщины, которая бы столь полно превращалась в тело. Ее тело могло менять форму, скатываться в клубок, творить из секса таинственную игру солнечного света и теней. Он держался за спинку кровати. Они совокуплялись на журнале, страницы прилипли к ней и громко шуршали.

Постепенно за всю свою жизнь — брак, работа разъездного полувоенного, впадение в официальную немилость — он стал человеком без определенного адреса. В каком-то смысле это повод для глубокого отчаяния. Ему почти сорок, он болтается по миру, ничего не приобрел за годы риска. Но когда он завел машину и тронулся в долгий путь на юг, то почувствовал странное удовлетворение — он все-таки в выигрыше. Перед глазами стояло лицо Джека Кеннеди, и никто не знал, что он здесь, человек, которому платили за обучение других людей основам смертоносных приемов.

Уин Эверетт сидел в комнате дочери и слушал, как она читает вслух книжку с картинками. Мэри Фрэнсис передала уроки чтения ему. Ее выводила

из себя Сюзаннина склонность к актерству, она считала, что ребенок должен учиться читать, а не декламировать. Уин следил за каждым словом. Его лицо менялось вместе с лицом девочки, вместе с эмоциями персонажей.

Поразительно, как эти сказки действовали на него: он словно возвращался в детство. Он обнаружил, что может раствориться в голосе дочери. Он изучал ее лицо, казалось, будто он видит то же, что она, как строчка за строчкой неторопливо разворачивается зловещий сюжет. Его глаза сияли. Он чувствовал столь сильную радость, что ее можно было описать языком ангельских чинов, языком могущества и власти. Они сидели одни в комнате, и сама комната была одна, одна над всем миром.

После он спускался вниз и листал журнал. Он понимал, что отошел от переднего края операции. Он использовал Парментера, чтобы тот поговорил с Мэкки. Они оба использовали Мэкки, чтобы тот выяснил, что происходит на Кэмпстрит, 544. Он опасался Освальда. Он не хотел знать всего. Слишком отдалился от остальных. Ждет ли он, что его идеи разовьются с помощью неких сверхъестественных сил? Он совершал те же ошибки, что и «Высшая Исследовательская

Программа» перед вторжением на Кубу. Неизвестно, сможет ли он заставить себя собраться. Отчасти ему хотелось выпустить ситуацию из рук. Хотелось избавиться от страхов и предчувствий.

У заговора всегда своя логика. Заговор обычно сопровождается смертью. Уин считал, что любой заговор по природе неотделим от смерти. Устный заговор — это интриги вооруженных людей, не меньше. Чем напряженнее сюжет, тем вернее он приведет к смерти. Описывая заговор в книге, мы собираем на страницах силы смерти, отыгрываем их, удерживаем там. Народы античного мира инсценировали битвы природных сил, чтобы меньше бояться богов, сражающихся в небесах. Он опасался, что его заговор направлен на смерть. Он уже ясно дал понять, чтобы снайперы стреляли в агента Секретной службы и легко ранили его. Но пугал не промах, не случайное убийство. Здесь подстерегало нечто большее. Он предчувствовал, что заговор достигнет высшей точки, и наступит логический конец.

Улан отправляется в Майами.

За дверью ходила Мэри Фрэнсис. Включила воду на кухне. Он слышал, как она что-то ищет у задней лестницы. На кухне играло радио. Он

ждал, когда она с лейкой пройдет мимо крыльца. Со старой металлической лейкой, серой и помятой. И он ждал, когда ее шаги раздадутся на крыльце. Внимательно прислушался. Она еще на кухне. Значит, все хорошо. Он знает, где она. Она должна быть рядом, а он должен знать, где она. Таковы два его внутренних правила.

На кухне по радио говорил старый знакомый голос, голос начала эпохи радио, имя не вспоминается, но это кто-то очень известный. На заднем плане раздавался смех, и Уин замер, словно желая растянуть это мгновение, — его поразило сложное чувство, которое пробудил голос другой эпохи, мягкий и раскатистый, трехстрочный анекдот, возродивший прошлое.

Он перевернул страницу.

Дата поездки президента не назначена. Но это обязательно случится, уверял Парментер. Он хочет поехать во Флориду, потому что этот штат в 1960 году проголосовал за республиканцев и потому что весь Юг злобно шипит по поводу его программы о правах человека. Мыс Канаверал, Тампа, Майами. По Майами проедет кортеж.

У дверей стояла Мэри Фрэнсис в резиновых перчатках и со щеткой.

— Не замечал ничего странного? Я не знаю.

— Что? — спросил он.

— У Сюзанны. Хотя, наверное, ничего.

— На тебя не похоже.

— Волнуюсь по пустякам.

— С ней все хорошо. Все нормально. Она здоровая девочка.

— С нездоровыми наклонностями.

— О чем ты?

— Не знаю. Недавно так показалось.

— Почему?

— Она все время убегает с Мисси Тайлер. По сути дела, они от меня прячутся. Не знаю, просто она так занята чем-то в последнее время, вся в себе, и мне показалось, вдруг тут что-то кроется.

— Мисси — тощая, маленькая, рыжая?

— Приемный ребенок. Они прячутся по углам, шепчутся с серьезным видом. Мисси приносит с собой такое настроение… Настоящий дом с привидениями. Мороз по коже. По коридорам что-то бродит. Такое чувство, что это я. Я — очень подозрительный субъект в этом доме. Девочки замолкают, как только слышат мои шаги.

— Они живут в своем мире. Сюзанна — фантазерка, — ответил он.

— Она слушает диск-жокея из Далласа по имени Скирда-Борода.

— И что он играет?

— Дело не в том, что он играет. Он крутит хит-парад. Дело в том, что он говорит между песнями.

— Например?

— Невозможно воспроизвести. Что-то вроде — вот он я, и так далее. Будто говорит на другом языке. Но девочка прилипает к радио.

— Тарабумба-карабумба.

— Знаю. На меня это не похоже. Обычно мои тревоги имеют основание.

— Они читала мне сорок минут без остановки. Замечательно, просто замечательно.

— *«Ну папочка, можно еще почитать?»*

— Ты работаешь с плутонием в этих перчатках?

— *«Ну папочка, пожалуйста!»*

Он поднялся наверх, ступая как всегда легко и неслышно. Майами имеет влияние, вызывает отклик. Город изгнанников, город незаживших ран. Президенту нужен кортеж, потому что, судя по опросам, он теряет популярность с каждой минутой. Он предстанет перед массами в длинном синем «линкольне», люди на мотоциклах оттесняют толпу, люди в темных очках висят на подножке сопровождающей машины. Улан

встает и машет рукой. Необходимо подстрелить прохожего или телохранителя, чтобы подтвердить наши полномочия. Так мы покажем, что все по-настоящему. Заговор. Античные народы сливались с природой, подражая жестокости ураганов и шквалов. Сливаться с природой — древнейшая уловка человека. Подходящая мысль перед сном.

Лейка была из шероховатого металла, с уродливым тупым носиком.

Когда он заглянул к Сюзанне, та еще не спала. В ногах на кровати лежала пластмассовая кукла, футболист по прозванию Чудо-Вилли, с плечами, набитыми ватой, и в блестящих штанах. Уин повернул ключик в спине Вилли и запустил его по кровати. Он сопровождал бег футболиста возбужденными комментариями, описывал, как тот уворачивается от подножек и подкатов, изобразил рев болельщиков, в качестве судьи зафиксировал гол, когда Вилли врезался спиной в подушку. Сюзанна сияла от восторга, казалось, будто ее радость пробежала от ступней до головы, и глаза расширились и заблестели.

Если бы он мог всегда так удивлять ее, она любила бы его вечно.

Мэкки ехал по разводному мосту через реку

Майами. Шины взвыли на металлической решетке. В темноте вверх по течению плыл белый шлюп, изящное, проворное чудо. В двух кварталах к югу от моста он увидел первый лозунг «Volveremos»[11] на бампере. Безлюдные улицы. Руки прилипали к рулю.

Он оставил машину в переулке, завернул за угол и вышел к большой автостоянке. Через десять минут обнаружил Уэйна Элко, который нелепо развалился на заднем сиденье красной «импалы». Верх машины был опущен, и Уэйн глазел в ночное небо.

— Как просто я сюда попал, да?

— Ти-Джей…

— Я слышал, ты здесь сторож.

— Откуда ты взялся?

— Я проехал почти тысячу миль, чтобы только увидеть тебя, Уэйн.

— А я почти перестал ждать.

Мэкки прислонился к машине и стал смотреть на улицу, словно ему не слишком хотелось видеть босого грязного Уэйна и раскиданные вещи.

— Я встречался с Раймо и вторым, как его там. Был с ними на учениях в Глэйдс. Там полным-пол-

---

[11] Примечания: 11
Мы вернемся *(исп.)*.

но парней из «Альфы-66». Мы потренировались с ними чуток. Я к ним спиной не поворачивался, разве что отлить.

— «Альфа» нас не волнует. У меня там давние связи.

— Ти-Джей, ты ЦРУ или как?

— Уже нет, Бубба. Продал свой фургончик за гроши, и все. Как там нас называют, отставные?

— Мы тренируемся с дерьмовейшим оружием.

— Оружие будет.

— Тут звезды охрененные. Люблю Глэйдс за ясные ночи. Совершенно другой мир. Смотри, как ястребы пикируют. Хорошо бы снова куда-нибудь податься. Спина болит от спанья в машине.

— У нас есть надежный источник средств, скоро они к вам прибудут.

— Когда я работал в «Интерпрене», мы жили в отеле, и у нас были деньги на казино.

— У нас есть человек в Новом Орлеане.

Мэкки не доверял Гаю Банистеру. Гай сейчас вне игры — этот некогда могущественный человек, ставший свирепым и непостоянным в своей ненависти. Он посылает деньги и оружие, но не станет поддерживать операцию вслепую. Мэкки придется сказать ему, кто мишень, или же придумать. Иначе есть риск предательства.

Гай глубоко завяз в своих делах и связях. Его влияние распространяется в десятках направлений. Глупо предполагать, что такой человек будет просто сидеть и наблюдать за ходом событий. Ему захочется активных действий. Он подключит стихийные силы, разрушительные для замкнутой системы, которую хочет создать Мэкки.

Он не доверял Уэйну Элко. Дело не в том, что Уэйн может сознательно изменить. Это вопрос темперамента, непредсказуемости. Элко способен перевернуть все вверх дном. А также он мгновенно взрывается. В нем есть что-то от ядовитой змеи. Он может неторопливо болтать о чепухе, полуприкрыв глаза и поглаживая худой подбородок, и вдруг обидеться. Он из тех, кто обижается всерьез. Длинный и костлявый. Глаза навыкате. Думает о себе, как о прирожденном воине. Мэкки знал точно, что сможет заставить Уэйна сделать почти все, если только это будет грозить выходом за рамки.

— Мы в Глэйдс немного позанимались стрелковым оружием, — говорил он Ти-Джею. — Мне велели стрелять из пистолета в неподвижную цель. Я так подозреваю, что ты их об этом просил.

Задание Уэйна не даст ему приблизиться к

президенту Джеку. Он станет работать только с короткой дистанции. Все дело в соответствии человека поставленной задаче. Он убивает наедине.

В Форт-Уорте

Она ходила в шортах, как любая американская домохозяйка. Сначала ей казалось, будто она во сне — идет по улице с голыми ногами, коротко стриженная, и разглядывает витрины. Она видела такие вещи, которых в России не купить, даже если у тебя огромное состояние, если шкафы забиты деньгами под завязку. Она знала, что еще слишком молода для того, чтобы сравнивать, и Россия ужасно пострадала во время войны, но невозможно было смотреть на всю эту мебель, на бесконечные ряды одежды и не поражаться.

У них было очень мало денег, почти совсем не было. Но Марине нравилось просто так ходить по супермаркету рядом с домом Роберта. Упаковки замороженных продуктов. Многоцветное изобилие.

Они жили, как все люди, как люди, начавшие жить заново. А ссорились лишь потому, что в Америке у него другой характер, и только так он может любить.

Неоновый свет стал открытием — эти яркие огни в витринах и на кинотеатрах.

Однажды вечером они проходили мимо уни-

вермага, просто гуляли. Марина посмотрела на телевизор в витрине и увидела потрясающую штуку, настолько необычную, что остановилась, крепко ухватившись за Ли. Там показывали мир наизнанку. С экрана на них изумленно уставились они же сами. Марина была в телевизоре. Ли — тоже, он стоял с Джун на руках. Она посмотрела на них живьем, затем перевела взгляд на экран. Увидела, как Ли посадил ребенка на плечо, а за их спинами проходят люди. Она обернулась и проверила те же самые идут люди или нет. Конечно, те же самые, но она не могла удержаться. Марина не подозревала о существовании подобных вещей. Она вышла за пределы картинки, затем снова вошла. Посмотрела на Ли с Джун на экране, затем на тротуаре. Так она и переводила взгляд с экрана на тротуар, входила и выходила за пределы изображения. Изумлялась всякий раз, когда видела свое появление.

Ли стоял перед домом Роберта и смотрел, как к нему приближается мать. Она стала ниже ростом, круглее, волосы, собранные в пучок, поседели. Она работала медсестрой, и пришла в рабочей форме, вся в белом, очки в темной оправе, на голове шапочка, какую носят медсестры. Это официальный наряд материнства, и она казалась

ангелом ужаса и памяти, слетевшим с неба.

Она, плача, обняла его. Взяла его лицо в ладони и всмотрелась в глаза. Она искала своего потерянного сына в заостренном подбородке и редеющих волосах. Такая любовь и страдание смутили его. Такая глубина чувств. Он ощутил, как в нем прорываются жалость и раскаяние.

Она сказала, что пишет книгу о его дезертирстве.

Только что они жили у Роберта, и вдруг стали жить у матери. Он не понял, как это случилось. Она снимала довольно большую квартиру, им всем хватало места, хотя ей приходилось спать в гостиной. Будто он снова рос рядом с ней, опять спальня в гостиной, и однажды они засиделись допоздна, когда Марина с ребенком уже уснули.

— Она совсем не похожа на русскую.

— Мама, она русская.

— В общем-то, она красивая.

— Она тобой восхищается. Говорит, что в доме чисто и аккуратно. Ей нравятся твои мягкие волосы. Только книгу не пиши, мама.

— Я ходила к президенту Кеннеди. Провела расследование. У меня много смягчающих обстоятельств из-за твоего дезертирства.

— Мама, не надо писать книгу.

— Она о жизни, которую мне пришлось вести, не зная, жив ты или мертв. Я могу писать о своем, Ли.

— У нее там родственники, которых ты поставишь под угрозу.

— Под угрозу. А сам ты отдал десять долларов машинистке, чтобы напечатать страницы своей книги.

— Моя о другом.

— О России и ужасах той системы.

— О другом. Называется «Коллектив». Она об условиях жизни и работы. Я изменю фамилии, так что люди не пострадают. И не думай, будто мы не ценим, что ты купила одежду ребенку, готовишь нам еду и так далее.

— Те десять долларов я дала тебе, а ты их отдал машинистке.

— Мама, это книга наблюдений. Я должен денег правительству штата за то, что меня доставили домой. Роберт оплатил перелет из Нью-Йорка. Я просто ищу способы расплатиться с долгами.

— Я имею право на свою книгу, — ответила она. — Президент оказался занят на тот момент, но я переговорила с людьми из правительства во время метели, и они обещали, что рассмотрят дело.

— Это всего лишь статья, а не книга. Мне напечатали заметки для статьи. Там так много страниц.

— И сколько она тебе напечатала?

— Десять. Больше денег не хватило.

— Доллар за страницу — это грабеж.

— Я провез эти заметки на себе из самой России.

— Марина смотрела днем фильм с Грегори Пеком. Я сидела рядом, и она, оказывается, знает Грегори Пека.

— Ну и что, его знают повсюду.

— Мы разговариваем со словарем.

— Потихоньку научится.

— Кажется, она знает больше, чем показывает, — сказала мать.

Он устроился обработчиком листового металла. Тяжелая, грязная, долгая работа и маленькая зарплата. Они переехали в собственный дом, половину дощатого бунгало с мебелью, через дорогу — стоянка грузовиков и погрузочные платформы. Это был приемный пункт всей огромной сети «Монтгомери Уорд». Марина сходила в магазин, побродила между полками. Сказала Ли, что там играет очень приятная музыка.

На их улице стояли одни бунгало. Все называли

эту улицу Мерседес-стрит. В договоре о найме записали «Мерседес-стрит». На карте Форт-Уорта значилась Мерседес-стрит. А надпись на указателе гласила — «Мерседес-авеню».

Он сидел на бетонных ступенях крыльца рядом с маленькой юккой и читал русские журналы.

Мать принесла им кресло. Принесла посуду. Ли сказал, что им не нужны подачки. Она принесла попугая в клетке. Такого же попугая в такой же клетке, как он подарил ей в Новом Орлеане, когда работал курьером.

Тени прежней жизни все появлялись.

— Хватит, — сказал он Марине. — Не открывай дверь.

— Но как я могу не открыть твоей матери? Она так добра к нам.

— Не открывай и все. А то она покоя нам не даст. Ни в коем случае не пускай. Придет с фотоаппаратом и начнет снимать ребенка.

— Но она же бабушка.

— С этого все и начнется.

— Это просто снимок, Алик.

— Вот так она и навязывается. Так и проберется к нам в дом.

— Ты не хочешь пускать ее, а сам используешь при первой же возможности.

— Для этого и нужны матери.

— Это жестоко.

— Я пошутил, и не называй меня больше Аликом. В этой стране нет Аликов. И Джун — не Джунка. Все решат, будто ты не знаешь, как зовут членов твоей семьи.

— Ты не шутишь, когда повышаешь на все голос.

— Привыкай, так шутят в Америке. Так мы друг с другом разговариваем.

— Она вкалывала, чтобы вырастить тебя.

— Она это сказала со словарем? Нашли общий язык с «Мамочкой».

— Я и так знаю. Это же сразу видно.

— То, что сразу видно, — лишь половина правды.

— А что тогда вторая половина?

Он ударил ее по лицу. Дал пощечину, и Марина отшатнулась к плите. Там она и стояла, прижавшись щекой клевому плечу и подняв руку в изумлении.

Человек разговаривал с ним через проволочную сетку. Ли смотрел на его обрюзгшее лицо, на удостоверение, которое он держал у подбородка. Фрейтаг, Дональд. Федеральное Бюро Расследований. Темные глаза, легкая щетина. Они

условились побеседовать в его машине.

В этой машине находился еще один человек, агент Муни. Агент Фрейтаг сел вперед рядом с Муни. Ли сел сзади, дверцу оставил открытой. Он вспомнил слово «феды», которым называют агентов ФБР. Был обеденный час, стояла духота.

— Дело вот в чем. Мы хотим знать, чем вы занимались в Советском Союзе, — сказал агент Фрейтаг. — И какие контакты были у вас уже здесь, из тех, что нас интересуют.

— То есть, если я знаю о чем-то секретном, вас это интересует.

— Совершенно верно.

— Я собираю вентиляторы. Это не секретное производство.

— Вы удивитесь, как много людей связывают фамилию Освальд с дезертирством и предательством.

— Я утверждаю, что ни разу не обращался к советским властям с целью передачи информации о моей службе в армии.

— Почему вы отправились в Советский Союз?

— Не хочу вспоминать прошлое. Просто поехал, и все.

— Но сам по себе путь долгий.

— Я не обязан объяснять.

— Вы состоите в Коммунистической партии Соединенных Штатов?

— Нет.

Агент Муни записывал.

— Вы не хотите проверяться на детекторе лжи?

— Нет. Кто сказал вам, где меня найти?

— Это было несложно.

— Но кто сказал вам?

— Мы беседовали с вашим братом.

— И он сказал, где я живу?

— Совершенно верно, — ответил Фрейтаг с некоторым Удовлетворением. На его верхней губе блестели капельки пота.

— За мной установят слежку?

— Разве я сказал бы вам?

— В России за мной следили.

— Я думаю, в России следят за всеми.

Агент Муни тихо рассмеялся и закивал.

— Жена ждет меня обедать.

— Как вам удалось вывезти жену? Ведь они не выпускают людей просто по желанию.

— Я с ними ни о чем не договаривался.

Они обсудили несколько вопросов. Затем Фрейтаг сделал знак своему напарнику, тот убрал ручку и блокнот. Наступила пауза, явно смени-

лось настроение.

— Главное, что нас интересует: если возникнут подозрительные обстоятельства, информировать нас немедленно.

— То есть дать вам знать.

— Мы просим о сотрудничестве, если встретится индивидуум с убеждениями марксиста или коммуниста.

— Вы нанимаете меня информатором?

— Мы просим о сотрудничестве.

— То есть, если кто-то свяжется со мной…

— Так.

— То я должен рассказать ФБР.

— Совершенно верно.

Ли сказал, что подумает. Вылез из машины и захлопнул дверцу. Бросил взгляд на номер машины, когда обходил ее сзади, перешел дорогу и зашел в дом. Он записал номер машины и фамилию агента в своем блокноте. Затем отыскал в справочнике телефон ФБР в Форт-Уорте и записал его рядом с номером машины и фамилией — просто так, чтобы записи накапливались.

Марина позвала его обедать.

Он сидел в углу просторной комнаты и наблюдал, как они едят и беседуют. Говорили с набитыми ртами. Они толпились и ходили взад-

вперед, эти русские, эстонцы, литовцы, грузины, армяне. Это был вечер встречи местных эмигрантов, в Далласе и Форт-Уорте их двадцать или тридцать семей, англоговорящих, русскоговорящих, франкоговорящих. Они постоянно сравнивали свое образование и происхождение. Малышка Джун сидела у него на коленях.

В эти вечера Марина всегда выглядела очаровательно. Люди окружали ее, выспрашивали новости. Она ведь приехала недавно, а некоторые эмигрировали десятки лет назад — кто тридцать, кто сорок. Ее чистый русский язык поражал старую гвардию. Марина была маленькая и хрупкая. А они думали, что советские женщины подобны метательницам молота, огромные и мускулистые, и все работают на кирпичных заводах. Марина стояла, дымя сигаретой, и пила вино. Она носила одежду, которую они подарили. Ей дарили платья, чулки, удобные туфли. Он не мог себе позволить напечатать книгу, которая лежала в шкафу в конверте, в виде записок на клочках бумаги, на обертках, а они водят ее к дантисту и дарят чулки. Все измеряется деньгами. Они всю жизнь копят материальные ценности и называют это политикой.

Он смотрел, как они жмут друг другу руки

и обнимаются. Они жаловались Марине, что он не здоровается с ними по-человечески. Они считали его советским шпионом. Каждый, кто вернулся из России и не разделял их убеждений, был советским шпионом. А их убеждения — это «кадиллаки» и кондиционеры.

Ему подарили рубашки, он их вернул.

Теперь только несколько человек приходили к ним, затем вели ее к дантисту или по магазинам. Учили покупать. Вот детское питание. А вот швейцарский сыр. Свои библиотечные книги он складывал на столике у дверей, где они могли их заметить, когда входили или выходили. Книги о Ленине и Троцком, а также «Активист» и «Рабочий». Пусть видят, кто он. Они хотели слушать о России только плохое. Они замкнулись на плохом.

Рядом сел Джордж. Единственный, с кем он мог беседовать, — Джордж де Мореншильдт. Высокий, доброжелательный, уверенный, любитель поговорить, голос умиротворял, подобно тихому дню.

— Ли, а ведь вы почти не рассказывали мне о Минске.

— Там ничего интересного.

— Мне интересно все. Вы знаете, я жил там в

детстве. Мой отец был председателем дворянского собрания в Минской губернии еще при царе. Это все, конечно же, чепуха. Но я балтийский дворянин, и некоторые мои жены были от этого в восторге.

— В Минске приходилось стоять в очереди за овощами.

— Вам больше нравится Техас?

— Мне — нет. Марине нравится больше.

— Хотите, я расскажу вам, что такое Даллас? Этот город — доказательство того, что бог мертв. Посмотрите на них. В большинстве своем прекрасные люди, но они специально приехали в эту унылую, пустынную местность правых убеждений. Их привлекает именно местная политика. Антикоммунисты там, антикоммунисты сям. Конечно, кто-то из них пострадал, так или иначе, кто-то ужасно пострадал. Вы знаете, как я отношусь к марксизму. Скажу вам откровенно — само слово «марксизм» вызывает у меня скуку. Мне крайне сложно подобрать более скучное слово или тему. Но мы с вами знаем, что Советский Союз имеет место быть. Мы принимаем его как данность. Для этой же старой гвардии такой страны нет. Не существует. Белое пятно на карте.

Джорджу было лет пятьдесят, по-прежнему

темноволосый, с широкой грудью, геолог или инженер, что-то в таком духе. Ли нравилось перескакивать с английского на русский в разговорах с ним. Он спокойно воспринимал его шутки, колкости и даже советы. Когда Джордж давал совет, не возникало чувства, что ты должен рассыпаться в благодарностях.

— Марина говорит, что вы написали какие-то заметки о Минске. Нечто вроде… ну не знаю, впечатлений о городе.

— Обо всем, что я узнал на радиозаводе, плюс полная структура их работы и жизни.

Какая-то женщина взяла на руки Джун и принялась ворковать с ней так же, как и родственники Марины, качать на руках и агукать.

— Вы знаете, — сказал Джордж, — вот смотрю я на это чудесное дитя и невольно думаю: как же она похожа на Хрущева. Настоящий маленький Хрущев, большая круглая лысая голова, узкие глазки.

— Кеннеди смотрится лучше.

— Я восхищаюсь Кеннеди. Я считаю, что он очень подходит для этой страны.

— И Жаклин.

— И его жена. И Жаклин тоже. Я знал ее по Лонг-Айленду, когда она была ребенком. Очарова-

тельная девочка. Хотя он довольно легкомыслен в отношении женщин, этот наш президент. Я не говорю, что это недостаток. Отнюдь. Но вот что я скажу вам о некоторых женщинах. Они любят нас за наши слабости. Они любят нас именно за недостатки. Вот в чем беда, друг мой.

Ребенок снова оказался на руках у Ли.

— Самое важное — это программа Кеннеди по правам человека, — сказал Ли. — Начал он плохо, с этим провалом в заливе Свиней. Но думаю, его это чему-то научило.

— Он изменился.

— Я видел, как американские спортсмены-негры завоевывали для своей страны медали, и как их потом встретили дома.

— Для меня просто унизительно, что я сижу в комнате, где нет ни одного негра, — произнес Джордж.

— Их бы тут откровенно ненавидели и унижали.

— Кеннеди пытается это изменить. Мучительно медленно, но пытается. Для меня унизительно, что я не могу подружиться с негром без последствий. Не одобрят ни друзья, ни на работе. Я живу в Университетском парке. Такой отдельный поселок городского типа. Если негритянская семья

хочет там поселиться, поселок покупает этот дом втридорога. И семья волшебным образом исчезает, до свидания.

— Посмотрите, как тут настроены против Кеннеди.

— Исходят ядом. И самые ядовитые шутки отпускают юные матроны из Далласа. Их глаза загораются странным огнем. Мне ясно, что они хотят его смерти.

Джордж двинулся через всю комнату, чтобы обнять престарелых гостей — мужчину и женщину. Ли обнаружил, что улыбается, глядя на них. Люди ходили по комнате с тарелками в руках. Старик предложил Марине сигарету из черно-белого портсигара. У Ли была своя коллекция. Он выписал у малоизвестного нью-йоркского издательства двадцатипятицентовую брошюрку «Учение Льва Троцкого». Ему пришло письмо о том, что брошюру больше не издают. Спасибо, хоть письмо прислали. Он сохранял эти письма. Хоть они и далеко, но считают своим долгом ответить. Он начал собирать коллекцию документов.

Она никогда не отказывалась от сигареты.

Он собирался написать в Социалистическую рабочую партию, чтобы ему прислали их программу и политику. Троцкий — просто форма.

Было вполне достаточно отослать письмо и получить туманный ответ. Это средство общения с близкими по духу, тайна и власть. Это дарило ему просвет, жизнь выходила за рамки бунгало и сварочного предприятия.

Она из тех, кто никогда не отказывается. Трепещет от восторга, когда ей дарят вещи. Возьмет все, что предложат, — сигареты, деньги, скрепки, почтовые марки. Вот женщина, которая рада любой мелочи.

Настоящая фамилия Троцкого — Бронштейн.

Частично бунгало стояло на немощеной улице. Он спал рядом со своей Джуни, среди ночи обмахивая ее журналом.

Вернувшись, Джордж сделал любопытную вещь. Он развернул стул спинкой к комнате и сел лицом к Ли. Из нагрудного кармана торчал сложенный треугольником носовой платок. Галстук был коричневым.

— Итак, вот о чем я хочу сказать. Покажите мне ваши заметки, в каком бы виде они ни пребывали. Там речь идет о Минске, мне это интересно.

— И еще о системе. О том, как весь смысл исторических идей был искажен системой.

— Прекрасно, я должен их увидеть.

— Они еще не напечатаны, — сказал Ли.

— Напечатаны. Я их напечатаю. Ради бога, это меньше всего должно вас беспокоить.

— Называется «Коллектив». Я провел серьезное исследование. Читал газеты и проанализировал всю структуру.

— Что еще у вас есть? Я бы хотел прочитать все, относящееся к этому периоду. Самые простые наблюдения. Как одеваются люди. Покажите мне все.

— Зачем?

— Хорошо, я скажу зачем. Все очень просто. В последние годы ко мне много раз обращались с просьбой рассказать о путешествиях за границу. Таков строгий порядок. Иными словами, приходите туда-то и туда-то, мистер де Мореншильдт, и поведайте нам, что вы делали, с кем встречались, план завода, который вы посетили, и так далее. Обычная информация, которую дают тысячи путешественников каждый год. Называется это Отдел контактов с населением, там есть человек из ЦРУ, который просил меня поговорить с вами по-домашнему, дружески, что я и делаю. Человек он хороший, разумный, и так далее. Я все время в разъездах, а когда возвращаюсь, ко мне приходит мистер Коллингз, и мы беседуем по-домашнему, за рюмкой. Я делаю заметки о своих

путешествиях и охотно их показываю, а также привожу кое-что для Госдепартамента. Такова моя философия, Ли, я должен, скажем так, менять окраску под то место, где в данный момент живу и зарабатываю деньги. Для меня страна — своего рода бизнес. Я переезжаю из одной в другую, когда представляется возможность. В Югославии я учу хорватский язык. На Гаити — местный французский диалект. Я ведь пережил и революцию, и мировую войну, и так далее. Я всегда готов сотрудничать. Я меняю окраску. Так я даю понять, что не враг им. Без этого никак. Я не хочу подвергаться гонениям. Иными словами, вот вам мой маршрут, мои заметки, мои впечатления. Давайте выпьем, и не будем ссориться.

— Там не все напечатано.

— Ради бога, у меня есть своя фирма, и там, знаете ли, бумага, ручки, девушки-машинистки. Я отдам вам копию, разумеется, и рукопись.

— Мистеру Коллингзу вы тоже дадите копию.

— Естественно. Они собирают и анализируют информацию. Человеку в вашем положении сотрудничество может помочь. Согласитесь, ведь положение у вас стесненное. Если какой-нибудь мистер Коллингз видит, что человек готов сотрудничать, достоин лучшей работы, то он скорее

всего сделает звонок. Так всегда и бывает.

Ли укачивал дочь на колене, чтобы та успокоилась.

— Джордж, еще я хочу издать «Коллектив».

— Я бы вам не советовал. Потому что сейчас не время. Давайте сначала посмотрим вашу работу. Там и поговорим о публикации. Так или иначе, вас вознаградят, будьте уверены. У этих людей масса вариантов. Связи по всему миру. Это удивительно. Думаете, каким образом вы вернулись в эту страну? Когда человек дезертирует, ФБР заносит его в список наблюдения. В таких случаях заводят карту наблюдения. Но вам вернули паспорт. Пропустили Марину. Дали вам ссуду.

— За мной постоянно следили.

— За вами и сейчас следят. Вы интересный субъект. Я уверен, им бы очень хотелось узнать о ваших знакомствах в Советском Союзе. Мы с вами как-нибудь побеседуем тет-а-тет, чтобы ребенок не слышал.

Джордж рассмеялся. Ли тоже рассмеялся.

Сначала Фрейтаг с напарником, теперь этот Коллингз. Они облепили его, как муравьи дынную корку.

Он посмотрел на Марину. Она стояла, чуть согнувшись, и внимательно слушала кого-то.

Даже в духоте среди табачного дыма она казалась свежей и сияющей. Не люби меня за слабости, хотелось сказать ему. Не бери мою вину на себя. Никогда не думай, что виновата ты, если виноват я. Виноват всегда я.

Он хлопнул ее по голове, и она замахнулась. Он сел и открыл журнал. Она видела, что он перелистывает страницы, не читая. Ей хотелось что-то бросить. Она схватила бумажку, скомкала и запустила в него. Бумажка отскочила от его руки, но он не пошевелился. Она подошла к столу и немного поела, пристально глядя на него. Ей хотелось, чтобы ему стало неловко, чтобы он не мог читать. Глупо было бросать бумажку.

— Никаких сигарет, — сказал он. — Не хочу, чтобы ты курила. С этим покончено раз и навсегда.

— Подумаешь, одну сигарету.

— Это вредно для ребенка. Очень вредно. Почему ты мне ванну не приготовила? Я что, так много прошу — горячую ванну после грязной и шумной работы?

— Я много не курю. Я курю в меру.

— Какая же ты лентяйка.

— Я готовлю обед. И драю полы.

Он отшвырнул журнал, громко хлопнув им по стене. Ребенок заплакал. Он встал и подошел к

Марине.

— Я драю полы, — сказал он и ударил ее по лицу.

Она села на стул, в тарелке лежали остатки еды.

— Я драю полы.

Она закрылась руками. Он снова ударил ее. Затем сел в кресло и взял книгу. Она положила тарелку в раковину, не выбросив объедки в ведерко. Он все вымоет потом. После ссоры всегда оставалось то, что он тщательно отмывал.

— Ты рассказываешь этим русским, как мы живем, про наш секс, нашу личную жизнь.

— Я так общаюсь с друзьями, — ответила она.

— Ты все выставляешь напоказ.

— Я доверяю друзьям, они меня понимают. А с кем еще мне говорить? Мне нужны друзья.

— Незачем болтать о личной жизни. Я не хочу, чтобы они приходили. Не пускай их.

— Сначала твою маму не пускать, теперь друзей.

— Мой родной брат донес на меня ФБР.

— Подумаешь, сказал, где мы живем. Это не секрет, все знают, где мы живем. Этого не скроешь.

Он читал книгу. Она пустила воду из крана и смотрела, как та уходит в сток. Ребенок плакал.

— Ты любишь пить вино, — сказал он куда-то в пространство.

— Научи меня английскому.

— Ты их ждешь, чтобы они тебе вина принесли.

— Я тебя никогда не любила. Просто пожалела иностранца.

— И сигареты тоже.

— Я рассказываю друзьям, как ты бьешь меня. Сильно он не бьет, говорю. Просто у меня нежная кожа. Поэтому и синяки.

Она стояла лицом к раковине. Услышала, как он встал и подошел. Взяла губку и принялась мыть края раковины. Он ударил ее по щеке. Постоял, подумал, не ударить ли еще. Затем отошел и снова сел, а она стала оттирать губкой пятно с кухонного стола.

Через дорогу разгружали машины. Слышался шум грузовиков, голоса рабочих. Она съела еще кусок с тарелки и вымыла подоконник за раковиной.

— Я говорю им, что он заботится о моем состоянии. И бьет совсем несильно. Просто у меня такая кожа, и кажется, будто сильно.

Он подошел снова и начал колотить ее по обеим рукам. Она закрыла кран. Он бил ее по плечам

ладонями.

— Я говорю им — он же не виноват, что у меня сразу синяки.

Она прикрыла руками голову. Он продолжал бить ее, словно в детской игре «ладушки», ритмично, сначала правой, потом левой, раз-два. Шумно дышал носом за ее спиной. Чувствовалось, насколько он сосредоточен.

Она лежала в темноте и думала о бумажке, которую скомкала и швырнула. Там был седьмой урок. Пожилой человек из русской общины присылал ей по почте задания, чтобы она учила английский. На первом листе он написал большими русскими буквами: «Меня зовут Марина». А она должна была подписать внизу, как это по-английски. Урок номер два: «Я живу в Форт-Уорте». Урок номер три: «Мы покупаем продукты по вторникам». Каждый урок на отдельной странице. Она отправляла ему страницы с переводом, он исправлял и отсылал снова, с новым заданием. И вот урок номер семь измят. Что он теперь подумает?

Ли вышел из ванной и лег в постель. Она чувствовала, как осторожно он залез под одеяло, чтобы не разбудить, если она спит. Разумеется, она лежала к нему спиной.

Она снова вспомнила Голландию. С недавних пор она вдруг стала вспоминать, как во время путешествия на поезде через Европу увидела голландские деревни и услышала звон церковных колоколов. Она поразилась — то была самая чистая страна в мире, невероятно чистая, с уютными домиками, аккуратными улицами и безупречно ровными изгородями на лугах.

Ей не хотелось кормить ребенка в нервном состоянии.

Она думала, что их жизнь останется прежней. Просто кое-что добавится. У них одинаковые шрамы на руках, значит, судьбой им предназначено встретиться и полюбить друг друга.

Она вспомнила, как гуляла по супермаркету. После уличной жары она попала в мир тихой музыки и звона колокольчиков. Полы сверкали. Проходы оказались необычайно длинными, по бокам — полки с косметикой, прилавки заставлены блестящими дамскими сумочками, а одежда занимает несколько залов. И повсюду приятный аромат.

Он хотел поступить в колледж, изучать политику и экономику. Но помешала необходимость зарабатывать на жизнь.

Даже когда он бил ее, то казался где-то далеко.

Он никогда не был рядом целиком.

Мамочка купила ей скромные шорты с защипами, с глубокими карманами. Тут они не сошлись во вкусах.

Она знала, что он пытается понять, спит она или нет. Он уже был готов заговорить или прикоснуться к ней. Наверняка прикоснется, приподнимется на локте и мягко положит руку на бедро. Она чувствовала его желание, словно поток воздуха в темноте. Очень явно. Он ждал, сомневаясь, можно ли уже. Она его жена, а ему приходится сомневаться.

Она снова вспомнила Голландию.

Вспомнила, как они ступили на берег в Нью-Йорке. Ночь в отеле посреди неоновых водопадов. Неоновые реки и озера.

Он — человек, который пребывает где-то далеко.

Ароматы. Удивительно чистые полы. Она стояла среди телевизоров. Полдня смотрела пять разных программ по соседним телевизорам. Ходила между рядами. Прохладно и спокойно. Никто не заговаривает с тобой, пока не задашь вопрос или не купишь чего-нибудь. Она не могла ни того, ни другого.

Он отправился за едой, оставив ее одну с ре-

бенком в Нью-Йорке, в старом отеле, и она взяла тряпку и стерла грязь с жалюзи.

Она чувствовала, что сейчас он к ней прикоснется, что собирается с духом после этих побоев, после всего, что они наговорили друг другу.

Их свела судьба, но она не знала его до конца. Даже когда они вместе принимали ванну. Даже когда занимались любовью.

Когда она выучит английский, он станет ближе. Это обязательно случится.

Мы покупаем продукты по вторникам.

Они все же занялись любовью, с нежностью, искренне простив друг другу все.

Рядом с их бунгало на стене висит покосившийся плакат.

«Ватикан — шлюха Апокалипсиса».

Ли переводит Марине.

Маргарите было спокойно. Она стояла у гладильной доски и водила утюгом по своей форменной блузке. В гостиной стояли диван с горой разноцветных подушек, два удобных кресла, письменный стол, телевизор и декоративная подставка для цветов, по которой вился плющ. Форма у нее всегда чистая и свежая, она гладила ее как можно чаще. Она работала в чужих домах,

по рекомендации, в лучших домах Форт-Уорта, заботилась о детях богатых людей.

И я сказала той женщине, что у Ли через две недели день рождения, а у него нет рабочей одежды, и та спросила: «Миссис Освальд, а какой у него размер?» И оказалось, что размер у него почти такой, как у ее мужа. Она достала рабочую одежду мужа, которая ему больше не нужна, какие-то поношенные штаны, и попросила за них десять долларов. Вот так, а ведь эта женщина знает, как мне тяжко приходится, знает, что они молодожены, только начали вести свое хозяйство. Вот они, богачи Форт-Уорта, это же надо — брать с няньки деньги за поношенную одежду. Я уже успокоилась, ваша честь, но тут есть еще неприятности, и я очень тревожусь. Ведь когда я в тот раз посмотрела ему в глаза, то сразу поняла — мальчик стал совсем другой. И я подумала: что они сделали с моим мальчиком? У него кожа стала не такой чистой и гладкой, как была. И лицо осунулось, побледнело и посерело. Волосы ни с того ни с сего виться начали. И повыпадали, он сам сказал, была шапка волос, а теперь они совсем поредели, спереди почти что просвечивает кожа. Мы с Робертом нагнули его голову, чтобы посмотреть при свете на макушку. И это в семье,

где мужчины всегда были с волосами, ваша честь, а ведь он совсем мальчик. Он сказал, что в России холодно. А я думаю, что все дело в плохом обращении. Я так считаю, ведь он был агентом нашего правительства, и пропал на год. Это из многого видно, например, тот случай, когда мы смотрели телевизор у меня дома на Восточной 7-й улице, она тогда еще надела юбку с разрезом и чулки, это Ли купил за несколько долларов, которые мы с Робертом ему дали, так вот, мы смотрели телевизор, и тут она говорит: «Мама, вон Грегори Пек». Я посмотрела — и правда, Грегори Пек сидит на коне. Тут я и заподозрила: откуда иностранной девушке знать кинозвезд? Я считаю, это нужно тщательно расследовать. Конечно, я не ездила по миру, но откуда в этом замороженном Минске журналы про кино? Откуда там взяться кинотеатрам, где показывают наше американское кино? Я человек прямой и откровенный, и этот случай раскрывает суть моих подозрений. Кто эта девушка, и что она здесь делает? Ее учили показывать меньше, чем она знает? Я спрашиваю Ли, счастлив ли он, хорошо ли она ведет хозяйство, потому что здесь устроилось много русских, у них дома и машины, и они у всех на виду вмешиваются. Не могут пережить, что у русской девушки чего-то

нет. Она ведь представляла себе, какая страна — Америка, и эти люди не хотят, чтобы она разочаровалась. Сейчас я уже спокойна, но ведь мне пришлось купить ей шорты подлиннее. Господь свидетель, я солгу, если скажу, что перестала носить им вещи, когда он попросил меня, но ведь я принесла только те шорты и попугая, а попугая для того, чтобы в доме яркое пятно появилось, он ведь был веселого зеленого цвета, просто украсить новый дом.

Он отпустил попугая. Открыл клетку и выпустил. И это мальчик, который так любил животных, ваша честь.

А насчет тех шортов она мне говорит: «Нет, мама, я не любить». А я ей: «Марина, ты же замужняя женщина, тебе не положено ходить в коротких шортах, как девчонке». А она мне свое: «Нет, мама, не есть хорошо». И я категорически заявляю, что девушки дома не было. А парень на работе. Своими глазами видела, как парень пришел домой, а ужин не приготовлен. У них ведь нет прислуги, чтобы для работяги ужин готовить. Мы в нашей семье изо всех сил старались держаться вместе. Его отец собирал страховые взносы до той самой минуты, когда рухнул на газон, он стриг газон на ужасной жаре. С тех пор

мы вдвоем, Маргарита и Ли.

> Семья ждет от тебя одного, а ты преподносишь другое. Тебя втискивают в рамки. У твоего брата хорошая работа, прекрасная жена, чудесные дети, и от тебя хотят, чтобы ты был понятным для них человеком. И мать в белой рабочей одежде сжимает твои руки и плачет. Ты попадаешь в ловушку их представлений. Тебе придают форму и поучают. Чтобы остаться собой, ты уходишь.

Воскресным днем он стоял в пустом вестибюле Национального Республиканского банка в Далласе. Повсюду коричневатый мрамор. Он ждал Джорджа де Мореншильдта. Они встречались уже второй раз. Он надел свежую белую рубашку и брюки из грубой ткани, которые купил еще в минском универмаге.

У Джорджа оказалась связка ключей. Он звякнул ими в знак приветствия и направился к лифтам. Они поднялись на шестнадцатый этаж и пошли по пустым коридорам. Воздух стоял спертый и тяжелый, пахло коврами, замкнутым пространством. На Джордже были теннисные шорты и рубашка с крокодильчиком. Его кабинет

оказался небольшим, на стене висели дипломы.

— Вы читали об этом чокнутом генерале?

— Я знал о нем еще в России, — ответил Ли.

— Теперь он ввязался в ситуацию на Кубе. Присядьте. У меня ваши бумаги.

— Он просто выражает те чувства, которые испытывает большинство людей. В словах и действиях Уокера — вся белая Америка.

— На нас нацелены ракеты, нас готовы уничтожить, а мы открываем газету и видим этого человека.

— Он там, где ему выгодно. Миссисипи, Куба.

— Он переключится на Кубу. Нырнет туда с головой. Вот увидите.

— Насчет моей почты задают вопросы, — сказал Ли.

— В каком смысле?

— Почтальон говорил моему домовладельцу, какие брошюры я получаю.

— И какие же?

— Некоторые назвали бы их подрывными.

— Зачем вы читаете эти материалы? Они ведь безумно скучны. Я могу сказать, о чем они, даже не заглядывая. Воплощение занудства.

— Мне их присылают из разных источников, — ответил Ли, тихо хмыкнув.

Джордж отдал ему копию записок, напечатанных после того разговора. Вернул рукопись, обрывки листов, разрозненные заметки, автобиографические заметки, заготовки речей.

— Вы не разочаровали меня, Ли. Это солидный труд, особенно основная часть. Вам определенно предложат переехать в Даллас на новую работу, более подходящую. Будете ходить ко мне в гости. Поселитесь рядом, чтобы далеко не ездить. Знаете, какова самая интересная особенность моего дома? Он расположен менее чем в двух милях от дома генерала Уокера.

Джордж выставил вперед указательный палец и поднял большой.

Дверь отворилась, и вошел высокий мужчина с короткими седыми волосами. Очень смуглый, в коричневом костюме и голубой рубашке. Скорее всего, он и есть Марион Коллингз. Джордж представил их друг другу. Коллингз оказался худощавым и подтянутым, пожилые люди такого телосложения словно дают понять, что намерены вас пережить.

Джордж вышел.

— Прочитал ваш очерк, — сказал Коллингз. — Очень выразительно и глубоко. Я благодарен, что вы позволили нам ознакомиться с ним. Вы под-

метили такие тонкости, на которые обратил бы внимание только опытный наблюдатель. Много интересного о радиозаводе и рабочих. Хорошо скомпоновано, удачный пласт социальных отношений. Я бы сказал, хорошее начало. Есть основа для дальнейших действий.

— Я рассказал Джорджу все, что вспомнил, из того, что не вошло в очерк.

— Да, мы с Джорджем уже поговорили. И мне бросается в глаза основной пробел.

— Какой?

— Ли, если позволите, совершенно немыслимо, что вы провели два с половиной года в Советском Союзе в качестве дезертира, и с вами ни разу не связались из КГБ.

— Меня допрашивали в Министерстве внутренних дел, чтобы дать окончательное разрешение на выезд.

— Кто дал вам разрешение на въезд? В Хельсинки вы подали документы на визу и получили ее за два дня. Обычно это занимает неделю. Мы знаем, что в то время советским консулом был чиновник КГБ.

— Вы, может быть, и знали, но я не знал. Они там повсюду. Я ничего им не предлагал. Просто искал лучшей жизни.

— Ли, если позволите, как только мы увидели, что вы желаете уехать оттуда, мы облегчили вам путь. Вы интересный человек. Долгое время жили в СССР. Мы хотим взаимодействовать с вами. Мы очень практичны. Нам безразлично, чем вы занимались со Вторым Главным Управлением. У вас был роман, потом вы разошлись. Прекрасно. Такое постоянно случается. Мы хотим лишь некоторых подробностей. Мы не ФБР. Не собираемся мстить, арестовывать, предъявлять иск. Мы хотим взаимодействия. Мы вам, вы нам. Договорились?

— ФБР следит за мной?

— Я не знаю, — ответил Коллингз, — Откуда же мне знать такие вещи?

Будто у него спросили температуру плавления титана.

— Послушайте, все очень просто. Мы хотим знать, что с вами происходило. С кем и где встречались, что вам говорили. Не прямо сейчас, конечно. Мы специально ждали несколько недель, чтобы выслушать ваш отчет. Мы не хотим давить на вас. Мы понимаем, что значит дезертировать, лишиться иллюзий, находиться под давлением. По вашим заметкам ясно, что вы знаете, какие именно факты стоит записывать. Поймите, мы

не ждем от вас покаяния или признаний. Это не входит в наши планы.

Он сидел на краю стола Джорджа.

— Факты остаются просто фактами до тех пор, пока кому-то не потребуются. Тогда они становятся информацией. Вот мы находимся в сорокаэтажном здании, фасад которого отделан легким алюминиевым рельефом. Ерунда, казалось бы. Но эта ерунда может значить очень многое для определенных людей в определенное время. Или старик ест персик — этот факт становится информацией, если дело происходит в августе, на Украине, а вы турист с фотоаппаратом. Между прочим, я в любой момент могу достать вам «Минокс». Нам по-прежнему нужна живая информация от разумных людей. Возьмите, к примеру, Джорджа. Он предоставляет нам данные, которые мы тут же анализируем и рассылаем по другим агентствам.

Ли промолчал.

— Можно называть вас Ли?

— Можно.

— Ли, у вас нет школьного аттестата, только так называемая справка. У вас нет высшего образования. Вас уволили из армии по причине дезертирства. Вы почти три года жили в СССР. Ли-

бо пробел в вашем послужном списке, либо три года в СССР. Выбирайте. Мне достаточно лишь позвонить, и вас примут в далласскую фирму на очень интересную работу, секретную работу, где вы начнете с нуля, но у вас появится возможность выучиться серьезному делу.

Марион Коллингз стоял у стола, загорелый, честно и правильно загорелый, настолько подтянутый и бодрый, что казалось — щелкни он пальцами, и картина упадет со стены.

— Будьте уверены, вы созданы для этой работы, и приступите к ней буквально на днях. Ну что, я жду вашего ответа.

«Минокс» — знаменитый шпионский фотоаппарат. Хайдел читал о нем в книгах.

Он шел по безлюдному центру Далласа, безлюдным воскресным днем, по жаре и свету. Его заполняло одиночество, которое он всегда отказывался признавать, отчужденность, гораздо глубже, чем в России, странные грезы, ослепительно белое сияние, которое выжигает дотла. Он хотел действовать, четко зная свою роль, хотя бы раз сделать шаг, который не приведет к разочарованию. Он шел в тени небоскребов страховых компаний и банков. Конец отчужденности наступит лишь в тот момент, когда он присоединится

к истинной борьбе, происходящей вокруг. Этот момент мы называем историей.

12 августа

Бренда Джин Сенсибау, известная под актерским псевдонимом Бэби Легран, сидела за туалетным столиком в гримерной клуба «Карусель» и замазывала маскирующим кремом прыщик около рта. Узкий столик длиной во всю стену был завален расческами, чашками с кофе, термосами, косметическими наборами, глянцевыми журналами, лаком и пеной для волос, коробками салфеток, и на нем стояли четыре зеркала без рам. На Бренде был халат ее сестры.

По «КРЛД» шла «Линия жизни» — патриотическое шоу, где освистывали государственные затраты.

Чтобы мазь легла как положено, Бренде пришлось подпереть щеку языком. Лицо перекосилось, и говорить стало трудно. Разговаривала она с девушкой у соседнего зеркала, Линетт Батистоун, которая казалась чуть ли не школьницей.

— Может, он и даст тебе аванс, — сказала Бренда. — Главное, проси, когда он в настроении.

— Слыхала я, как он дает авансы, — ответила Линетт.

— Это ведь Джек. То есть, иными словами, он

не ожидает результатов. Кто сказал тебе об этом, дорогуша?

— Молли Брайт.

— Не слушай ее. Джек такой, клеится только на словах. Трепло страшное. Но это не значит, что тебе придется с боем вырываться из клуба.

— Мне так и говорили. Но это, знаешь ли, чересчур.

— Что именно?

— Ругается на своих девчонок вроде «сука безмозглая» или «спущу с лестницы на хуй».

— Но, дорогуша, здесь же тебе не бухгалтерская контора. Подумаешь, выразился немного.

— У него припадки, он постоянно орет, — сказала Линетт.

— Зато никогда тебя не тронет.

— Молли Брайт предложила заменить Блейз, и что в итоге? Скандал.

— А ты больше слушай Молли Брайт. Знаешь, если б дерьмо было музыкой, она была бы духовым оркестром. Нужны позарез деньги — попроси у Джека. Только не забудь сказать о продуктах. Он ловится на все, что связано с едой.

Линетт сидела в ковбойском костюме, со стеком и длинноствольным револьвером. Бренда считала, что у девушки есть талант, но вот вкуса

— ни капли. То, что она показывает, даже стриптизом не назовешь. Скорее порнуха, плюс пара проходок и штришков.

— Мне говорили, что в Новом Орлеане этот Джек — настоящий воротила.

— Он там держит другой клуб.

— Он там держит другой клуб, я знаю.

— Называется «Вегас», — сказала Бренда. — Но насчет воротилы не слышала. Тут надо подумать.

— А что за собаки с ним все время?

— Это его собаки, он считает их своей семьей. Живут в клубе, кроме той, которую он забирает домой.

— Они здесь для охраны?

— Не знаю, что ему охранять тут, кроме нас, стриптизерш.

— Пойду пописать, — сказала Линетт.

— И еще вот что. Джек всегда спрашивает, не гомик ли он. «Как ты думаешь, Линетт, я гомик? Я не кажусь тебе гомиком? Нет, правда, я не похож на твоих знакомых гомиков?» Будь уверена, так он и спросит. «А ты удивишься, если кто-то скажет тебе, что я гомик? Я не разговариваю, как гомик, который хочет скрыть, что он гомик?»

— И что мне отвечать? — спросила Линетт.

— Совершенно без разницы. Это ведь Джек.

Джек Руби зашел с Коммерс-стрит. Пятьдесят два года, пузатый, лысеющий, с медвежьими плечами и грудью, с тремя тысячами долларов наличкой, заряженным револьвером, пузырьком «Прелюдина» и с повесткой в суд мелких тяжб за то, что подсунул в магазине поддельный чек.

Он вошел в гримерку и сказал Бренде:

— Тихо. Дай послушать.

По радио передавали «Линию жизни». Там обсуждали героизм, канувший в прошлое.

Джек сел у второго зеркала, наклонив голову, чтобы лучше слышать.

Диктор произнес:

— Не так давно в Америке на уроке истории у тридцати пяти способных студентов спросили, где находится Гуадал-канал. Менее трети знали, что такой вообще существует. Пламенный героизм, самая великолепная битва за три тысячи лет военной истории, воплощение американского духа, истинной Америки, как бревенчатая хижина на фронтире и родные просторы. Но сейчас все об этом забыли. День Объединенных Наций знает в сто раз больше народу.

На Джеке был темный костюм, белая рубашка и белый шелковый галстук, он носил федору с

заломленными полями, которая помещала его в фокус, придавала резкость и направленность — настоящий детектив на задании.

— Люблю я это дело, — сказал он. — Во мне поднимается что-то громадное, когда говорят о нашей стране. Видела бы ты меня, когда по радио объявили, что умер Рузвельт. Я в своей форме плакал как ребенок. А где моя Наездница Рэнди?

— Пошла пописать.

— Она что, такая страстная? Не знаю, что делать. Боюсь, как бы лицензию не отобрали.

— Это же стриптиз, — ответила Бренда.

— На Бурбон-стрит она была гвоздем программы. Но теперь я не знаю, вдруг решат, что ее уж слишком заносит, когда она срывает свои стринги.

— Она хочет славы, Джек.

— Я мог бы ее заставить надевать другую шмотку.

— Она и ее сорвет, какая разница.

— В Далласе нельзя ниже лобка. Из-за нее меня прикроют.

— Она ужасно молода.

— В этом отчасти и секрет успеха. Конкуренты дышат мне в затылок.

— И поэтому ты платишь ей больше, чем нам?

Джек изумленно отпрянул.

— Ничего не знаю, — сказал он. — Когда это выплыло?

— Ты платишь Линетт раза в два больше.

— Бренда, клянусь тебе, я понятия не имею, о чем речь. Я тут вообще ни при чем.

— Платишь ей больше и при этом говоришь, что из-за нее тебя прикроют.

— Я даю ей денег, чтобы она была звездой. Мне позарез нужен гвоздь программы.

— Ты вообразил себе, будто конкуренты хотят вышибить тебя из этого бизнеса. Они просто конкуренты, и зарабатывают на жизнь так же, как мы.

— Да иди ты на хуй, Бренда.

— И вас туда же, мистер Руби.

— Я всего лишь владелец этого заведения, поэтому должен тут сидеть.

— Совершенно верно.

— Мне приходится прислушиваться.

— Делать им больше нечего, только доставать Джека. Ведь Джек у нас главный проныра и ловкач.

— Дай «клинекс», — попросил Джек.

— Я хочу договорить, раз уж начала. Ты вечно думаешь о чем-то своем. Тебя волнует только то,

что говоришь ты сам. Ты никого не слушаешь.

— Ты не знаешь, как глубоко под меня копают.

— Потому здесь и стоит крик целый вечер.

— У меня есть только мои собаки.

— С которыми ты очень любезен.

— Ты бы знала, как я жил, Бренда, я до сих пор не могу избавиться от этого. Моя мать тридцать лет своей жизни — клянусь господом богом, истинная правда! — уверяла всех, что у нее в горле застряла рыбья кость. Мы постоянно ее выслушивали. Доктора годами выискивали эту кость своими инструментами. Наконец ей сделали операцию. И в горле у нее не оказалось ничего, совершенно ничего. Она вернулась домой из больницы — и снова рыбья кость.

— Она всего лишь женщина и мать.

— Ей-богу, тридцать лет, мои братья и сестры — побоку. И это еще не худшее. Просто хочу показать тебе картину в целом. Отец был горьким пьяницей. Но мне уже все равно, что они сделали друг с другом или со мной. Я не из тех, кто держит в себе злость. Я только люблю и уважаю этих людей, ведь они страдали в этом мире. Так что не обращай внимания, мне все равно, уходи.

— Почему ты так и не женился, Джек?

— Я в душе неряха.

— Ты же следишь за собой, хорошо одет и ухожен.

— В душе, Бренда. Там царит жуткий хаос.

Было слышно, как конферансье рассказывает анекдоты на сцене. Джек придвинулся к радио ближе и послушал еще.

— Люблю патриотическое чувство, которое просыпается у меня от этих передач. Я на сто процентов за нашу страну. Чему еще мне верить? Мой собственный голос иногда звучит жутковато. Я не могу управлять внутренним голосом. На меня давят со страшной силой.

— На всех давят. На нас тоже давят. Мы работаем на тебя семь дней в неделю.

— Я почти вышел из этого, в общепринятом смысле.

— Может, тебе жениться на твоей Наезднице Рэнди? Она тебе жизнь наладит.

— Она известная шлюшка в Новом Орлеане, но ничего извращенного делать не станет.

Из-за угла кто-то крикнул. Посетитель к Джеку. Он коснулся плеча Бренды и вышел из комнаты. Шесть шагов до его кабинета, где на диване сидел Джек Карлински с одной из собак.

— Это моя такса Шеба, — сказал Джек Руби. — Слезай, детка.

Джеку Карлински, советнику по инвестициям, было за пятьдесят, он не имел ни кабинета, ни служебного телефона, ни работников, ни клиентов. Над садом его двадцатикомнатного особняка под Далласом противотуманный прожектор Береговой охраны мелькал ночи напролет.

— Я хочу знать, слышал ли ты.

— Успокойся, Джек. Потому я и пришел. Обсудить сроки.

— Есть люди, которые замолвят за меня слово по давней дружбе. Я говорю по телефону с Тони Асторино.

— Я знаю, что у тебя есть связи, — сказал Карлински. — Но здесь дело не в том, что такой-то связан с таким-то.

— А что Куба, уже ничего?

— Я отлично понимаю, что ты ездил туда для некоторых людей.

— Это когда о Кубе только и писали в газетах.

— Ты и для Бюро кое-что делал, — произнес Карлински.

— Где это? Я не ослышался?

— Перестань. Ты добровольно предложил свои услуги ФБР в марте 1959. Они завели досье.

— Джек, ты знаешь то же, что и я.

— Возможный информатор. Немного рассказал

тут, немного — там.

— Для собственной безопасности, на случай, если против меня что-то имеется, чтоб я мог сказать — смотрите.

— Джек, лично для меня это неважно. Я ценю, что ты известен и в Новом Орлеане, и в Далласе. Ты в Далласе знаменитость.

— У меня есть связи еще с прежнего Чикаго, ими я горжусь больше всего в жизни. Ньюберри-стрит, Морган-стрит, ручные тележки, наши ребята.

— Мы все любим рассказы о старом Чикаго. Думаешь, я сам здесь родился? Никто в Далласе не родился, все мы несем в себе часть старого Чикаго, уличной жизни, лихих деньков. Но сейчас мы говорим о весьма значительной ссуде, и мальчики, естественно, кому попало свои деньги не отдадут.

Джек покопался в ящиках стола.

— Вот смотри, у меня тут залоги в счет уплаты налогов, отказы от компромиссных предложений. Все подряд хотят вытрясти из меня налоги. Меня убивают, Джек. У них на меня досье вот такой толщины. И я бегаю как заведенный, только чтобы выплачивать по чуть-чуть. Две сотни долларов, две с половиной сотни. Другими словами,

даю им понять, что мне не все равно. Но это как мальчик на побегушках. Я должен сорок четыре тысячи долларов одному только Налоговому управлению США еще этот профсоюз, который требует, чтобы я сократил часы работы девочкам, потом эти конкуренты по соседству, они убивают меня своими любительскими шоу, и ко всему прочему эта девица из Нового Орлеана, из-за которой меня прикроют, потому что она срывает с себя трусы.

У Джека Карлински был невидимый смех. Этот смех слышно в горле, но на лице не появляется ни тени улыбки. Он сидел в спортивной куртке поверх водолазки и курил тонкую сигару. Джек оценил обувь и стрижку. Он признавал налево и направо, что жить ему — еще учиться и учиться.

— Я говорю своему адвокату устанавливать по восемь центов с доллара.

— Джек, они тебе сами скажут.

— Я знаю.

— Это предложение не из тех, что они жаждут принять.

— Так что я должен сам решать.

— Ты должен сам решать, кому хочешь быть должен эти деньги. Это же не фонд. Я договорился так, что не буду накручивать пять пунктов в

неделю, как соседский ростовщик. Речь идет о ссуде в сорок тысяч долларов. О сумме порядка тысячи в неделю — и энергично.

— То есть за год всего девяносто две тысячи.

— Или плати в темпе и дальше.

— Пока яйца не отсохнут.

— Правильно, Джек.

— Кстати. А если я не заплачу неделю?

— Одну неделю они потерпят. По голове бить не будут. Потерпят, Джек.

— А две, три недели?

— Тогда тебе придется взять вторую ссуду. Не лучший выход, потому что ты будешь платить процент с одной суммы, тогда как на самом деле тебе дали меньше. Хочешь, дам совет?

— Ну?

— Если честно, не стоит брать эту ссуду. Ты не сможешь получать прибыль отдел, которые прокручиваешь здесь. Угодишь в глубокую яму.

— Это моя яма, Джек.

— Яма твоя, но деньги не твои.

— Что будет, если я, например, пропущу пять или шесть недель?

— Если ты выжат как лимон, они просто остановят часы. То есть заплати основную сумму и забудь о процентах. Иными словами, мы знаем

этого человека и условимся на долю в его бизнесе плюс изначальную сумму. Они не станут разрушать здание.

— Но отберут мой бизнес.

— Таковы правила игры.

— А если я не заплачу основную сумму?

— Джек, я же тебе говорю. Поищи другие средства.

— В банке устроят проверку кредитоспособности. Мне и десяти центов не дадут.

— Может, друзья, родственники. Возьми партнера в дело.

— Я не могу работать с другими. У меня и так есть помощники. Сестра заправляет моим «Вегасом». Мы постоянно ссоримся.

— Мне кажется, ты не слишком разумно рассуждаешь. Ты не ухватил сути. Ты не бригада, Джек. Пойми, дело в связях.

В зале звучала барабанная дробь.

— Ладно. Скажи им вот что. Я согласен на пять сотен в неделю, на год, если к тому времени оживут съезды.

— Я заключил тут серьезную сделку.

— Джек, передай им все, ладно? И скажи, что я постоянно общаюсь с Тони Толкачом. Говорят, что он на короткой ноге с Кармине Латтой.

— Кармине не ростовщик, по большому счету.

— Ты главное скажи, что меня знает Тони Асторина.

Карлински посмотрел на него. Безмолвное ожидание. Затем пообещал передать все, что просил Джек. У него был глубокий мягкий размеренный голос, теперь прозвучавший глухо, и особняк с гигантским прожектором, и прекрасный бирюзовый бассейн, и четыре дочери с сыном, и Джек Руби подумал — наверное, этого достаточно, чтобы казаться непобедимым.

Они пожали друг другу руки, затем Карлински снова шагнул в кабинет, ненадолго, будто хотел поделиться великой тайной.

— Этот жакет — мохеровый. Гляди…

Они прошли к узкому лестничному пролету. Снова обменялись рукопожатием. Выл саксофон. В баре Джек запил стаканом воды таблетку «Прелюдина», чтобы будущее предстало в светлых тонах. Затем прошелся между столиками и смешался с толпой. Какой смысл держать клуб, если не получается?

Домашний ужин проходил тихо, в сопровождении концертов для клавесина и легкой беседы. Берил смотрела, как муж подносит к губам бокал вина. Ларри не пил вино. Он его смаковал.

Наслаждался букетом — сухим или сладким. Так мы и строим цивилизацию, любил говорить он. Смакуем вино.

— У тебя печальный вид, — сказала Берил. — Ты давно не был довольным. Хочу, чтобы тебе снова стало хорошо. Скажи что-нибудь веселое.

— Это ты у нас веселая.

— Да, я у нас веселая, странная, маленькая. Хочется, чтобы ты взял на себя одну из этих неблагодарных ролей.

Какое-то время они ужинали молча.

— Помнишь тот ракетный люк? — спросил он. — Уже месяцев десять прошло с тех пор, как «У-2» сфотографировал боевые ракеты на Кубе. И знаешь что? Они придумали кое-что еще.

— И что же это такое?

— Советские геологи обнаружили крупное месторождение нефти. Причем именно в том месте, где я заключил контракт на бурение. На прошлой неделе я видел снимки, они такие подробные, что я узнал местность. Я там был. Стоял прямо там. Посещал месторождения. Мы проводили разведку нефти. За нами стояли большие деньги.

— Это твоя нефть. Твое месторождение.

— Наше. Пусть лучше наше, чем этих проклятых русских. Знаешь, что они сделают с островом?

Высосут всю кровь из него.

— Не сомневаюсь. Но порой трудно жить с человеком, который никогда, никогда не расслабляется.

— Да, черт возьми, не расслабляюсь.

Они оставили эту тему на какое-то время. Берил встала и перевернула пластинку. Шел сильный дождь, и она краем глаза заметила, что кто-то бежит по улице.

— Давай расскажу тебе про одержимость, — произнес он.

— Уж пожалуйста.

— Опишу проблему в общих чертах.

— Ради бога.

— Проблему одержимости нации должна решать служба разведки. Куба — это идея-фикс. Больной вопрос, не такой, как Россия. Более неразрешимый. Более вредный для психики. А наша работа — устранять угрозу для психики, изучать Кастро, разгадывать его намерения, подрывать его организацию до такой степени, чтобы он потерял власть над нашими мыслями, над нашими снами.

— Я, наверное, не понимаю, почему именно Куба. Что я вообще знаю об этом острове? Вест-Индия, Испания, белые, черные, мулаты, Латинская

Америка, креолы, китайцы. Почему мы решили, что он принадлежит нам?

— Вопрос не в принадлежности. Вопрос в том, как там все прекрасно работает, как частные инвестиции помогают стране подняться. На Кубе выросли экономика, производство, грамотность, социальное обслуживание, любой студент докажет, что с недостатками и крайностями режима Батисты можно было справиться и без революции, и тем более без перехода в коммунистический лагерь.

Они снова помолчали. Сила его чувств заставила ее задуматься. Не много на свете вещей, в которые он верит столь сильно. Внутри что-то сжалось, она ощутила знакомое желание молча уступить. Но о чем тут спорить? Она плохо знает предмет разговора. Она видела мир только в вырезках новостей и подписях к картинкам, мир, ставший причудливым, мир, который лучше всего видно в газетных полосках, рассылаемых друзьям. Спасение лишь в иронии. Если ее цель — оставаться незамеченной, зачем тогда спорить?

— Кое в чем стало лучше, — сказал он. — Кое-чем я вполне доволен. В каком-то смысле возвращаюсь к прежней работе. Шел разговор о том, чтобы перевести меня в финансовое ведомство.

В Буэнос-Айресе есть полевое подразделение. Естественно, это обсуждению не подлежит. Я буду работать на денежном рынке, чтобы у нас всегда была под рукой валюта для некоторых операций.

— Буэнос-Айрес — тепленькое местечко?

— Не знаю насчет температуры. Просто я чертовски рад, что мне дали такую возможность. В Управлении работают понимающие люди. Удивительно, насколько глубоко они понимают. Вот почему для некоторых из нас Управление не имеет никакого отношения к работе, организации, правительству. Мы, черт возьми, благодарны за понимание и доверие. Управление всегда готово увидеть человека в новом свете. Такова природа бизнеса. Есть тень, есть новый свет. Чем больше неопределенность, тем больше мы верим, тем крепче мы связаны.

Поразительно, насколько часто он говорил с ней об этом. Управление — единственная неисчерпаемая тема для него. Центральное разведывательное. Берил считала, что это самая организованная церковь в христианском мире, их миссия — собрать и сохранить все, что когда-либо говорили люди, затем перевести в микроснимок и назвать это Богом. Ей нужно жить

в безопасности маленьких пыльных комнат, замкнутых на себя, вдали от всего, что выбивает из колеи, от жара и света, от незнакомых мест, а Ларри необходимо убежище в огромном нефе Управления. Он считал, что невозможно познать до конца то, что связано с человеческими побуждениями и нуждами. Всегда находится новый уровень, новая тайна, сердце рождает столь таинственный и сложный обман, что его можно принять лишь за более глубокую правду.

На столе в вазе стояли анемоны. Зазвонил телефон, и Берил подошла к своему столу в гостиной, чтобы взять трубку. Звонил человек по имени Томас Стейнбэк. По голосу она поняла, что Ларри будет разговаривать наверху. Она просто остановилась в дверях. Увидев ее, он поднялся из-за стола. Она подождала, пока он поднимется в комнату для гостей, затем тихо положила трубку и отправилась пить кофе.

— Слушаю, — сказал Парментер и стал ждать, когда Эверетт огласит первый вопрос из списка.

— Когда планируется?

— Кажется, в середине ноября.

— Значит, время еще есть. Не терпится узнать, чем занят Мэкки.

— Он знает о Майами. Я не сказал только, ко-

гда.

— Скажи прямо сейчас.

— Не могу его найти, — ответил Парментер.

Молчание в трубке.

— Его назначили на другую должность?

— Я провел очень тонкое расследование. Его нет ни на Ферме, ни там, где по логике вещей он мог быть. Ни следа. Мне начинает казаться, что он ушел в подполье.

— Его перераспределили, — ответил Эверетт.

— Я проверял, Уин. Я все, черт подери, облазил. Он не шифруется. Предполагалось, что сейчас он тренирует младших офицеров-стажеров, но там его нет.

— Вдруг он вышел из игры? Мы не сможем действовать без Мэкки.

— Он готовится. Вот и все. Он выйдет на связь.

— Не может же он просто взять и уйти.

— Он выйдет на связь. Ты ведь знаешь, на этого человека можно положиться.

— У меня дурное предчувствие, — сказал Эверетт.

— Он готовится. В одно прекрасное утро я подойду к своей машине и увижу его там. Он не меньше нашего хочет, чтобы все получилось.

— Последние несколько недель у меня ощуще-

ние, будто что-то не так.

— Все так. Город, время, подготовка. На этого человека можно положиться без сомнений.

— Я верю в предчувствия.

Ларри положил трубку. Спустился вниз, где за столом сидела Берил с газетой, кофе и ножницами. Газетные листы раскиданы поверх бокалов для вина и обеденных тарелок.

Он больше не обращал внимания на эту ее странность. Она говорила, что посылать друзьям свежие вырезки — весьма благоразумный способ переписки. Можно вырезать тысячу заметок, и каждая что-то говорит о ее чувствах. Он смотрел, как она читает и вырезает. Она сидела в полуочках и решительно орудовала ножницами. Она считала, что это ее собственный способ выражаться. Что не существует более личного и выразительного послания другу, чем заметка об изнасиловании, о сумасшедшем, о взорванном негритянском доме, о буддийском монахе, который сжег себя. Потому что все это говорит о нашей жизни.

Бэби Легран стояла на коленях в конце подиума, сомкнув руки за шеей, ударник барабанил в такт движениям ее таза, и одновременно она оглядывала зал клуба, различая фигуры за разноцвет-

ными огнями, целые жизни, которые она могла набросать за мгновение. Вот моряки и студенты, как обычно, еще официантка подносит обычные наборы алкашам, девчоночка в тесном наряде, который обтягивает грудь. Бэби пропустила перевязь между ног и медленно обмахнула ею фонарь на сцене. Она оглядела столик, за которым выходные полицейские пили свое уцененное пиво. Она видела, как парень-поденщик фотографирует «Поляроидом» клиентов, которым Джек подарит эти снимки. Вот люди в костюмах и галстуках, по делам в городе, и люди, которые приходят со спутницами потанцевать твист между отделениями. Бренда знает эту причудливую толпу. Ей нравятся молодые полицейские, если у них голубые глаза. Она различает мельчайшее пятно томатной пасты на самом узком галстуке, потому что единственная еда на всей улице — это пицца, которую разогревают в духовке. Тем временем ударник ускоряет ритм, и моряки кричат «давай, давай, давай». Она протаскивает перевязь через дым и пыль, пробегает взглядом по стойке бара, есть ли там нищие, бедолаги и бродяги, которых Джек из жалости приволок с улицы. И элемент азартной игры, или как там ее, торговый автомат и сицилийский элемент, мошенники, застывшие

у задней стены клуба. Вот пятисекундный взгляд на «Карусель», и еще туристы из Топеки. Они кричат «давай, давай, давай». Требуют ее одежду. Им нужна шелковая перевязь, которая побывала у нее между ног. Они здесь, чтобы искупаться в плоти девушки-лунатика, девушки, которая просыпается нагая посреди колышущейся толпы. Так всегда кажется Бэби Л. Накатывает такое настроение среди ночи, будто ее заколдовали, и она просыпается в другом сне, обнаженная, где незнакомые мужчины хватаются за ее тело. Знает ли кто-нибудь из них глупую истину? Она хочет быть агентом по недвижимости и возить людей по округе в автомобиле с кузовом, раскрашенным под дерево. Быть преуспевающим риэлтором в зеленом костюме. Но она выгибается под рампой перед публикой, на животе и бедрах выступает пот, кисточки накладок на соски подпрыгивают в такт ударным.

Она исполнила свой коронный номер с грудями — одна крутнулась по часовой стрелке, вторая против, — и быстро ушла.

Затем приняла душ, завернулась в полотенце, села в гримерной и закурила. В эти минуты сигарета казалась абсолютным счастьем.

Линетт в верхней одежде сидела у соседнего

зеркала, погрузившись в журнал «Лук».

— Будь у меня хоть немного ума, — сказала Бренда, — я взяла бы все, что мне причитается, и смоталась бы. У меня дети, семь и четыре года, и я так устаю, что большую часть времени нет сил даже поздороваться.

Линетт перевернула страницу.

— Знаешь, этот Бобби Кеннеди вполне в моем вкусе, — заявила она. — Бобби мог бы свести меня с ума. У него есть такой жесткий отсвет. Десять минут в его обществе — и крыша у меня поедет.

— Для меня он ничего не делает.

— Я от него просто в улете.

— Это где, Линетт?

— У него есть этот мелкий сволочизм, но он как бы этого не знает?

— Скорее всего, знает, — ответила Бренда. — Его брата я приму когда угодно. Джек был бы лучше в постели. Мне нравятся плечистые любовники. Не люблю я этих дохляков.

— Бобби — атлет.

— Президент зрелый человек, он может иметь дело с женщинами вроде нас. Правда, я не готова с ним обосноваться.

— Тебе нужна такая же пышная прическа, как у Джеки.

— Мне нужно не только это.

— У тебя есть сиськи, Бренда.

— Сиськи, сиськи. Это моя ахиллесова пята. Слишком много достоинств напоказ. Что означает кучу проблем.

— А чем вообще он занимается, этот генеральный прокурор?

— Ты что, не знаешь? Он же главный коп.

— Главный коп или главный поп?

— Один черт, — сказала Бренда.

В зале началось какое-то волнение. Прозвучали голоса, разбился стакан или бутылка. Линетт перевернула страницу.

— А ты веришь этим байкам, будто по точному времени рождения про тебя могут вычислить все?

— Как говорится, чую здесь подвох.

Шум в зале усилился. Такое чувствуешь сквозь стены. Бренда накинула халат, прошла в конец коридора и выглянула в зал. Между баром и входом мелькали руки и тела. Четверо мужчин, и Джек в их числе, толкали парня, который выглядел так, будто причесывался петардами. Оказалось, что Джек хочет спустить парня с лестницы. А остальные пытаются этот беспредел прекратить. Бренда дождалась, когда поденщик

выбрался из живого клубка и отошел в сторону, тряся рукой, которую, наверное, ушибли.

— В чем дело? — спросила она.

— Этот тип как бы ухватил за задницу одну официантку. Ну, тесно так прижался.

— У нас теперь за это убивают?

— Вы же знаете, Джек не выносит, когда обижают его девчонок. Он просто беситься начинает.

Джек вырвал парня из рук остальных, и они вдвоем сбежали вниз по узкой лестнице, совсем не соображая, стукаясь о перила, почти вырываясь на улицу.

Шумная толпа ринулась следом, колонной по одному. Бренда глубоко затянулась и отправилась обратно, продолжить беседу.

На улице Джек повалил парня на землю. Затем принялся бить его ногами, причем как-то брезгливо, словно пытался стряхнуть с ботинка собачье дерьмо. Парень откатился и побежал по улице, прорвался сквозь ряд зевак перед соседним клубом, где шло любительское ночное стрип-шоу. Джек рванул за ним, следом пять или шесть посетителей «Карусели». Парень бежал быстрее, но на полпути развернулся и приготовился к драке. Никто не понял, зачем это, и Джек разозлился еще сильнее. Он врезался в парня с

разбегу. Столь мощный натиск сбил того с ног. Джек два раза пнул его, парень схватил Джека за лодыжку и в замедленном движении уложил на мостовую. Затем пополз к знаку парковки. Джек, стоя на коленях, ухватил парня за ногу, чтобы не дать добраться до столба. Кто-то попытался разжать его хватку, мягко уговаривая. Парень вырывался, продолжая ползти к знаку. Было ясно, что происходит. Главное — добраться до знака. Двое посетителей бара разняли дерущихся, но Джек два раза пнул парня по ребрам. Тот встал, глядя в сторону. Штаны его были расстегнуты. Джек крепко ударил его по голове через плечи людей, которые разнимали их, парень выскочил на проезжую часть и остановился там, машинам приходилось огибать его. Поправил штаны. Так и стоял посреди потока машин, не глядя на тротуар, где люди тяжело отдувались после бега и потасовки.

Джек направился обратно. Дойдя до группы посетителей соседнего клуба, он принялся пожимать всем руки и раздавать визитки с названием «Карусели» и часами работы. Затем сел в свой белый «олдсмобиль» и поехал проветриться.

Автомобиль Джека являл собой передвижной хламовник. Собаки погрызли сиденья и коврики.

Выпотрошили набивку заднего сиденья, так что из него торчали пружины. На стеклах отпечатки собачьих лап. На самом сиденье громоздятся восемь пустых коробок от спиртного. Банки из-под газировки перекатываются по полу при каждом торможении или повороте. На приборной доске лежат две сотни долларов, завернутые в обертку от мяса с пятнами бараньей крови. В бардачке еще «Прелюдии» и шапочка для душа, куча неоплаченных квитанций, записных книжек, несколько презервативов, кастет и программа телевидения.

Он включил радио и начал искать диск-жокея Скирда-Борода. Чтобы успокоиться, ему нужно слышать знакомый голос.

Он поколесил по центру Далласа. Нечасто приходится вышибать кого-то из парней, которые безобразничают в клубе. Стоит им тебя настолько запугать, считай, твои дни сочтены. Он нащупал в пиджаке револьвер 38-го калибра, засунутый в мешочек для денег Торгового банка вместе с недавней выручкой, тремя тысячами долларов, туго стянутыми розовыми резинками.

Возможно, именно из-за разговора с Джеком Карлински его так разозлил парень, который лапал эту девицу, как ее там, Ему нужно взять

эти деньги. Других источников нет. Он по уши в долгах и других неприятностях. Даже будь у него завтра на руках сорок тысяч, и то он не решил бы всех проблем. Ему нужно поднимать свое дело. Им недоволен профсоюз по поводу девочек. И еще этот давнишний вымогатель с Западного побережья, который отказал дать ему ссуду, а теперь и Карлински клонит туда же.

Значит, пиджак мохеровый. Надо было два купить. На один гадить, другим прикрывать.

Он долго добирался до места, где бросаешь жетон в автомат, и он тебе моет машину Его брат Сэм продал одну из двух своих моек и с интересом поглядывал на эту этого не случится, но всякое бывает. Он пробовал торговать разными вещами с разными братьями, от солонок и перечниц до симпатичных бюстов Рузвельта. Продавал бижутерию, лекарство от подагры и приспособления для сеялок от Чикаго до Сан-Франциско.

Тридцать лет подряд кость у нее в горле.

Скирда-Борода вещал:

— Я знаю, о чем вы думаете. Будто я все сочиняю. Но я не сочиняю. Все, что говорю вам я, — правда. Ребята, мы — настоящие. А теперь вопрос, который останется с вами на ночь. Кто настоящий, а кого подослали записывать? Вы

сидите там, в глубине ночи, и слушаете тайком, а почему тайком? Потому что не знаете, кому верить, кроме меня. Мы единственные, кто не из них. Этот маленький радиоприемник — путь к истине. Я не придумываю. В мире есть только две вещи. То, что истинно. И то, что истиннее истины. Нам нужна эта тайная тропа, где мы можем встречаться. Потому что есть Большой «Д» — то есть «Думай как я». Я понятно выражаюсь? Мое послание доходит? Мы — это хитрая маленькая тайна, которую хотят открыть. Думаете, я сочиняю? Нет, не сочиняю. Скирда-Борода говорит вам — ешьте кашу вилкой. Делайте уроки в темноте. Верьте радио больше, чем маме.

Джек понятия не имел, о чем говорит этот парень. Он с усилием проглотил свой «Прелюдии». После него перестаешь медлить и делаешь то, что задумал.

Он подъехал к гастроному «Ритц» и припарковался на улице. Открыл багажник и бросил туда мешочек с деньгами и револьвером, иначе потом забудет это сделать. Багажник был слегка переполнен: гантели, гири, летний костюм, банка краски, рулон туалетной бумаги, игрушки и печенье для собак, кобура, туфля для гольфа с долларовой банкнотой внутри и около сотни

глянцевых снимков Наездницы Рэнди, которые он привез из Нового Орлеана. Это можно назвать моей жизнью, потому что дома ничуть не чище.

Он зашел в «Ритц» и заказал дюжину сэндвичей, побольше горчицы и майонеза. С жареным мясом, солониной, ломтиками индейки, языком, соленьями с укропом, резаной капустой, приправами, картофельный салат, черешневая газировка, имбирное пиво и так далее. Попросил, чтобы все приготовили тщательно, потому что сэндвичи направляются в полицейский участок.

Джек вернулся в машину. Наши копы заслуживают самого лучшего, потому что они рискуют жизнью каждый раз, как выходят за порог Это город убийств. Туфта. Надо не забыть вернуться потом в клуб, забрать таксу Шебу снять кассу и взять шляпу. Он не любил ходить без шляпы, потому что всем сразу видно лысину. Он лечил кожу головы, и вроде помогало, хотя Джек и сомневался.

Он двинулся к зданию полиции и суда. Левое колено пронзила боль, и он задрал штанину. Ничего себе ссадина. Уличная драка так захватывает, что целый час не замечаешь крови. Он ехал с задранной штаниной. Ни одна надежная компания не даст ему денег, потому что он раздает

выпивку всякому отребью, приводит с улицы людей и собак. Джек выбрался из машины, опустил штанину и зашел в старую часть здания, пройдя между высокими колоннами.

Он ехал в лифте на третий этаж, держа в руках коробку с едой и напитками и размышляя, что если ничего не предпримет в ближайшее время, бизнес навсегда пойдет в убыток, если вообще куда-то пойдет, если его не превратят в окончательное ничтожество. Выйдя из лифта, он направился по коридору в отдел несовершеннолетних. Кровь затекала в ботинок. Но как только он увидел этих чисто выбритых мужчин в форме, ему захотелось сказать — больше всего в жизни я горжусь тем, что дружу с полицией самого американского города в мире.

Раввин много раз повторял ему: «Не будь таким впечатлительным».

В Далласе

В полночь Ли Освальд сидел в прачечной, ждал, когда высушится его одежда, и читал Герберта Уэллса. Кроме него там был еще один посетитель — тучный, жуткого вида человек, в туфлях, надрезанных спереди, чтобы его раздутым ногам было посвободнее. Воздух спертый и затхлый. Ли сгорбился над первым томом «Краткого очерка истории» и грыз большой палец. Книга лежала на коленях.

Временами он жил отдельно от Марины и малышки Джун.

Пришел ночной дежурный, долговязый негр, и пропел:

— Закрываем, закрываем, все домой.

В большой красной авоське он нес чьи-то простыни.

Тучный посетитель поднялся и подошел к сушке за своими вещами. Ли читал, согнувшись над книгой, теперь он грыз кулак. Посетитель проковылял к выходу.

Прошло минуты три. Сушка с вещами Ли остановилась. Он сидел, не отрываясь от книги. Он знал, что дежурный сверлит его с дистанции в

пятнадцать футов очень пристальным взглядом. Перевернул страницу и дочитал главу, то есть до конца разворота. Читал он медленно, стараясь уловить смысл, голую правду, спрятанную в этих слогах.

— Слышь, малый! У меня нервы не железные, да?

Греки и персы. Ли поднял взгляд. У дежурного была отвисшая нижняя губа, цвет лица с оттенком ржавчины, россыпь веснушек на скулах, эти болтающиеся руки, и Ли подумал «Япония» прежде, чем всплыло имя или обстоятельства. Через секунду он вспомнил. Бобби Дюпар, его сокамерник на гауптвахте в Ацуги.

Дюпар не сразу узнал его. Пристально вгляделся, заметил волосы Освальда, поредевшие с левой стороны, где пробор, ввалившиеся щеки, трехдневную щетину, рубашку с разошедшимся швом у воротника; заметил многое, плюс еще четыре года возмужания, эмиграции, трудной жизни. Кролик Оззи. Узнавание отразилось на лице Дюпара сложной гримасой.

— Я-то больше не разглядываю белых. Так что сразу и не могу определить, с кем конкретно разговариваю.

Они не говорили о Японии. Они обсуждали

Западный Даллас, где Бобби жил с сестрой и ее тремя маленькими детьми, в районе с сотнями домов казарменного вида, расположенных между рекой Тринити и бульваром Синглтон. Район называли «жилым парком». Обнесенный забором, изолированный от города, с дырявым водопроводом, проложенным по слякотным газонам. Бобби работал в прачечной шесть дней в неделю, с семи вечера до полуночи. Дважды в неделю ходил на курсы черчения в техническом колледже Крозье в центре города. Иногда работал с полудня до четырех в пекарне, замешивал тесто, заменяя больных или отсутствующих работников. Домой возвращался в одежде, припорошенной белым. Мать его умерла. Отец жил в другой части района. Бобби не знал, где именно. Из окна 52-го автобуса он постоянно видел, как его старик сидит перед авторемонтной мастерской и потягивает пиво из банки. Марки «Большой кот». Бобби понимал, что если подойдет к отцу и поздоровается, тот его не узнает. Заговорит с ним так же, как и с любым другим, начнет вещать о своих беседах с Богом.

Таков Западный Даллас. Дым от свинцовых плавильных печей. Прерывистые жизни.

У Бобби теперь росла редкая клочковатая бородка. Глаза утратили тревожный блеск. Он смотрел

на Ли, наклонившись, спокойный и неподвижный, медленно кивал, отмечая реплики.

Ли рассказал, что ушел в подполье. Он уволился с последней работы, не сказав ни слова. Съехал с последнего места проживания. У него есть почтовый ящик. Его брат не знает, где именно в Далласе он живет. Мать до сих пор считает, что он в Форт-Уорте. С женой они поссорились, и она поселилась у своих друзей. Он работает в фирме графического оформления. Но не упомянул о том, что работа связана с секретностью. Ничего не сказал о Марионе Коллингзе. Тот через Джорджа де Мореншильдта выпытывал у него подробности бесед с органами безопасности СССР. Сам он избегал Коллингза. Избегал почтальонов. Скрывался от федералов. Заполняя любую бумажку, указывал фальшивый адрес. Он рисовал плакаты после работы и отсылал их Социалистической рабочей партии. Шпионский фотоаппарат он прятал в брезентовом мешке на дне шкафа.

Он не рассказал о Марине, о том, как скучает, как она нужна ему, и как его злит то, что он осознает это и пытается подавить — еще одно скрытое чувство, которое он не может подавить.

Никакой Японии. Бобби рассказывал о Юге, о полицейских псах и зажигательных бомбах,

интеграции «Старого Миса».[12] Практически каждый день — ролик по телевизору о ярости сегрегационистов, толпы негров — демонстрантов отступают под натиском полиции, их рассеивают на группки поменьше. Демонстрантов бьют по лицу, швыряют в них камни. Кто-то падает, белые парни подскакивают и бьют его ногами. Копы хватают дубинки за оба конца, сильно сгибают Посмотри им в глаза. Посмотри на этих пожарников, что выпрыгивают из фургонов. Они включают шланги, и словно гнев из преисподней отбрасывает всех назад.

По всему району стояли самодельные мангалы для барбекю — пятидесятипятигаллонные нефтяные бочки, разрезанные пополам и установленные на металлические ножки вниз дном. Валил дым, из шлангов по телевизору била вода.

Вещи крутились в дюжине сушилок.

— Все устроено так, чтобы унизить черных, — сказал Бобби. — Надрывайтесь за гроши, пейте дешевое вино. Вот, что нам уготовано. Знаешь, как у меня, Оззи? Когда я читаю криминальную сводку в газете, то смотрю на фамилии, чтобы по-

---

[12] Примечания: 12

«Старый Мис» — прозвище Миссисипского университета. Попытка негра Джеймса Мередита поступить в него в 1962 г. привела к бунту белых студентов-расистов, поддержанных властями штата.

нять, белый преступник или черный. Некоторые по фамилии настоящие негры. Я внимательно проверяю. И говорю — давай, браток. Давай, наподдай им. Ведь что у нас есть сильнее ненависти?

— Я не хочу утомлять белого своей способностью страдать, — сказал он. И еще: — Я пытаюсь выучиться ремеслу, чтобы не сойти с ума.

Они проговорили в прачечной до двух часов ночи. Спустя два вечера они снова беседовали, пока Бобби загружал машинки и складывал вещи для тех, кто отлучился. На следующий день Ли ушел с работы пораньше, они с Бобби встретились в центре, рядом с чертежными курсами, сели на автобус и поехали в Оук-Клифф, где находилась прачечная. Там же обитал и Ли — в районе мебли-рашек и ржавых остовов машин среди высоких сорняков. Они съели коробку пончиков и поговорили еще. Вечером того же дня Ли прошел шесть кварталов от своей квартиры до прачечной, и они проговорили до закрытия. Говорили о политике, о расах, о Кубе, стиральные машины работали, и поздние посетители бросали охапки вещей в бурлящую пену.

На следующий день им пришла в голову мысль. Над$_0$пальнуть в башку генералу Уокеру.

Марина качала маленькую Джун на руках. Он убрал квартиру к ее возвращению. Он был рад ее видеть. Взял дочь и заговорил с ней на придуманном японском, покачивая головой. Все трое рассмеялись.

Он стал изучать расписание автобусов. Номер 36, автобус на Престон-Холлоу, останавливался в полутора кварталах от дома генерала. Он прошел мимо этого дома, который стоял далеко от улицы и совсем рядом с Тёртл-Крик в зарослях тополей и вязов, в глубоком спокойствии. Даже просто пройдясь по этой улице, он почувствовал себя неприкасаемым. Запомнил номер машины у подъездной аллеи и записал в блокнот. В блокноте хранились записи о времени на дорогу, расстояниях, и другие наблюдения.

Она спросила, будет ли он теперь учить ее английскому.

Он заказал у «Сипорт Трейдерс» револьвер 38-го калибра с укороченным стволом, марки «смит-вессон», известный как двухдюймовый «коммандо». В бланке заказа написал имя «А.Дж. Хайдел» и указал адрес — ящик 2915, Даллас, Техас.

На следующий день он пошел на курсы машинописи. Это было его первое занятие. Он сел в

последнем ряду, ни с кем не разговаривал, изучал клавиатуру своей машинки. Китайская грамота. Он вставил лист бумаги, положил пальцы на клавиши, пытаясь понять, почему буквы расположены именно так. Олицетворение его позора. Девять долларов за курсы. Джордж сказал, если он научится печатать, однажды получит хорошую работу.

Шел самый конец января 1963 года.

Он стоял в темной комнате с другим стажером, Дэйлом Фицке, калекой. У Дэйла один каблук был выше другого. Передвигался он, ритмично покачиваясь, лицо у него было мягкое и чистое, такое гладкое, что он казался двенадцатилетним.

Они стояли плечом к плечу у проявочных кювет. Люди входили и выходили, протискиваясь за их спинами. В тусклом красном свете комната казалась радиоактивной.

— Что ты за человек? — спросил Дэйл. — Я вот в семье что-то вроде отщепенца. Они наконец перестали ждать чего-то великого.

— А чего они ждут?

— Они затаили дыхание, в сексуальном смысле. Что тебе больше всего нравится в темных комнатах? Такой была комната у меня, когда я в детстве болел. Детские болезни — это лучшие времена. У

меня всегда была высоченная температура. А как тебе в этой компании?

— Мне здесь нравится. Интересная работа, по сравнению с некоторыми.

— Просто у меня такое чувство, что всякие разные задания — не единственное, что происходит здесь. Вот например. Хочешь услышать пример?

— Какой? — спросил Ли.

— Мне говорят, что нельзя подходить к рабочим столам наборщиков. Запрещено. Не подглядывать.

— Можно и подглядеть. Никто ничего не скажет. Я все время смотрю.

— Я тоже, — ответил Дэйл, голос его сорвался. — Я скажу тебе, что видел, если ты скажешь.

— У них списки названий для военно-картографической службы.

— Каких названий?

— Местности.

— Это я тоже видел. Они набирают эти названия на трехдюймовых полосках бумаги.

— Некоторые написаны кириллицей. По-русски, насколько я знаю. Для карт советских мишеней.

Они говорили шепотом.

— Знаешь, что я слышал? — сказал Дэйл. —

Только обещай никому не говорить. Эти карты сделаны по фотографиям. Эти фотографии засекречены. Их снимает «У-2».

Красный свет стал зловещим неоновым румянцем.

— Здорово, что я это знаю, да? Люблю поговорить с кем-нибудь об интересных вещах. Ну, там, ты расскажешь мне, я — тебе. «У-2». Когда я услышал обо всем этом деле, при Эйзенхауэре еще, то подумал, что говорят «ты тоже», как будто «я тоже» тоже есть.[13]

Была суббота, им платили в полтора раза больше. Ли всегда старался записываться на субботу, потому что знал — с этой работой можно попрощаться с той минуты, как Марион Коллингз замолвит за него слово.

— Тебе тут люди нравятся? — спросил Дэйл. — Я видел, как ты читал русский журнал. Так вот, скажу тебе пару слов. Эти люди хорошо к тебе относятся до поры до времени. Не то чтобы важно, что ты там читаешь. Помнишь, как в детстве лежал под одеялом, потел? Жар — это тайна. Как падение в дыру, куда никому больше не добраться, зато там нет страха и боли, потому что ты не

---

[13] Примечания: 13

От *англ.* созвучия названия самолета U-2 и «you too».

чувствуешь себя собой. Люблю валяться в поту.

— Мне делали операцию на ухе, когда я был маленьким. До сих пор помню, что мне снилось под наркозом.

— А мне четыре раза делали операцию! Я обожал отключаться!

Дэйл жестикулировал в красном сиянии, жидкость капала с рук в кювету.

— Что у тебя в голове, Ли? Однажды моя мать сказала обо мне: «Он никогда не станет умным, Том». Том — это мой брат. Я говорил это за ужином сотню тысяч раз.

Загадочный «У-2». Он преследовал Ли от Японии до России, теперь и здесь, в Далласе. Вспомнилось его приземление, как легко он опускался, почти как перышко, подчиняясь ветру, носимый ветром. Так показалось. И голос пилота доносился обрывками, через треск и шипение дырявого динамика. Иногда на грани зыбкого сна он слышал этот голос.

— Я буду слушать, и ты будешь слушать, — сказал Дэйл Фицке. — Потом встретимся здесь и поговорим еще.

Курсы машинописи проводились в Крозье, том же колледже, где Дюпар учился черчению. Они встречались в пустом классе, когда удавалось вы-

брать время. Говорили о стратегии и философии, поджидая, когда по почте пришлют револьвер.

— Ты думаешь, этот Уокер поселился в Далласе случайно? — произнес Бобби. — Черта с два, парень. Он здесь потому, что злоба и ненависть тоже здесь. Он придумал этот город.

— Читал газету? Он уезжает, у него выступления в двадцати девяти городах. До апреля не вернется.

— Что у него? Лекция «Убей ниггера»?

— Операция «Полночная прогулка». Угроза коммунизма здесь и за рубежом. Все будет только о Кубе. Он любит говорить о Кубе. Если придется ждать до апреля, то пусть хотя бы не зря. Давай отловим его семнадцатого. Вторая годовщина залива Свиней.

— Кто стреляет?

— Я, — ответил Освальд.

— Ты так уверен?

— Я буду стрелять.

— Надо посмотреть, нет ли занятий семнадцатого.

— То есть?

— Не знаю, захочу ли я пропускать урок.

— Мне нужен помощник, Бобби. Это же не просто взять и стрельнуть. Дом так расположен. И

там переулок. Может, нам понадобится машина.

— Машину я могу достать. В любой момент могу попросить. Насчет надежного хода не поручусь. Короче, мы уложим его. Этот человек должен отведать крови.

— В русском языке есть выражение, которым называют убийство с пролитием крови. «Мокрые дела». Как убили Троцкого ледорубом.

— Так мы с ним и поступим, — сказал Бобби.

Они переехали на Нили-стрит, в другую меблированную квартиру неподалеку. Две комнаты в каркасном доме с бетонным крыльцом и балконом с покосившимися столбиками. Можно было выставлять наружу цветочные горшки и притворяться, будто они в Минске. Имелась маленькая дополнительная каморка размером со встроенный шкаф, где Ли мог работать над своими заметками, хранить почту и другие бумаги.

Пожитки они перевозили в Джуниной коляске. Пришлось сделать пять или шесть ходок. Посуда, детские вещи, письма из России. Последний раз Ли ходил один, надев на себя большую часть одежды, чтобы больше не таскаться.

В каморку можно было войти из гостиной или по лестнице снаружи. Обе двери запирались изнутри. Похоже на герметичный отсек, с одной

стороны часть квартиры, с другой — нет. Он нарек ее кабинетом. Втиснул туда столик, стул и принялся работать над своими записями, готовясь к убийству генерала.

Он начал фотографировать дом Уокера. У него был ящичный фотоаппарат, который он брал с собой в бумажном пакете на автобус туда и обратно. Он снимал решетчатую ограду за домом, переулок, тянувшийся от парковки у мормонской церкви до Эвондэйл-стрит. Сделал несколько снимков рельсов, где можно спрятать револьвер, если понадобится.

Есть целый мир внутри мира.

Он подробно записал расположение окон в задней части дома. Изучил карты Далласа. Сделал последние штрихи в поддельных документах, над которыми долго работал. Когда на почту пришел револьвер Хайдела, у него было удостоверение личности Хайдела, чтобы забрать посылку. Документы он напечатал на своей машинке на курсах.

Хорошо, что Дюпар прикрывает тылы. Втоптанный в грязь Дюпар — движущая сила истории, плотная прибрежная полоса на пути крайне правой волны.

Он снова подписался «Хайдел», когда 12 марта

отсылал бланк на сумму 21 доллар 45 центов в «Спорттовары Кляйна», в Чикаго: он заказал 6,5-мм итальянскую боевую винтовку, «манн-лихер-каркано», с четырехкратным оптическим прицелом.

На безлюдные улицы падал дождь.

Как он чувствовал судьбу, запершись в крошечной комнате, создавая образ, паутину связей. Это была его вторая жизнь, тайный мир за пределами трех измерений.

Он сходил в оружейный магазин и купил обойму, которая подойдет «маннлихеру», чтобы можно было сделать семь выстрелов, прежде чем перезарядить.

Улицы, мокрые от дождя. Он ходил в прачечную и возбужденно обсуждал с Дюпаром технику дальнобойного выстрела с учетом расположения дома и парка. Затем возвращался к себе в кабинет, и никто не замечал, что его вообще не было.

Он стоял в гостиной босиком, в пижаме, и играл с затвором. Дернул рукоятку, сдвинул назад, затем вперед, опустил рукоятку. Поднял рукоятку, сдвинул назад, вперед, опустил. Повернулся к зеркалу над диваном. Поднял рукоятку, сдвинул назад, вперед, опустил.

Марина ушла в магазин. Джуни сидела на

высоком детском стульчике у окна и катала стеклянный шарик по столику.

За домом находился двор, маленький и грязный, где росли два куста форзиции. Веревка для белья тянулась параллельно забору, и Марина вешала там пеленки. Жильцов с нижнего этажа не было дома.

Прошло десять минут. Ли спустился по наружной деревянной лестнице. В одной руке он нес винтовку, в другой — два магазина. На нем была черная футболка с коротким рукавом и темные твидовые штаны. Револьвер примостился у бедра.

Марина смотрела, как он прислонил винтовку к лестнице и снова поднялся. Через несколько мгновений он вернулся со своим ящичным фотоаппаратом «Империал Рефлекс», купленным по дешевке в Японии.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Вдруг соседи увидят?

— Это для Джуни, на память.

— Зачем ей фотография отца с ружьем? Я не умею снимать.

— Нужно держать его на поясе.

— Никогда в жизни не фотографировала.

— Неважно. Я хочу, чтобы у тебя сохранился

снимок для моей дочурки.

— И весь в черном. Ты с ума сошел, Ли? На кого ты охотишься со своим ружьем? На силы зла? Смех один. Глупости. Кому это надо? Ты просто рисуешься.

Он позировал в углу двора, винтовка в правой руке, дулом вверх, приклад упирается в пояс, всего в нескольких дюймах от револьвера в кобуре. Журналы «Активист» и «Рабочий» ой держит веером в левой руке, как игральные карты.

Она щелкнула затвором фотоаппарата.

Ли принял другую позу — на этот раз винтовка в левой руке, журналы он придерживает подбородком, над сгибом виднеется название «Активист», его тень падает на деревянные ворота, а легкую улыбку свет и время обрамят официальными воспоминаниями.

Ровно в восемь тридцать Ли стоял на углу автозаправки «Галф», на Норт-Бекли. В вечернем воздухе пеленой висел запах бензина. Девяносто девять градусов.[14] Рекордная жара для этого сезона. На левом плече у него висел военный дождевик, в правой руке он держал полупустую бутылку кока-колы. Он купил ее в автомате непо-

[14] Примечания: 14
18 °C.

далеку, просто как повод прийти сюда.

Он следил за коричневым «фордом», который медленно свернул на заправку и остановился у зоны обслуживания. Похоже, модель 1950 года, где-то так. Из машины выбрался Дюпар и встал возле открытой дверцы, озираясь. Бобби надел светло-голубой рабочий комбинезон и маленькую круглую кепку, на рубашке написано «Американская пекарня»; все лицо, одежда, брови и тыльные стороны ладоней в муке.

Ли подошел к машине, держа левую руку неподвижно под плащом — он прижимал к себе винтовку, упирая приклад под мышку. Они молчали, пока автомобиль не выехал на улицу и не свернул к северу. Винтовка лежала на полу за сиденьем.

— Что это ты, Бобби?

— Что?

— Ты в рабочей одежде.

— Мне удалось выбить сверхурочные. А что делать, я же сегодня не иду в прачечную.

— То есть из-за меня ты не идешь прачечную? К этому ты клонишь?

— Это я так, просто говорю. Сумел пропихнуть четыре часа сверхурочно.

— Ты бросаешься в глаза. Не тот случай, когда

стоит выделяться.

— На дерьмо никто не смотрит. Мы проскочим быстро и незаметно. Іде пистолет?

Ли снял револьвер с ремня и положил на сиденье между ними.

— Патроны достал?

— Полно, — сказал Дюпар. — Купил пятнадцать штук у какого-то школьника на улице. Изготовители разные, но 38-го калибра, так что, думаю, проблем не будет.

— А я думаю, что выстрелов не будет. Только в крайнем случае.

Притормозив на первом светофоре, Бобби снял магазин, вынул из нагрудного кармана шесть патронов и вставил их в гнезда.

— Есть хороший знак, — сказал Ли. — Револьвер я заказал в январе, винтовку — в марте. Оба пришли в один день. Жена назвала бы это судьбой.

— А что ты ей скажешь насчет сегодня?

— Она считает, что я на машинописи. Я бросил эти курсы две недели назад. Меня уволили с работы в прошлую субботу.

— Я жутко боюсь, что меня уволят.

— Сказали, я неточно работаю. К этому все и шло. Так же, как все шло к сегодняшнему вечеру. В Гаване узнают об этом. Еще до полуночи но-

вость долетит до Фиделя.

Они пересекли реку Тринити и съехали на виадук Коммерс-стрит.

— Я так понял, что эта винтовка — из военных излишков. Откуда ты знаешь, что она стреляет?

— Я завернул ее в плащ и поехал на Лав-Филд. Затем спустился к реке, на запад от автострады, там есть место, где люди испытывают оружие. Просто война среди бела дня.

— А ремень-то, лямка эта, будто сняли с тенор-саксофона.

— Она вполне годится. Все работает нормально. Все на месте. Я все тщательно продумал. Обошел шесть оружейных магазинов, пока нашел боеприпасы для такого карабина.

— Об одном только думаю — генерал должен умереть.

— Я застрелю его с первого раза, — тихо произнес Ли.

— Надоело так погано себя чувствовать все время.

— Можно четко попасть в любое окно.

— Пусть сдохнет.

— Меньше сорока ярдов, — сказал Ли.

— За Миссисипи, за Джона Бёрча, за «Ку-клукс-клан», за все, блядь.

Глаза Бобби слегка затуманились. Оба помолчали какое-то время. Жаркий ветер дул в окна. Они ехали по Стеммонс к Оук-Лоун-авеню.

— На Эвондейл повернем влево, — сказал Ли, — в переулок, который ведет к парковке у церкви, до нее где-то двести пятьдесят футов. Поедем медленно. В конце переулка я выйду. Ты поедешь дальше и повернешь направо к церкви. Там будет идти служба. А ты как бы мормон, который опоздал. Остановишься и будешь ждать. Фары выключишь. Я буду целиться через ограду в заднюю часть дома Уокера. Линия огня свободна. Ты ждешь. Я вижу его сейчас, как на картинке. Он любит, когда в доме повсюду горит свет. По вечерам он сидит у себя в кабинете.

У него была подписка на «Тайм» на тридцать девять недель. Он представил, что в «Тайм» поместили ту фотографию с заднего двора. Кастровский партизан с оружием и подрывными журналами. Представил обложку «Тайм». Эту фотографию увидят во всем социалистическом мире. Человек, который стрелял в фашистского генерала. Друг революции.

— В Гаване оценят по достоинству, что мы это сделали семнадцатого апреля, — сказал Ли. — Два года с того дня. Вторжение породило генерала

Уокера — больше, чем любое другое событие.

Они свернули на Эвондейл. Ли заметил, что Дюпар уставился на него, подняв белые от муки брови.

— Семнадцатое. Какое семнадцатое? — спросил он.

— Сегодня же среда, так?

— Сегодня *десятое.*

Тед Уокер сидел за столом в своем кабинете. Холостяк пятидесяти трех лет, он выглядел чьим-нибудь обыкновенным соседом: довольно высокий, кустистые брови, подбородок и шея слегка дряблые, чуть сутулый, строгий с детьми сосед. Он заполнял свою налоговую декларацию.

Самая большая американская нелепица. Генерал Уокер заполняет налоговую декларацию.

Он привык говорить о себе в третьем лице. Он говорил журналистам о положении дел Уокера, о попытках заставить Уокера замолчать. Ничего удивительного, что у него есть личность «для публики», учитывая пристальное и трепетное внимание местной прессы, где он в прошлом октябре по горячим следам комментировал кубинский ракетный кризис. Именно президент Джек сказал об «Утренних новостях»: «Я уверен, жители Далласа рады, когда наступит день».

Пожилые дамы любят своего Теда. Они — его последние истинные соратники. Он бормочет стихи об их неудавшихся жизнях.

В пепельнице тлела сигарета. Он сидел спиной к окну, складывая цифры в отрывном блокноте, подсчитывая налоги, как любой дурак и простофиля в Аппарате Истинного Контроля. Справа в корзине лежала стопка писем от истинных соратников. От женщин из «Христианского крестового похода», мужчин из «Общества Джона Бёрча», от работающих пенсионеров, от разгневанных, обманутых, от тех, кто всегда остается ни с чем. Они изнутри знают Аппарат Контроля. Это не какая-то абстрактная политика. Не просто делишки продажных специалистов и мягкотелых политиков, слабаков и незадачливых стратегов. Аппарат обездвижил не только наши вооруженные силы, но и наши жизни, сводя на нет нормальные американские амбиции, пропитывая наши умы и тела фтором, подкрадываясь лихорадкой профсоюзов, левой прессы и подоходных налогов, каждой современной болезнью иссушая волю нации к сопротивлению вражеской атаке.

По проверенным данным, у границы Калифорнии собираются китайские коммунисты.

Вот человек, леди и джентльмены, который

поднялся на пьедестал памятника Конфедерации в Оксфорде, Миссисипи, чтобы поднять массы против интеграции университета. Этот человек в достойном сером «стетсоне», так сказать, возглавил мятеж. Да, это было неподражаемо. Четыре сотни федеральных маршалов, пять сотен человек из полиции штата и местные копы, вертолеты, джипы, пожарные машины, три тысячи национальных гвардейцев, по улицам несет слезоточивый газ, горят автомобили, повсюду летают камни, мелкая дробь, стреляют снайперы, двое погибли, несчетное количество раненых, две сотни арестованных, военные грузовики, набитые солдатами, шестнадцать тысяч спецназа против нескольких тысяч студентов, плюс деревенские парни и патриоты Юга, а вот мотив, основание и причина переполоха, один угрюмый ниггер с носовым платком на лице, чтобы защититься от слезоточивого газа.

Возьми флаг, палатку и кастрюлю.

Эту фразу Тед на самом деле и произнес. Будто в сказании о скаутском походе, несколько дней в лесах и полях.

Слева стояла вторая корзина, полная новостей, вырезанных из газет помощником. Вот Тед выставляет свою кандидатуру на выборы

губернатора в демократической гонке, предварительные выборы, на которых Аппарат Контроля позаботится о том, чтобы он пришел шестым из шести возможных кандидатов, а это смерть по всем прикидкам. Вот он со своей дорогой матушкой Шарлоттой у зала для слушаний в Оксфорде, где шелестят листвой эвкалипты и клены. Как раз тогда его пытались на якобы законном основании запереть в психиатрической клинике вместе с кучкой редкозубых придурков. Аппарат в своей наиболее жестокой фазе, прямо по коммунистическому справочнику, хочет бросить награжденного ветерана в резиновую камеру. Вот о чем снова думает генерал, леди и джентльмены, собратья-патриоты, верные сторонники Бёрча, члены Совета белых граждан, бойскауты, христиане, дорогая матушка.

В кабинете заседаний старого Сената его попросили назвать по именам членов Аппарата Истинного Контроля. Это все равно что назвать по именам частицы воздуха, перечислить молекулы и клетки. Аппарат — это как раз то, чего нельзя увидеть, чему нельзя дать имя. Его не измерить, джентльмены, и не сфотографировать. Это тайна, которую нам не понять, заговор, который не раскрыть. Хотя это не значит, что самих

заговорщиков не существует. Это избранные чиновники нашего правительства, члены Кабинета, филантропы, люди, узнающие друг друга по тайным знакам, которые управляют нашими жизнями из тени.

Но этого он не сказал. Он бормотал и ворчал в этой переполненной комнате, затем ударил репортера в лицо.

Временами я в замешательстве. Перед нами трагедии речи, трагедии человеческого тела. Существуют силы, которых нам не постичь.

Он потушил одну сигарету, взял другую. Теперь он быстро устает. Это последствия операции «Полночная прогулка», нескольких перестоев в Луисвилле, Нэшвилле, Амарилло, его поездки по центральной части страны, чтобы поднять людей, заставить их слушать. Сент-Луис, Индианаполис и так далее, и он до сих пор не пришел в себя. Пикетировать явились битники, безобразный сброд двойников Кастро, каких свет не видывал.

Настало время искоренить напасть, которая захватила остров Кубу.

Поездка утомила его, вымотала, полностью опустошила. Эти убийственные номера в отеле, нигде еще он не был настолько одинок и ли-

шен удобств. Временами я в замешательстве и растерянности, готов поддаться тоскливому отчаянию, устал подтасовывать и увиливать, скрывая свои знания и чувства. Думаю об этих нечесаных юнцах в потертых джинсах, плакатоносцах, которые выкрикивают ругательства в темноту. Под этими встрепанными кубинскими волосами скрывается мягкость. Отели. Вот где происходит перемена, он становится чужаком, мозги которого сносит на другую сторону, вслед за его истинными чувствами.

Некоторые считают, что черномазый — это загоревший белый.

Гораздо лучше было в Техасе, где он баллотировался на предварительных выборах. Толпы веселились. Толпы скандировали и пели, это были люди, полные надежды, а не изношенные души на «Полночной прогулке». Он записывал цифры, складывал доллары, но думал о флагах, которыми размахивали в залах по всему, черт побери, штату, о развевающихся знаменах, о чистых американских голосах, которые пели:

Бери чепчик голубой
С Одинокою Звездой —
И поможем Теду Уокеру идти.

Что это, петарды? Он повернулся к окну, одновременно поднимаясь со стула, но медленно, соображая. Мальчишки взрывают петарды? А мы вставили обратно сетку? Сетка на месте, он видел, и окно закрыто. Все окна закрыты, потому что работает кондиционер. Он отошел в тень, и что-то привлекло его внимание. Дырка в стене размером с полудолларовую монету. Он решил проследить, откуда это. Снова посмотрел на окно — на стекле, рядом с пересечением деревянных рам, оказались радиальные трещины. Он шагнул в тень подальше. Сигарета тлела в пепельнице. Он поднялся наверх и взял револьвер. Быстро спустился снова. Вышел в заднюю дверь и постоял в полумраке, всматриваясь, не шевелясь: впереди стена жаркого воздуха. Затем вернулся в дом и позвонил в полицию. Тогда он и заметил осколки и деревянные крошки в волосках на правой руке, прямо под закатанным рукавом, с примесью зернистых фрагментов, светлых, как песок. Он посчитал их остатками медной гильзы от пули с высокой начальной скоростью.

Он совсем не удивился. Они давно вынашивали планы, каждый элемент Аппарата Контроля тщательно готовился заставить Уокера замолчать. Именно к этому приводит стрельба в людей.

Он взял пинцет, сел в кресло и принялся снимать металл с руки, дожидаясь полицию.

Марина волновалась за Ли. Утром он сказал ей, что потерял работу. Обвинил в этом ФБР. Сказал, что они, скорее всего, заглянули в магазин и спрашивали о нем. И он поздно вернется домой. Откуда вернется? Он сказал, что у него курсы машинописи, но занятия кончились в четверть восьмого, то есть три часа назад, и вообще, сегодня среда, а по средам нет занятий.

Он хотел, чтобы она вернулась в СССР. Он не может содержать жену и дочь в Америке. Заставил ее написать в советское посольство в Вашингтоне. Не могут ли они оплатить возвращение на родину советской гражданки и ее маленькой дочери?

Она снова была беременна — так иногда судьба вмешивается в жизнь.

По крайней мере, у них был балкон, где Джун могла ползать на свежем воздухе. Когда они расстались после Форт-Уорта, она жила в полудюжине разных домов, несколько ночей в одной семье, несколько в другой. Все эти разъезды действовали на нервы. Как-то раз Ли ночевал с ней в одном из русских домов. Там был полный холодильник, электрическая открывалка для

консервов. Два телефона. Они занимались любовью при включенном телевизоре.

На Элсбет-стрит он сказал хозяйке дома, что жена — чешка.

Он ударил ее на людях, потому что боковая молния на юбке слегка разошлась. На людях.

Голландия — невероятно чистая страна. Страна ее мечты, с аккуратными домиками и чистенькими детьми.

На Оук-Клифф дешевые магазины. Она заходила внутрь с жары и бродила между полок. Сходила в обувные магазины и так называемые флотско-армейские. Бродила по узким проходам, что-то покупала, что-то оставляла, мысленно.

Возможно, они все вернутся в Россию, хотя этого ей не хотелось. Возможно, переедут в Новый Орлеан. Он рассказывал о Новом Орлеане, его родном городе, портовом городе наподобие Архангельска, где она выросла.

Он делал большую часть работы по дому и по воскресеньям приносил ей завтрак в постель. Она бессовестно могла спать до полудня. Люди дарили ей вещи, а он оскорблял их.

Он ездил на автобусе в место под названием «Поле любви», где тренировался стрелять из своего ружья. Они из-за этого поругались. Он ударил

ее, она чем-то запустила в него, он снова ударил ее кулаком, и из носа потекла кровь.

Мы покупаем продукты по вторникам.

Еще одно несчастье на ее голову — что он потерял работу. Но когда летят дни и недели, не увидать жизни. Может, им суждено поселиться в портовом городе, где дует морской бриз и есть слабый проблеск надежды.

Он никогда еще так не задерживался. Что-то подтолкнуло ее сходить к нему в кабинет. Там, на маленьком столе, за которым он писал, она обнаружила записку на русском. Пятнадцать пунктов, отмеченных по порядку цифрами, некоторые слова подчеркнуты.

Она читала быстро, буквы расплывались.

Он просил не беспокоиться о плате за квартиру. Вторым пунктом — он заплатил за квартиру. Заплатил за газ и за воду. Попросил прислать газетные вырезки (если о нем напишут в газетах) в советское посольство. Посольство придет ей на помощь, если узнает все о нем. Ей поможет Красный Крест. С работы должны денег. Сходи в банк и получи деньги по чеку. Просил сохранить его записи. Но одежду выбросить или отдать.

Одиннадцатый пункт гласил: если я выживу и меня посадят, тюрьма находится в конце моста,

по которому мы всегда ходили в центр.

Какое-то время она стояла в маленькой комнате. Затем медленно прошла на кухню, сложила записку и спрятала ее в русской книге под названием «Книга полезных советов».

Ли снова стоял у заправки «Галф» и пил колу. Рубашка прилипла к телу. Он медленно приблизился к конторе, где играло радио. Он рассчитывал, что сообщения недолго ждать. Каждый раз, когда музыка смолкала и кто-то начинал говорить, он подходил ближе к двери, ожидая взволнованных слов — *убит, мертв, при смерти,* и в груди поднимется ликование, когда передадут новости об убийстве важной персоны. Винтовка и револьвер сейчас в машине вместе с зеленым дождевиком, примерно за три мили отсюда, в гетто Западного Далласа. Он заберет их через день-другой, или когда будет безопасно.

Он сделал большой глоток, покачал бутылку, держа за горлышко средним и указательным пальцами. Что-то они задерживаются. В конторе сидели два человека в засаленных костюмах. В комнате горел яркий свет, стояли канистры с моторным маслом, на стене висел календарь с красоткой. Ли подошел ближе, стараясь делать вид, будто праздно шатается по этой окраинной

помойке.

Уже поздно. Машины больше не приезжают. По радио только рок-н-ролл. Он допил колу, сунул бутылку в ящик для пустых склянок и отправился домой по одуряющей жаре.

Джордж де Мореншильдт слушал радио в машине, все время переключая станции. Он хотел узнать свежие новости по делу Уокера. Покушение заинтересовало его. Очевидно, это самый близкий к цели промах. Пуля изменила направление, попав в оконную раму. Больше ничего полиция не сказала. Это выводило его из себя. Он жаждал развития событий. Не хотелось, чтобы этот эпизод был предан забвению.

Он ехал в «гэлакси» с открытым верхом по Оук-Клифф, Рядом сидел большой розовый кролик для малышки Джун.

Какое-то время он не видел Ли. Несомненно, Ли чувствует, что его использовали, плохо с ним обошлись, бросили. Весь набор жалоб из лексикона бедняков. Но он сам виноват. Ему нужно было поговорить с Коллингзом, по-мужски. Джордж где-то восхищался его упорством. Это своего рода благородство. И в то же время это скучно.

У него новое назначение. Джордж едет на Гаити, и Ли, конечно же, почувствует, что единствен-

ный человек, который им интересуется, сбежал. Джордж хотел открыть для себя Гаити. Он знаком с тамошним главным банкиром, что означает море возможностей. Разведка нефти, курорты, холдинговые компании. Кроме того — поставка оружия, где-то глубоко в темноте. Липовые компании вырастают из ящиков письменного стола. Множество банковских счетов, чартерные рейсы, которые невозможно проследить. Один человек из Пентагона просил Джорджа помочь с прикрытием для антикастровской операции с центром управления на Гаити.

Он отыскал Нили-стрит. Подумал о людях, которые живут в таких вот местах. Ли торчит в этой дыре, читает невнятные книги по политэкономии, туманные теории левых. Это печально, интересно, скучно, глупо. И приводит в бешенство. Джордж и подумать не мог, что один вид места, где живут Ли и Марина, выведет его из себя. В этом убожестве есть что-то неправильное и тревожное. Тут все шаткое, кустарное, кривое. Все кривое. Это отталкивало, здесь не лучше, чем в трущобах Порт-о-Пренса, и Джордж осознал, что больше не сможет забавляться обществом Ли, этого мальчика со странным прошлым и неуместным поведением.

Дверь открыли Марина и Ли. Джордж громогласно выпалил:

— Итак, друг мой. Что же вы не попали в этого сукина сына?

Он ожидал, что в ответ рассмеются. Но хозяева отступили в гостиную. В воздухе повисло напряжение. Очевидно, в их жилище эта шутка не считается смешной.

Джордж протянул им пасхального кролика и сказал, что едет на Гаити по делам, надолго, будем держать связь.

Он заметил, как Ли изменился в лице. Ему стало не по себе. У мальчика не останется никого, к кому можно прийти со своими идеями и проблемами. Марина ушла на кухню готовить чай, и Джордж рассказывал, обращаясь к ней, о том, как он видит Гаити. Отели, казино, гидроэлектростанции, пищевые комбинаты. Ли сидел на диване. На его лице появилась эта особенная улыбка, легкая усмешка, которая напомнила Джорджу комика в немом фильме, где экран темнеет вокруг его головы.

— Ну вот, наконец кто-то улыбнулся. Крайне запоздалая реакция. Я пришел к вам с шуткой, и ноль внимания. Будто здесь долина потерянных душ. Теперь я вижу улыбку. Что же вас насмеши-

ло? Прошу, поделитесь со мной.

— Я послал вам фотографию, — сказал Ли.

— Какую?

— Если посмотреть на такую фотографию, то, наверное, можно понять о человеке то, чего не понимал раньше.

— Весьма загадочно, — произнес Джордж.

— И, наверное, можно увидеть правду об этом человеке.

По дороге домой Джордж думал о плотном расписании встреч в Нью-Йорке и Вашингтоне, подготовке к различным сторонам путешествия на Гаити. Горное бюро, «Леман Трейдинг», «Чейз Манхэттен», «Ганноверский производственный трест», Пентагон, Администрация международного сотрудничества, ЦРУ. На самом деле последний пункт — просто обед со старым другом из Управления, Ларри Парментером, персонажем залива Свиней, но в других отношениях достойным и приятным человеком, который понимает толк в винах.

Он сел за стол и принялся читать письма, накопившиеся за три дня. Вот конверт от Ли Освальда. Внутри только снимок. На нем Ли, одетый в черное, в одной руке винтовка, в другой какие-то журналы. Это интересно или скучно?

Джордж посмотрел на обратную сторону. Там оказалась надпись: *«Моему другу Джорджу от Ли Освальда»*.

Джордж взглянул на штамп. 9 апреля. За день до покушения на генерала Уокера.

Он посмотрел на вторую надпись. По-русски, явно Маринин почерк, и, очевидно, записано без ведома Ли, тайком, до того, как он запечатал и отправил конверт — личное послание жены позера умудренному старшему другу.

«Охотник на фашистов — ха-ха-ха!!!»

6 сентября

Уэйн Элко сидел у окна хижины в болотах к западу от Нового Орлеана. В окнах не было стекол, только пыльный пластик, и он видел, как трое расплывчатых мужчин стреляют по мишени среди ив и кипарисов.

Тут и там были разбросаны и другие хижины, которые заняли отдыхающие, приехавшие на выходные ловить лягушек и раков.

Утренний туман. Выстрелы звучали тихо, где-то далеко, хлопки пугача в тяжелом воздухе.

Дэвид Ферри, личность притягательная, остроумный кукловод, стрелял по консервным банкам из винтовки 22 калибра.

У толстобрюхого кубинца Раймо имелся модифицированный винчестер, который он любил разбирать и собирать, прочищал дуло, шкурил ложу.

Третий человек по имени Леон дергал рукоятку затвора Древнего карабина, целился, стрелял, дергал затвор.

Это новый лагерь, разбитый наспех, объяснял Ферри, отсюда и недостаток комфорта. Нормальная стоянка была в Лакоме, ближе к Новому

Орлеану, где множество антикастровских группировок обучались партизанской тактике, пока не нагрянули федералы и не захватили огромный склад динамита и обрешеток с бомбами. Это же место должно оставаться маленьким и незаметным. Никому ни слова. Аккуратнее со средой обитания. Выжидать момент.

Уэйн подумал, что эти правила граничат с мистикой.

Он знал, что они здесь не только затем, чтобы стрелять. Ти-Джей хотел их изолировать. Особенно Уэйна и Раймо Дело само по себе требовало дисциплины, и ему нужно, чтобы его стрелки были надежно укрыты там, где он может их найти.

Уэйн в «ливайсах» стоял снаружи, голая грудь бледная, с выступающими венами. Он отрастил над шеей волосы, крысиный хвостик, который старательно подвязывал. Прошелся босиком по влажной земле. Приближается гроза, в воздухе неподвижность и металлический свет, давление растет. Птицы щебечут испуганно и пронзительно.

Фрэнк Васкес вернулся в Эверглейдс шпионить за «Альфой-66».

Остальные разговаривали рядом с упавшим деревом. Уэйн носил в кожаных ножнах на ремне

охотничий нож, просто для виду. Ферри улыбнулся, заметив его босые ноги.

— Вот идет бесстрашный человек.

— Никогда не понимал, почему люди боятся змей, — ответил Уэйн. — Какой от них вред? Меня они ни разу не тронули. Я встречал змей, и меня ни разу не тронули.

— Дело не в том, что они тронут, — сказал Раймо. — Дело в том, как бы не наступить. Когда не видишь, куда наступаешь.

— Щитомордник, — произнес Леон.

— У меня первобытный страх, — сказал Ферри. — Все мои страхи первобытные. Это заложено в структуре мозга. Там хранятся миллионы лет страха.

Он носил помятую широкополую шляпу, выразительные брови казались нарисованными над глазами, будто клоунские. Он протянул Уэйну винтовку. Все смотрели, как он направился к покосившемуся причалу и забрался в ялик. Его машина стояла на грязной дороге примерно в полумиле вниз по течению, и ялик был единственным средством добираться туда и обратно.

Они стреляли навскидку по мишени-силуэту, которая когда-то принадлежала ФБР. Затем поднялись к длинной хижине поесть.

Первые капли дождя застучали по настилу, тяжелому, с большими прорехами. Все сидели за столом и говорили о работе, подработке, сезонной работе. Уэйн рассказал, как чистил бассейны в Калифорнии, Леон описал некий радиозавод, токарные станки и шлифовальные машинки, пол, залитый маслом, въевшиеся в руки рабочих черные пятна. Раймо говорил о руках рубщиках тростника, усеянных шрамами, липких и темных от сока.

В первый раз за все время Уэйн услышал от Леона больше двух слов. Он не знал, кем Леон здесь является, ясно только, что он — некая особая деталь с собственной резьбой. Он приходил и уходил, при нем был итальянский карабин. Казалось, остальные держатся от него на некотором расстоянии, будто он святой или заразный.

Говорили о тюрьмах, в которых сидели.

— Я раньше считал, что самое великое в Кастро — то время, которое он провел в тюрьме, — сказал Раймо. — Он сидел и на Кубе, и в Мексике. Я говорил, что это честь для сильного мужчины. Если его посадили за взгляды, то выходит он оттуда с достоинством. В тюрьмах же самого Кастро все совершенно по-другому. Мы вышли из «Ла Кабаньи», полные гнева и отвращения. Мы были

червями ЦРУ.

— Меня посадили в тюрьму, когда я служил, — сказал Леон.

— За что?

— Из-за политики. Как Фиделя. Провел ночь в кутузке в Новом Орлеане, месяц назад. Из-за политики.

— Я сидел в тюрьме три дня, — сказал Уэйн. — Наш катер перехватили через десять минут, когда мы отплыли от Флорида-Киз. Нарушение пакта о нейтралитете. Нас вытащил Ти-Джей. Как-то все уладил. Обвинение сняли, все чин чинарем.

— Кастро провел в одиночной камере четырнадцать месяцев, — сказал Раймо. — Читал Карла Маркса. Всех русских прочитал. Говорил нам, что читал по двенадцать часов в день. В темноте. Постоянно учился, анализировал. Через несколько лет я видел, как расстреливали людей, которые сражались вместе с ним в горах.

— Из истории ясно, что Человек должен сидеть за свои убеждения, — сказал Леон. — Это необходимый этап эволюции каждого движения, которое выступает против системы. В конечном счете убеждения человека формируются в настоящей борьбе.

— Я много об этом думал, — ответил Раймо. — И

скажу о своих убеждениях. Я верил в Соединенные Штаты Америки. Эта страна безупречна. Великая страна, выше Бога. Как можно проиграть, когда за спиной великие Штаты? Нам все время говорят, говорят, обещают, раз за разом. За нами целая армия. Мы высаживаемся на пляжи и верим, что нас прикроют с воздуха, защитят с моря. Немыслимо, чтобы мы проиграли. За нами Штаты. И что в итоге? Мы оказываемся среди болот, забытые и голодные, уже жрем кору деревьев, и тут по радио передают: «Внимание, бригада, филин ухает в амбаре».

Смеясь, Раймо обвел взглядом лица сотрапезников.

— «Завтра, братья мои, хромой ребенок заберется на гору».

Засмеялись все.

— Они разоружили нас, связали руки одной большой цепью, посадили в кузов и отправили в ближайший военный лагерь. Тут над нами пролетел самолет, и я крикнул своим парням: «Не стрелять, ребята, это наш».

Его глаза были злыми и радостными. Он перевел взгляд с Леона на Уэйна и обратно, криво усмехнулся и ударил по столу кулаком. Оловянные тарелки подпрыгнули. Когда все снова

замолчали, он минуты две смотрел на свое домашнее жаркое с яйцами. Затем пригладил усы указательным пальцем и принялся за еду.

— Мы действительно жрали кору деревьев, — снова заметил он, на этот раз без возбужденного блеска в глазах, медленно жуя пищу.

Позже они заметили Ти-Джея — тот шел под ливнем с порывистым ветром. Деревья гнулись за его спиной. На правом плече он нес один вещевой мешок, под левой рукой — второй. Войдя, развязал мешки. В одном оказались два кожаных чемодана, во втором — еще один. У каждого чемодана была подкладка из бильярдного сукна, в каждом лежало по две мощных винтовки. Мужчины взвешивали оружие, бормотали, передавали из рук в руки. Пластик на окнах вздымался и хлопал.

— Прицелы в машине, — сказал Ти-Джей.

Они сели и принялись обсуждать оружие. Уэйн считал, что оружие рождает дружбу. Возможно, это парадокс, возможно, нет. Его жизненный опыт и кинофильмы говорили, что мир может стереть дружеские узы. Это был урок самурая. Истина в действии, и эта истина колеблется, когда кончается бой, и деревенские жители могут спокойно идти и сажать рис. Мы вновь выжи-

ли, мы вновь проиграли, говорит герой в «Семи самураях».

Вода все еще стекала по лицу Ти-Джея. Он сидел в луже, поставив правый локоть на стол, и все время сжимал и разжимал кулак. Он говорил больше, чем Уэйн когда-либо слышал от него. И Раймо говорил. Оружие — это язык и память. Уэйн краем уха услышал диалог Ти-Джея и Леона: в том смысле, что Леон не будет стрелять из новых винтовок. Он возьмет «маннлихер», с которым пришел в лагерь. Было ясно, что с этим согласны оба.

Хижина содрогалась от ветра. Они говорили часами, рассказывали забавные и кровавые истории. Уэйн чувствовал себя легко и приятно, словно Иисус на лунном лучике.

Фрэнк Васкес ехал в штат Миссисипи за рулем машины Раймо — «бель-эйр» decrépito.[15] Водить машину ему было не по душе. Он педантично соблюдал ограничения скорости и напрягался, когда появлялись дорожные знаки, — он не всегда понимал символы и боялся, что с ним что-нибудь случится. После Майами он дважды попадал в переделку. Дважды путал дороги. Провел ночь в

---

[15] Примечания: 15
Зд.: развалюха *(исп.).*

мотеле, где на парковке завязалась драка, сцепились четверо или пятеро, тяжело дыша, гравий хрустел у них под ногами, в белом автомобиле с открывающимся верхом плакала женщина. Это случилось где-то рядом с Пенсаколой.

Он не привык быть в Штатах один, вдали от людей, говорящих по-испански, без Раймо.

Он вез новости для Ти-Джея. «Альфа» планирует крупную операцию. В Майами, в ноябре. Сначала он не мог понять, в чем суть этой миссии, но догадывался, что раз дело будет происходить в американском городе, а не в кубинском порту или на нефтяном заводе, то готовится нечто особенное.

Фрэнк провел две с половиной недели в лагере «Альфы» у Трассы 41 вместе с парнями из других групп и отделений, — бег по полосе препятствий через сосняки. Как-то он подошел к генеральному секретарю «Альфы». Этот человек хотел, чтобы Мэкки участвовал в операции, которая в итоге будет местью за провал на Плайя-Хирон. Мэкки пользовался огромным уважением. Лидеры операции считали, что он должен приложить руку к этому действу.

Место и время не назывались. Фрэнк догадался по разговору в целом. Этот лагерь угнетал его. Он

терпеть не мог строевую подготовку и стрельбу. Предводители «Альфы» носили темные очки, военные ботинки, береты, несерьезные бороды. Если эти люди настолько ярые антикастровцы, почему они хотят быть похожими на Че Гевару?

Он помнил, как Раймо рассказывал, что после битвы в Сьерре явился Че на грязном муле, говорить с пленниками. И что они сделали в первую очередь? Попросили автограф. Тогда все и узнали, что Батисте пришел конец.

Фрэнк вспомнил горы. Густой зеленый покров, туман клубился с вершин, растворялся на определенной высоте, снова клубился. Дождь не прекращался. Они жили в бараках под камуфляжными сетками, иногда в грязи, и он размышлял о той идее, за которую сражался. Честь кубинского народа. Справедливость голодающим и забытым. С самого первого дня он знал, что не останется. Он не бунтовщик, ни духом, ни телом. Он обычный человек.

Мать, творец его жизни, встретила его дома печальным смехом.

Фрэнк учил с первого по шестой класс, часто — по два сразу, в школе на окраине фабричного города. Компания называлась «Юнайтед Фрут», два его брата были там прорабами на полях

сахарного тростника, жили вместе с женами и детьми, каждая семья в комнате десять на десять, в двойном ряду из десяти комнат, все объединены в одно длинное здание на пятифутовых столбах. Рубщики тростника и их семьи жили под этим зданием в низких лачугах, сделанных из картона и Дерюги.

Трудно было не заметить, что американское руководство «Ла Юнайтед» располагалось в хорошо обставленных изящных домах на улицах, обсаженных кокосовыми пальмами. Фрэнк обвинял правительство, не компанию. Он надеялся, что его братья уйдут с полей и станут квалифицированными рабочими на большой фабрике. «Ла Юнайтед» не была глуха к такому понятию, как амбиции. Можно было вырасти от простого работника до управляющего или инженера. Получить две комнаты в доме на улице, которую освещают по ночам. Американцы ценят тех, кто знает свое дело, у кого работа спорится. Человек вполне мог продвинуться.

Затем начался мятеж, который устроили его бывшие товарищи, решив поджечь тростниковые поля. Такова историческая традиция Кубы. Кто бы ни затевал мятеж, он начинает с того, что поджигает тростниковые поля. Высказываются

против экономической зависимости и засилья иностранцев. Фрэнк смотрел на горящие поля и понимал, что за этим стоят коммунисты. Потому он их и боялся. Есть нечто большее, есть то, чего мы не знаем. Пламя рвалось сквозь заросли тростника. Частную полицию «Ла Юнайтед» давно свернули.

В Гаване он вместе с сотнями других стоял в очереди у американского посольства — сдавать документы на визу. А теперь он ехал по дороге рядом с границей Луизианы, прямо к грозовому фронту.

На четвертый день пребывания у Кастро Фрэнк застрелил правительственного разведчика, глядя через оптический прицел. Это было жутковато. Нажимаешь спуск, и в сотне метров от тебя падает человек. Все показалось ненастоящим и далеким, будто понарошку. Трюк с линзами. Вот человек, четкая картинка. Вот он вверх ногами. Вот снова перевернулся. Стреляешь по череде изображений, которые передает тебе металлическая трубка. Смерть — огромная сила, но как узнать, что за человека ты убил, кто из вас храбрее и сильнее, если приходится смотреть через слои стекла, которые приближают картинку, но делают мутным значение самого поступка? На

войне есть совесть, или это просто убийство?

Фрэнк знал, что планирует «Альфа». Он долго думал, и вряд ли оЩибся. Выяснив, что президент собирается в Майами, он понял — вариантов нет.

Его братья тоже сбежали от Кастро, позже, с риском для жизни переправились на плоту из нефтяных бочек к Ки-Уэст.[16] Они тоже вернулись на десантных судах, одного убили прямо на пляже, второго схватили и отвезли в крепостную тюрьму, где он тихо умер от голода; то была его прилюдная молитва, протест против избиения и казней.

Темпераментные мужчины, изгнанники, борцы с коммунизмом взлетели с Флорида-Киз на «сесснах» и «пайпер-команчах» и сбросили зажигательные бомбы на кубинский сахарный тростник. Снова горели поля.

И теперь, по дороге далеко на Юг, он увидел то, что демонстрировало, насколько глубоко и странно ненависть к нынешнему президенту проникла в определенные культурные слои, в повседневную жизнь. В первый долгий день путешествия он по ошибке заехал в Джорджию

---

[16] Примечания: 16
Самая южная точка США.

и миновал кинотеатр для автомобилистов, где показывали фильм о молодом Кеннеди, герое войны. Назывался он «Торпедный катер 109»,[17] и под заглавием на вывеске кто-то вдохновляюще подписал: «Смотрите, как япошки чуть не прикончили Кеннеди».

Знаки, что попадались ему по пути в Штаты, пугали не на шутку. Вот Луизиана под проливным дождем. Он расскажет Ти-Джею обо всем, что видел и слышал в лагере «Альфы-66» в Глейдс. Вывод сделать несложно. Объект миссии — Кеннеди.

Глубоко в душе Фрэнк жаждал его смерти, хоть и знал, что это грех.

Куратор прислал фотографии вскрытия Освальда. Николас Брэнч чувствует себя обязанным изучить их, хотя не представляет, как они могут помочь. Открытые глаза, большая рана слева, два крупных шва сходятся под ключицей и спускаются в одну линию к гениталиям, образуя букву Y. Левый глаз повернут к объективу, смотрит.

Куратор прислал результаты баллистической экспертизы человеческих черепов, козлиных туш и кубиков холодца из конины. Фотографии чере-

---

[17] Примечания: 17

«Торпедный катер 109» (1963) — биографический художественный фильм американского режиссера Лесли Мартинсона о службе Джона Кеннеди во время Второй мировой войны.

пов с отстреленной правой частью. Разорванные пулей козлиные головы, крупным планом. Брэнч изучает снимок модели из холодца, «одетой» как президент. Настоящая модернистская скульптура, кусок желатина, обернутый в ткань костюма и рубашки, из-под них выглядывает майка, закопченная от выстрела. Есть документы, в которых обозначена скорость пули на выходе. Есть снимок человеческого черепа, заполненного желатином и покрытого козлиной шкурой, имитирующей скальп.

Куратор прислал заметки ФБР о мозге президента, пропавшего из Национального архива двадцать лет назад.

Прислал настоящую покореженную пулю, которой в качестве проверки стреляли в запястье сидящего трупа. Мы перешли на новый уровень, думает Брэнч. За пределы документов. Они хотят, чтобы я *трогал и нюхал.*

Он не знает, зачем после стольких лет ему шлют эти жуткие материалы. Раздробленные кости и ужас. Вот все, что он видит. Там нечего понимать, никаких открытий не сделать по этим снимкам и цифрам, по этой несчастной пуле с расплющенным кончиком, словно ее раскатали, как пенни на рельсах. (Какой же он уже старый…)

Кажется, будто окровавленные козлиные головы смеются над ним. Он начинает думать, что в этом весь смысл. Они тыкают его лицом в кровь и грязь. Насмехаются. Фактически говорят ему: «Вот, смотри, вот истинная картина. Это и есть твоя история. Вот тебе размозженный череп, подумай над ним. Вот свинец, пробивающий кость.

Смотри, прикасайся, вот истинная природа события. Не твои красивые двусмысленности, жизни главных игроков, сочувствие и печаль. Не комната, полная теорий, не твой музей противоречивых фактов. Здесь никаких противоречий. Все очень просто. Вот лежит человек в морге. Из козлиной головы сочится элементарное вещество.

Вот что случается, когда стреляют».

Но как Брэнч может забыть о противоречиях и несоответствиях? В них душа своенравной повести. Одним из первых документов, которые он изучил, был медицинский отчет о пулевом ранении рядового первого класса Освальда. В одном предложении говорилось об оружии 45-го калибра. В следующем — 22-го калибра. Факты одиноки. Брэнч видел, как пафос липнет к самым надежным фактам.

Глаза Освальда то серые, то голубые, то карие.

Рост то пять футов и девять дюймов, то пять и десять, то пять и одиннадцать. То он правша, то левша. То он водит машину, то нет. То он снайпер, то мазила. Все эти предположения подтверждаются показаниями очевидцев и вещественными доказательствами.

Даже на фотографиях Освальд выглядит по-разному. Крепкий, хилый, тонкогубый, с широким лицом, открытый, застенчивый, похож на банковского клерка — и ко всему этому мощная шея футбольного защитника. Он похож на всех. На одном армейском снимке он суровый убийца, на другом — герой с кукольным лицом. Еще на одном снимке он сидит боком вместе с товарищами-пехотинцами на плетеной подстилке под пальмами. Четыре или пять человек смотрят в камеру. Все похожи на Освальда. Брэнчу кажется, что они больше похожи на Освальда, чем сидящий в профиль человек, который официально им считается.

Оттенки Освальда, множество картинок, разброс представлений о нем — цвет глаз, калибр оружия — предвещают то, чему суждено произойти. Нескончаемый обвал фактов этого расследования. Сколько выстрелов, сколько стрелков, сколько направлений? Крупные события пле-

тут собственную сеть нестыковок. Простейшие факты ускользают от заверения их подлинности. Сколько ран на теле президента? Какого размера и формы эти раны? Вновь появляется размноженный Освальд. Не он ли это на фотографии, среди толпы на ступеньках книжного склада, когда началась стрельба? Пугающее сходство, признает Брэнч. Он все признает. Он во всем сомневается, даже в основных предположениях, которые мы строим о нашем мире света и тени, твердых тел и простых звуков, сомневается в нашей способности измерять подобные вещи, определять вес, массу и направление, видеть вещи такими, какими они являются, четко вспоминать их, рассказывать, что произошло.

Он спасается своими заметками. Эти заметки становятся самоцелью. Брэнч решил, что еще рано прилагать усилия и превращать их в связный рассказ. Возможно, рано будет всегда. Потому что данные все поступают и поступают. Потому что в записях постоянно появляются новые жизни. Прошлое меняется по мере того, как он пишет.

Каждое имя отсылает его странствовать по карте Далласского лабиринта.

Джек Руби — урожденный Джейкоб Рубинштейн. Взял себе второе имя «Леон» в честь друга,

Леона Кука, убитого во время трудового спора.

Есть несколько версий имени Джорджа де Мореншильдта. Иногда он пользовался вымышленным именем Филип Харбин.

Кармине Латта — урожденный Кармело Росарио Латтанци.

Уолтер Эверетт во время своей подпольной деятельности пользовался псевдонимом Томас Р. Стейнбэк.

Ли Освальд использовал около дюжины имен, в том числе свое, написанное задом наперед — О.Х. Ли, а также странное имя Д.Ф. Дриктал. Последнее он вписал в графу «поручитель», когда заполнял бланк заказа на револьвер, приобретенный по почте. Много часов Брэнч трудился над внутренней структурой этого имени. Он казался себе ребенком, который из кубиков с буквами пытается составить целое слово. И удалось отыскать части имен Фиделя, Кастро, Освальда и Дюпара. Возможно, Д.Ф. Дриктал — натужное слияние вымышленных и живых персонажей, слов и политики, свидетельство решения убить генерала Уокера. Интересно, обратил ли Освальд внимание на то, что имя генерала и первая буква второго имени совпадают с таковыми Эдвина А. Экдала, отчима Ли, человека, которого Маргарита

Ли обвиняла не переставая?

Далласского диск-жокея, известного как Скирда-Борода, звали Рассел Ли Мур, а также он пользовался именем Расс Найт.

Человек, называвший себя Алексеем Кириленко — его псевдоним в КГБ, — на самом деле Сергей Брода, согласно записям, присланным Куратором.

После нескольких запросов Брэнч узнал от Куратора, что Теодор. Дж. Мэкки, известный как Ти-Джей, — урожденный Джозеф Майкл Хорниак, в последний раз его видели в Норфолке, Вирджиния, в январе 1964 года, скорее всего, с проституткой, возможно, азиатского происхождения, имя неизвестно.

Мэкки сидел в машине и слушал Фрэнка Васкеса. Фрэнк был возбужденный и уставший. Пересказал все три раза подряд, полностью передал точные слова и жесты лидеров «Альфы». Обоих мужчин окружала топкая ночь, машина с выключенными фарами стояла ниже по течению от хижины, лягушки устроили концерт.

Фрэнк сделал вывод, что «Альфа» готовится убить президента. Казалось, он сомневался, что Мэкки поверит ему. Но поверить было несложно. В нынешние времена Мэкки не удивлялся ниче-

му, даже тому, как легко Фрэнк попал в лагерь «Альфы» и ушел оттуда, собрав множество слухов и новостей.

«Альфа» не славилась застенчивостью или строгой секретностью. Они устраивали пресс-конференции, где объявляли о своих налетах на кубинские объекты и советские грузовые суда. В один из набегов они взяли с собой фотографа из «Лайф». Десять человек на две лодки. Миссию и снимки испортила буря, но «Лайф» все равно напечатал статью. Бравые парни из «Альфы». В Южной Флориде несметное количество членов «Альфы», преданных, нагло орущих о себе.

— Ти-Джей, и ты тоже все это время планировал прикончить Кеннеди?

— Просто его время пришло.

— Вряд ли можно так легко убить американского президента. В Майами у него будет куча охраны. Это ведь не какая-нибудь маленькая столица, где можно явиться во дворец и подкупить охранников несколькими долларами.

— Препятствий больше нет, Фрэнк. Когда Джек велел прикончить Кастро, он сам себя бросил в море крови и боли. Никто не заставлял его жить там. Он со своим братом Бобби сам это выбрал. Так что нас ведет собственная затея Джека. И

однажды затея попадает в цель.

— В общем-то, я хотел бы видеть, как это случится.

— А это, скорее всего, случится.

— Кто-то должен ответить за Кубу.

— Мы с тобой жаждем этого, Фрэнк.

— И все укажет на Кастро. Скажут — вот кто это сделал. Вот кто подослал людей.

— Этого мы и ждем. Но даже если все шестеренки не зацепятся, мы по крайней мере получим свое. Кто-то должен умереть. И мы склоняемся к мысли, что это Джек.

— Прямо как в «Альфе». Там тоже говорили — кто-то должен умереть.

— Они больше не могут сдерживаться.

— Мы пойдем с ними?

— Почему бы и нет, собственно?

— Ты считаешь, что они смогут это провернуть?

— Они переплывают море и взрывают русские корабли. Что для них, черт побрал, человек в открытой машине?

Фрэнк хотел немного поспать.

— Кто сейчас в лагере? — спросил он.

— Раймо, Уэйн и один гость. Не болтай с ним особенно. Так, улыбнись, пожми руку.

Освальд хочет, чтобы его путь проследили, узнали его имя. У него свои планы. Спасительная гавань на Кубе для героя. Он хочет стрелять из винтовки, по которой его легко можно выследить через Хайдела. Мэкки был осторожен. У парнишки головокружительное прошлое, и он ведет некую зеркальную игру с Ферри в Новом Орлеане. Левое — это правое, правое — это левое. Но по прежнему соответствует той схеме, которую полгода назад разработал Эверетт. Имеются поддельные документы, социалистическая литература, оружие и вымышленные имена. Он — деталь исходного плана, который все еще имеет смысл.

Мэкки осветил фарами ялик. Фрэнк забрался в него, включил охотничий фонарь, и лодка медленно поплыла по ряске между упавших стволов.

Мэкки снова окружила темнота.

Самые дерзкие вылазки «Альфы» координировались людьми из Управления. «Альфой» руководит ЦРУ Это люди, которых Мэкки не знает вообще. И не факт, что их знают лидеры «Альфы». Приходит некий оперативный сотрудник, приносит деньги и советует, какую диверсию совершить. Его контакты ограничены одним или

двумя людьми «Альфы». Они не знают ни его имени, ни должности в Управлении. Всегда есть то, о чем не дают знать. «Альфой» управляют, будто сонной лечебницей. Управление разрабатывает видение, затем «Альфа» воплощает его в жизнь.

Слишком много людей, слишком много уровней плана. Мэкки должен уберечь этот замысел не только от «Альфы», но и от Эверетта с Парментером. Они могут выложить карты на стол, ведь он скрылся из виду, оставил их наедине со своими тайнами. Еще есть Банистер и Ферри, и люди, которые распоряжаются наличными. Он должен уберечь замысел, спасти его от предательства.

Он отмахнулся от назойливого жужжания около уха. Москиты — переносчики болезней. Он выбрался из машины и прислушался. Что-то не так. Затем услышал шум в кронах деревьев, усиливающийся с порывами ветра. Он не сразу понял, что это просто капли стучат по листьям, дождевую воду срывает ветром, и она падает с листа на лист, повсюду вокруг него.

Его машина стояла рядом с автомобилем Раймо. Три часа езды до Нового Орлеана, где он поговорит с Банистером об «Альфе-66». Пусть все знают. Пусть расскажут всем.

Мэкки бросит все силы на Майами. Бросит туда

людей и оружие. Согласится на совместные действия с «Альфой». Зальет фундамент. Приведет в движение людей и деньги. Девятнадцатое ноября в Майами. Он построит фасад Майами.

В Новом Орлеане

Прежде всего он поехал на автобусе до конца линии Лейквью, на могилу отца. Сторож помог найти надгробие. Он стоял там в жаре и на свету, не зная, что ему чувствовать. Представил себе мужчину в сером костюме, страхового агента «Метрополитан Лайф». Затем вспомнились сотни отдельных событий. Как гонял на велосипеде по городскому парку. Каждую пятницу — ужин из морепродуктов у тети Лилиан, ему было одиннадцать, и он сам приезжал на поезде из Техаса. Прятался в задней комнате и читал комиксы, пока его двоюродные братья дрались и играли.

Мужчина в сером костюме, который прикасается к шляпе, приветствуя дам.

На поребрике Экскчейндж-Элли сидел негр и брился, глядя в зеркало заднего вида припаркованной машины. Кружка и помазок стояли рядом на тротуаре.

Ли поискал фамилию «Освальд» в телефонной книге — нет ли забытой родни.

Ли пытался найти работу. Он лгал на всех собеседованиях. Лгал по поводу и без. Придумывал адреса, по которым жил, рекомендации и

прошлые места работы, сочинял насчет своей квалификации, записывал названия несуществующих компаний, или существующих, но в которых он не работал.

Человек, проводящий собеседование, отмечал на карточке: «Костюм. Галстук. Вежлив».

Марина сидела в кресле на крытом боковом крыльце, держа в руке стакан «Доктора Пеппера», который не допил Ли. Уже почти полночь, но до сих пор ужасно влажно и жарко. Они жили теперь в трехкомнатной квартире, в каркасном доме с какой-то завитушкой на крыше и сорной растительностью спереди и по бокам.

Ли куда-то ушел выносить мусор. Они не могли себе позволить мусорный бак, поэтому три раза в неделю он незаметно выбирался из дому по вечерам и засовывал мусор в баки соседям. Надевал он при этом свои старые баскетбольные шорты или шорты одного из братьев и, голый по пояс, рыскал по кварталу 4900 на Магазин-стрит в поисках бака.

Сейчас она смотрела, как он возвращается по соседскому проулку, который как раз вел ко входу в их часть дома. Ли поднялся на крыльцо и взял у нее стакан. Голоса из телевизора разносились по задним дворам и переулкам.

— Сижу вот и думаю — он больше меня не любит.

— Папа любит свою жену и дочку.

— Он считает, что я связываю его, будто веревка или цепь. Это видно по нему. Он живет в высоком мире своих идей. Если бы не жена на шее, мир был бы совершенен.

— Здесь мы начнем все сначала, — ответил Ли.

— Все думаю — он хочет, чтоб я вернулась в Россию. Вот что для него значит «начать сначала».

— Есть такая мысль насчет России. Я еще обдумываю другую — угнать самолет, улететь на Кубу, а потом приедете вы с Джун.

— И ты застрелил человека.

— Возможно, мы с ним еще не покончили.

— Он для меня умер.

— На Кубу запрещено ездить.

— И для тебя умер. Ты оставил мне записку.

— Маленькой Кубе нужны обученные солдаты и советники.

— Напугал меня до смерти. А теперь хочешь угнать самолет. И кто поведет его?

— Дура. Летчик. Я угоню самолет. Это будет рейс в Майами, я возьму револьвер и войду в пилотскую кабину. Она так называется — пилотская кабина.

— Ну и кто из нас дурак?

— Возьму мой тупоносый револьвер. Мой двухдюймовый «коммандо».

Марина невольно рассмеялась.

— Я захвачу самолет и прикажу доставить меня в Гавану.

Теперь засмеялись оба. Они по очереди пили теплую газировку. Затем он прошелся по дому с аэрозольным баллончиком, опрыскивая тараканов. Марина наблюдала за ним из дверей. Тараканов у них было очень много, чрезвычайно много. Она сказала, что дешевым аэрозолем тараканов ни за что не вывести. Прошла за ним в кухню, говоря, что тараканы пьют эти дешевые морилки и плодятся. Он опрыскал плинтусы, тщательно, с точностью, чтобы не пролить ни капли.

Следующим вечером он повел ее во Французский квартал, и домой они ехали на трамвае. Туристы поглядывали на русскоговорящую пару. Новоорлеанская экзотика.

Они занимались любовью на узкой кровати, закрывшись в комнате. Он чувствовал, что ей хочется еще, еще чего-то — еще тела, денег, вещей, развлечений, и он таинственным образом понимал это по ее движениям, в эти живые мгно-

вения.

Ему платили полтора доллара в час за смазку кофейных автоматов. Ремонтник жаловался, что не может прочесть записей Ли в смазочном журнале. Жаловался, что не может найти Ли, что за ним приходится бегать по всему зданию. А Ли выставлял вперед указательный палец, поднимал большой и стоял так мгновение. Затем опускал большой палец и говорил: «Бах!»

Главного здания библиотеки на Ли-Сёркл больше не было. Пришлось спрашивать, где теперь новое. Он пошел на север, затем на восток и, отыскав здание, вынул из конверта плакат и развернул его. По углам листа проделаны дырки, в них вдета бечевка. Он повесил плакат на шею, остановился у входа и принялся раздавать памфлеты, которые получил по почте от комитета «Справедливость для Кубы».

Ли надел белую рубашку с коротким рукавом и черный галстук. На плакате он написал карандашом: «Viva Fidel».

Где-то через полторы минуты примчались федералы. К нему неторопливо подошел человек, улыбаясь так, будто встретил друга после долгой разлуки. Его звали агент Бейтман.

— Честное слово. Я не собираюсь вас беспоко-

ить или арестовывать. Давайте где-нибудь сядем и поговорим.

Они направились в жалкого вида забегаловку у автовокзала «Трейлуэйз». Стоял ранний субботний вечер, внутри никого не было. Они сели у стойки, и какое-то время изучали меню на стене. Агент Бейтман, наверное, был моложе, чем показался с первого взгляда, — со своей удлиненной головой и намечающейся лысиной он походил на школьного учителя или преподавателя естественных наук из телесериалов.

Одно у него было хорошо — ботинки, которые сияли на все четыре измерения.

— У нас в местном отделении есть на вас досье. А я — тот, кто им занимается.

— Вы ведете на меня досье?

— Со времен вашего дезертирства. Нам присылают запросы, поскольку вы здесь родились.

— Я люблю высокие потолки в старых домах и виргинские дубы.

— Потому вы и вернулись сюда?

— Со мной уже беседовал агент Фрейтаг.

— То было в Форт-Уорте. А я в Новом Орлеане.

— Россия для меня закончилась. Это было давно. Почему я не могу спокойно жить, чтоб никто ко мне постоянно не лез?

— У меня есть одна теория. Знаете, в этом мире нет ничего сложнее, чем жить обычной жизнью. Это самое трудное, осмелюсь сказать.

— Что вы хотите? — спросил Ли.

— В данный момент? Сэндвич с поджаренным сыром и хрустящим беконом, что невозможно, поскольку они поджаривают все вместе, и сыр готов раньше, чем бекон. Закон физики. И получается бледный дырчатый бекон. Я знаю о вашей переписке с комитетом «Справедливость для Кубы» в Нью-Йорке и Социалистической рабочей партией, и так далее. Обычный перехват писем. Я могу потратить часа четыре в день, чтобы испортить вам жизнь. Буду ходить к вам на работу. Буду выписывать повестки, чтобы вас, вашу жену и родственников допрашивали и еще раз допрашивали до скончания века.

Плакат по-прежнему висел на шее Ли.

— Или же посидим и поговорим о наших общих интересах. Например, вам же хочется продолжать политическую деятельность, и чтобы никто не докучал каждый божий день.

— А вам чего хочется?

— Сейчас принимаются жесткие меры. Эти антикастровцы отбились от рук. Есть группа под названием «Альфа-66», которая совершает мол-

ниеносные налеты на советские суда в кубинских портах. В Вашингтоне очень недовольны. Это создает неудобства для правительства, и там намерены остановить их. В Бюро поступил приказ собрать сведения против группировок, которые переправляют оружие и совершают набеги.

Ли пришло в голову, что этот человек считает, будто он выполнял какую-то работу для агента Фрейтага в Форт-Уорте. Должно быть, в досье указано, что он марксист, готовый сотрудничать, ха-ха, или же политический информатор по совместительству.

— У нас в городе есть детективное агентство, — продолжил Бейтман. — Оно является нервным центром антикастровского движения этого района. Во главе офиса человек по имени Гай Банистер. Бывший фэбээровец. В общем-то, мы с ним по одну сторону. Постоянно обмениваемся информацией. Но иногда есть необходимость что-то поменять тут или там. Я хочу проникнуть в организацию Гая Банистера. Мне нужна щелка, трещина в стене. Кстати, хочу спросить. Вы поехали в Россию от морской разведки? Я знаю, что с пульта в Форт-Уорте туда ушло сообщение.

— У них была программа засылки ложных дезертиров.

— Вписывают людей. Об этом я знаю.

— В морской разведке есть «серые зоны». Я как раз из такой.

Видимо, Бейтман оценил его замечание.

— Так и надо, — сказал он, — потому что в нашем городе настали времена, когда белое — это черное, и наоборот. Другими словами, люди переворачивают все понятия с ног на голову. — В голосе его послышалось воодушевление. — Банистер вербует студентов. Его студенты пробираются в лагеря и наблюдают за действиями левых. Вы в студенческом возрасте. Вам знаком язык правых и левых. Вы знаете, что такое Куба.

— То есть я прихожу к Банистеру и прошу дать мне задание, а на самом деле я доносчик Бюро?

— Мы употребляем слово «информатор». Не нужно этих мерзких неприглядных терминов. Как вы смотрите на то, чтобы вас продвинули в этом направлении? Вы удивитесь, насколько высок статус некоторых наших информаторов. Даже не особо задумываясь, могу сказать: мы могли бы содержать ассоциацию выпускников немаленького колледжа.

Какое-то время они смотрели в свои тарелки, обдумывая ситуацию. На стене выцветшая надпись — «Счастливого Рождества».

— Так что, мне продолжать? В этом деле подразумевается доверие. С ним сложно справиться. Здесь требуются определенные качества. Дело риска и случая. Но здесь и полное доверие. Поддержка со всех сторон. Вот что я даю информатору.

Ли невозмутимо ел.

— Все будет происходить примерно так. Вы придете в контору Банистера. Прямо за углом от вашей работы, очень удобно. Скажете ему, что вы бывший морской пехотинец, и упомянете, что имели контакт с Бюро в штате Техас. Дайте понять, что вы ярый противник Кастро. Скажите, что хотите представить себя левым и проникнуть в местные организации.

— Я могу сказать, что сам организую группу.

— Это мысль.

— Местную компанию, типа комитета «Справедливость Для Кубы».

— Это перспективно.

— Мне могут прислать сколько угодно памфлетов из Нью-Йорка, и к тому же анкетные бланки.

— Многообещающе, — сказал Бейтман. — Скажете Банистеру, что организуете в городе филиал. Туда потянутся поклонники Кастро. Вы соберете имена и адреса. Банистер любит длинные

списки.

— Так все и завертится.

— Вы будто бы притворяетесь.

— Нет, не притворяюсь.

— Нет, притворяетесь.

Они продолжали обедать. Бейтман сообщил, что если Гай Банистер захочет проверить прошлое Освальда, то, естественно, свяжется с местной конторой ФБР, в частности с самим Бейтманом, а тот предоставит информацию выборочно. Также он сообщил, что ему нельзя кофе. Директор запретил. Чтобы в Бюро не было стимуляторов, вызывающих привыкание.

— Думаю, Банистер заинтересуется. Но денег не ждите. Для него это мелкий побочный проект. Я устрою так, что информатору будут платить две сотни долларов в месяц. С этими деньгами займетесь своей организацией. И конечно, расскажете, чем занимаются на Кэмп-стрит, 544. Они там все время чем-то занимаются.

— Я хочу изучать политику и экономику.

— Вы интересный человек. В документах всех агентств отсюда и до Гималаев есть что-то о Ли Освальде. Я должен быть уверен только в одном. Никто больше не должен пользоваться вашими услугами. Такова политика Бюро. Я не могу рабо-

тать с информатором, который взаимодействует еще с одним агентством. Договорились?

— Договорились, — ответил Ли.

— Вы можете заниматься своей политикой открыто. В этом вся прелесть. И работаете за углом конторы этих людей. Все рядом, просто замечательно.

Завернув свой плакат, Ли поехал на автобусе на Кэмп-стрит и несколько раз обошел нужное здание. На улицах густая тень. Ни души, только алкоголики на Лафайет-сквер и женщина в длинной куртке и толстых белых носках, казалось, недовольная тем, что он идет позади. Она остановилась, пропустила его вперед, что-то быстро бормоча и будто подгоняя его руками.

Троцкий — это чистая форма.

Посреди тротуара лежало заднее сиденье от машины. На нем развалился человек, весь в грязи и блевотине, одна рука свисала. Он выглядел настолько больным, побитым или сумасшедшим, что невозможно было забавляться этой картиной — сиденье без машины лежит на тротуаре.

Троцкий, сосланный в Восточную Сибирь с женой и маленькой дочкой, читал в своей хибарке экономическую теорию, смахивая тараканов со страниц.

В понедельник, во время десятиминутного перерыва, Ли отправился в дом 544 и получил у секретарши анкету. В здании было два входа, два адреса. Один для вас, другой для того, кем вы себя называете.

Он купил набор резиновых штампов «Воин» за девяносто восемь центов. Написал в комитет «Справедливость для Кубы» с просьбой прислать разрешение на создание филиала, и, не получив еще ответа, сходил в типографию, назвался Осборном и напечатал тысячу листовок. «Руки прочь от Кубы!» На одних он отштамповал свое имя, на других — Хайдела. Затем арендовал почтовый ящик, отправился в другую типографию, заказал там анкеты и членские карточки. Заставил Марину подписаться «А.Дж. Хайдел» там, где должна стоять Подпись президента филиала, и послал два почетных членства чиновникам Центрального комитета Коммунистической партии США.

По вечерам он выходил на улицу в своих золотых шортах и плетеных сандалиях, сваливал мусор в чужие баки. Иногда брел два или три квартала, прежде чем найти бак, куда можно втиснуть лишний мешок с костями и кухонными отходами.

Когда Ли принес заполненную анкету в органи-

зацию Гая Банистера, у входа в здание он увидел человека, показавшегося знакомым. Это капитан Ферри, вспомнил он, инструктор гражданского воздушного патруля, который держал мышей в гостиничном номере около семи лет назад, когда они с Робертом пришли к нему покупать ружье 22-го калибра. Ли присмотрелся и заметил — что-то в нем сильно изменилось. Казалось, будто к его голове приклеены пучки шерсти. Высокие брови блестели.

Ферри будто бы ждал его.

— Ты приходил в контору вчера или позавчера, верно?

— Нанимался на подработку.

— Секретная работа. Я слышал твой голос. Подумал — какой знакомый голос. Еще один пропавший кадет вернулся к капитану Дэйву.

Они рассмеялись, стоя в дверях. Вдруг притормозила машина, и с площади взлетели голуби.

— Жизнь удивительна, да? — сказал Ферри.

Комитет «Справедливость для Кубы» отговорил его открывать филиал. Но ответили ему мягко и вежливо, с орфографическими ошибками. В любом случае, сама по себе переписка уже важна. Он сохранит все. Это его документы. Придет время, и он предоставит кубинским властям до-

кументальные доказательства того, что является другом революции.

Кроме того, ему не нужно покровительство Нью-Йорка, чтобы открыть контору. У него есть набор штампов. И нужно всего лишь отштамповать название организации на листовке или брошюре. Отштамповать цифры и буквы. Все будет правдоподобно.

Дэвид Ферри повел его в бар «Гавана», мрачный дворец рядом с портом. Открыт круглые сутки, музыкальный автомат играет латиноамериканские ритмы, посетители явно хронические прогульщики, антиобщественные типы — изгнанники грузчики, моряки без документов, полдюжины неопределенных личностей, большей частью — одинокие мужчины, сидят вдоль длинной стойки на приличном расстоянии друг от друга.

Ферри и Освальд сели за столик.

— Хозяин бара — член Кубинского революционного совета.

— А они за кого? — спросил Ли.

— Не хочешь угадать?

— Судя по виду этого места…

— В сортире и то веселее.

— Антикастровцы.

— Феды приходят сюда и спрашивают у него,

кто есть кто в этом движении. Иначе говоря, они не знают, что делают. Видят мексиканца с короткой стрижкой и думают, что он кубинский боец.

— Откуда у вас это словечко?

— Феды? Это мое словечко. Давно его придумал.

— Мне казалось, что я его придумал.

— Наверное, ты услышал его от меня, — ответил Ферри. — Так всегда бывает. Люди считают, будто что-то придумали, а на самом деле услышали это от меня. Я умею проникать в человеческие умы. Я пробираюсь внутрь.

Гнусавый голос, извилисто обтекающий вопрос, стоит ли ему верить.

— У нас с тобой явная телепатическая связь. Возможно, через годы и континенты. Ты когда-нибудь жил за границей?

Ли кивнул.

— Наверное, все это время мы с тобой были на одной линии. Я хочу поэкспериментировать с гипнозом на расстоянии. По телефону или телевизору. Потрясающее политическое оружие. Одна женщина преследует меня за то, что якобы я загипнотизировал ее сына и занимался с ним оральным сексом. Я учу водить самолет мальчиков в Лейкфронте.

Ферри отвел его к человеку, который жил в реставрированном каретном дворе на Дофин-стрит, за высокой белой стеной с красной дверью посередине. Звали его Клэй Шоу, высокий мужчина средних лет с лепной головой и поразительно белыми волосами. Он стоял посреди большой комнаты, занимавшей весь первый этаж. Шелковые занавеси, бронза, пробковые полы, покрытые персидскими коврами. Там сидели двое молодых людей, собранные и бдительные, будто флюгера.

— Когда ты родился? — Это было первое, что спросил Шоу.

— Восемнадцатого октября, — ответил Ли.

— Весы.

— Чаши весов, — сказал Ферри.

— Равновесие, — произнес Шоу.

Казалось, они узнали все, что им нужно.

Шоу носил хорошо сшитую домашнюю одежду и держался непринужденно, как человек, явно обученный всему, что правильно. Когда он улыбался, от уголка правого глаза до линии волос внезапно бежала жилка.

— Есть положительные Весы, — сообщил он, — которые научились владеть собой. Они уравновешенные, хладнокровные, здравомыслящие люди, которых все уважают. А есть отрицательные

Весы, которые, скажем так, несколько непостоянны и импульсивны. Очень легко поддаются влиянию. Склонны предпринимать рискованные шаги. Иначе говоря, главное — равновесие.

— Я привел его посмотреть твою коллекцию плеток и цепей, — сказал Ферри.

Все рассмеялись.

— У Клэя есть плети и цепи, черные капюшоны и черные плащи.

— Для Марди-Гра, — произнес один из молодых людей, и все опять засмеялись.

Ли почувствовал, как его улыбка повисла в воздухе дюймах в шести от лица. Они постояли пятнадцать минут и вышли на улицу, в сумерки.

— Вы верите в астрологию? — спросил Ли.

— Я верю во все, — ответил Ферри.

Он привел Ли в свою квартиру. Темные комнаты с поломанной мебелью и предметами религиозных культов. Книжные полки застланы плотной бумагой с древесным рисунком, и прогибаются под весом сотен книг по медицине и праву, энциклопедий, пачек отчетов о вскрытиях, книг о раке, судебной патологии, огнестрельному оружию.

На полу гантели. На стене висит документ в рамке — научная степень по психологии, полу-

ченная в итальянском университете «Феникс», в Бари.

Ли сходил в ванную. Стеклянные полки уставлены желтыми пузырьками с таблетками и капсулами. Отдельные капсулы валяются на полу и в ванне. Вся раковина и стена рядом с ней измазаны липкими волокнами — клей, или чем он там приделывает свой мохеровый парик.

Не успел Освальд выйти из туалета в гостиную, как Ферри заговорил о своем состоянии:

— Это называется *alopecia universalis.* Происхождение загадочно, способ лечения неизвестен. Вместо того чтобы скрывать, я ее украшаю, наряжаю. Бог сделал из меня шута, поэтому я дурачусь. Когда волосы начали выпадать, я решил, что катастрофа неминуема, на Луизиану упадет Бомба. Бомба укрепит мою подлинность, сделает меня святым. Бомбоубежища называли семейными комнатами будущего. Я был готов поселиться в самой жуткой дыре. Наступил ракетный кризис. Это был чистейший экзистенциальный момент в истории человечества. К тому времени я полностью облысел. В общем, скажу тебе, я был готов. Нажми кнопку, Джек. Я мог простить Кеннеди за то, что он Кеннеди, только при одном условии — что он уничтожит Кубу. Я купил десять коробок

консервов и отпустил мышей.

Ферри выглянул в окно. Рядом с ним на стене висело изображение Христа, глаза которого следят за теми, кто проходит мимо. Теперь Ферри заговорил шепотом:

— Еще есть теория о больших высотах. Волосы выпадают вдруг и полностью. Из-за больших высот. Могут страдать летчики, люди, которые слишком долго находятся на сверхвысотах. Вроде пилотов «У-2».

— Вы летали на «У-2»?

— Не могу тебе сказать. Имена тех, кто летает на таких самолетах, — строжайшая государственная тайна. Кстати о тайнах. Хочу спросить тебя вот о чем. Зачем тебе секретная деятельность в антикастровском движении, когда очевидно, что ты партизан Кастро, боец Фиделя?

Он отвернулся от окна и посмотрел в глаза Ли, который, не найдя ничего лучшего, ответил лишь своей странной усмешкой.

Так все и началось. Много вечеров Ли провел на своем крыльце, начищая «манннлихер», разрабатывая затвор, засиживался за полночь, строя планы.

Он прочитал в «Активисте», что может обойти запрет на въезд и получить кубинскую визу в

Мехико. Он может работать на революцию в качестве военного советника. Давняя заветная мечта. Они будут рады заполучить бывшего морского пехотинца с прогрессивными идеями.

Собирал корреспонденцию и складывал в свободной комнате вместе с другими бумагами, речами Кастро и брошюрами по теории социализма.

Раздавал листовки у причала на Дюмейн-стрит и беседовал с десятком моряков о комитете «Справедливость для Кубы». Портовый полицейский приказал ему убираться.

Ферри позволил ему играть на два фронта. Банистер предоставил маленький кабинет в доме 544 для хранения материалов. Ли толком не поговорил с Банистером. Создавалось впечатление, что с Банистером толком и не поговоришь. Он оттштамповал адрес на Кэмп-стрит в одной из своих бумаг. Ему разрешали входить и выходить.

Безумное лето. Грозы сотрясают город почти каждый вечер. Раскаленные молнии по ночам. Тучи москитов приносит с соляных болот. Шли недели, и он чувствовал, как все вокруг меняется. Люди в доме 544 — кубинцы, что приходили и уходили, молодые люди, называвшие себя студентами из Тулэйна, которые собирали инфор-

мацию по левому крылу и сторонникам расовой интеграции, — начали относиться к нему по-другому. Ли стал вызывать меньше любопытства и недоумения. Он чувствовал, будто его окружает особенный свет. К нему теперь подходили с осторожностью.

Секретарша Банистера считала, что его зовут Леон. Ферри начал называть его Леоном, именем Троцкого. Ошибки иногда оборачиваются приятной стороной.

Первая Леди была беременна, как и Марина. Где-то Ли прочел, что президент любит романы о Джеймсе Бонде. Он пошел в филиал библиотеки на Наполеон-авеню, маленькое одноэтажное кирпичное здание, и взял роман о Бонде. Прочитал, что президент ознакомился с работами Мао Цзэдуна и Че Гевары. Пошел в библиотеку и взял биографию Мао. В биографии Кеннеди говорилось, что тот читал «Белый Нил». Ли пошел в библиотеку, но «Белый Нил» оказался на руках. Тогда он взял «Голубой Нил».[18]

Джон Ф. Кеннеди иногда писал с ошибками и ужасным почерком.

Ли сидел на крыльце в своих баскетбольных

---

[18] Примечания: 18

Две части «Африканской трилогии» о Второй мировой войне английского журналиста и писателя Алана Мурхеда (1910–1983).

шортах и читал научную фантастику, которую посоветовал Ферри. Стрелял вхолостую из «манлихера». У него все еще был учебник с курсов машинописи в Далласе, и несколько вечеров он просидел, открыв страницу с изображением клавиатуры. Тренировался печатать в алфавитном порядке: «А» — левым мизинцем, «Б» — левым указательным. Повторял упражнение вслепую, как учили на занятиях.

— Папа, возьми мусор, — говорила Марина.

Ли постоянно околачивался у гаража «Город полумесяца», который находился по соседству с кофейной компанией, где он работал. Надевал свой пояс электрика со шприцем для смазки, отверткой, кусачками, изолентой и так дал ее. Десятиминутный перерыв он растянул на полчаса, сидел в офисе, читал оружейные журналы и беседовал с парнем, который заправлял этим гаражом. На подоконнике стояли кружки с пивом, на стене висели карты. Карты он мог разглядывать по десять минут.

У «Города полумесяца» был контракт с правительством Штатов на содержание определенного числа автомобилей для местных агентств.

По воскресеньям улица пустовала, гараж был закрыт и за опущенной решеткой походил на

заброшенную испанскую церковь, где свет падал через пыльные окна. Там Ли и встретился с агентом Бейтманом, у которого оказался ключ от конторы. Они прошли через контору и сели в одну из машин для третной службы и ФБР, стоящих отдельно. Он рассказал Бейтману о том, что узнал на Кэмп-стрит, 544, — а узнал он не слишком-то много. Ему хотелось воспользоваться «Миноксом», но Бейтман сказал: нет, ни в коем случае. Протянул Ли белый конверт с изрядно помятыми банкнотами, будто их копили дети.

Ли настоял на том, что должен знать, под каким номером он значится. Бейтман ответил: С-172. Затем Ли заявил, что хочет подать документы на паспорт и поинтересовался, не будет ли сложностей, раз он дезертир. Бейтман пообещал с этим разобраться.

Москиты на болотах. Он представлял себе, как печатает статью о политической теории, основываясь на опыте, который недостижим для его коллег-студентов. У локтя лежало недоеденное яблоко.

Когда на лице Ли появлялось определенное выражение — глаза как бы удивленные, губы сжаты и вытянуты, — он обнаруживал, что думает о своем отце. Это выражение напоминает

отца. Ли считал, что тот мог делать такое лицо. Оно *ощущалось* как отцовское. Любопытное чувство, когда лицо безошибочно принимает такое выражение, и его старик тут как тут, жуткий и сильный. Встреча сквозь миры.

— Я знаю о тебе кое-что любопытное, Леон. Чего почти никто больше не знает. Очень мало кто в курсе. Ты тот самый Ночной снайпер, который стрелял в генерала Теда Уокера два с половиной месяца назад, в Далласе.

Ли остолбенел.

— Не могу тебе сказать, откуда я знаю, — продолжал Ферри. — Но есть люди, которые тобой интересуются. Вначале я действовал интуитивно. Думал, у нас с тобой телепатическая связь. Отнес твою анкету Банистеру. Уладил все споры. Сказал Гаю: «Вот парень, который намерен шпионить за нами. Он хочет нас использовать, но кончится все тем, что мы используем его. Не с помощью манипуляций или перемены его политических убеждений. Парень искренне верит, будто он настоящий «левак». Но он к тому же и Весы. Он способен видеть обратную сторону. Это человек, в котором таятся противоречия». Я чуть не сказал Гаю: «Вот морской пехотинец, который читает Карла Маркса. Этот мальчик сидит на весах и

готов склониться на любую сторону».

Ли допил пиво.

— Но я не представил никаких аргументов. Просто назвал твое имя. И Банистер тут же ухватился за тебя. Оказалось, что он проводил расследование для своего старого друга. Человека по имени Мэкки. Ты пропал. Никто не знал, куда ты делся из Далласа. Гай изобразил свою самую злобную улыбочку, когда узнал, что ты смазываешь кофеварки прямо за углом и хочешь поступить к нам на работу. Поднял трубку и сказал: «Знаешь, кого я нашел?»

Ферри заказал еще два пива и продолжил:

— Ты — объект чьего-то пристального внимания. Банистер не знает, какую именно роль тебе уготовили. Но он узнает, это лишь вопрос времени.

Тем вечером в «Гаване» сидело трое, четверо, шестеро кубинцев в камуфляжных футболках и штанах, в ботинках, испачканных засохшей белой грязью.

— Боишься, что тебя поймают из-за Уокера? Ты никогда не говорил мне про Даллас.

— Я никому не говорил.

— Думаешь, они *узнают?* Только произнеси слово «Даллас», и знать будут все. Тюрьма — это

ужасно. Первое, что делают, когда арестовывают — смотрят тебе в задницу.

— Я узнал об этом, когда служил.

— Смотрят тебе в задницу, еще не зная твоего имени. Будто какой-то пигмейский ритуал в Конго.

Когда Ли пил больше одной кружки пива, он всегда чувствовал себя занятно.

— Ты исповедуешь какую-нибудь религию? Ходишь в церковь?

— Я атеист.

— Это идиотизм, — сказал Ферри. — Разве можно быть таким глупым?

— Религия тормозит нас. Это оружие государства.

— Идиотизм. Близорукость. Ты должен понимать, что некоторые вещи глубже политики. Наша политическая оболочка — всего лишь тонкая корка. Меня воспитали католиком в Кливленде. — Глаза Ферри смешно расширились, будто это высказывание удивило его. — Покаяние было главным таинством моего отрочества. Я часто ходил в исповедальни. Из одной в другую. Это казалось больше грехом, чем способом его отпущения. Я испытывал там извращенное удовольствие. Рассказывал о своих грехах, вы-

думывал грехи, искренне раскаивался, шел к алтарю, читал епитимью и снова становился в очередь. В субботу по вечерам все четыре исповедальни работали без передышки. Я ходил по кругу. Становился в темноте на колени и шептал о своих грехах человеку в рясе. Я учился в семинарии — два раза, чтоб лучше овладеть специальностью. Даже основал собственную церковь. Только глупец отвергает необходимость заглядывать под маску.

Ли отправился в туалет. Вокруг громко спорили, пространство будто пересекали серые линии. Он постоял две минуты посреди зала. Когда вернулся за столик, Ферри начал с места в карьер:

— Кеннеди что, не знал, насколько Куба большая? Ему никто не сказал, что остров такой величины не могут захватить полторы тысячи человек?

— Куба маленькая.

— Куба *большая.* Почему он согласился на вторжение, если не хотел идти до конца? Почему обещал нам победу, а потом отступил? Потому что струсил. Он все спустил на тормозах. Все задавил. Ему нужно было *незаметное* вторжение. Удивительно, как только Кастро сообразил, что на него напали?

— Куба маленькая.

— Я скажу тебе, что хуже всего, — ответил Ферри. — Каждый день слышу это от Гая. Он сильно переживает. Думает, будто Кеннеди и Кастро общаются. Тайно переписываются, шлют агентов туда и обратно. Дружеские отношения. Нам рассказывают не все. Мы чего-то не знаем. Есть нечто большее. Всегда есть нечто большее. Вот из чего состоит история. Это все в сумме, о чем нам не говорят.

На улице Ли сцепился с каким-то рябым латиносом — на груди у него болтался серебряный крест. Он не понял, с чего все началось. Даже удерживая парня за бицепсы и что-то говоря ему в лицо, Ли не помнил, как это произошло. Вокруг собралось несколько человек, главным образом потому, что больше нечем было развлечься. Затем Ли оказался дома в постели.

В гаражной конторе он читал оружейные журналы. В дверях появлялась голова одного из кофейщиков, и его призывали вернуться. Назад к моторам и вентиляторам, воронкам, дробилкам, конвейерной ленте.

Его паспорт был готов на следующий день после подачи документов.

Дома Ли зашел в свободную комнату, и ему

показалось, что некоторые вещи передвинуты. Вряд ли это Марина, он запретил ей входить. Он проверил бумаги, заглянул в шкаф, где хранил оружие. Что-то изменилось, незаметно, неуловимо — так бывает во сне, когда неизвестно откуда знаешь какие-то вещи.

Женщина, похожая на семинолку — с приплюснутой головой, или как они там выглядят, он точно не знал, — вышла из толпы на Французском рынке и почти напугала его, у нее были странные невидящие глаза фанатичной праведницы.

Он оставался единственным членом Новоорлеанского филиала комитета «Справедливость для Кубы». Это не имело значения. Лето исполняло мечту, воздвигало историю. Он чувствовал, что его подталкивают вверх, вперед, нет больше жалкого индивидуума, наступил конец изоляции.

Марина катила коляску и пыталась читать названия улиц, выложенные на тротуаре светло-голубыми плитками.

Отошлет ли он жену с ребенком в Россию, или они вместе уедут на маленькую Кубу, где настоящий социализм, и люди действительно живут в радости?

Вчера она встала в два часа ночи выпить воды и увидела его на крыльце — он сидел в нижнем

белье с винтовкой на коленях.

По ночам у него идет кровь из носа. Однажды она видела, как его полчаса трясло.

Она заставляла его переводить журнальные статьи о Кеннеди. Он не возражал, и периодически кое-что добавлял от себя.

На фотографиях у моря, с взъерошенными ветром волосами, президент напоминал ее прежнего ухажера Анатолия, у которого была непокорная грива, и когда они целовались, у Марины кружилась голова.

Иногда Ли не мылся несколько дней подряд. Ходил в одной и той же одежде и не давал ей штопать носки или ставить заплатки на локтях поношенного свитера. Полный переворот. Ли будто бы говорил — посмотрите на меня. Вот как подавляет этот строй.

Марина была полностью уверена, что миссис Кеннеди родит мальчика. Точно, мальчика, говорила она Ли, а вскоре после этого мальчик родится и у них.

Ей было стыдно признаться, что она капризная женщина.

Она была беременна, как и миссис Кеннеди, но врач до сих пор ее не обследовал. Ли. отвел ее в благотворительную больницу, большое серое

здание, в которое, казалось, можно войти лишь однажды и больше никогда не выйти. В мраморном холле висели портреты врачей в халатах, врачей на фоне неба, людей, чьи мысли заняты гораздо более важными вещами, чем желчный пузырь и почки. Неприятности начались в регистратуре. Какая-то женщина сообщила Ли, что это больница штата, и люди могут бесплатно лечиться только в том случае, если живут в Луизиане определенное время. Марина здесь слишком недавно.

Повсюду мрамор. Марина ощутила себя беженкой. Ли, почти умоляя, кинулся вслед за доктором по коридору. Затем поймал другого врача, который шел в другую сторону, и с бледным перекошенным лицом принялся упрашивать и доказывать одновременно. Врачи отворачивались.

Ли метался по холлу, заговаривал с ничего не подозревающими посетителями, рассказывал им, что случилось. Это просто еще один бизнес. Они наживаются на боли и страданиях. Никто не знал, что ему ответить, и в конце концов он принялся молча шагать взад-вперед, чтобы гнев улегся.

Марина не пыталась смягчить этот гнев, в глу-

бине души она считала, что Ли прав.

Она прошла с коляской несколько магазинов с большими вывесками. Прачечная. Химчистка за час. Чем дальше на северо-восток, тем меньше людей попадалось.

Интересно, многим ли женщинам снится президент, подумала она. Каково это — знать, что ты являешься объектом вожделения тысяч людей? Будто он летит ночью над землей и проникает в сны и фантазии, в акт любви между супругами. С экранов телевизоров он сходит по ночам в спальни. Нисходит из радио в Маринину постель. Несколько раз поздним вечером она слушала радио в ожидании нескольких слов из доклада или пресс-конференции, записанных днем, ждала голоса президента, поставив приемник на столик у кровати.

У Марины и Ли одинаковые шрамы на руках.

Один вопрос не давал покоя ни днем, ни ночью: заставит ли он ее вернуться в Россию?

— В доме царит мрачный дух, — сказала она ему. — Я не получаю радости.

Он говорил с Джун о маленькой Кубе. Ты любишь маленькую Кубу? Тебе нравится дядя Фидель? На стене висела фотография Кастро, которую он вырезал из советского журнала. Как

ты относишься к дяде Фиделю? Ты любишь и защищаешь маленькую Кубу?

Иногда Марина думала о президенте на снимках у моря, когда Ли занимался с ней любовью.

Он все время заставлял ее писать в советское посольство в Вашингтоне. Жалобные письма с просьбами выдать визу, с просьбами оплатить дорогу.

Она, будто слепой котенок, всегда шла к человеку, который ее гладил, пусть даже он жестоко обращался с ней.

Марина вынула Джуни из коляски и пустила походить. Джуни не любила держаться за руку, ходила только сама, радостно и старательно.

А он сидел на крыльце в два часа ночи с винтовкой на коленях.

Они прошли множество тихих улиц. Старые мирные дома, у некоторых чугунные галереи и белые колонны. Ни души вокруг Неподвижный душный день. Марина остановилась на углу и увидела, как примерно в семи кварталах через перекресток едут машины. А рядом никакого движения, и она подумала — вдруг в определенное время суток здесь не разрешается обычная деятельность. Химчистка за час. Они прошли мимо домов с резными входами, где росли магнолии

и пальмы с прямыми стволами. Она попыталась взять Джуни за руку. Жара угнетала. Прошли мимо дома с двумя галереями, через окно гостиной были видны фрески. Она снова посадила Джун в коляску, силой впихнула ее туда. Затем направилась примерно в сторону дома, быстро шагая и больше не разглядывая красивые старые мирные дома.

«Где же все люди?» — старательно подумала Марина по-английски.

Бейтман рассказал о группе под названием «Директорат кубинских студентов». Она собиралась в магазине одежды через несколько домов от бара «Гавана». Конфиденциальный источник С-172 однажды зашел туда и побеседовал с парнем по имени Карлос, лет тридцати, с блестящими волосами и в темных очках.

Он взял свой старый устав морской пехоты, чтобы как-то дать понять, кто он и что умеет. Через минуту они уже говорили о мостах, подрыве мостов, закладывании пороховых зарядов, приготовлении самодельной взрывчатки, самодельном оружии.

Но Карлос, видимо, не слишком стремился рассказать ему, как вступить в антикастровскую группу. Не хотел отзываться на стремление Ли

вступить в организацию, не принял даже денежный взнос. Опасался посторонних. Так прямо и сказал. Сейчас время осторожности.

Тем не менее они приятно побеседовали. Ли оставил свой устав в качестве жеста доброй воли и обещал вернуться. В дверях они обменялись рукопожатием.

И что же? Спустя четыре дня Ли стоял на Канал-стрит со своим плакатом «Viva Fidel» и раздавал листовки в защиту Кастро. Мимо проходил Карлос с двумя своими друзьями. Ли заметил, как тот внимательно пригляделся, вспоминая.

Карлос подошел к нему с угрожающим видом, снимая очки. Ли скрестил руки на груди и улыбнулся. Он не хотел драться с Карлосом. Тот ему нравился. У Карлоса была эта латиноамериканская черта — он умел сразу понравиться.

— В общем, Карлос, если хочешь меня ударить — бей.

Он стоял, скрестив руки и мило улыбаясь. Собралась небольшая толпа и оттеснила Ли ко входу в «Уолгрин». Один из друзей Карлоса вырвал несколько листовок из кулака Ли и подбросил в воздух. Из-за этого на обочине случилась потасовка. Подъехала полицейская машина, затем вторая, и вскоре все они шли по песчаной пар-

ковке первого отделения полицейского участка на Норт-Рампарт.

Ли потребовал, чтобы вызвали агента Бейтмана из ФБР.

Через полчаса Бейтман вошел в комнату для допросов — руки протянуты ладонями вверх, во всем облике сквозит напряжение.

— Они хотели знать, сколько членов в моем филиале «Справедливости для Кубы», — сказал Ли.

— И что вы ответили?

— Тридцать пять.

— Прекрасно. Но при чем же здесь я?

— Если я не покажу им, что имею отношение к органам правопорядка, то что они со мной могут сделать?

— Вы же всего лишь нарушили спокойствие. Так сказать, устроили беспорядок.

— Ну так вытащите меня.

— Я не могу.

— Это несправедливо. Что меня арестовали.

— Вы сами себя подставили, а если я вас вытащу, то все раскроется. Достаточно уже того, что вы назвали мое имя. Вас не спросили, почему вы меня вызвали?

— Меня спросили про Карла Маркса. Я ответил, что на самом деле Карл Маркс был социалистом,

а не коммунистом.

— Я глубоко разочарован, Ли.

— Ну не мог же я дать себя упрятать. У меня жена и ребенок.

— Вам грозит всего лишь одна ночь.

— Я должен был показать им, что некто знает обо мне. Некий авторитет.

— Это просто нарушение спокойствия. Рассказывайте им как можно меньше. Пусть думают, будто вы всего лишь провинциальный парень с политическими идеалами.

— Я сказал, что я лютеранин.

— Блестяще, — ехидно отозвался Бейтман.

Его сфотографировали в фас, в профиль и в полный рост, сняли отпечатки пальцев и ладоней. Велели спустить штаны и нагнуться. Потом, сидя в камере, он представлял, как будет выглядеть на этих фото — важным, с залысинами. Слушал пьяниц и истериков. К ночи привели еще людей. Скандалиста и танцора. Негра в шляпе из фольги, маленькой монашеской шапке с безделушками, болтающимися по краям.

Троцкий взял свой псевдоним у одесского тюремщика и пронес его через страницы тысячи книг.

Именно Ли сообщил Марине, что ребенок

Кеннеди умер этой ночью. Мальчик родился недоношенным, у него были проблемы с дыханием. Марина стояла у окна и плакала. Новость поразила ее чем-то таким, чего она боялась все это время и не выпускала наружу. Сын президента прожил тридцать девять часов. Она плакала из-за Кеннеди, из-за себя и Ли. Разве можно скорбеть о ребенке миссис Кеннеди и не думать о собственном, которого носишь в утробе? Это будущее, и оно предопределено.

Ли отправился в суд. Первое, что бросилось в глаза: часть комнаты покрашена белым, часть — цветом. Он сел прямиком в цветную часть и стал ждать слушания своего дела. Затем признал себя виновным и заплатил десять долларов штрафа. Они с Карлосом пожали друг другу руки и вышли.

Понимаешь, это все не имело значения. Важно другое — собирать сведения, документировать сведения, хранить их для кубинский властей. Как это называется, досье?

За дверями зала суда поджидала команда операторов с телеканала «Дабл-Ю-ДСУ». Они отсняли несколько кадров с Ли. Х. Освальдом для вечерних новостей.

Четыре дня спустя он снова вышел на улицу,

раздавать листовки у Международного торгового центра.

Еще через день он отправился на радио, чтобы рассказать о Кубе и о мире вообще.

Билл Стаки, ведущий программы «Пост латиноамериканской прослушки» ожидал увидеть кого-то вроде фолксингера с бородой и грязными ногтями. Освальд же оказался опрятным и чистым молодым человеком, в белой рубашке с галстуком, с отрывным блокнотом под мышкой.

Они сели в студии вместе со звукооператором, записывать интервью, и Стаки сразу же представил Освальда руководителем Новоорлеанского филиала комитета «Справедливость для Кубы». Ли начал:

— Да, как руководитель, я отвечаю за сохранность наших документов и оставляю в тайне имена членов организации, чтобы не привлекать ненужного внимания общественности, поскольку люди этого не желают. Мне, как человеку, получившему образование в Новом Орлеане и воспитанному на идеалах демократии и беспристрастности, совершенно ясно, что права кубинцев на самоопределение более или менее самоочевидны. Видите ли, когда наши праотцы создавали Конституцию, они полагали, что

демократия выражается в свободе мнений, в спорах, в поисках истины. В древнейшем праве на жизнь, на свободу, на поиски счастья. И вот мое собственное определение демократии — право меньшинства не быть угнетенными.

Стаки слушал, как он рассказывает о компании «Юнайтед Фрут», о ЦРУ, о коллективизации, феодальной диктатуре в Никарагуа, движении за освобождение нации. Тридцать семь минут, которые Стаки вынужден будет урезать до четырех с половиной для своей пятиминутной передачи. Очень жаль, ведь Освальд говорил умно и внятно, и необычайно ловко выпутывался из трудных ситуаций.

После интервью Стаки пригласил Освальда выпить пива. После чего отослал копию записи в ФБР.

Так все и происходило, такое вот было лето. Однажды Ли принялся бить тараканов лопаткой для оладий — мягкой пластиковой лопаткой, которые всегда есть на распродаже. Он потерял работу. Его уволили за то, что он не работал — вполне уважительная причина. Город сотрясали грозы. В Джексоне, штат Миссисипи, застрелили Медгара Эверса, руководителя местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу

цветного населения.[19] Позднее взорвали динамитом баптистскую церковь на Шестнадцатой улице в Бирмингеме, четыре негритянки убиты, двадцать три человека ранены. Однажды Ли гонял тараканов на кухне, небритый, в одежде, которую не менял неделю. На следующий день он в мешковатом советском костюме и узком галстуке, со своим отрывным блокнотом участвовал в радиодебатах на «Карт-бланш на разговоры», еще одной общественной передаче на «Дабл-Ю-ДСУ». На этот раз они заблаговременно выяснили, кто он, и приготовили вопросы о России и дезертирстве, чем застали его врасплох. Он разрабатывал затвор своего «маннлихера». Чистил «маннлихер». Кто-то имеет на него виды. Раскаленные молнии по ночам. Легко предположить, что кто-то наблюдал за ним долгие годы, выстраивал вокруг него события, зная, что время придет.

Какой-то человек, сумасшедший, наверное, дрался с тенью у туалетов «Гаваны».

Иногда Ферри не мог определить, смешно это или грустно. Он рассказал Ли, как однажды пытался усовершенствовать маленькую сигналь-

---

[19] Примечания: 19

Крупнейшая негритянская общественная организация, основанная в 1909 г., чтобы добиваться равноправия негритянского населения через суды и влияние на общественное мнение.

ную ракету с таймером. Хотел наделать тысячи таких ракет и привязать их к мышам. А потом сбросить с самолета на кубинские тростниковые поля. Его вдохновила картина — пятьдесят тысяч мышей разбегаются по полю, срабатывает таймер, и ракеты загораются. Он хотел стать Ганнибалом мышиного мира, и когда его план отвергли, очень огорчился.

— Во время революции Кастро специально проследил, чтобы сожгли их семейное тростниковое поле, — сказал Ли.

— Послушай меня. Это дело с Уокером далеко в прошлом. Ты должен забыть о нем. Смерть генерала Уокера ничего не значит для Фиделя. Он уже стар. Позавчерашнее дерьмо. Уокера больше никто не слушает. Твой промах убил его вернее, чем прямое попадание. Он повис в неопределенности. Стал обузой. Теперь на нем клеймо — в него стреляли и промазали.

— Откуда вы знаете, что я хочу снова попробовать?

— Леон, разве для этого обязательно нужны слова? Разве не чувствуется, когда в воздухе витает смерть? Тебя начинают прижимать. Банистер говорит, что они шутить не любят. Они побывали в твоей квартире.

— Знаю. Я почувствовал.

— Ты *почувствовал.* Видишь? Говорить вслух необязательно. Просто весы склоняются, и нам становится понятно.

— Что они искали?

— Знаки того, что ты существуешь. Доказательства, что Ли Освальд совпадает с той картонной фигуркой, которую они все это время вырезали. Ты — причуда истории. Ты — совпадение. Они разработали план, и ты идеально под него подходишь. Они теряют тебя из виду, и вот ты здесь. Все происходит не просто так. Что-то в нас влияет на отдельные события. Мы заставляем события происходить. Сознание видит лишь одну сторону. Мы — глубже. Мы простираемся во времени. Некоторые почти могут предсказать время и место своей смерти, и то, какой она будет. Мы знаем это на более глубоком уровне. Это словно роман, словно флирт. Я ищу этого, Леон. Осторожно подкрадываюсь.

Боксер с тенью перешел на другой уровень — делал очень медленные движения, рассчитывая траекторию. Он стоял на месте, опустив голову, и водил руками перед собой, нащупывая сопротивление, тормозящую силу, как бы жестикулируя в пространстве.

— У этого твоего Кеннеди личный романчик с идеей смерти. У людей, поглощенных мыслями о мужестве, есть свои темные желания. Джек одержим смертью будь здоров как, но не патологически, без той жути, что у меня. Романтик. Вот такой он, твой Джек.

— Он не мой Джек, — сказал Ли.

— Он знает направление. Несколько раз был близок к смерти. Брата убили в бою. Сестра погибла в авиакатастрофе. Ребенок умер. Он католик. Католики рано это понимают. Ладан, органная музыка, пепел на лбу, облатка на языке. Все лучшее в мире излучает страх. Скелетик Пит. Мы держимся подальше от некоторых переулков, от темных улиц. Там он поджидает нас со своим перегаром изо рта и вонючим нижним бельем. Особенно детей.

Одна из официанток стояла у музыкального автомата и покачивалась. Девушка из Западного Техаса, будто бы обсыпанная песком — выбеленные волосы и кожа, короткие золотистые ресницы. Ферри подозвал ее жестом. Вынул из кармана черный галстук-бабочку и протянул ей. Девушка прикрепила бабочку к воротнику Ли. Они решили, что смотрится симпатично. Ее звали Линда Френшетт, она подняла руки к лицу

и согнула большие пальцы, словно фотографируя Ли.

— Он не курит и не пьет, — сообщил Ферри. — И матом не ругается. С ним нужно ласково.

— Ласки не за сказки, — ответила Линда.

— Ты спереди, я сзади. Как машинки на аттракционе. Все согласились, что это тоже неплохо.

Сели в «рамблер» Ферри и поехали по Магазин-стрит. Поездка называлась «Подбросим Ли домой». Линда сидела сзади, пила текилу из винного бокала и прикрывала его ладонью всякий раз, как машина резко тормозила. На сиденье она обнаружила коробку для ланча в виде телевизора с нарисованными кроями мультфильмов. Внутри оказалось несколько самокруток. Ферри взял одну и закурил, Ли в это время вертел руль с пассажирского места. Гашиш, прокомментировал кэп Дэйв. Они закрыли окна, чтобы накопился тяжелый резкий запах. Ферри передал самокрутку по кругу. Маленькая толстая сигарета, сужающаяся к обоим концам. Они везли Ли домой.

Припарковались у симпатичного домика с верандой на два этажа, неподалеку от жилища Ли. Он несколько раз кидал мусор к ним в бак. Линда закурила еще один косяк. Передавали его по кругу, снова и снова. Было три часа ночи, и

в закрытых окнах сквозь накопившийся дым почти ничего не было видно. Они стали учить Ли, как правильно курить траву. Тот принялся яростно спорить. Он курит просто так. Затем Ферри поведал историю гашиша, бесконечно долго раскуривая очередную сигарету. Время двигалось сквозь них. Жара в машине становилась невыносимой, и у Ли пересохло в горле от дыма. Линда сунула язык в текилу и нежно лизнула его ухо. Там, где они сейчас пребывали, сердце не спешило биться.

— В такие минуты непонятно, я делаю или вспоминаю, — сказала она.

— Делаешь что? — спросил Ферри.

— Объясняю. Я лежу дома в постели и вспоминаю, или все происходит сейчас?

— Что — все? — спросил Ферри.

Его голос доносился издалека. Он открыл окно, чтобы проветрить. Ли смотрел прямо перед собой. Светлый пепел падал на рубашку. Он заметил, что Линда перегнулась через спинку его сиденья и нащупывала — по-другому не скажешь — пряжку на ремне и ширинку.

— Господи, надеюсь, что я дома. Потому что мысль о том, что мне туда еще добираться, обламывает.

Ли позволил Ферри расстегнуть себе штаны. Затем Линда ухватила его член и повисла на спинке сиденья с открытым ртом, смешно зарычав.

Ли смотрел прямо перед собой. Было слышно, как сопит Линда. Она поменяла позу, задев головой торчащую пепельницу. Он попытался вспомнить имя девушки в клетчатой юбке, которую хотел пригласить на свидание, когда был еще в возрасте для свиданий.

Потом сквозь утяжеленное время до него начали доноситься слова Ферри, очень медленно, одно за другим, рельефные, как в рекламе исторических фильмов — трехмерные буквы, растянутые по библейской пустыне.

— Они давно наблюдают за тобой, Леон. Подумай, кто они? Что им нужно? Я с ними, но в то же время и с тобой. Они не все нам говорят. Так всегда бывает. Всегда есть нечто большее. То, чего мы не знаем. Истина не в том, что мы знаем или чувствуем. Она ждет там, за пределами. Мы объединяем сознание, как сегодня. Гашиш превращает нас в турков. У нас одна на всех родина и душа. Линда правильно сказала. Ты сейчас лежишь дома в постели и вспоминаешь.

Ферри протянул руку мимо висящей девушки и поправил бабочку Ли.

Марина получила постоянное приглашение от подруги Рут Пэйн, пожить у нее в Далласе. Рут очень поможет, когда родится ребенок. Она знает в Далласе нескольких эмигрантов и хочет подучить русский язык. Так что Марина сможет ее отблагодарить.

Видимо, с Новым Орлеаном уже все. В том смысле, что ничего и не начиналось. Ли хочет отправить ее в Россию, чтобы освободиться от ответственности. Скорее всего, он обоснуется в Далласе, по крайней мере, сейчас.

Рут Пэйн едет через Новый Орлеан то ли с Востока, то ли со Среднего Запада и может прихватить Марину с собой. Это они Ли обсудили. Он отправится в Мехико получать кубинскую визу, а Марина с Джун уедут в Даллас с Рут Пэйн, квакершей и хорошей подругой.

А там будет видно.

Они стреляли в туманном свете. Он действовал отстраненно, не думая, отстреливал патрон за патроном. Настоящий свинцовый ливень. Остальным людям не о чем было с ним говорить, и они подчеркнуто держались на расстоянии. Он относился к этому спокойно. Этим летом все обретало четкие границы.

Дэвид Ферри в защитных наушниках стрелял

по консервным банкам с томатной пастой. Запекшаяся кровь широкого потребления разлеталась в утреннем воздухе. Он не носил спецзащиту для ушей, которой пользовались на полигоне. Простые дешевые наушники, и можно стрелять. Кубинец может стрелять. Долговязый парень, Уэйн, с длинным подвижным лицом, слегка сутулый, выстрелил всего пару раз и двинулся прочь.

Ферри должен был поехать в Новый Орлеан, поговорить с кем-то из «Молодежной торговой палаты». Обещал вернуться на следующий день и привезти Ли.

Ли как будто позабавил их предводителя, Ти-Джея. Сильный человек, с небольшим брюшком, с кулака взлетает птица-татуировка. Как из рекламы «Мальборо», подумал Ли.

Ти-Джей знал о его стремлении попасть на Кубу. Ферри рассказал? А Ли говорил об этом Ферри? Знает ли агент Бейтман? Говорил ли он Бейтману, зачем ему паспорт? Эти вопросы промелькнули в его голове. Неважно. Лето должно исполнить мечту.

Ти-Джей велел ему тренироваться с «маннлихером», а не с новыми винтовками. Этого он всегда и желал. Ли сам захотел в лагерь. Настойчиво просил у Ферри. Ему нужна работа с мишенью,

серьезная тренировка с оружием.

Но боеприпасов у него не было. Для такого типа винтовки сложно их найти. Он обошел все магазины Нового Орлеана Казалось, Ти-Джей понимающе усмехается. Сообщил, что у него большой запас, полученный прямо от компании «Вестерн картридж» на основании прошлых сделок. Видишь? Обо всем позаботились. Все становится по местам.

Он свернулся в спальном мешке на полу длинной хижины.

У него есть что показать кубинцам. Письма от комитета «Справедливость для Кубы» и «Рабочего». Листовки и членские карточки.

Одно известно наверняка — он хочет изучать политику и экономику.

Отгони их в Миссури, Мэтт.

Все еще остается неразбериха с его увольнением из армии, которое по-прежнему считают позорным.

Марина думает, что он в другом округе, ищет работу в авиакосмической промышленности.

Президент читает романы о Джеймсе Бонде.

У него есть доказательства, что он подписан на левые журналы. Есть повестка в суд, где описано происшествие, за которое его арестовали.

Революция должна быть школой освобожденной мысли.

Улицы, мокрые от дождя.

Впереди космическая авиация и курсы экономической теории по вечерам.

В своем блокноте он разрабатывает новый проект. Заголовки: Марксист, Организатор, Агитация на улицах, Диктор на радио, Лектор. Под каждым он кратко записывает результаты своей деятельности, прилагая документы. Сообщение в новостях о судебном процессе, где правильно написали его имя. Налоговые декларации полиграфической компании, где он работал в Далласе. Просто на всякий случай, на случай вроде этого, чтобы все было сохранено. Это назовут информацией.

У меня есть опыт уличной агитации.

У меня злобная тяга к независимости, из-за того, что мною пренебрегали.

Космическая авиация.

Лишь когда они влились в мерцающий поток машин, резкую вспышку на окраине Нового Орлеана, Ферри завел этот разговор.

— Президент Джек работает сверхурочно. Ты об этом знал? Чтобы похоронить Кастро. Секретнейшая из операций. Спросишь, откуда я знаю? Я

произвожу судебное расследование для Кармине Латты. А Кармине осведомлен об этом. Управление сотрудничало с преступниками, чтобы прикончить Фиделя.

Сверкающая давка вокруг. По бокам за окнами лица.

— Видишь ли, без ведома Кеннеди этого сделать не могут. Он обстряпывает грязные делишки. С кем же ему советоваться? ЦРУ — президентская уборная.

Мимо пронесли детей, они щурились от яркого света.

— Кармине говорил с людьми из Чикаго, из Флориды. Интереснейшие сведения, Леон, пища для размышлений. Подумай. На одном уровне правительство ищет примирения с Кубой. На другом — подсылает убийц.

На следующий день, девятого сентября, Ли купил «Таймс-Пикайюн» и прочитал, что Кастро обвиняет Штаты в совершении организованных убийств.

«Пусть руководство Штатов знает, — говорил тот, — что если они содействуют террористическим планам уничтожения кубинских лидеров, то сами рискуют жизнью».

Ли несколько раз перечитал статью. Такое

чувство, будто они сами выпускают газеты — эти всезнающие Ферри, Банистер и прочие. Конечно, то, что Ферри накануне упомянул некие факты, а назавтра их напечатали в газете, — простое совпадение. Но так получается еще более странно, чем если бы он всем руководил.

Совпадения. В лагере он узнал от Раймо, что партизанское имя Кастро было «Алекс», от среднего имени «Алехандро». Ли когда-то называл себя Аликом.

Совпадения. Банистер искал его, не зная, в каком городе, штате или стране Ли находится, а он сам пришел к дому 544 и попросился на секретную работу.

Совпадения. Он заказал револьвер и винтовку с перерывом в шесть недель. Их прислали в один день.

Совпадения. Ли всегда читал две или три книги сразу, подобно Кеннеди. Служил на Тихом океане, подобно Кеннеди. Писал плохим почерком и с ошибками, подобно Кеннеди. Их жены забеременели одновременно. Братьев звали Робертами.

Он вернулся домой, и на следующую ночь у него снова пошла кровь из носа. Наволочка запачкалась. Марина сказала, что его трясло во сне.

Они все о нем знают — даже то, где достать

патроны для его винтовки. К тому же феды читают его почту. Еще и Марина беременна почти восемь месяцев, жалуется на то, как они живут, издевается над его убеждениями борца за прогресс. Он пропустил две встречи с Бейтманом. Ему безразличны деньги. Пусть забирают их себе. Он не их собственность, они не имеют над ним власти. Ли похудел — это стало заметно по одежде и отражению в зеркале. Становился с винтовкой на крыльце и целился в прохожего, старательно подняв оружие к подбородку и произнося про себя «поправка на ветер». Снова решил учить испанский.

Мексиканское консульство выдало ему туристическое удостоверение. Все свои документы и вырезки он содержал в порядке. Все для маленькой Кубы, пусть кубинцы видят, кто он такой.

Теперь можно получить визу и попросить поставить штамп с открытой датой. Можно съездить в Даллас и застрелить этого фашиста Уокера. Затем вернуться в Мехико и узнать, что виза готова — серьезный документ, гарантия путешествия в Гавану. Его будут приветствовать как героя.

Когда-то он учил испанский. Так что трудно не будет.

Ферри называл его винтовку «нам-ли-хер».

Ли привязал детский манеж и коляску к крыше микроавтобуса Рут Пэйн, зеленого «шевроле» 1955 года, с ржавыми пятнами и приспущенными шинами. Втиснул в салон чемоданы и коробки, все их имущество. Теперь все у Рут Пэйн. Он украдкой засунул винтовку, разобранную и завернутую в старое одеяло. Сверток он крепко обмотал бечевкой и связал морским узлом.

Сказал Рут Пэйн, что, может, поедет в Хьюстон или Филадельфию искать работу.

Глаза Марины были влажны от любви и тревоги. Он провел пальцем по ее длинной белой шее. Сдержался, чтобы не заплакать. Он подумал, что его лицо, омытое горем, сморщится, как у ребенка.

Этой ночью он носился под проливным дождем, выкидывая остатки барахла, пакет за пакетом. Запихивал старые газеты в соседский мусорный бак, откуда вываливались и разбивались бутылки. Интересно, кто-нибудь видит? Заметила ли какая-нибудь бдительная пожилая дама его полночные забеги? Неуклюжей рысцой он вернулся в дом, через мгновение выскочил снова и быстрым шагом направился по переулку, прижимая к груди мусор. Мальчик, который ни с кем не разговаривал на улице.

Следующим вечером он стоял на крыльце и ждал, когда к остановке напротив подъедет автобус. Автобус показался, и Ли поспешил через дорогу с двумя парусиновыми мешками и двухнедельной задолженностью по квартплате.

На междугородной станции «Трейлуэйз» он направился к кассе купить билет в Хьюстон — первый пункт на пути в Мехико. У кассы стоял Дэвид Ферри. Он был в мятой клетчатой спортивной куртке, из кармана торчала газета. Будто завсегдатай ипподрома, которому жить осталось два дня.

— Куда? В Мехико? За визой в маленькую Кубу?

— Да, — ответил Ли.

— И ничего не сказал кэпу Дэйву? Это нехорошо, Леон.

— Вы не говорили, чего от меня хотят. И я действую, как могу.

— Они знают, что ты уезжаешь. Следят очень внимательно. Я лично приставлен к этому делу. Леон, какая сейчас Куба? Мы еще не закончили работу.

— В общем-то, я планирую вернуться.

— Естественно, ты вернешься. Знаешь, почему? Американцам так просто визу не дают. К тому

же ты хочешь вернуться. Хочешь закончить свое дело.

— Чего от меня хотят?

— Теперь мы с тобой знаем, чего.

— Вы знаете. А я — нет.

— Ты знал почти с самого начала. Наверное, даже раньше, чем я. Пришел на болота стрелять из своего «нам-ли-хера». Ты в курсе, на чьей мы стороне. Знаешь, что мы не выберем мишень на твой вкус. Но ты захотел прийти. Наверное, поймал идею из воздуха. Я искренне верю, что в этом ты лучше меня.

Через зал прошел негр в высоких сапогах. Йо-йо, которые он продавал, сверкали в темноте.

Ферри уговорил Ли перекусить вместе с ним. Если он так хочет, Раймо отвезет его завтра в Хьюстон. Сэкономишь на автобусе. Прокатишься с комфортом на семейном автомобиле.

Они ели омлет дома у Ферри. Под кухонным столом хранилась взрывчатка. Ферри сидел в своей куртке и говорил, размахивая вилкой:

— Я просмотрел материалы по «Справедливости для Кубы», которые ты хранишь в доме 544. И заметил то, чего не замечал ты. Весы никогда не замечают того, что к ним относится. Официальный символ комитета «Справедливость для

Кубы» — вытянутая вверх рука, которая держит весы. Две чаши, подвешенные на жестком стержне. Куда бы ты ни шел, они рядом. На чью сторону склонится Леон?

— Я не знаю, чего от меня хотят.

— Знаешь, конечно.

— Тогда скажите, где это будет.

— В Майами.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Ты знаешь уже давно.

— Что будет в Майами?

Ферри помолчал, дожевывая кусок, и ответил:

— Возьмем две параллельные прямые. Одна из них — жизнь Ли Х. Освальда. Вторая — заговор с целью убийства президента. Что соединяет их? Что делает их связь неизбежной? Третья прямая. Она родилась из грез, видений, предчувствий, молитв, из глубочайших недр личности. Ее создали не причина и следствие, как две первые прямые. Эта линия идет наперекор причинной связи, наперекор времени. У нее нет истории, которую мы могли бы распознать или понять. Но она соединяет прямые. Ведет человека по пути, данному судьбой.

25 сентября

Ли проснулся на диване где-то за полночь. Очнулся резко, почти сразу. На книжной полке стоял телевизор, изображение беззвучно дергалось. Он слышал, как в ванной плещется Ферри. Все вокруг пропахло гашишем — волосы, одежда, обивка дивана.

Ферри появился в комнате нагишом. Брови и парик исчезли. Печальный, одутловатый и бесцветный, он шагнул из освещенного коридора в мерцание телевизора. Он напомнил кого-то из страны «нудо» — бритое обнаженное тело в токийской кабинке, голый монах, которому платишь за то, чтобы с ним сфотографироваться, бесконечные вариации на тему наготы, сатира для туристов. Ферри казался нечетким, полустертым. Заметил ли он, что глаза Ли открыты?

Он постоял с минуту рядом с книгами и торшерами, словно что-то забыл. Что он мог забыть, голый? Ли повернулся спиной к комнате. Просто перевернулся, как во сне. Закрыл глаза. Промычал что-то, будто бы крепко спал.

Ферри присел на край дивана, повернулся и положил руку поверх рубашки на живот Ли, по-

ложил руку на Хайдела, придвинулся ближе, от него резко пахло жидкостью для полоскания рта.

— Людям нужно быть добрее друг к другу.

Его рука скользнула вокруг талии. Распускает руки, подумал Ли. Старое выражение, так они говорили в старших классах школы, так девочки говорили о мальчиках. Он распускает руки.

— Нужно быть добрее, — прошептал кэп Дэйв.

Кажется, он вытянулся вдоль дивана, пристраиваясь позади Ли. Рука, обхватившая его за талию, медленно сдвинулась к штанам. Ли не позволит расстегнуть ремень. Они сцепились на мгновение и боролись за пряжку, не меняя поз. Ли не открывал глаза. Их руки боролись и хватали друг друга. Ферри оказался сильным. Одной рукой он удерживал запястье Ли. Когда берешь чье-то запястье обеими руками и скручиваешь в противоположные стороны, это называется «крапивка». Еще одно словечко со школьных времен.

— Нужно быть добрее, добрее, добрее…

Теперь он давил всем телом. Рука вроде бы угомонилась. Ли крепко сжал ноги. Глаза по-прежнему были закрыты. Щека прислонялась к грубой обивке. Ферри тяжело дышал над ним, покрывая своим дыханием голову и шею.

Спрячь в «Ли» букву «Л».

Никто не увидит.

Затем он ощутил, как влага просочилась сквозь штаны. Постарался не принимать это близко к сердцу. Ферри отодвинулся, дал ему полотенце, затем надел халат. Все это в темноте.

— Когда вернешься в Даллас, обязательно зайди в несколько *мест.*

— Я поеду в Мехико.

— Ну, когда вернешься. Есть местечко под названием «Музыкальный бар Джина». Зайди как-нибудь вечерком. Или в «Комнату века». Говорят, только открылась.

— Зачем?

— Познакомиться с людьми.

— С какими?

— С какими хочешь. Лично я не знаю далласских баров. Поэтому говорю с чужих слов. Не ходи в «Праздник». Там грубые посетители. Не для тебя, Леон.

— Не понимаю, к чему вы.

— Понимаешь. «Музыкальный бар Джина» — первый по списку. Тебе непременно нужно посмотреть, чем там занимаются. Расскажешь, что и как.

Появился гашиш.

— Гашиш, — произнес Дэвид Ферри. — Очень

интересное слово. Арабское. От него произошло слово «асассин».

Джек Руби любил по утрам свежевыжатый сок. Он покупал сразу восемь грейпфрутов, с суровым видом вынимал их из корзины, будто бы только они и могли спасти ему жизнь. Грейпфруты были распиханы по всему холодильнику. Ему нравилось шлепнуть по боку хорошего грейпфрута. Надежная штука. Джек любил взвешивать его в руке. Выжимание сока ассоциировалось у него с заплывами в бассейне или поднятием тяжестей. В свободное время он был помешан на спорте.

За порогом кухни начинался холостяцкий бардак. Все валялось как попало. Джека это вполне устраивало. Он ненавидел гостиничную обстановку и боялся ее. Ему достаточно было вспомнить, что было десять лет назад, когда он впал в отчаяние из-за неудач в бизнесе. Денежные трудности горой громоздились на плечах и свисали камнем с шеи. Дошло до того, что он поселился в дешевом отеле без лифта, на восемь недель заперся в номере, задернув шторы, и ел только для того, чтобы не протянуть ноги. Он был никчемным. Жить не хотелось. Единственный раз в жизни он был виновен в отчаянии, пал духом настолько глубоко, что преодолеть это

оказалось невероятно сложно.

Возможно, поэтому у Джека был сосед по комнате. Чтобы избежать ужасов одиночества. Или дело в его склонности привечать бродяг, людей практически без средств к существованию? Джордж Сенатор, пятидесятилетний продавец открыток с образованием восемь классов, разведен по почте. Много лет он переходил с работы на работу — повар в закусочной, продавец сувениров и галантереи, разъездной торговец женской одеждой, чью территорию сократили от всего Техаса до окраинных пустошей. Он помогал в клубе и периодически готовил Джеку еду, хотя не умел жарить и не мог распознавать органические потребности другого человека, приятные кулинарные мелочи, которые значат так много.

Выходя из кухни со стаканом сока, Джек едва взглянул на оплывшего жиром Джорджа, который сидел на диване в поношенном халате и кашлял, прикрываясь ладонями.

— Я жду очень важного звонка. Так что телефон не занимай. Всю неделю.

— А кому я вообще звоню? — ответил Джордж.

— Не знаю. В прогноз погоды.

— Я за погодой не слежу. Даже близко.

Джек слушал вполуха. Он умудрялся жить в

одной квартире с человеком и при этом вести себя так, будто он один. Его мысль работала слишком быстро, чтобы такой размазня, как Джордж, мог за ним поспеть. Он даже не видел, на что похожа свободная комната, с тех пор, как Джордж переселился к нему. Может, тот покрасил ее в оранжевый цвет. Нельзя сказать, чтобы присутствие Джорджа ему не нравилось. Просто привыкаешь, что рядом всегда кто-то есть, когда растешь с семерыми братьями и сестрами, а еще двое умерли в младенчестве.

Одиночество давит. В этом соседи по квартире были согласны.

Джек запил грейпфрутовым соком «Прелюдии». Побродил по гостиной, пытаясь сформулировать мысль. Ни слова за шесть недель. Его заставляют болтаться в воздухе. Он пошел на кухню и сделал еще соку. Надо избавляться от лысины. Совсем распустил себя.

— Кто должен звонить? — поинтересовался Джордж.

— Старый знакомый из Нового Орлеана.

— Насчет денег?

— Он говорил, что будет сегодня в Далласе. Ладно. Подожду.

— А тот, второй? — спросил Джордж.

— Карлински? Он чистоплюй до мозга костей. Я от него ничего и не ждал.

— Так ты сказал что? Свяжешься с Новым Орлеаном?

— Я пошел в обход Карлински. Перепрыгнул его футов на десять.

— А тот человек что-то даст?

— Поживем — увидим.

— Но ты сказал ему напрямую, что тебе нужна ссуда?

— Он и так в курсе. Еще с прошлого июня, когда мы столкнулись на улице. Я тогда был в Новом Орлеане, искал Наездницу Рэнди для клуба.

— Никогда там не бывал, — сказал Джордж.

— Это город, где проще добывать деньги. В том числе грязные.

Джек надел куртку и шляпу, взял мешочек для денег и револьвер, подхватил Шебу с кресла и спустился к машине. Посадил собаку на переднее сиденье, открыл багажник и бросил в него мешочек. Затем поехал на Коммерс-стрит и купил газету в киоске на углу. Вернувшись в машину, заметил на заднем сиденье узел грязной одежды, связанный пижамной штаниной, который оставил семь-восемь дней назад. Огляделся: где стакан воды? Нервы шалят. Проехал полкварта-

ла назад к «Карусели», проверяя, правильно ли написаны имена девочек на афише. Несколько туристов из Топеки разглядывали журналы на уличной стойке. Джек представился, пожал им руки, дал свою визитку, забрал собаку из машины и поднялся по узкой лестнице.

Зайдя в пустой клуб, он почувствовал, как же хорошо все сложилось: он бросил школу в Чикаго, где его прозвали Живчиком, спекулировал билетами у бойцовских арен, продавал гвоздики у танцплощадок, а теперь он владелец клуба, известная персона, в газетах ему дают рекламу, на какую способна только Америка.

Джек зашел к себе в кабинет, позвонил местным налоговикам и сообщил, что вынужден перенести назначенную встречу, потому что не смог получить правильно заполненные документы. Эту фразу предложил его адвокат. Ему назначили другое время, и он пообещал принести тринадцать тысяч наличными, чтобы уладить дело о неуплате. Тоже фраза адвоката.

Он прошел в бар, налил воды и проглотил очередной «Прелюдии». Чтобы день бежал быстрее, и веселее думалось. В кабинете зазвонил телефон. Он поспешил туда и взял трубку. Это был Джордж. Ему позвонили. Тот человек в городе.

Тони Асторина. В «Карусели», в полдень.

В задней комнате лаяли собаки, просились на улицу. Джек сел в машину и проехал полтора квартала к гастроному «Ритц». Купил полдюжины сэндвичей, напитки и вернулся в клуб.

Позвонил его брат Сэм. У него появились новые идеи насчет производства этих пластиковых вертушек, которые крутятся на высоких оградах перед станциями техобслуживания и автомобильными парковками, чтобы вид был более праздничный.

Позвонили из «Таймс-Геральд».

Позвонила стриптизерша по имени Двойной Восторг.

Позвонили с радио «КЛИФ».

Позвонил детектив Рассел Шивли.

Позвонил брат Эрл. Попытался отговорить Джека от идеи с вертящейся доской. Джек хотел изготовить приспособление для упражнений — две фибролитовых пластины, между ними что-то вроде диска с подшипниками. Становишься на них и крутишься. И приятно, и для мышц полезно.

Вошел Тони Асторина, коротко, по-боксерски, кивнул и махнул рукой. Казалось, на другие движения он не способен. На его лице было написано:

где мой кофе? Кофе у Джека прямо здесь. Они поговорили немного о том о сем. Тони было под сорок, но одевался он как юнец. Глаза на одутловатом лице превратились в щелки. Он сообщил, что ему нужно кое-где быть через сорок пять минут. Это прозвучало солидно. Джеку неприятно было услышать такое. Хотелось верить, что Тони заинтересован в их беседе, а не просто заскочил убить время.

Из задней комнаты доносился лай, приглушенный и хриплый, словно из китайской деревни.

Наконец Тони сказал:

— Ростовщичество — это не для нас, Джек. Есть люди, которых я могу тебе рекомендовать. Но не буду утверждать, что так и поступлю. Все эти клубы, я не знаю… слишком шаткое предприятие.

— Меня знают в четырех городах, даже в пяти.

— У тебя репутация такая: Джек Руби — упертый еврей. Попросту говоря. Еще со времен профсоюзов.

— Сборщиков металлолома и мусорщиков.

— У него на счету много чего.

— Я слишком скандальный. Все дело в темпераменте, я просто взрываюсь. Моя теория — надо забирать мяч. Действовать жестко и быстро, и они опомниться не успевают, как ввязывают-

ся в спор. Через десять секунд я уже невинный младенец.

— Но я тебе о чем говорю? Дело не в темпераменте. Вопрос в том, откуда возьмутся деньги, чтобы вернуть долг.

— Из бизнеса. От клубов. И еще от нескольких дел, которые я затеваю в окрестностях. Я что хочу сказать… Ты же на короткой ноге с Кармине.

— Кармине. Я не могу подойти к нему с этим. У Кармине гигантский — даже говорить не стану — гигантский оборот, ты даже представить не можешь. Думаешь, он целыми днями занимается бизнесом? У него для этого есть организация. Этот человек ездит на совещания. У него постоянно встречи. Он правит страной, Джек.

— А ты замолви за меня слово. Зарони мысль.

— Ему столько всего выкладывают. Причем такое, о чем я вообще не слышал. Как, например, я только что узнал о Кеннеди и этой женщине. Продолжается два года. Мо постоянно рассказывает Кармине.

— Что за женщина?

— Ты знаешь Мо?

— Джанкана.

— Сэм.

— Джанкана.

— Два года Кеннеди пердолит эту женщину, которая любовница Сэма. Первого я не знал. Они занимаются этим в Нью-Йорке. В Лос-Анджелесе. Минут двадцать в Чикаго, раз-два, когда он приезжает туда собирать средства.

Джек попытался это представить.

— А Кармине все докладывают. Она видела его там или сям, он сказал то, он сказал это. Два года, Джек. Они этим занимались в Белом доме.

Джек и помыслить не мог, что президент Соединенных Штатов трахается с любовницей Момо Джанкана. Тут какая-то ошибка. Это же парень с «Пятака» в Чикаго, из Города макарокников в пяти или шести кварталах от дома, где вырос Джек. Джек был личным другом двух головорезов Мо. Он годами слышал имя Джанкана. С тех времен, как того называли Муня. Бригантину для Банды-42 гонял. Пятьдесят или шестьдесят раз арестовывали. Сидел в Джолиете. Сидел в Ливенуорте. Сейчас он авторитет в Чикаго, Лас-Вегасе и так далее. Но делить любовницу с президентом? Джек понял, что тяжело будет вернуться к разговору о ссуде для провалившегося бизнеса.

Тони все еще сидел в кресле, но только с виду. Он уже собрался уходить, Джек заметил по его рукам нетерпение, будто у завязавшего куриль-

щика.

— Джек, я пришел к тебе по старой памяти.

— Как мы плавали на крыше «Капри».

— Я и говорю. Я не просто кофе попить зашел.

— Я ценю, Тони.

— Я пришел, потому что мы вместе уже давно.

— Мы трахались в смежных комнатах.

— «Гавана», матерь божья.

— Тони, я собираюсь раскрасить клуб. Совершенно по-новому. Основным цветом будет красный шелк, как в старые добрые времена. Скоро возобновятся съезды. Может, у Кармине как-нибудь найдется свободная минутка подумать об этом, пока он в машине едет.

— Я бы хотел оставить тебе хоть какой-то проблеск.

— Ценю.

— Я просто его катаю. На самом деле гораздо важнее другое. Каждое утро я надеваю на него жилет. И хорошенько затягиваю.

— Какой жилет?

— Его бронежилет. Он же, мать твою, страной правит.

Они пожали друг другу руки у лестницы. Затем Тони обнял расчувствовавшегося Джека.

— Хочу кое-что сделать. Я пришлю тебе дос-

ку-вертелку. У меня есть такая, хочу, чтоб ты попробовал. Тестовая модель. Тони… Мы же *плавали.*

Джек позвонил Джорджу Сенатору.

Позвонил сестре Еве.

Позвонил раввину Хиллелю Сильверману.

Позвонил Линетт Батистон, Наезднице Рэнди, и сказал, что выходной ей брать нельзя. Двойная Радость у себя в Гранд-Прейри с больным животом.

Джек открыл дверь в заднюю комнату, и собаки наперегонки бросились наружу как безумные. Собачья преданность как-то залечивает раны, которые достаются нам в этом мире. Он вытащил Шебу из этого клубка шерсти и направился к машине. Проехал квартал к банку. Съездил в «Шератон» и зашел в буфет сообщить девушке за стойкой, что знает анекдот, от которого она просто рухнет. Объехал несколько магазинов в поисках диетической еды. Услышал полицейскую сирену и подумал о погоне — просто так, чтобы встряхнуться, но тут же потерял всякий интерес, и на него напала хандра.

В этом мрачном настроении он почувствовал себя никем. Кто он такой? Кому до него может быть дело?

Он поездил еще немного, затем остановился у пекарни и купил чизкейк. Взял его с собой в здание полиции и суда, поднялся в лифте на третий этаж. Сунулся в несколько кабинетов и понес чизкейк в конференц-зал. Туда вошло человек пять служащих и детективов. Джек запил «Прелюдии» глотком холодного кофе из бумажного стаканчика. Кто-то заметил, что у Джека обрубок вместо указательного пальца. Несчастный случай, как исстари ведется. Он рассказал два анекдота, все посмеялись. Затем прошел по коридору в отдел убийств, заглянул туда и увидел Рассела Шивли, долговязого типа с загорелым лицом, который сидел за столом и читал «Поля и ручьи». Джек всегда считал его эдаким старомодным идеалом техасского служителя закона.

— Рассел, сколько мы уже знакомы?

— Не знаю, черт возьми.

— Я тебе когда-нибудь говорил о самоубийстве?

— Вроде бы нет, Джек.

— Рассел, если я когда-нибудь скажу тебе о самоубийстве, или что хочу умереть, или наложить на себя руки, то знай — это не пустая угроза, чтобы добиться внимания. Если ты однажды поднимешь трубку, услышишь слова: «Я сейчас

покончу с собой» и узнаешь мой голос, то знай — это не блеф.

Все это, конечно, прозвучало невпопад, поэтому Рассел просто внимательно посмотрел Джеку в глаза и кивнул, не представляя, что ответить.

Джек снова нахлобучил федору с заломленными полями и вышел из комнаты. Спустился к машине и поехал в «Карусель». Вспомнил, что надо позвонить в несколько мест. По полу катались бутылки и банки. Он подумал о драке, в которой потерял палец. Десяток лет назад он совершенно по-звериному сцепился с гитаристом «Серебряной шпоры», которой тогда управлял. Этот гитарист откусил ему часть указательного пальца на левой руке. Он это сделал одним решительным укусом, мотнув головой, верхняя фаланга повисла и восстановлению уже не подлежала. Пострадала репутация Джека, ведь он хотел податься в масоны, вольные каменщики, или как их там называют, чтобы завязать деловые знакомства или дружбу. Но масоны не примут в свои ряды человека, у которого не хватает части тела. Таков у них древний закон.

Джек позвонил своему адвокату.

Позвонил в «Утренние новости» насчет рекламы клуба.

Позвонил стриптизерше по имени Дженет Элворд.

— Я не кажусь тебе гомиком, Дженет? А мой голос? Говорят, я шепелявлю. Может, нормальные люди так и воспринимают голубых? Как считаешь, вдруг я тайный гей? Я могу пойти по другой дорожке? Не виляй хвостом, Дженет. Мне нужна полная правда.

Пришел бармен. Джек попенял ему, что стаканы не идеально чистые. Заметил новую официантку в длинной блузке с оборками. Отвел ее в угол и рассказал анекдот. Она громко расхохоталась. Рассказал еще один, короткий, и быстро удалился, глянув через плечо, как она смеется в углу.

Ему нравились женщины с веснушчатой грудью в декольте.

Он сел в машину и поехал домой, пообедать. Ведь каково жить еврею в таком месте, в таком штате, как Техас? Толком не выговориться, не настоять на своем. Но Джек любил этот город. Здесь он мог жить так, как хотел. Не приходилось скрывать своего происхождения. Не приходилось слушать анекдоты про евреев от конферансье в клубе. Конферансье знал, что один еврейский анекдот может закончиться для него вызовом «скорой». Нет, Джек не жаловался. Просто иногда

такое ощущение, будто они скрывают некую тайну. Он вырос тут, в окрестностях, в боях между кварталами. Что такое Даллас по сравнению с этим? Он приходил домой весь в крови, потому что вступался за евреев. Встречал сестер на трамвайной остановке в Городе макаронников, чтобы никто не кричал им вслед «жидовки», не причмокивал за спиной, не прикасался к ним. Нет, Джек не жаловался. Просто такое чувство, будто ты вне игры. Но у него авторитетные друзья. Он любил дать ссуду молодому полицейскому, у которого родился ребенок. Клуб посещали полисмены в штатском. Сколько можно назвать городов, где еврей заходит в штаб-квартиру полиции и слышит: «Привет, как дела? Джек пришел». Я обязан жизнью этому городу.

Джордж объявил, что сегодня на ужин спагетти.

— А я думал, жареная треска.

— Откуда?

— Я же приносил треску… когда, не помнишь?

— Ничего не знаю, — ответил Джордж.

Джек запил «Прелюдии» остатками сока.

— В общем, я расстроен.

— Насчет чего?

— Насчет того, что он сказал.

— Не дал ссуду.

— Они готовы прикрыть мой клуб.

— Ты слишком много пьешь этой дряни, Джек.

— Их прописывают от ожирения.

— Но не настолько же ты толстый.

— Мне нужен стимул, — ответит Джек.

Он взял купленную утром газету и отправился в туалет. Читал Джек только в туалете. Самое приятное за весь день. Он читал о ночной жизни города, рекламу клубов, местные сплетни, развлекательную колонку. По всему городу идут представления. Он поискал конкурентов. Испражняясь, он успокоился. Наступило умиротворение.

После он беседовал на кухне с Джорджем.

Не хотелось снова доходить до того, чтобы ночевать в клубе. Не так давно ему негде было жить. Новую квартиру он еще не нашел, не хватало наличных, чтобы выкрутиться. Ночевал в клубе. Жил там, питался, спал на раскладушке в задней комнате вместе с собаками. Вся его жизнь проходила под одной крышей. Запах пива, табачного дыма, собак и всего остального. Хуже было только в отеле «Коттон Боул», когда он Два месяца просидел в темноте. Не хотелось снова докатиться До такого. Когда негде жить и все идет наперекосяк.

По словам Джорджа, чтобы узнать, готовы ли спагетти, нужно достать макаронину из кипящей воды и швырнуть ее в стену. Если прилипнет, значит, сварились.

Джек быстро поел и отправился в клуб на своем тарахтящем «олдсмобиле».

Гай Банистер сидел у себя в кабинете, склонив в раздумьях старую львиную голову. Уже стемнело. Какой-то бродяга мочился на улице, орошая стену их здания. Горела настольная лампа. Гай взял досье на китайских коммунистов. Это досье, последнее кошмарное досье, он отложил на конец дня, чтобы спокойно, без суеты изучить.

Отряды китайских коммунистов высаживают в Бахе, их там, блядь, десятки тысяч. Мобилизуются, скапливаются, их все больше и больше. На фуражках маленькие красные звезды.

В общем-то, ничего нового в досье не прибавилось. Все те же слухи и домыслы. Там, в бледных песках, собралось единое гигантское безмолвное войско китайцев в телогрейках, и ждет сигнала. Здесь нечего уточнить или добавить. Классическое скопище китайцев.

Хотелось бы верить, что так и есть. И он верил. Но в то же время знал, что все не так. Ферри говорит, что не имеет значения, правда это или нет.

Важно другое — восторг от боязни поверить. Это все подтверждает. Это все оправдывает. Любую жестокость или ложь, каждую измену жене. Дает ему схлопнуться, раствориться в благоговейном ужасе. Так говорит Ферри. Это объясняет его сны. Китайцы влияют на его сны. Все до единого кошмары или странности сна, все, чего не выразить словами, разрисовано под китайский фарфор.

С неба на белом шелке слетают люди. Ему нравилось думать о живой толпе, о том, как молчаливые мужчины складывают парашюты, прячутся в бледных песках. Ни ракет, ни спутников, никакой самоуверенной техники. В китайском досье говорилось о массе людей в телогрейках, собирающейся у границы. Этот страх нужно неторопливо смаковать.

Отворилась дверь, и зашел Ферри, прервав его размышления. Прислонился к стене, жуя картошку фри из коробки.

— Пришел доложиться. Не знаю, насколько тебе будет приятно это слышать.

— Где Освальд?

— Сейчас в Хьюстоне. Я попросил Фрэнка и Раймо отвезти его. Там он сядет на автобус до Мехико.

— Мэкки сказал, что может договориться с ку-

бинцами, и они не впустят Освальда. У него связи с Управлением в Мехико. В кубинском посольстве обязательно есть кто-то из Управления. Мы рассчитываем, что Леон вернется в Техас. Известно, что у микроавтобуса, который стоял около его дома, был техасский номер. В этой машине уехали его жена и ребенок.

— Наверняка его винтовка уехала с ними.

— Он на нашей стороне? — спросил Банистер.

— Как раз это тебе будет неприятно слышать.

— Он отказался.

— Верно. Но время еще есть.

— Он знает, чего мы хотим?

— Знает.

— Ему это неинтересно?

— Нужно время. В нем идет борьба.

— Ты ведешь его, Дэйв.

— Мы говорили утром. Насколько я смог его разговорить. В нем ничего не изменилось.

— Ты же все время говоришь, будто забрался в его разум.

— Я и забрался. Сижу там. Будто в автомойке, блядь.

— Он стрелял в Уокера.

— В том-то и дело. Уокер — это политика. Но Леон не может настроиться против Кеннеди. Счи-

тает, что Кеннеди исправил ошибки прошлого. Он слегка поддался чарам президента.

Банистеру захотелось что-нибудь сломать.

— Леон из тех, кто в определенный момент выпускает из рук ситуацию, — сказал Ферри. — Просто этот момент еще не настал. Где Мэкки?

— В Майами. Строит два дома. Один для «Альфы», второй для его команды.

— Что, если Леон согласится?

— Если согласится, отправь его в Майами накануне вечером, — ответил Банистер.

— И что потом?

— Нужно все проработать.

— Когда все кончится, я хочу, чтобы он уехал отсюда, — сказал Ферри. — Не хочу, чтоб его бросили или убили. Пусть оставит винтовку и уматывает вместе со всеми.

— Есть такая вероятность.

Ферри бросил пустую картонку в сторону корзины.

— Ты доверяешь «Альфе-66»? — спросил он.

— Почему нет, черт возьми? Их лихорадит со времен залива Свиней. Два с половиной года с градусником в заднице. Они готовы. Никто в их готовности не сомневается.

— Ты доверяешь Мэкки?

— Полностью. Ему нужна шеренга стрелков. Человек восемь по обеим сторонам улицы. Не больше десяти. Стрелковый коридор.

— Я думал, Мэкки любит хитроумные операции.

— Любит. И делает. «Альфа» участвует, хотим мы того или нет. Лучше объединить силы. Большую часть работы он сделает. Как только кортеж оказывается на улице, Мэкки проводит разведку и расставляет позиции. Герой въезжает в город Опля. С первого же раза он вылетает из седла.

Они спустились по лестнице и остановились у входа снаружи.

— Мы запустим еще кое-что, — сказал Банистер. — Мы хотим чтобы остались следы деятельности Освальда, начиная с сегодняшнего дня и до конца операции. Несколько происшествий. Нужно сделать так, чтобы Освальда запомнили люди. Пусть займется сомнительным бизнесом.

— А если откажется?

— Мы создадим своего Освальда. Второго, третьего, четвертого. Этот план вступает в действие независимо от того, куда он поедет после Мехико. Освальд нужен Мэкки в Техасе. Ему нужно, чтобы «Альфа» дала людей. Я говорил с Кармине Латтой насчет финансирования этого дела.

— С Кармине разговариваю я.

— Не в этот раз.

— Я держу с ним связь.

— Помолчи, дай сказать.

— У нас взаимопонимание.

— В Далласе есть отделение «Альфы». Штаб-квартира в каком-то заброшенном доме. Сегодня Кармине послал в Даллас своего телохранителя с полными карманами денег.

В Мехико

Открытка № 6. Мехико. Город древний и современный. Беспорядочный и в то же время уютный. Город контрастов. Леон стоит в своем номере «Отеля дель Комерсио», пересчитывает песо. У него есть карта города, где четко отмечены сегодняшние маршруты. При нем документы и вырезки. Испанско-английский словарь за тридцать пять пенсов с изображением кенгуру. (Новый, краткий. *Nuevo, conciso.*) Ему нравится путешествовать за границу, прямо как президенту.

Он прошел пешком две мили от гостиницы до кубинского посольства. Сказал там девушке, что едет в Россию и хочет ненадолго остановиться на Кубе. Проще получить транзитную визу, потому что кубинцы настороженно относятся к американцам. И в том, кто едет в Россию, сомневаются.

Женщина изучила его старый советский пропуск на работу, свидетельство о браке с русской гражданкой, свидетельство о том, что он является руководителем комитета «Справедливость для Кубы», газетную заметку о его аресте и множество других документов.

Не сказала «да». Не сказала «нет».

Она отправила его фотографироваться на визу. Пройдя несколько кварталов, он остановился у советского посольства. Такая близость вселяла надежду. Посольство представляло собой большую серую виллу с колоннами у входа и причудливыми слуховыми окнами. Там стояли вооруженные часовые и высокая остроконечная железная ограда. Леону подумалось, что, наверное, когда он заходил внутрь, его снимала скрытая камера.

Чиновник просмотрел его документы. Было бы неплохо, сказал он, если бы Леон пришел с кубинской транзитной визой на руках.

Ладно. Он сфотографировался и вернулся в кубинское посольство. Женщина сказала, что сначала он должен получить советскую визу, а потом уже транзитную кубинскую.

Ладно. Он вернулся на виллу. Чиновник сказал, что советскую визу он получит не раньше чем через четыре месяца, если вообще получит. Леон ответил, что в Финляндии ему сделали визу за два дня. Чиновник ответил: «Но тут же Мехико». И Леон ожидал, что он добавит: «Колыбель махинаций».

Он поел суп, рис и мясо. Это стоило сорок два цента. Он переводил меню со словарем, заказы-

вал блюдо, потом переводил дальше.

На следующий день он пришел в кубинское посольство и потребовал консула. Стоял там и кричал на него. Они громко и ожесточенно спорили. Он знает свои права. Он друг революции.

Затем отправился в советское посольство и попросил связаться с посольством в Вашингтоне. Там хранится подшивка писем. У него русская жена. Они поженились в тот день, когда Кастро наградили орденом Ленина.

Леону пришло в голову, что этот чиновник — из КГБ. Поэтому он упомянул Кириленко. Правильно ли он поступил? Во всяком случае, имя — уже какая-то связь. Еще Леону подумалось, что его фотографировали не только советские скрытые камеры, но и камеры ЦРУ, спрятанные в здании на той стороне улицы, или в припаркованной машине, или — что вполне вероятно — висящие на спутнике в небе.

Номер его комнаты — восемнадцать. Скоро октябрь, а он родился восемнадцатого. Дэвид Ферри родился восемнадцатого марта. Они как-то сидели и обсуждали это. Год рождения Ферри — 1918-й.

В воскресенье он сходил в кино днем, а потом еще раз вечером.

На следующий день появился в кубинском посольстве, позвонил в советское посольство, затем отправился туда.

Куба и Россия. С Россией еще не все потеряно. Он может туда и вернуться, если Марине дадут визу. Может просто съездить или остаться насовсем. Они снова будут жить семьей.

Леон спросил советского чиновника, пришел ли из Вашингтона ответ на телеграмму. Сказал, что в благодарность за оплату поездки в СССР предоставит информацию. Снова упомянул Кириленко.

Вечером ознакомился с номером «Эста Семана», который взял в холле. События и места на английском и испанском. Все напечатано дважды, и он постоянно переводил глаза с одного языка на другой.

На следующий день в обоих посольствах ему сообщили, что новостей нет. Он опять показал свои документы и почту. Документы придают материальность требованиям и желаниям. Человек с документами материален.

Но здесь просто бюрократическая ловушка на двух, трех языках, и ничто не помогает. Ему отказали, дело застопорили. Трудно поверить, что представители новой Кубы так с ним обошлись.

Какое глубокое разочарование. Такое чувство, будто он живет в пустоте. Хочется ощутить структуру, в которую он включен, четкое определение, где его место. Но система проходит мимо него, мимо всего подряд, даже мимо революции. Он в этой системе — никто.

Третий или четвертый раз он обедал в ресторанчике рядом с отелем. Подумалось, что агентства в Штатах сейчас общаются между собой насчет этой прослушки и снимков скрыли камерой.

До сих пор он был единственным североамериканцем и в отеле, и в ресторане. Но вдруг осознал, что на него смотрят — человек за столиком у кухни, и Леон ясно видел, что это не мексиканец. Вроде бы он мельком заметил, как входил этот человек. Но смотреть в ту сторону не хотелось. Он чувствовал такое, чего лучше бы не знать. Из радио на полке доносилась музыка — может, и фанданго. Он передвинулся так, чтобы оказаться спиной к тому углу, где сидел человек. Потому что самое интересное в этом, самое странное, удивительное и необычное — Леон уверен, что это Ти-Джей Мэкки. Он осторожно пьет воду. По спине поднимается жар. С первого взгляда ясно, что этот человек не мексиканец, Широкоплечий, с короткой стрижкой. Леон вынул из кармана сло-

варь, просто так, чтобы что-то сделать, пролистал его. Это был просто взгляд мельком, размытое пятно. Он медленно пил воду, почти для профор-мы, следя за собой, держался прямо и серьезно, как человек, знающий, что за ним наблюдают.

Переходя площадь, он услышал чей-то оклик: «Леон!» Но имя произнесли скорее на испанский манер, чем на английский, поэтому он решил, что обратились не к нему.

На следующий день в девять тридцать утра он сел в автобус на двенадцатое место, которое забронировал на имя Х.О.Ли. И лишь когда через семнадцать часов они подъехали к мосту между Мексикой и США, Леон осознал, что забыл посе-тить дом Троцкого, дом-крепость в Мехико, где Троцкий провел последние годы изгнания. От досады перехватило дыхание, он обмяк, но тут же взял себя в руки, сказав: «Ну и ладно».

Он вез два банана в бумажном пакете, и преж-де чем автобус подъехал к таможне, вынул их и проглотил. Он думал, что фрукты запрещено везти через границу, а сейчас ему меньше всего нужна очередная перепалка с властями.

4 октября

Мэри Фрэнсис возила пылесос по гостиной. Она казалась себе оплывшей и какой-то гормональной. Нужно прилагать усилия, чтобы просто жить, переставлять тяжелые ноги. Пятница, уроки закончились, и она пылесосила вокруг Сюзанны, которая сидела на полу и смотрела мультфильмы про кроликов. Пропылесосила порожек между гостиной и столовой. Пропылесосила вокруг стола и под дубовым сервантом. Сегодня все тело как будто свинцовое, борешься за каждое движение.

Уин прошел мимо дверей с ножом в руке.

Она снова оттащила в гостиную пылесос, купленный пять лет назад «хувер» с корпусом в виде космического спутника. Забавно, она с пылесосом перед экраном, а Сюзанна даже не жалуется. Девочка будто смотрит сквозь нее. Слышит мультяшные голоса через вой «хувера».

После обеда Уин спустился в подвал, разобраться, что там шумит. Он видел со стороны, как идет по деревянной лестнице, слегка опустив голову и распрямив пальцы правой руки. Дома порождают шум, сказала Мэри Фрэнсис. Он ощутил запах

скипидара и понял, почему человек может подсесть на скипидар, жить этим летучим, вязким, смолистым запахом. Мэри Фрэнсис говорит, что дома все время ворочаются и оседают.

Спасибо. Но за этим стоит что-то еще.

Он вернулся в гостиную и сел рядом с женой, послушать радио. Ей нравились проповедники «возрожденцев», эти люди обладают зловещим красноречием.

— Неважно себя чувствуешь? — спросил он.

— Нет, нормально.

— Хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Все нормально.

— Иначе было бы ужасно. Тебе не должно быть плохо, понимаешь? Я этого просто не вынесу.

На коленях у нее лежал каталог «Сиэрс». Она заказывала покупки по каталогу, когда их поселяли где-нибудь в глуши. ТРОПИК ИЗОЛЯЦИИ. Что, черт побери, случилось с Мэкки?

— Не будь таким мрачным, — сказала Мэри Фрэнсис.

— Разве ты не любишь, когда о тебе заботятся?

— Но не так же.

— Домохозяйке никогда времени на себя не хватает. Но ей же должно нравиться внимание?

— Не такого же. У тебя настолько убитый вид.

Просто мороз по коже.

Он рассмеялся. Было слышно, как Сюзанна прошла по кухне, напевая стишок, любимый здешними детьми. Мэкки обошел все попытки Парментера выследить его. В чем дело? Ларри сказал, что он, скорее всего, вышел из игры. Не хочет участвовать. Хочет сменить род деятельности. Все кончено. Мы сделали попытку.

Горошек — музыкальный фрукт:
Чем больше ешь, тем громче пук.

Сам Парментер находился в Буэнос-Айресе, где ему показывали место новой работы. Это будущее Управления, сообщил он Эверетту. Следить за денежным обращением в мире. Перемещать и прятать деньги. Создавать денежные запасы. Финансировать крупные операции с помощью разветвленных денежных сетей.

Улан едет в Техас.

— Заметил, какой у нее небрежный тон? — спросила Мэри Френсис.

— Это же детская песенка. А что с тоном?

— Нет, дело в том, что она как бы репетирует небрежность. Чтобы мы не догадались, что поется это для нас.

— Просто небрежный тон и все.

— Где нож для мяса, которым ты отскребал краску? Все ножи куда-то деваются.

Предчувствие. Неделю назад в «Рекорд-Кроникл» появилась заметка о путешествии президента. После турне по Флориде — короткая поездка в Техас в ноябре. Остановки в Хьюстоне, Сан-Антонио, Форт-Уорте и Далласе. Три-четыре строчки, затерянные среди страниц, их заметит лишь человек, живо интересующийся местонахождением президента. Есть нечто зловещее в том, что президент Джек направляется именно сюда, подумал Уин. Объект заговора приближается к заговорщику. При условии, что из Майами он уедет. Парментер мог ошибиться. Возможно, кое-что до сих пор в силе, происходит некое движение по определенной логике.

— Я не нашел скребок, — ответил он.

— Не нужно брать ножи.

— Что-то странное с этим скребком. Точно знаешь, где он лежит. Смотришь прямо на него. Но не видишь, он сливается с общим фоном. Ничего не поделаешь, фон сбивает с толку.

Он хотел найти способ избавиться от страха и мук совести. Не настолько он силен, чтобы спокойно отнестись к тому вреду, что может причинить операция, если ей снова дали ход.

Он почти молился, чтобы все раскрылось. Если его обвинят, посадят на полиграф, детектор лжи, заставят сказать правду это будет избавлением. Он верил в эту правду. Боялся и надеялся, что его проверят на полиграфе. В Управлении безопасности есть модели, которые помещаются в чемодан. Можно сидеть дома и дрожать. К тебе приедут с небольшим порожным чемоданом «Самсонит», все распакуют, с серьезным видом зададут попутно несколько контрольных вопросов. Остальное сделает его тело, беспомощно выдав все, что знает. Машина вклинивается между человеком и его тайнами. В детекторе лжи есть нечто глубоко личное. Он проверяет состояние кожи и видит, как ты волнуешься. Когда лжешь, ускоряется биение сердца. Кровь стучит в висках. Причудливая старомодная теория, но он видел, как хороша она в действии. Провалил один тест. Сломался в начале второго. Полиграф. Чисто техническое слово из лексикона специалиста, но все же традиционное, понятное, происходящее из греческого языка.

— Где она? — позвал Уин. — Где моя девочка?

— У себя в комнате, — ответила Мэри Френсис.

— Но мы хотим, чтобы она спустилась сюда, — кричал Уин. — Нас нужно как следует развеселить.

— Раз уж она у себя, вопрос исчерпан. День определенно закончен.

— У меня не было своей комнаты, — произнес он.

— У меня, слава богу, была.

— Думаю, ты обратишь внимание на то, что крупные исторические фигуры редко имели отдельную комнату.

— Я любила свою комнату — сказала она.

— Хочешь сказать, что с той поры тебе никогда не было так хорошо? — Уин снова позвал: — Иди сюда, поговори с нами, а то нам будет очень пло-о-о-хо!

Он вышел на крыльцо, посмотреть, что за шум. Постоял там, покурил. Доносились слабые звуки радио. Старый знакомый голос, голос радио из другой эпохи возвращает все. Этот дом лелеет воспоминания. Изогнутое крыльцо. Дубовые столбы, увитые лианами.

Уин знал все изобретенные способы обмануть детектор, но также понимал, что не хватит сил ими воспользоваться. Он верил в полиграф. Был согласен взаимодействовать с ним, чтобы всем показать, как хорошо работает машина. Приборы делают нас уступчивыми. Нам хочется ублажить их. Детектор лжи — единственная надежда на

избавление после всего, что он натворил, что выпустил в массы. Способ избежать смерти. Потому что придет время, и они вдруг исполнятся сожаления. Увидят, что он действовал во благо своей страны. Он любил свою страну. Любил Кубу, знал язык, читал книги. Он окажется за пределами «да» и «нет». Надо предупредить о том, что заговор по логике стремится к смерти. Ти-Джей где-то далеко, жует жвачку и щурится на свет. Они кивнут и все поймут. Их глаза наполнятся всепрощением. Все-таки они не безжалостные люди. Скажи о своих намерениях Управлению. Управление простит.

Бог живет и здравствует в Техасе.

Уин вернулся в дом и выключил радио. И половины дня не прошло, а уже снова ложиться. Он проверил, заперта ли дверь, и выключил свет на крыльце. В сотый раз прошел по коридору, проверил заднюю дверь, проверил, перекрыт ли газ у плиты. Плита — последний объект проверки на первом этаже. Осталось только погасить свет на кухне. Он щелкнул выключателем и начал подниматься по лестнице.

На последней ступеньке он споткнулся. Всего лишь оступился, ничего страшного, никаких последствий, но Мэри Фрэнсис молча выскочила

из спальни, схватила его за локоть и завела в комнату.

Он сел на кровать и принялся разуваться. Жена пытливо всматривалась в его лицо.

— Просто споткнулся, — сказал он.

— Было слышно.

— Всего-навсего оступился.

— У тебя завтра семинар. В корпусе изящных искусств и естественных наук. В десять утра.

— Я хочу, чтоб у тебя все было хорошо, — сказал Уин. — Чтобы все было замечательно. Нельзя допустить, чтобы тебе стало не по себе. Я вообще ничего не смогу, если тебе будет в чем-то плохо. Только ты имеешь для меня значение.

Управление простит. Любой из четырех директоров на высшем уровне прекрасно понимает, насколько рискованна тайная деятельность. Им понравится его желание сотрудничать. Более того, они оценят по достоинству сложность его плана, пусть и не завершенного. В нем мастерство и память. Ответственность и духовная сила. И еще — портрет их собственных преступных желаний. Никогда он не принадлежал Управлению полнее, чем в те первые напряженные дни обдумывания заговора.

Он стоял в пижаме у кровати. Забыл отметить

в памяти, перекрыл ли газ. Придется спускаться и проверять. Мэри Фрэнсис лежала в темноте, ее дыхание уже стало сонным, ровным и глубоким. Нужно посмотреть, перекрыт ли газ, и не забыть. Это будет означать, что впереди еще одна безопасная ночь.

Мэкки стоял у холодильника и пил воду из кувшина. На нем был спортивный костюм и бейсболка. Он бегал по вечерам, чтобы не набирать вес.

Снял бейсболку и подул в нее. Затем сел за кухонный стол и очистил апельсин. Дом стоял на краю недостроенной Улицы в полумиле от центра Маленькой Гаваны.

Вошел Раймо.

— Когда вернулся? — спросил он.

— Днем.

— Слышал, что говорят? В Чикаго кто-то задумал то же самое.

— Банистер звонил. Он видел телетайп ФБР. Покушение на жизнь.

— Команда из четырех человек. По крайней мере, один из них — кубинец. Дж. Ф.К. приедет в Чикаго где-то второго ноября.

— Будем ждать своей очереди.

— Если оттуда просочился слух, то же самое

может случиться и с нами.

— Я на это и рассчитываю, — ответил Ти-Джей. — В общем-то, я делаю все, чтобы это произошло. Только так у нас может получиться. Выступим быстро и жестко. Молчи об этом. Не говори Фрэнку и Уэйну.

— Значит, Майами отпадает?

— Верно.

— То есть Леона мы не привозим.

— Верно.

— Где он?

— Сел на автобус до Ларедо. Наверняка поплывет оттуда на корабле в Техас. Главное, что кубинцы его не приняли. Леону не дали визу. Все начинает оформляться. Нужно сделать все коротко, сымпровизировать. Будто обыкновенное убийство в Техасе.

— Дж. Ф.К.?

— Едет в Даллас в следующем месяце. Много разъезжает этот человек. И везде найдется тот, кто от него что-то хочет. Обливается потом от вожделения и страсти. Не знаю, почему так. Может, он слишком красив для этой жизни.

Он отломал несколько долек апельсина и протянул их Раймо.

— Кто-то должен наблюдать за Леоном.

— Я думаю, что Леон будет скрываться от нас, — произнес Ти-Джей. — Он знает, что мы задумали, и не обязательно с этим согласен. На данный момент у нас имеется собственный Освальд, по образу и подобию. «Альфа» рассылает людей по всему штату. Рано или поздно придется засечь, где подлинник.

— Когда мы везли его в Хьюстон, он мне и двух слов не сказал. Говорил только с Фрэнком.

— О чем?

— Прицепился к нему сразу. Хотел поучиться испанскому.

В темной комнате Сюзанна села в кровати. Они точно уже спят. Когда умолкло радио за стеной, оставалось только досчитать до ста. Оба спят, у них тихо. Если перепрятывать Человечков, то сейчас самое время. Нужен тайник понадежнее. В шкафу много барахла, они в любой день могут там прибраться, а Человечки спрятаны в кармане сумки для обуви, которая висит изнутри на дверце. Как только они обнаружат Человечков, Сюзанне конец. Никто на свете больше не сможет ее защитить.

Здорово, что есть новый хороший тайник.

Девочка выбралась из постели и приподняла штору, впуская в спальню свет уличного фонаря.

Затем тихо прошла по комнате в своей ночной рубашке до пола. Вынула из шкафа Человечков и усадила на узкий бортик за старым письменным столом, который когда-то принадлежал бабушке. Бортик выступал где-то в дюйме от низа стола. Кроме Сюзанны, никто не мог просунуть руку между столом и стеной. Замечательное место: Человечки сделаны сидячими, и поэтому прочно там устроились. Это были глиняные мужчина и женщина, которых подарила на день рождения лучшая подруга, Мисси — индейцы, живущие в пуэбло, с черными волосами и в черной одежде, с черными точками вместо глаз и рта.

Девочка снова легла в кровать и натянула одеяло.

Человечки — не игрушки. Она с ними никогда не играет. Человечки для того, чтобы их прятать, пока не понадобятся. Их нужно держать рядом, в целости и сохранности, на случай, если мама и папа на самом деле совсем не те, за кого себя выдают.

В Далласе

За столом на кухне миссис Эд Робертс четыре женщины проводили время за чашкой кофе. На рабочем столе стояла корзина со сложенным бельем. Рут Пэйн снова подняла руку, призывая к тишине. Все замолчали. Затем она стала переводить на своем ломаном русском Марине Освальд, которая слушала и улыбалась, держа чашку пальцем за ручку. Беседа шла о детях, мужьях, врачах, обычная болтовня, но Рут было интересно. Все-таки возможность поговорить по-русски. Миссис Билл Рэндл, сидевшая рядом, кивала, пока Рут переводила. А Дороти Робертс всматривалась в лицо Марины: понимает та или нет. Им не хотелось, чтобы она чувствовала себя не удел.

В соседней комнате шумели дети. Рут Пэйн рассказала соседкам, что мужу Марины не удалось найти работу. Он живет в меблированной комнате на Оук-Клифф, пока не подыщет работу и квартиру для своей семьи. Конечно, Марина ожидает этого со дня на день.

Дороти Робертс упомянула пекарню «Особняк». У них есть служба доставки на дом. Еще

«Техасский гипс», кто-то говорил, что там ищут работников.

Рут Пэйн ответила, что муж Марины не умеет водить машину, поэтому все отпадает.

Миссис Билл Рэндл, Линии Мэй, сообщила, что может все-таки отведает кофейного торта. Очень аппетитный.

— Так тепло для октября, — сказала Дороти Робертс. — Или мне кажется?

На той стороне улицы хлопнула дверца фургона.

Затем Линии Мэй рассказала о своем брате. Как-то он упоминал, что на книжном складе, где он работает, нужен человек. Это недалеко от центра Далласа.

Рут перевела это Марине.

Вошла одна из девочек, послюнявила палец и принялась собирать крошки со стола.

Дороти отперла дверь навеса для машины.

— Это на Элм-стрит, — сказала Линии Мэй. — Около автострады Стеммонс.

Через пять минут Рут, Марина, Джун Ли, детишки Рут, Сильвия и Крис, шли по газону к дому Рут, что стоял по соседству — скромному одноэтажному дому с пристроенным гаражом. Рут повернулась к двери и смотрела, как мед-

ленно приближается Марина, огромная, полная. Еще одну душу переправляет она через тьму в этот мир, ну или в окрестности Далласа. Семья Освальдов догоняла Пэйнов. Нет, Рут не возражала. Она даже не была против еженедельных визитов Ли. Она развелась с мужем, и на самом деле было кстати, что в доме бывает мужчина и делает кое-какую работу.

Когда они вошли, Марина спросила, можно ли позвонить. Рут поискала в справочнике Техасский склад школьных учебников. Поговорила с человеком по имени Рой Трули, не наймет ли он молодого бывшего военнослужащего, у которого жена ждет ребенка, и у них есть еще маленькая дочка, и он долго ищет работу, жаждет устроиться хоть на полный день, хоть на неполный, есть ли возможность его взять?

Марина стояла рядом и ждала, когда Рут переведет.

Склад оказался семиэтажным кирпичным зданием с надписью «Хёрц» на крыше. Ли заполнял бланки. Брал их из лотка на первом этаже и крепил к своему планшету. Затем поднимался на шестой этаж за книгами. Бланки заполняли в основном негры. По вечерам они устраивали гонки на лифтах. Двери захлопывались, в шахте эхом

раздавались голоса, смех, оклики. Он относил все книги вниз к девушкам на упаковочный стол, где товар проверяли и отгружали.

Столько книг. Стопками по десять коробок. Коробки со штампом «Книги». Со штампом «Десять «Самостоятельных Читателей». Стопки выше окон. Коробки такие большие, что управляешься с трудом. Когда вскрываешь их, оттуда пахнет свежей бумагой, книжными страницами и переплетом. И тебя захлестывают воспоминания о школе.

Ему нравилось ходить с планшетом — вполне приличный способ зарабатывать на жизнь. Нет ни безумного лязга машин. Ни грязи и мазута. Только пыль, которую поднимали трое или четверо парней, бегущие к лифтам. Они с грохотом неслись по старому деревянному полу — кто первый спустится вниз. И золотистая пыль повисала среди книг.

Ли сидел в столовой Рут Пэйн и недоумевал — куда подевались женщины. Затем Марина и Рут вошли с тортом и пропели:

— С днем рождения!

Ли опешил. Вскрикнул и рассмеялся. Двадцать четыре года.

В эту пятницу он остался на ночь, и следующим

вечером сел на полу смотреть по телевизору кинопрограмму. Марина свернулась рядом, положив голову ему на колени.

Первым показывали «Садденли».[20] Фрэнк Синатра играл бывшего фронтовика, который приезжает в маленький город и поселяется в доме, откуда просматривается железнодорожная станция. Он здесь для того, чтобы убить президента. Ли почувствовал, как все вокруг замерло. Возникло жутковатое ощущение, что за его реакцией наблюдают. Президент должен прибыть поездом в тот же день. Он едет рыбачить в горы. По маркам автомобилей и прическам Ли определил, что фильм снят в пятидесятых. То есть президент — Эйзенхауэр, хотя имени не называлось. Он чувствовал, что события, происходящие на экране, связаны с ним. Будто через паутину сигналов и телевизионных антенн, через все информационное поле подаются тайные команды. Марина спала. Их послание проходит сквозь ночь и попадает в поры его кожи. Фрэнк Синатра устанавливает на окне мощную винтовку и ждет поезда. Ли знал, что ему ничего не удастся. Это же кино. Сделают так, что все раскроется и он

[20] Примечания: 20

«Садденли» (название городка, где происходит действие, от *англ.* «внезапно») — фильм американского режиссера Льюиса Аллена (1954).

погибнет.

Вторым фильмом программы шел «Мы были чужими».[21] Джон Гарфилд — американский революционер на Кубе в тридцатые годы. Он замышляет убить диктатора и развалить все правительство. Ли знал, что речь идет о периоде «железного правления» Мачадо, которого называли «президентом тысячи убийств». На улице темно. В доме тоже темно, лишь мерцает экран. Старая поцарапанная пленка рассказывает о его мечте. Пик негодования, полнота власти — его ночная фантазия. Джон Гарфилд и его соратники копают подземный ход через кладбище. Ли казалось, что он смотрит свое собственное кино. Этот фильм пустили специально для него. Не нужно ничего воображать. Все происходит само по себе, в неровном свете, с дрожащим в углу кадра волоском. Джон Гарфилд героически погибает. Он должен был погибнуть. Этим и живет революция.

После фильма Ли остался сидеть у телевизора, где началась крикливая ночная реклама — ведущие, изливая потоки слов, демонстрировали миксеры, чудо-шампуни, а Марина лежала рядом

---

[21] Примечания: 21

«Мы были чужими» — фильм американского режиссера Джона Хьюстона (1949).

и ровно дышала во сне.

Что-то странное он ощутил не только из-за кино. Все дело в осени. Он родился в октябре. В этом же месяце записался в морскую пехоту. В октябре же прострелил себе руку в Японии. Октябрь и ноябрь — время серьезных решений и важных событий. В октябре он приехал в Россию. В том же месяце пытался покончить с собой. Последний раз виделся с матерью год назад, в октябре. Ракетный кризис случился в октябре. Марина ушла от него и вернулась в прошлом ноябре. В ноябре они с Дюпаром решили застрелить генерала Уокера. Последний раз он видел брата Роберта в ноябре.

Братьев зовут Робертами.

Ли уложил Марину в постель, сел рядом и долго нашептывал всякую чепуху, чтобы она опять уснула. Он ощущал ее умиротворение, женскую страсть и доверие, ощущал ребенка, которого она носила. Пора начинать копить деньги на стиральную машину и автомобиль. У них будет квартира с балконом, наконец-то собственная мебель, современная, красивая и чистая. Избавиться от одиночества можно и стандартным путем.

Хозяйка разрешила ему хранить консервы и молоко в углу холодильника. Где-то полчаса в

неделю он сидел вместе с другими жильцами и смотрел телевизор. Никогда с ними не заговаривал и не смотрел на них прямо. Серые фигуры в старых креслах, не более того. Он зарегистрировался под именем О.Х Ли.

Этот доходный дом располагался в районе Оук-Клифф, который Ли хорошо знал. На той стороне улицы стояла заправочная станция «Галф», где они встречались с Дюпаром. Прачечная самообслуживания, которая теперь называлась «У Рено», находилась в нескольких домах отсюда. Он сходил туда, но Бобби там больше не работал. Днем это место оккупировала дюжина женщин с детьми. Дети ели и играли. Автоматы со стуком выбрасывали бутылки «колы».

Комната у него была восемь на двенадцать футов. Кровать, комод с зеркалом, шкаф. Здесь он часами читал «Активиста» и «Рабочего». Как-то вечером снова поехал в центр на 22-м автобусе. Бродил по улицам, заглядывал в бары. Он прошел всю Саут-Акард и оказался перед «Музыкальным баром Джина». Мимо него внутрь проскочили двое мужчин, и он последовал за ними. Остановился у дверей. Народу было много. Вдоль стен стояли грубые деревянные скамьи. Он легко мог бы очистить комнату, установив «автоматиче-

ский огонь» на штурмовой винтовке «AP-15», которой пользуется охрана президента. Ли хотел постоять, пока его не заметят, и просто понаблюдать, как эти гомики устраивают свои дела.

— Это меня не касается, *но…* — сказал кто-то. Ли поискал глазами человека, с которым хотелось бы поговорить, кто выслушал бы его. На него мельком бросали взгляды, потом стали смотреть в открытую. Пора было заходить и что-то себе заказывать, или же удалиться за дверь. Он решил, что сейчас пришел только посмотреть. Потом вернется, когда почувствует себя увереннее, не будет таким пугливым и странным. Хайдел означает «помалкивай». Он вышел на свежий воздух и заметил, что вспотел. Вернувшись к себе в комнату, от корки до корки прочитал «Активиста» за прошлую неделю. Читал и между строк. Всегда можно сказать, чего от тебя ждут ради борьбы. Послание таится в тексте.

Через три дня после рождения Рэчел он отправился на собрание в Мемориальный зал. Основной докладчик — Эдвин А. Уокер. Ли стоял у задней стены и наблюдал, как заходят люди. Тайна, которую он носил в себе, делала его недосягаемым. Он — тот самый, кто стрелял и почти не промахнулся. В этом тайна и власть. И он

стоит прямо среди них, бёрчистов и «правых», а револьвер 38-го калибра спрятан под курткой на «молнии».

Набралось около тысячи. Уокер стоял на трибуне в своем «стетсоне» и распинался на тему Объединенных наций. Хяопки. ООН — действующий орган мирового коммунистического заговора. Хлопки. Ли потихоньку занял место где-то в средних рядах. Как ничтожны и озлоблены эти люди. Им хочется повалить кого-то на пол и топтать минут пятнадцать. Ну как, полегчало? Уокер теперь разглагольствовал о каком-то «Аппарате Истинного Контроля». Говорил он нескладно, его бессодержательная речь ни к чему не обязывала. По одну сторону от него стояло знамя «Одинокой звезды»,[22] по другую — флаг Конфедерации. Ли прошел вперед по залу, пригибаясь, чтобы никому не заслонять вид, и отыскал место рядом со сценой. Уокер — усталый человек. У него лицо актера, загримированного под бессильного старика. Ли представил на рубашке Уокера прямо под сердцем ярко-красное пятно.

На улице люди обступили генерала, стараясь прикоснуться, попасться на глаза. Он медлен-

---

[22] Примечания: 22
Символ штата Техас.

но двигался к своей машине. Ли протолкался через толпу. Люди лезли в поле зрения Уокера. Взывали к нему, рвались напролом. Ли на мгновение встретился с ним взглядом и улыбнулся, словно говоря: «Спорим, ты не знаешь, кто я». Недосягаемый. Он держал руку под курткой, взявшись за ствол револьвера, — ведь как просто, как удивительно легко сделать так, чтобы твое существование заметили. Ли представил, как толпа раскололась, люди бросаются врассыпную, выкрикивая «нет, нет, нет», а Уокер лежит на мостовой, уже без шляпы. Фотография на первой полосе «Утренних новостей».

Он вернулся домой на автобусе. Сел на кровать с револьвером в руке. Убийство Уокера сейчас ни к чему не приведет. На Кубу все равно никак не попасть. Его не примут, даже если он выстрелит и сможет скрыться. Для Эдвина Уокера ход в историю закрыт. Ли сунул револьвер в ящик шкафа. Сходил на кухню и выпил молока в темноте.

Что же сделать для Фиделя, чтобы ему разрешили счастливо жить на маленькой Кубе?

Ли сидел за рулем микроавтобуса Рут Пэйн. Ветер гонял пыль по гравию большой автостоянки. Было воскресенье, и стоянка оказалась пуста.

Рут Пэйн была высокой стройной женщи-

ной лет за тридцать, с длинным подбородком, волнистыми кукольными волосами и в библиотекарских очках. Она повернулась на сиденье, поглядев назад.

— Помедленнее, помедленнее, — сказала она. — Давай очень медленно.

Он проехал задним ходом тридцать ярдов и притормозил, но резковато, и обоих тряхнуло. Они сидели и смотрели на стоянку, обдуваемую ветром.

— Ты сказала ему, где я живу?

— Я не знаю, где ты живешь, — ответил она. — Только когда он спросил, я вспомнила, что не знаю. Марина и та не знает. Отключай задний ход, сделаем несколько поворотов.

— А он не говорил, как отыскал тебя? Откуда узнал, что Марина живет с тобой?

— Он мне показался разумным человеком. Вряд ли у тебя из-за него будут неприятности на работе. Он обещал, что ничего не сделает, и я ему верю.

— Он знает, где я работаю?

— Я рассказала. А что я могла сделать? Они же из правительства, Ли.

Он смотрел через ветровое стекло.

— Отключай задний ход. Трогай к той мусорке и объезжай ее слева.

Теперь Ли вспомнил. На почте в Новом Орлеане он оставлял адрес для пересылки, перед тем, как ехать в Мехико. Адрес Рут Пэйн. Но зачем его ищут? Потому что знают — он ходил в советское и кубинское посольства. Его снимали на камеру. Его голос записан. Как это называется — «электронная слежка»?

— Не дави так на газ, — посоветовала Рут.

Вокруг мусорки был прикреплен плакат. «Ватикан — шлюха Апокалипсиса». Он аккуратно повернул и поехал прямо.

— Он спрашивал, не приходил и не звонил ли кто-нибудь. Я ответила, что в доме Пэйнов твоя социальная активность ограничивается набором номера по телефону, чтобы узнать, который час. Он сказал: да, смешно.

Если его нашли феды, то и Гай Банистер может найти. Все, что известно федам, может разузнать и Банистер. Ветер распотрошил воскресную газету, и мимо пролетали отдельные листы. Он затормозил и уставился в ветровое стекло.

— Давай-ка еще разок задним ходом, — мягко сказала Рут.

В «Утренних новостях» он видел что-то о поездке Дж. Ф.К. в Даллас. Будет обед в его честь. 21 или 22 ноября. Он пробежал глазами статью. Едва

скользнул взглядом по поверхности слов. Стоял ясный прохладный день. Он увидел, как с дорожки медленно съезжает тележка для покупок.

Когда человек из ФБР пришел во второй раз, Марина выскользнула из дома. Она ходила вокруг машины, пытаясь понять, что это за марка. Ей не удалось прочесть выпуклые металлические буквы, но она запомнила номер, как велел Ли, и, вернувшись домой, записала его на клочке бумаги. Одной цифрой ошиблась.

На машинке Рут Пэйн Ли напечатал письмо в советское посольство в Вашингтоне. Пришлось перепечатывать несколько раз, и с конвертом тоже оказалось непросто — он перепутал адрес отправителя и получателя, пропустил цифры и целые слова. Но зато вышло солидно — четкие убедительные фразы, от руки бы так никогда не получилось. Он жаловался на пресловутое ФБР. Между строк постарался дать понять, что его знает КГБ. Спрашивал насчет въездных виз и объявил о рождении дочери. Пожаловался на кубинцев в Мехико.

Затем сочинил записку для федерала, который приходил, в обеденный перерыв отнес ее в местную контору ФБР, оставил дежурному и ушел. Он понял, что агента зовут Харда, и на конверте

написал только это имя. Ни подписи, ни даты не оставил. В записке говорилось следующее: ему надоело, что ФБР не дает покоя его жене, и если это не прекратится, он предпримет меры. А еще — что он причислен к Новоорлеанскому отделу ФБР, у него есть официальный код, и это могут подтвердить.

По выходным Рут учила его парковаться.

Снова начались кровотечения из носа.

Он играл с малышкой Рэчел, у которой были ямочки, как и у папы. Несколько месяцев назад Дэвид Ферри говорил, что ямочки характерны для Весов.

У Николаса Брэнча есть звукозапись, сделанная в Майами за девять дней до того, как президент должен был туда прибыть. Беседу тайно записал некий Уильям Сомерсетт, информатор из полиции. Говорит он с Джозефом Э. Милтиром, членом Конгресса свободы и Совета белых граждан Атланты.

> СОМЕРСЕТТ: Думаю, Кеннеди приедет где-то восемнадцатого, произнести речь.
>
> МИЛТИР: Даю голову на отрез, он много скажет о кубинцах. Здесь их предостаточно.

СОМЕРСЕТТ: Ну, в общем, да, у него тысяча телохранителей. Можешь не беспокоиться.

МИЛТИР: Чем больше охраны, тем проще до него добраться.

СОМЕРСЕТТ: Ну а как бы ты, например, добрался?

МИЛТИР: Из офисного здания, с мощной винтовкой. Кеннеди знает, что он заметный человек.

СОМЕРСЕТТ: Его что, действительно собираются убить?

МИЛТИР: Нуда, над этим работают. Но отсчет еще не начат. Так что может случиться в любой момент. Когда пошел отсчет, на тебя могут навалиться, когда все экспромтом — нет. Отсчет годится для операции, которая готовилась долго и тщательно. В случае импровизации все может произойти в любой момент.

СОМЕРСЕТТ: Господи, если этого Кеннеди пристрелят, нам придется понимать, где мы. Если они это сделают, тут так затрясет.

МИЛТИР: Они ни перед чем не остановятся. Если такое случится, они отыщут

кого-нибудь в считанные часы. Просто чтобы отделаться от публики.

Когда в Секретной службе прослушали запись, то убедили людей президента отменить кортеж в Майами. Кеннеди прилетел в центр города на вертолете и в отеле побеседовал с журналистами.

У Брэнча на этот счет есть две версии.

Первая версия. Ти-Джей Мэкки выдал информацию о за. говоре либо напрямую Милтиру, либо кому-то из его окружения. Установлено, что у Мэкки были связи с отделом разведки полиции Майами, и, он вероятно, знал, что Милтир находится под наблюдением. Известно, что Милтир, шестидесятидвухлетний уроженец штата Джорджия, был ярым противником расовой интеграции.

Вторая версия. О заговоре в Майами Милтиру рассказал, Гай Банистер, тем самым невольно провалив операцию.

(Секретная служба не переслала эту запись агентам, обеспечивающим безопасность президента в Далласе. После убийства ФБР символически допросило Милтира.)

У Брэнча есть также версия насчет двойников Освальда, которые действовали около двух меся-

цев преимущественно в Далласе и его окрестностях, а также в других городах Техаса. Он считает, что Мэкки разработал этот план главным образом для того, чтобы дать работу людям из «Альфы-66», чтобы они глубоко увязли в системе жестких приготовлений и не смогли приспособиться, когда при первом дуновении ветра «фасад Майами» сложится, подобно карточному домику Джозеф Милтир говорил о разнице между подготовкой и импровизацией. Мэкки хотел удостовериться, что «Альфа» будет придерживаться жесткого плана. Сам же собирался импровизировать.

Операция с двойниками проводилась грубо. Некто похожий на Освальда заходил в демонстрационный зал автомобилей, заявлял, что он Ли Освальд, что скоро получит богатое наследство, совершал пробную поездку на «комете» с большой скоростью и упоминал, что возвращается в Россию. Некто, назвавший себя Освальдом, приходил к оружейному мастеру и просил приделать к винтовке оптический прицел. Некто похожий на Освальда заходил в тир шесть раз за тринадцать дней и нарочно стрелял по чужим мишеням.

Все эти события произошли в тот период, когда настоящий Освальд находился в другом месте.

Чем дальше, тем больше Николасу Брэнчу кажется, что «Ли Х. Освальд» — это технический чертеж, часть неких маневров по тайным манипуляциям историей. На ярлыке фотографии, сделанной скрытой камерой ЦРУ мимо советского посольства в Мехико проходит человек, — значится «Ли Х. Освальд». Освальд в это время был в Мехико, но на фотографии явно кто-то другой, широкоплечий, круглолицый, лет под сорок или больше. Неудивительно, что день и месяц убийства Брэнч представляет себе исключительно цифрами — 22.11.

Но здесь что-то любопытнее ошибочного установления личности. Человек на фотографии подходит под описание внешности Мэкки.

(Куратор так и не смог предоставить фотографию Мэкки как таковую.)

Брэнч сидит в кожаном кресле и смотрит на горы бумаг вокруг. Бумаги начинают вылезать из комнаты собственно в дом. Весь пол в книгах и документах. Шкаф забит материалами, которые еще предстоит прочесть. Новые книги приходится втискивать, класть боком, все сдвигать, все придерживать. В комнате нет ни одного документа, который можно счесть не относящимся к делу или устаревшим. Все имеет значение на

определенном уровне. Это комната разрозненных фактов. И они всё прибывают.

Куратор прислал еще тридцать из ста сорока четырех томов досье ЦРУ на Освальда. Прислал в коробках следственные отчеты и расшифровки судебных процессов, касающихся людей, которые имеют весьма отдаленное отношение к событиям 22 ноября. Прислал отчеты коронеров о смертях. Сальваторе (Сэм) Джанкана, глава преступного синдиката, который вырос в Чикаго по соседству с Джеком Руби, найден мертвым в июне 1975 года у себя дома в отремонтированном подвале. Убит выстрелом в затылок, еще шесть выстрелов — стежками вокруг рта. Ему было назначено давать показания через пять дней, прежде чем Сенатский комитет начнет изучать заговоры против Кастро. Орудие убийства найдено. Установили, что оно из Майами. Никого не задержали.

Уолтер Эверетт-младший, человек, разработавший этот заговор, найден мертвым в мае 1965 под Элпайном, Техас, где он был помощником ректора колледжа Сола Росса. Установили сердечный приступ. Зарегистрировался он как Томас Стейнбэк.

Уэйн Уэсли Элко, бывший парашютист и наемник на полставки, найден мертвым в январе 1966

года в номере отеля под Хиббингом, Миннесота. Установили передозировку морфием. В его пикапе полиция обнаружила инструменты и медную проволоку, украденные с соседнего железного рудника. А также двухлетнего мальчика, который спал на детском сиденье.

Фрэнсис Гэри Пауэрс, пилот «У-2», устроившись работать на радиостанцию «КНБС» в Лос-Анджелесе, летал на вертолете, докладывал о дорожных пробках и лесных пожарах, пока в августе 1977 года у вертолета «белл-джет рейджер» не кончилось, судя по всему, горючее, и тот не грохнулся на поле, где мальчишки играли в софтбол. Пауэрс погиб на месте.

Крушение произошло всего в трех милях от «Сканк Уоркс», здания с затемненными окнами в «Локхид Эйр-крафт», где за двадцать два года до этого разработали первый «У-2».

Брэнч стал недоверчиво относиться к этим мелким совпадениям. Начинает казаться, что кто-то пытается склонить его к суеверию. Он хочет, чтобы вещи были такими, какие они есть. Разве не может человек просто умереть, без обязательного ритуального поиска совпадений и связей?

Куратор прислал исследование в четыреста страниц на тему сходства смерти Кеннеди и смер-

ти Линкольна.

Уэйн ехал сзади вместе с дряхлой овчаркой Раймо. Собирались вроде ехать налегке. Из Майами они отбыли второпях, захватив лишь самое необходимое, поэтому сложно понять, зачем понадобилось брать животное, крупное и больное, на последнем издыхании.

Они гнали машину сквозь ночь.

Раймо сидел за рулем, Фрэнк рядом. В основном они разговаривали по-испански. Уэйн даже не пытался их понять. Ум до сих пор пылал от сознания того, что им предстояло совершить. Они собирались перейти грань. Как в научной фантастике. Пройти, минуя обычные ходы.

Какое-то время машину вел Фрэнк, Уэйн пересел вперед. Во всяком случае, они едут не на «бель-эйр», а на «мерсе» 58 года, с помятым корпусом и пришпоренным движком прямо из мастерской, с легким ходом, просто летит как из рогатки, а не едет. Уэйн включил радио на полную громкость. Ветер рвался в окна. Все новое оружие они оставили у «Альфы», кроме одной винтовки, которую увез Мэкки. В лицо Уэйну орал рок-н-ролл. Середина ночи недалеко от Таллахасси.

Отец Уэйна говаривал: «Бог создал больших

людей и маленьких. А Кольт создал револьвер, чтобы всех уравнять».

Но они не ставили перед собой цели вычислить среднее арифметическое социума. Их миссией было прорваться через грань. Уэйн все время встряхивал головой, чтобы фрагменты мозаики улеглись. Фрэнк даже посмотрел на него. Уэйн поражался, что в Америке могла возникнуть подобная идея. И вот он оказался в гуще событий, едет в машине, продуваемой ветром.

Они помочились в поле под небольшим дождем.

Уэйн сел за руль, когда позади в небе вспыхнули первые красноватые лучи. Радио выключили, окна закрыли. Фрэнк спал на заднем сиденье, постанывая сквозь зубы.

— Я все еще никак не привыкну, — произнес Уэйн, посмотрев на Раймо. — Читаешь научную фантастику?

— Спятил что ли, Уэйн?

— Где-то так я себя и чувствовал перед ночным прыжком — неужели это по правде?

— Это правда, говорю тебе.

— Я знаю, что правда.

— Сначала отменили Чикаго. Теперь в Майами не будет кортежа. *Они* знают, что это правда.

Уэйн не сводил глаз с Раймо, изредка бросая взгляд на дорогу. Машина шла легко и бесшумно, отлично слушалась.

— Несемся куда-то в ночи, — сказал он с притворной паникой.

— Нам заплатят кругленькую сумму. Считай, что это твоя обычная работа.

— Будто мы избранные, а впереди главная миссия нашей жизни.

Они обогнали военную автоколонну. Через какое-то время Раймо указал на заднее сиденье.

— Мне тут кое-то пришло в голову.

— Что?

— Наверное, придется его прикончить.

— Кого? Твоего пса?

— Он совсем потерял координацию. Когда пытается встать, лапы все время разъезжаются.

— Нервная система полетела.

— В клинику везти не хочу. Их там газом усыпляют.

— Газом не хочешь?

— Даже думать об этом не могу.

— От некоторых вещей, сам знаешь, никуда не деться.

— Этот пес у меня еще до Хирона был.

— Но сам не решаешься.

— Как тут решишься.

— Я приторможу, как будет случай.

Он вгляделся в бесстрастное лицо Раймо и через пять миль свернул к местному аэропорту.

Его охотничий нож лежал в мешке цвета хаки, завернутый в два свитера.

Уэйн остановил машину у травянистой обочины длинной прямой дороги, вдоль которой шел забор из рабицы с колючей проволокой сверху, натянутой под углом. Он выбрался из машины и подождал, когда Раймо опустит большого пса на траву. Вдали виднелись ангары и небольшие самолеты. Раймо сел в машину, проехал пятьдесят ярдов и остановился. Пес стоял у дороги. Уэйн подошел сзади, постоял рядом, затем оседлал его. Звезды еще видны. Взял пса за шкирку и с силой приподнял. Передние лапы заскребли по воздуху. Уэйн завел руку с ножом псу под голову. Зарычал, перерезая глотку. Затем разжал левую руку. Пес тяжело рухнул. Упал между ног Уэйна, истекая кровью. Тот снова зарычал и направился к машине, подняв руку с окровавленным ножом. Он хотел, чтобы Раймо это увидел — просто знак, жест, значение которого словами не описать.

Теперь он смог уснуть. Все они немного поспали этим поздним утром. Через несколько часов,

когда стемнело, они нащупали по радио пульс Далласа, хрипы и шорохи на самом краю диапазона, затем всю долгую ночь слушали зловещий голос:

— Вот что, мои славные, Большой «Д» сегодня не в духе. Время подходит. Заметьте, что люди говорят стра-а-ашные вещи. Ночь быстро подступает. Чувствуете? Опасность в воздухе. Прямо на улице. Доски объявлений. Наклейки на бамперах. Листовки. Там говорят гадости о наших руководителях. Иду я утром по улице и вижу — на витрине нарисована загогулина. И тут до меня доходит, что это *свастика.* Думаете, вру? Ничего подобного. Сейчас я вам подброшу мысль, чтобы у вас часы не завелись. Как мы узнаем, на самом ли деле *он* приезжает в город? Слышали, что у него дюжина двойников, с которыми он приезжает на ничейную землю? Чтобы сбить с толку врага? Так что у нас может появиться Джек Седьмой или Джек Десятый. Или все сразу в разных местах. Лично я могу это понять. Или я просто восприимчив к людским фантазиям. Есть то, что истинно. И то, что истиннее истины. Какой плотный воздух. Вы когда-нибудь ощущали такое напряжение? Вы же знаете, каков Даллас, верно? Схема стандартна. Мы такие же, как все. Или та-

кие же, какими все хотят быть. Так же одеваться, говорить, думать. Мы — образец для страны. Я не вру. Но одна крохотная мелочь ускользает. Чувствуете, как она просачивается? Говорят, он едет к нам на трехколесном велике Каролины.[23] Не слишком круто, до Армагеддона нас не доведет. Вот они, первобытные ночные страхи. Мы видим, мы знаем, что оно здесь. Чувствуем, что оно здесь. Случится странное, непонятное, невероятное. И Скирда-Борода говорит: Ночь наступила на Большой «Д».

Раймо, Уэйн и Фрэнк никогда не бывали в Далласе, поэтому никак не могли понять, что за чертовщину он несет.

Среда. Ли вышел из дома и направился в закусочную, где обычно завтракал. Он проверил номера машин, припаркованных на Норт-Беклли, — нет ли автомобиля агента Харди. Они купят себе модную мебель и стиральную машинку для Марины.

Он заказал омлет. Ел, положив под левый

---

[23] Примечания: 23

Аллюзия на непочтительное выступление журналиста далласских «Утренних новостей» Эдварда М.Дили на обеде в Белом доме: критикуя внешнюю политику президента Кеннеди, он заявил, что «стране нужен человек на коне, а не на трехколесном велосипеде [дочери Кеннеди] Каролины».

локоть сложенную газету. Вокруг шумели и разговаривали. Уткнувшись в страницу, он читал четвертую или пятую за неделю статью о преподавателе политических наук из Йельского университета, которого арестовали в Советском Союзе за шпионаж. Задержали его у гостиницы «Метрополь», одной из тех, где останавливался Ли. Статья была словно о нем самом. Все, что он слышал, видел, читал за последнее время, было о нем. Их послания проникали через поры его кожи.

Он отправился к автобусной остановке, глядя по дороге на номера машин. Медно-красный «меркурий» сбавил ход и не спеша покатился рядом с Ли. Все те же затемненные окна. Он приготовился назваться О.Х.Ли и больше ничего не говорить. Свои права он знает. Права ему гарантированы. Он не потерпит назойливого преследования.

Окно опустилось, Дэвид Ферри положил локоть на дверцу, затем повернулся и взглянул на него.

— Мне нельзя опаздывать на работу, — произнес Ли.

Они двинулись к книжному складу. Ли несколько раз прерывал беседу, показывая, куда ехать. Боялся, что пропустят поворот.

— Газеты читал? — спросил Ферри. — Понятно,

у них через день по статье. Сначала он приезжает. Потом обедает в Торговом центре. Затем, автокортеж по центру города. Потом, в обеих вчерашних газетах — своими глазами видел — от улицы к улице прочерчен маршрут кортежа. С Харвуд на Мэйн-стрит, оттуда на Хьюстон, с Хьюстон на Элм-стрит. Далее по Элм-стрит на автостраду Стеммонс. И я подумал — ведь старик Леон читает все это. Что он чувствует? Что ты почувствовал, Леон? Наверное, это было потрясающе. Словно видение в небе. Небось кровь застыла в жилах.

— Я знаю только, что у него пять городов за два дня. Сюда он приедет через несколько часов.

— Они знают, где ты живешь и работаешь.

— Я вообще не читал вчера газет.

— Читал, не ври. Там говорится, что президент, блядь, проезжает под твоим окном. Это здание выходит, блядь, на Элм-стрит. А ты почти весь день сидишь на шестом этаже, так? Его машина двинется по Хьюстон прямо на тебя. Потом дальше по Элм-стрит. Медленно и чинно проедет мимо. Именно там, где работает Освальд. Именно в то время, когда он сидит у окна и обедает. Совпадений не бывает. Мы не знаем, как это назвать, поэтому говорим «совпадение». Это случилось потому, что ты так сделал!

Покрасневший Ферри почти кричал. Ли велел повернуть налево. Ферри вцепился в руль.

— Ты все прекрасно понимаешь. Тебе показывают, что нужно сделать. Мы не устраивали тебя на работу в это здание, не разрабатывали маршрут кортежа. У нас нет такой власти. Нечто иное управляет этими событиями. Нечто вне восприятия. Это нечто вышибает тебя из хода истории. Наверное, ты до сих пор понимал все наоборот. Ты хотел войти в историю. Это неверно, Леон. На самом деле тебе нужно выйти. Выскочить. Выпрыгнуть оттуда. Обнаружить свое место и имя на другом уровне.

Ли направил его на Хьюстон-стрит, и они припарковались у старого здания суда, лицом к югу, спиной к книжному складу в полутора кварталах. Ферри вытер слюну с уголков рта. Казалось, он выдохся. Ли спокойно смотрел в окно.

— Событие ждет своего часа, Леон.

— Мне нужно быть на работе в восемь.

— Это здание стоит и ждет, когда на нем сойдутся в одну точку Кеннеди и Освальд.

— Как вы узнали, где я живу? Просто любопытно. Феды не знают. Они только знают, где я работаю.

— Вот так мы и узнали. Проследили за тобой

от работы к дому. Мы в тебе больше заинтересованы, чем они. Знаешь, я просидел в машине у твоей ночлежки полночи. Боялся к тебе зайти. Теперь, когда все должно случиться, я напуган до полусмерти. По всем жилам гуляет страх. Что мы творим? Хаос? Страдания, блядь? У всех будет рак. Я сидел в машине й боялся встретиться с тобой. Думал, что мы делаем с беднягой Леоном? Он же видел в газете — с Харвуд на Мэйн, с Мэйн на Хьюстон, с Хьюстон на Элм-стрит. Будто страшная детская считалка. Он станет на колени у окна, и это случится. А я — один из них. Я подстрекатель. Я идиот, который за это в ответе.

Ли вынул из кармана жвачку и разломил пополам. Половину протянул Ферри, но тот выбил ее из руки.

— Где винтовка?

— В гараже, в пригороде, где Марина живет.

— Когда все кончится, тебя увезут в Галвестон. Я там встречу. Так мы окажемся на один город дальше места происшествия. В Галвестоне приготовлен самолет. Улетим на Юкатан. Там есть Мерида. Тебя перевезут через полуостров, посадят на корабль и отправят в Гавану. Ты им нужен в Гаване. Это подходит для их целей, так же, как и для твоих. Корабль готов. Тебе дадут

имя и документы. — Ферри печально посмотрел на него. — Или же здесь что-то еще. О чем мы не знаем. Например, нас обоих убьют на Юкатане.

Ли хмыкнул, выдохнув через нос. Затем повернулся и посмотрел на часы, прикрепленные к знаку «Херц» на крыше склада. Вылез из машины и двинулся по улице.

Сразу после обеда он прошел мимо кабинета Роя Трули на первом этаже. Мистер Трули, человек, нанявший его, беседовал с одним из книготорговцев. Ли увидел, как тот протянул мистеру Трули винтовку. Еще два или три человека стояли в дверях и обсуждали ее. Ли подошел ближе. Торговец говорил, что купил только две винтовки. Одну, 22-го калибра, — сыну на Рождество. Вторую, для охоты на оленя, разглядывал мистер Трули. Парни в дверях перешучивались. Затем торговец убрал винтовку 22-го калибра в коробку, направился к лифту и нажал шестой этаж. Ли не удивился тому, что принесли винтовки. Чему тут удивляться? Все для него. Все происходящее связано с ним.

Ти-Джей Мэкки стоял перед Архивом округа. Перешел через улицу к треугольному газону между Мэйн-стрит и Элм-стрит. Посмотрел на рельсы над тройным туннелем. Затем не спеша пересек

Элм-стрит и остановился на покатом газоне у колоннады. Подошел к тюремной ограде, которая отделяла парковку Повернулся лицом к Элм-стрит. Снова подошел к указателю автострады Стеммонс. Всюду носятся машины. Он посмотрел на небо и облизнул губы.

Позже Мэкки сидел в темном «форде» чуть подальше от центра и разворачивал сэндвич. Это был район старых мясохладобоен — частично замощенные рельсы, штукатурка со стен обвалилась, торчат голые кирпичи со строительным раствором. Все возможное пространство отведено под парковку — подъездные аллеи, запыленные участки, старые погрузочные площадки. Стояла звенящая полуденная тишина. Такая уединенность в полутора кварталах от толпы и машин удивляла.

Он наблюдал, как неуверенно приближается Освальд.

Понятное дело, Освальд хочет быть единственным стрелком. Так всегда с одиночками, людьми, которые неизменно стремятся к некоему решающему мгновению. Его легко в этом убедить. Но придется также удостовериться, что Освальд не станет стрелять, пока лимузин не двинется к тройному переходу. Ти-Джею нужен пере-

крестный огонь. Если Освальд промазывает, то в основной позиции оказывается второй стрелок — машина перед ним будет почти в лоб. Ти-Джей не верил в меткость Освальда. Этот паренек не попал со ста двадцати футов в генерала Уокера — неподвижного человека в освещенной комнате. Его «манлихер» — старое, грубое, ненадежное оружие. Если он промажет, когда машина будет еще ехать по Хьюстон-стрит в его сторону, и у второго стрелка не окажется свободной линия огня, мы все разойдемся ни с чем. Освальд — стрелок исключительно резервный. Его задача — оставить интересные исторические артефакты. Заметное оружие, вырезки и накопленные документы, связанные с его увлечением Кубой.

Ти-Джей понял, что Освальд заметил машину — он слегка наклонил подбородок. Подошел и забрался внутрь с сэндвичем и пакетом молока.

— Как новорожденная?

— Нормально. Вполне неплохо.

— Он поедет в твою сторону. Свернет с Мэйн и поедет на тебя по Хьюстон, — сказал Ти-Джей. — Не стреляй в это время. Рано. Это легкий выстрел, самый легкий из всех, но они будут смотреть прямо на тебя. Головной автомобиль, около пятнадцати копов на мотоциклах, восемь человек

в машине Секретной службы, четверо из них висят на подножке. Все скучкуются вокруг президентского лимузина и будут смотреть в твою сторону. Если выстрелишь, сразу узнают, откуда. Здание наводнят полицейские. Так что очень советую. Настаиваю, и не просто так. Жди. Жди, когда повернут на Элм-стрит и поедут к туннелю и автостраде. Это несложный выстрел. Целься в среднюю часть тела или в ту, которая будет видна через прицел. И жди. Жди, когда он свернет на Элм-стрит. Потом жди, когда он проедет дуб. Он должен миновать тот дуб. Я прикинул, что первый выстрел будет в двухстах футах. А дальше все зависит от скорости реакции водителя. Думаю, что звук отрикошетит к туннелю. Они не поймут, откуда выстрел. Ты сидишь у них за спиной, и тебя труднее будет обнаружить. Выиграешь несколько секунд. Может, секунд десять, чтобы спуститься по лестнице. Все-таки есть разница. Жди. Обязательно жди. И не вздумай показываться в окне, пока машина не доедет до дуба. Жди, когда она минует его.

У этого плана была одна особенность, которую не могли обеспечить сложные ступени и усовершенствования Уина Эверетта. Везение. Освальд снял листок салата с хлеба и съел его отдельно.

— Как только окажешься на улице, быстро уходи. Недалеко от твоего дома есть бульвар Джефферсон. Иди в западную часть, по северной стороне улицы, к дому 231. Это кинотеатр с испанским фасадом. Он будет открыт. Открываются они в двенадцать сорок пять. Зайдешь, сядешь, посмотришь кино. В Галвестон мы увезем тебя к ночи, на рассвете уедешь из страны.

Мэкки скомкал обертку от сэндвича и выкинул в окно. Вынул из кармана четыре патрона. Подбросил их в руке, затем уронил в пакет Освальду.

— Вряд ли тебе понадобится больше четырех.

— Времени не будет.

— Доверяй своим рукам.

— Я разрабатывал затвор тысячу раз.

— Как назвали дочку?

— Жена дала имя Одри, в честь Одри Хэпберн, которая играет в «Войне и мире». По Толстому. Но второе имя у нее Рэчел. Мы зовем ее Рэчел.

— Ты получишь удовольствие от операции, — сказал Ти-Джей.

Он смотрел, как Освальд вышел из переулка на Гриффин-стрит и направился к юго-западу, на работу.

Прежде всего убить Кеннеди.

Затем убить Освальда.

Как только обнаружатся левые симпатии Освальда, власти сделают вывод — решат сделать вывод, — что его наняли агенты Кастро, использовали и убили.

Банистер предупредит ФБР насчет псевдонима Хайдел.

Дэвид Ферри проведет ночь в Галвестоне один.

На заднем дворе у Пэйнов Марина и Ли катали детей на качелях по очереди. Сильвия, Крис, Джуни, соседские девочка и мальчик. Стемнело, но дети не хотели домой. Двое качелей, на каждые по родителю.

— Ты так и не сказал, зачем приехал в четверг.

— Соскучился по девочкам, — ответил он.

— Даже не позвонил.

— Может, переедешь в Даллас?

— Нет.

— Тогда не придется звонить. Все станет по-другому. Больше не могу жить в той комнате.

— Детям здесь лучше.

— Ты хоть знаешь, какая она по размеру?

— Рут рада, что мы у нее живем.

— Папе кажется, что ты его не любишь.

Они сняли с качелей двоих детей, посадили двоих новых. Марина все еще злилась, что Ли не сказал ей насчет вымышленного имени. Она

это выяснила, когда Руг позвонила в доходный дом и позвала Ли Освальда. Ей хотелось, чтобы все эти глупости прекратились. Все эти комедии. Сначала одно, потом другое.

Дети вопили:

— Выше!

— Я куплю тебе стиральную машинку, — сказал он.

— Лучше уж тогда автомобиль.

— Я откладываю, сколько могу. Прежде всего нужна квартира.

— Нет.

— Может, переедешь в Даллас?

— Нет.

— Девочки хотят жить с папой.

— А с кем мне разговаривать целый день? Здесь я общаюсь с Рут. Рут мне помогает.

— Будет балкон, как в Минске.

За ужином Рут попросила всех взяться за руки вокруг стола. Пояснила, что квакеры так молятся. Каждый должен про себя произнести молитву, хотя Марина ясно видела, что молчание Ли совсем не молитвенное.

Когда Марина убирала на кухне, вошла Рут и несколько озадаченно сообщила, что в гараже кто-то оставил свет. Она ответила, что скорее

всего Ли искал там свитер. Большая часть их пожитков лежала по коробкам в гараже у Рут.

В комнате Марина разделась. Ли сидел в кресле, сняв только обувь и носки. Они готовились ко сну, как и все здесь, в этом американском городке.

— Все будет по-другому.

— Нет.

— Но для начала мы должны жить вместе.

— Не понимаю, куда спешить.

— Может, переедешь в Даллас?

— Здесь дети могут играть на улице. Здесь Рут.

— Я накопил немного денег.

— Не хочу кормить ребенка в нервном состоянии.

— Наконец-то будет своя мебель.

Она стояла у дальнего конца кровати, обнаженная. Потянулась назад к креслу и взяла ночную рубашку. Ли смотрел на нее. Марина подумала, он хочет ей что-то сказать. Надела рубашку через голову и отвернула покрывало. Все как обычно, только добавились какие-то мелочи, и дождь поливает газон.

Рано утром он уехал. На письменном столе Марина обнаружила деньги и, удивившись, пересчитала их. Сто семьдесят долларов. Наверняка это все, что у него было.

Три раза он ее просил переехать в Даллас. Три раза она отказалась. Марина стояла у стола и размышляла. Когда что-то происходит три раза, то хорошо известно, к чему это. Число три несет с собой нечто зловещее. Всю жизнь она замечала, что тройка к добру не приводит.

22 ноября

В аэропорту люди стояли на багажных тележках и цеплялись за фонарные столбы. Люди в дождевиках прилепились к сетке-рабице, размахивая флагами, свисали с указателя терминала 28. Небо прояснилось, и «Боинг-707» тяжело повернул к месту остановки. Люди выскочили из машин. Те, кто с краю толпы, подпрыгивали. Дети сидели на плечах долговязых мужчин. Плотная масса людей излучала радостное нетерпение. Участники группы встречающих пробрались к трапу, тщательно приглаживая волосы и поправляя одежду. Люк открылся, появилась Первая Леди в розовом сиянии — и костюм розовый, и шляпка; следом за ней — Президент. Трепетный вздох прокатился по толпе, в воздухе зазвенело узнавание. Люди восклицали хором, лица застыли в изумлении, похожем на ошеломляющую боль. «Вон. они! Джек! Смотрите!» Президент взялся за лацканы пиджака, слегка повел плечами, поправляя его, и спустился по трапу. Теперь толпа восхищенно гудела. Люди трясли ограду. Выбегали из здания терминала с сумками и камерами наперевес. Повсюду фотоаппараты, поднятые вверх, щелканье

затворов объективов, из толпы торчат самодельные плакаты.

Джек и Джеки, добро пожаловать в Большой «Д».

После рукопожатий и приветствий Джек Кеннеди двинулся прочь от своих телохранителей и, обходя лужи, подошел к ограде. Протянул руку к рядам, и те рванулись навстречу глядя друг на друга, чтобы реакция совпадала. Он прошел вдоль ограды, красивый и загорелый, широко улыбаясь стене открытых ртов. Он был похож на себя, как на фотографии — рулевой, сощуривший глаза от блеска морской воды, белые зубы сверкают. Лицо немного портила легкая припухлость от кортизона, кортизоном лечили его аддисонову болезнь, поддерживая разрушающиеся позвоночные диски. Они перелезли ограду, обступили его. Столько людей и рук. Белозубая улыбка засветилась. Пусть все знают, что он не боится.

«Линкольн» был темно-синим, сверкающим, будто перья павлина, к передним крыльям автомобиля прикреплены американский флаг и президентский штандарт. Вперед сели двое из Секретной службы, на откидные сиденья — губернатор Конналли с женой, сзади чета Кеннеди. «Линкольн» выехал вслед за ведущей машиной,

никак не помеченной, и пятью мотоциклами, на которых сидели городские полицейские в белых шлемах и с традиционно непроницаемыми лицами. Позади них на полмили растянулась вереница взятых напрокат автомобилей с открытым верхом, микроавтобусов, туристских «седанов», дополнительных машин Секретной службы, связных, автобусов, мотоциклов, запасных «шевроле», «линдонов», «ледибёрдов», конгрессменов, жен, людей с «Никонами», «Роллифлексами», камерами для кинохроники, радиотелефонами, автоматическими винтовками, дробовиками, боевыми револьверами и шифрами для сброса атомной бомбы.

«Линкольн», казалось, светился. Крылья и капот сверкали на солнце, обивка сидений блестела. Губернатор размахивал своим коричневым «стетсоном», хлопали флаги, Первая Леди обхватила рукой букет роз. Отполированные бока машины отражали то, что происходило вдоль дороги. Нельзя сказать, что поблизости было много интересного. Ограждение аэропорта. Вытянутые строения с посыпанными гравием плоскими крышами. Рекламные щиты со скворчащими стейками. Случайные зрители с бодрым видом машут руками посреди этих унылых мест. На обо-

чине стоит человек и держит газету «Утренние новости», раскрытую на странице, о которой говорили все. «Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди». Объявление, размещенное группой, называвшей себя «Американский комитет поиска фактов». Жалобы, обвинения, шовинистические фантазии — ничего примечательного даже для крупной газеты, кроме того, что текст помещен в черную рамку. Довольно-таки зловеще. Джек Кеннеди уже видел это объявление, и сейчас, глядя на центр Далласа, возвышающийся вдали, повернулся и тихо сказал жене: «Мы едем в страну чокнутых».

Все же было важно, чтобы тебя видели в открытой машине без прозрачного верха, без агентов, свисающих с подножек. Вот он среди людей во времена глубокого раскола. Страну тащат в две стороны, оба лагеря неистовствуют, и Джек имеет власть над тем и над другим. Были ли дурные предзнаменования? Несколько недель он носил с собой бумажку с нацарапанными строчками какой-то шекспировской древности: «Я схвачена, меня на части рвут».[24] И все же важно было, чтобы машина ехала медленно, и люди могли

---

[24] Примечания: 24

У. Шекспир «Король Джон», акт III, сцена 1 *(пер. Н. Рыковой).*

его рассмотреть. Как говорят рекламщики, максимальная открытость. Кому нужен трусливый президент?

Впереди ждали толпы доброжелательных людей. Случайные личности на окраине и одинокие фигуры сменялись группами и скоплениями народа. Они появлялись на перекрестках. Забирались на бамперы посреди застывшего потока машин и кричали: «Джеки-и-и!» Эмблемы, флаги, волнующиеся толпы глубиной в пятнадцать рядов переваливают через тротуар, люди тянутся получше рассмотреть сверкающий лимузин. Копы на своих «харлеях» подрезают неровные края. Некоторые люди оказались прижаты к стенам зданий, им не видно лимузин, только скользящие мимо силуэты, духи прозрачного воздуха, сказочные и безмятежные. Большая давка случилась у Харвуда. Там собралась огромная толпа, неистовая сила. Не умолкая, восторженно и мощно ревели мотоциклы, а президент махал рукой, улыбался и шептал: «Спасибо».

Совет: удерживать толпы за ограждениями. Здесь они лезут на проезжую часть.

От улицы к улице толпа все лучше понимала, зачем она здесь. Эта информация перескакивала через пустое пространство от одной кучи

народа к другой. Сюда их привела инфекция, таинственный общий порыв. Пришли сотни тысяч человек с разными судьбами и образом жизни, пришли из-за того, что ночью всем приснились похожие сны, пришли вместе приветствовать криками проезжающий мимо «линкольн». Они здесь, чтобы стать событием, сознанием, потрясти застарелые суеверные страхи, бесплодную настороженную веру города с девизом «богатей поскорее». Большой «Д» поднялся над осторожностью и подозрительностью, и теперь издает рев торнадо. Они пришли окружить уязвимое тело одного человека и добиваться его улыбки, получить какой-нибудь дар щедрости его души.

Совет: подъезжать к Мэйн-стрит очень медленно.

В царство полуденных огней. Двенадцать кварталов по Мэйн-стрит, догорающие угольки мелодрамы небольших городов, «Холлмарка», «Уолгрина» и «Тома Макан», разбросанные среди банковских небоскребов. Едут мотоциклы, непрестанный давящий рокот, напряжение, что вгрызалось в края любого осознания. Появление «линкольна» вызывает волну трепета вдоль дороги. Один вопль перекрывает другой. Из окон высовываются люди, отчаянные мальчишки

выскакивают на свободное пространство. «Вон они! Настоящие!» Не только Джек и Джеки ехали в огне воодушевления. Сама толпа погрузилась в жар и свет. Знание, осознание себя раскаляли воздух. Это был новый город — мысль неслась со скоростью звука, билась в старом умолкшем сердце. Город ревущих голосов. Громких, горячих, пульсирующих. Толпа все рвалась через веревки и ограждения. Мотоциклы выстроились клином, агенты спрыгнули с подножек сопровождающей машины и медленно шли рядом с «линкольном». Страшно ли было находиться в центре всего этого? Не подумал ли Джек, что это рвение близко к жестокости? Толпа была совсем рядом, почти нависала над ним. Он смотрел на них и шептал: «Спасибо».

Люди в темных очках вернулись на свои подножки, и кортеж начал поворот на Хьюстон-стрит и последний маленький отрезок пути перед автострадой.

Они помчались к лифтам. Четверо молодых людей начали свою обеденную гонку — громкий хохот, толкотня у дверей. Ли слышал, как всю дорогу вниз они перекликались. Пыль. Выцветшая белая краска на старых кирпичных стенах. Повсюду штабеля коробок. Старые огнетушители

и поцарапанные колонны. Пыль зависала в трех футах над полом. Валялись отдельные книги. Он уже спрятал планшет, втиснул между коробками у западной стены. На шестом этаже тишина.

Он стоял у юго-восточного окна внутри крепости из коробок. Самые большие образовывали стену примерно пяти футов высотой, которая вызывала в памяти ощущение детского укромного местечка, и он чувствовал себя в уединении и безопасности. Внутри стены стояло еще четыре коробки — одна боком на полу, на ней друг за другом две, и одна маленькая лежит на кирпичном подоконнике. Уступ, подставка для оружия. Оберточная бумага, в которой он пронес винтовку, лежала у ног. Пыль. С потолка свисают полотнища рваной паутины. На полу он увидел монетку в десять центов. Подобрал и сунул в карман.

Ли посмотрел на Хьюстон-стрит, когда кортеж начал сближаться. На газонах Дили-плазы около полутора сотен человек, многие с фотоаппаратами. Он взял винтовку и худо-бедно принял боевую позу, стоя на полном обозрении в высоком окне. Все выглядело так невыносимо четко.

У президента были каштановые волосы, Первая Леди блистала в розовом костюме и круглой шляпке. Ли порадовался, что она так хорошо

выглядит. Для ее же блага. Для кинокамер. Для снимков, которые войдут в историю.

Он заметил губернатора Джона Конналли на откидном сиденье, со «стетсоном» на коленях. Ему понравилось лицо Конналли, сильное техасское лицо. Такой человек ощутил бы симпатию к Ли, если бы познакомился с ним когда-нибудь. Коробки со штампами «Книги». «Десять "Самостоятельных Читателей"». Все радовались хорошей погоде.

Белая машина во главе колонны повернула, повернули и мотоциклы. «Линкольн» проследовал за ними, сдвигаясь влево, круто поворачивая, будто вращался вокруг своей оси. Все происходило медленно и четко. Ли опустился на одно колено, положил локоть на стопку коробок и примостил ствол на краю коробки на подоконнике. Прицелился президенту в затылок. «Линкольн» въехал под укрытие дуба со скоростью около десяти миль в час. Посмотреть налево, посмотреть направо. Через прицел он видел металлический блеск автомобиля.

Он выстрелил сквозь просвет в кроне.

Когда машина снова выехала на открытое пространство, президент зашевелился.

Ли повернул рукоятку, сдвинул затвор назад.

Президент отреагировал — поднял руки, растопырив локти.

Вдруг все вокруг заполнили голуби — сорвались с крыш и полетели на запад.

Выстрел прозвучал по всей площади, глухо и отчетливо.

Кулаки президента сжались у горла, руки опустились.

Ли сдвинул затвор вперед, дернул рукоятку вниз.

Теперь «линкольн» ехал еще медленнее. Почти застыл на месте. Незащищенный, он находился в восьмидесяти ярдах от подземного переезда.

На линии огня.

Раймо выбрался из пришпоренного «мерса» на парковку, расположенную над заросшей травой насыпью, чуть дальше, чем на середине Элм-стрит. Стоянку огораживал деревянный частокол, вдоль которого росли деревья и кусты. Задний бампер машины упирался в забор. Рядом стояло десять-двенадцать автомобилей, гораздо больше — к северу и западу.

Раймо постоял мгновение, разминая плечи. Покрепче взялся за яйца, три быстрых толчка левой рукой. Высота забора около пяти футов, слишком высоко, левую руку удобно не пристро-

ить. Он подошел к машине сзади и шагнул на бампер. Посмотрел за частокол и через газон. Головной автомобиль приближался к повороту на Элм-стрит.

Фрэнк Васкес вылез из машины с водительской стороны. С собой у него был «уэзерби» марки V с оптическим прицелом, заряженный пулями с мягкой оболочкой, которые взрываются при попадании. Он стоял у заднего бампера, пока Раймо не протянул руку. Фрэнк отдал ему оружие.

Он вернулся на место водителя. Машина качнулась, когда он садился, и Раймо сердито оглянулся.

С Мэйн-стрит доносился слабый шум толпы, будто шорох где-то над головой, и Фрэнк, сидя за рулем спиной к происходящему, прислушивался. Смотрел он на северо-запад мимо рельсов. Белые водонапорные башни. Электрические столбы уходят вдаль по мрачной равнине. Солнечный свет и небо. Казалось, будто он видит весь Техас насквозь.

Раймо стоял чуть левее того места, где частокол сходился почти под прямым углом. Из густой тени деревьев он смотря на ослепительно яркое пространство. На газоне по обе стороны Элм-стрит собрались небольшие группы, семьи, фотографы,

словно начинался пикник. Лимузин вывернул на улицу. Люди, стоявшие на северной стороне, спиной к Раймо, прикрыли ладонью глаза от солнца. Остальные махали руками, Кеннеди махал в ответ, овации, солнце, ярко блестит капот. По газону пробежала девочка. Люди на подножках. Четыре человека по бокам сопровождающей машины, всего в нескольких футах от синего «линкольна».

Даллас-один. Повторите. Я не все понял.

Леон выстрелил слишком рано, когда машина проезжала под деревом. Прозвучало коротко, слабовато, неполноценно, недостаточно пороха.

Кеннеди среагировал не сразу, вначале даже не удивился, поднял руки медленно, словно греб на веслах.

Водитель сбросил скорость вдвое. Он сидел на месте. И остальные агенты сидели. Они ожидали голоса, который все объяснит.

Сорвались голуби.

Раймо выдвинул дуло поверх забора. Крепко уперся ногой в бампер. Левая рука, подпирающая оружие, вклинивалась между верхушками двух кольев. Он наклонил голову к стволу. Стал ждать, глядя в оптический прицел.

Женщина увидела с газона, как из-за указателя автострады появляется лимузин, президент дер-

жится за горло. Она услышала резкий звук, будто выхлоп машины, и поняла, что это уже второй раз. Кажется, какой-то мужчина повалил мальчика на траву и прикрыл собой. Она действительно не слышала первого хлопка, пока не раздался второй. К лимузину бежала девочка и махала руками. Звук раздался и заглох разнесся по площади. Все это было совершенно непонятно.

Все было так прозрачно, что Ли мог видеть самого себя в огромной комнате со стопками коробок, разбросанными книгами, старыми кирпичными стенами, голыми лампочками — маленькая фигурка в углу, частично прикрытая. Он выстрелил второй раз.

Он увидел, как губернатор, повернувшийся к нему правым боком, посмотрел в другую сторону, затем вдруг согнулся. Реакция испуга. Он знал из оружейных журналов, что это называется реакция испуга.

Ли повернул рукоятку, сдвинул затвор назад, затем вперед.

Готовность, пожалуйста.

Ладно, в первый раз он выстрелил рановато, попал президенту куда-то в шею. Это глупость, на которую можно не обращать внимания. В каком-то смысле. Ладно, во второй раз он промахнулся

и попал в Конналли. Но машина до сих пор там, еле движется. Первая Леди нагнулась к президенту, который рухнул на сиденье. У самой рамки оптического прицела аплодировал человек.

Ли опустил рукоятку и прицелился. Услышал, как вторая гильза покатилась по полу.

Между Джеком и Джеки на сиденье лежали розы. Интерьер лимузина был приятного светло-голубого цвета. Этот человек стоял так близко, что мог с ними заговорить. Он аплодировал на тротуаре. Какая-то женщина крикнула в машину:

— Мы хотим вас заснять!

Президент, склонив голову влево, казался чрезвычайно удивленным. Человек хлопал, стоя уже посреди неразберихи, глядя на упавших людей, уже чувствуя оружие.

Дай связь, Билл. Дай связь.

Бобби У. Харгис ехал на мотоцикле слева и сзади в эскорте. Он знал, что слышал выстрел. Женщина фотографировала лимузин, за ней вторая в двадцати футах делала такой же снимок, только с первой женщиной в кадре. Он не мог определить, откуда выстрелы, два выстрела, но знал, что в машине кого-то ранили. Мужчина повалил ребенка на землю и прикрыл собой. Фронтовик, успел подумать Харгис, а губернатор Конналли

в это время как бы сполз на откидное сиденье, жена обняла его и усадила. Харгис повернулся направо, лишь заметив девочку в красивом пальто, бегущую по газону к президентскому лимузину. Он смотрел вправо, а мотоцикл ехал по-прежнему на запад по Элм-стрит, и вдруг ему в лицо — незабываемое ощущение — ударила кровь и что-то плотное, фонтан крови, костей, мяса. Он решил, что в него стреляли. Эта смесь ударила его, словно крупная дробь, было слышно, как она расплескалась по шлему. Люди повалились на газон. Он плотно сжал губы, чтобы жидкость не попала в рот.

Джон скорчился на откидном сиденье. Нелли Конналли перевернула его и обняла. Положила голову ему на макушку. Представила, будто она — это он. Они оба живы или оба мертвы. По-отдельности они не могут. После третьего выстрела все разлетелось по машине. Плоть, куски костей, бледные комочки плоти, что-то водянистое, плоть, кровь, все покрыто мозговым веществом.

Она услышала, как Джеки сказала:

— Они убили моего мужа.

Нелли сама могла сказать то же самое, просто за нее это произнесли. Она решила, что Джон мертв. Затем он слегка пошевелился, и одновременно

она подумала, что Джеки вышла из машины, из задней двери, а сейчас каким-то образом вернулась. Джон пошевелился в ее объятиях. У них билось одно сердце на двоих.

В нас стреляли. В улана стреляли. Быстро к Паркленду.

Машина набрала скорость, и все понеслось мимо. Как ужасно, подумала Нелли, какое жуткое зрелище — машина с ранеными людьми набирает скорость. Какой ужас, какое кошмарное зрелище.

Джеки сказала:

— У меня в руке его мозги.

Все проносилось мимо.

Аплодирующий человек в белом свитере увидел, как плоть вырвалась из головы президента. Мимо проехали мотоциклы. Появилось оружие, человек во второй машине достал автоматическую винтовку. Вторая машина проехала. Мотоцикл скользом пошел вверх по травяному склону рядом с бетонным строением, колоннадой. Там на пилястре стоял кто-то с кинокамерой, направив объектив в эту сторону, и человек в белом свитере с руками, замершими у пояса, подумал — нужно лечь на землю, нужно немедленно упасть. Туманный свет вокруг головы

президента. Из этого тумана торчат два бело-розовых ошметка плоти. Работает кинокамера.

Ли собрался выстрелить в третий раз, уже фактически нажал на спуск.

Было настолько светло и ясно, что сердце сжималось.

По центру поля оптического прицела вспыхнул белый взрыв. Жуткий всплеск, взрыв. Что-то яркое брызнуло из головы президента. Его отбросило назад, вокруг все в пыли и тумане. Затем вдруг снова прояснилось, Кеннеди уже неподвижно лежал на сиденье. Он убит, убит.

Ли оторвался от прицела, посмотрел направо. Белая бетонная стена выдается за колоннаду, за ней — деревянный забор. На стене человек с камерой. Забор в густой тени. Над тоннелем стоят грузовики.

Он поднялся на ноги и отошел от окна. В третий раз он тоже не попал. Пуля ушла в молоко. Никуда не попал. «Кальсоны Мэгги».[25] Он сдвинул вверх рукоятку затвора.

Дайте мне связь. Дайте связь. Дайте связь.

Он уже говорил кому-то о происшедшем. Пред-

---

[25] Примечания: 25

Так на военном жаргоне называется красный флаг, которым сигнальщик на полигоне показывает, что выстрел не попал в цель.

ставлял себя со стороны, как рассказывает обо всем человеку с суровым техасским лицом, но понимающему, дружелюбному. Указывает на противоречия. Рассуждает, как его заманили участвовать в заговоре. Как там называется, простофиля? Он представил себе кабинет, флаг с кистями, фотографии сановников на стене.

Снова оттянул затвор, затем сдвинул вперед, дернул рукоятку вниз. Прошел по диагонали к северо-западному углу комнаты, где лестница. Книги в коробках, составленных по десять штук. Знакомый запах бумаги и переплетов.

Взревели сирены на бамперах, появилось оружие.

Девочка больше не бежала к машине. Она стояла и безучастно смотрела.

Женщина с фотоаппаратом повернулась и заметила, что ее фотографируют. Женщина в темном пальто навела «Поляроид» прямо на нее. Лишь тогда она поняла, что через собственный видоискатель только что увидела, как застрелили человека. На лице и руках остались брызги крови. Она представила — так странно, — будто женщина в пальто была ею, а человеком, в которого стреляли, — она сама. Странное оцепенение — повсюду на ней эти светлые брызги.

Осторожно села на траву. Надо просто посидеть. Женщина с «Поляроидом» не шевелилась. Женщина, сидящая на траве, отложила фотоаппарат и рассматривала бесцветное вещество у себя на руках. Над деревьями кружились голуби. Если в нее стреляли, значит, нужно сидеть.

Агент Хилл спрыгнул с левой подножки и быстро двинулся вперед. Прозвучал второй выстрел. Он вскочил в «линкольн» с подножки, потянувшись левой рукой к металлической ручке. Звук был двойной. Либо два выстрела, либо выстрел и громкий звук от пули, ударившей во что-то твердое. Он стремился подобраться к президенту, прикрыть его тело. Миссис Кеннеди надвигалась на него. Она выбиралась из машины. Выползала на задний капот, положив на него руки плашмя, правое колено на спинке сиденья. Агент Хилл решил, будто она разыскивает что-то, и тут осознал — мимо что-то пролетало. Где-то вспыхнуло, и что-то отскочило от конца лимузина. Он столкнул миссис Кеннеди обратно на сиденье. Машина рванула вперед, почти сбросив его. Они ехали в тоннеле, в темноте, и когда вырвались на свет, стало видно, что Конналли истекает кровью. Зрители, дети, все машут руками. Агент Хилл вцепился в ручку. Мчались быстро. Все четыре

пассажира, залитые кровью, сползли вниз. Он лежал на заднем капоте. Вспыхнула мысль, узнавание. Она пыталась забрать кусок черепа мужа.

Он держался крепко. Смотрел прямо в голову президента. Они уже набрали восемьдесят миль в час.

ВСПЫШКА

сссссссссс

КРОВЬ ЗАЛИВААААК
КЕННЕДИ СЕРЬЕЗНО РАНЕН

ССССССССС

ПОПРАВКА ВОЗМОЖНО ВОЗМОЖНО СЕРЬЕЗНО РАНЕН

Раймо на миг заслонили обзор. Пришлось ждать, пока правая часть лимузина минует бетонный пилястр. Он знал, что Конналли ранен. Леон выбивает их по очереди, успел подумать он. Чувствовалось, что люди падают или разбегаются, хоть это и осталось вне поля прицела. Теперь машину было четко видно, она медленно заполняла прицел. Раймо держал на мушке голову

президента. Тот наклонился влево, зажмурившись от боли. Сто тридцать футов. Сто двадцать футов. Он выстрелил. Волосы президента встали дыбом. Просто пошли рябью и волнами. Раймо слез с бампера и забрался на заднее сиденье. Фрэнк тронул машину с места. Он ехал между рядов припаркованных машин позади книжного склада. Прямо на три грузовика с надписью «Хатчинсон Нортерн». Раймо подался вперед. Слышь, осторожно. Но ничего не сказал.

Посмотри, сможет ли президент появиться. У нас тут люди ждут. Мне нужно знать, заговаривать им зубы, или что здесь объявлять.

Фрэнк отыскал выезд на улицу. Проехал один квартал на восток по Пасифик-авеню. Свернул влево на Рекорд-стрит. Склады и парковки. Возникло такое чувство, будто внутри него кто-то сидит и делает все эти повороты. Он старался не Думать ни о чем, кроме данного момента. Впереди надземная автострада. Его мучил страх того, что случится, когда кончатся повороты и дорожные знаки. Он не знал, что почувствует, когда снова вернется в тело.

Извлекалось оружие.

Копы бросили свои «харлеи» и побежали вниз по склону, вынув пистолеты. В кортеже люди

из Секретной службы приготовили автоматы, вытащили револьверы.

Стая голубей развернулась, направляясь теперь на восток.

Мэкки наблюдал с южной колоннады поверх Элм-стрит, поверх Мэйн-стрит, поверх Коммерс-стрит. Ни на газоне, ни под деревьями никого нет. Здесь располагалась вторая половина площади, менее чем в сотне ярдов от центра событий, но это место уединенное, тут жарко и пусто под лучами солнца. Он стоял, прислонившись к колонне и сложив руки на груди. Темные очки болтались в правой руке.

Завыли сирены. У книжного склада стояли полицейские, направив кверху винтовки и дробовики. Мужчины целились вверх. Люди задрали головы.

СЛЕЗАЙТЕ С ЭН-ЭКС-АР

СВОДКА

ССССССССС

СНАЙПЕР СЕРЬЕЗНО

РАНИЛ

ВСЕ ПРОЧЬ
ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ И
НЕ ЗАНИМАЙТЕ
СЛЕЗАЙТЕ

Девочка стояла, закрыв руками уши. Кортеж распался, одни автомобили стояли, другие неслись дальше. По Элм-стрит возобновилось обычное движение. Многие люди взбежали вверх по лестнице между частоколом и колоннадой. Прорва народу. Люди лежат ничком на траве. Какой-то человек молотил кулаком по крыше автомобиля. Мэкки видел, как из другой машины выбрался мужчина и упал. Резкие крики и вопли. Одни стоят на коленях. Другие сидят с фотоаппаратами, задыхаясь и не веря своим глазам.

По Мэйн-стрит ехала пожарная машина. Он не видел большего идиотизма за последние двадцать лет.

НА СВЯЗИ ТТ
ПОЖ ПОЖАЛУЙСТА НЕ ЛЕЗЬТЕ НА ЭТУ ЧАСТОТУ

СССССС

НЕ ЗАНИМАЙТЕ
НЕ ЛЕЗЬТЕ

СССССС

СНАЙПЕР СЕРЬЕЗНО РАНИЛ
ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ
ВЦЕН ТРЕ ДАЛ ЛАСА СЕГО ДНЯ ВЕРОЯТНО
СМЕРТЕЕЕЛЬНО

Издалека Мэкки не мог разобраться, люди поднимаются по лестнице линчевать, или же просто в шоке мужчины и женщины панически бегут вместе со всеми. Ему хотелось пить, он был подавлен. С газонов, из гулкого тоннеля неслись странные резкие крики, множество голосов, в которых слышалось напряженное отчаяние, словно в речи глухонемого.

Ли спрятал винтовку на полу между рядами коробок возле стрелки на лестницу. Легко будет обнаружить. Но спрятать все же надо, просто сделать то, чего от него ждут. Пусть поверят — он не хочет, чтобы его вычислили. То же самое с планшетом, уже спрятан, и незаполненными

бланками на нем. Он хотел дать им то, что можно найти, слой, который нужно ободрать. Ему нравилась работа, на которой нужно ходить с планшетом.

Ли быстро спустился вниз и направился к автомату «колы» на втором этаже. С банкой в руке он чувствовал себя в безопасности. Это его опора, то, что носишь с собой, и все хорошо. Он решил, что ему понадобится опора, когда будет выбираться из здания.

За спиной раздался голос, что-то вроде: «Иди сюда!»

Коп с пистолетом в руке бежал в столовую. На фуражке у него была защитная пленка от дождя. Ли повернулся и медленно пошел к нему. Он сделал такое лицо, какие встречаются у людей в любом общественном транспорте, безымянное и мечтательное. Подчеркнуто не обратил внимания на пистолет, направленный ему в грудь.

Затем вошел Рой Трули, и коп спросил:

— Он здесь работает?

Мистер Трули ответил, что да, и они двинулись к лестнице. Ли взял свою «колу», спустился на один пролет и вышел из парадного. В порванной на локте рубашке.

Агент Грант стоял под навесом Торгового цен-

тра, что недалеко от автострады Стеммонс, и объяснял двум руководителям местных предприятий, как представляться Кеннеди. Он услышал приближающийся вой сирен. Появилась ведущая машина, мотоциклы, «линкольн» на скорости около восьмидесяти миль в час, на заднем капоте кто-то распростерся. За ними на большой скорости следовали другие машины — безумное зрелище. Мимо пронесся автобус с журналистами. Грант спросил одного из бизнесменов, сколько у него времени. Затем они сверили часы, помещая это событие в приемлемые для всех рамки.

ОН ЛАААА

Какой-то мужчина держал Мэри за руку, та плакала. Он пытался забрать у нее фотоаппарат. Представился Фезерстоуном из «Таймс Геральд». Джин, подруга Мэри, говорила:

— Мне показалось, что на сиденье между ними собака. Я понимаю, когда Лиз Тэйлор или Габоры путешествуют с собакой, но чтобы Кеннеди?

Мэри не слушала ее. Она плакала и не отдавала фотоаппарат Этот человек из газеты не отпускал ее руку. Он тащил Мэри к Хьюстон-стрит. Джин не могла подняться на ноги. Она сидела на траве,

пытаясь закончить мысль о собаке в машине. Хотелось сказать Мэри об этом, и она произнесла:

— В конце концов я поняла, что это за мохнатая штучка. Букет роз на сиденье между ними.

Мы летели по автостраде, держа в объятиях умирающих мужчин, неизвестно куда. Все мелькало. На рекламном щите написано «Пора кататься на роликах».

Ли вышел из автобуса, застрявшего в пробке, и направился к вокзалу «Грейхаунд» ловить такси. Пробка случилась по вполне очевидным причинам, так что зря он сел на автобус. Он шел к югу на Ламар, вокруг выли сирены, и тут заметил свободное такси — чуть поодаль общего скопления.

Едва он сел рядом с водителем, в окно заглянула симпатичная пожилая дама: свободна ли машина? Ли начал выбираться наружу, предлагая даме садиться. Но водитель отъехал, и Ли назвал адрес в нескольких кварталах от его дома. Поездка по старому виадуку заняла минут пять-шесть. Водитель сказал что-то насчет полицейских машин — у всех работают мигалки и воют сирены. Непонятно, в чем дело.

Ли вылез из машины и направился к северу по Бекли. В воздухе звенело напряжение, и ему впервые стало тревожно.

Как я выгляжу?

Можно ли определить по моему виду, откуда я иду?

Он изучал номера припаркованных машин.

Похож ли я на человека, покидающего место преступления?

Желудок был пустым, во рту ощущался какой-то едкий привкус, как бывает от жвачки.

В этой части Оук-Клифф царило все то же лоскутное уныние — таблички «сдается комната», облетевшие деревья, белье на веревках, голые фасады домов.

Нужно было прихватить ту «колу».

Хозяйка смотрела телевизор, все пространство заполняли звуковые волны. Она что-то сказала, но Ли прошел мимо. Долго мочился в туалете. Струя не иссякала.

Звенящий воздух.

Он зашел к себе в комнату, открыл шкаф и взял револьвер. Это естественно. Нельзя уйти без оружия. Настал тот самый день, когда ему нужна защита.

Они найдут винтовку Хайдела. В гараже Рут документы на имя Хайдела. В бумажнике сплошной Хайдел. Так что вполне естественно, что он берет револьвер Хайдела. Придется отскребать

дюжину слоев. Все вместе — это Хайдел.

Он выгреб из ящика отдельные патроны. Купленные Дюпаром с рук на улице. Бабахнут ли они когда-нибудь?

Синий пиджак он оставил на работе. Надел серый. Где бы ни предстояло провести эту ночь и оставшуюся жизнь, пиджак понадобится. К тому же прикрывает револьвер.

Комната. Железная кровать.

Как я выгляжу с этим бугром на бедре под пиджаком?

Неизвестный белый мужчина. Худощавого сложения.

Ли вышел за дверь, двинулся по дорожке. Он не совсем представлял себе, что делать. Ясность испарилась. В воздухе нервное напряжение.

Как я выгляжу?

Выделяюсь ли среди прохожих?

Он прошел по Бекли и понял: кроме кинотеатра идти некуда. Там его должны подобрать. Он знал, что доверять им нельзя, но другого выхода нет. В кармане четырнадцать долларов и проездной на автобус. Он в ловушке. Можно отправиться прямо им в руки. Тайное желание: пусть решение сейчас принимают другие. Хотелось верить, что события не в его власти.

Он заметил, что навстречу едет полицейская машина, и свернул на Дэвис, чувствуя, что сделал это слишком поспешно. На улицах почти никого. Он ясно видел, что коп, прищурившись, проводил его взглядом, хотя машина уже скрылась.

Хорошо, один раз он выстрелил. Но не убил же. В лучшем случае пуля задела верхнюю часть спины или шею, ничего опасного. Потом промахнулся и попал в губернатора. Потом промахнулся совсем. Есть обстоятельства, о которых они не знают. Они уверены, что именно он стоял у окна? Все может оказаться не так, как им кажется. Некий сговор.

Худощавый белый мужчина. Пять футов десять дюймов.

Машина снова показалась в поле зрения — на Паттон-стрит. Он прошел половину следующего квартала, затем развернулся кругом, вернулся на Паттон и направился на юг. Чтобы обмануть машину. Если он пойдет туда, где она уже побывала, то не встретит ее.

Можно ли заподозрить, что я убегаю?

Они вычислили, кого не хватает на книжном складе?

Какое имя назвать, если спросят?

По Паттон-стрит он дошел до Девятой улицы.

В это время дня здесь ни души. Он собирался быстро проскочить на Бекли, пересечь ее и выйти на Джефферсон. Вдоль бордюра стояла дюжина старых фенов. На газоне лежал матрас.

Ли хотел писать рассказы о современной жизни Америки.

На перекрестке Десятой и Паттон-стрит он ожидал увидеть удаляющуюся полицейскую машину, или не увидеть вообще. Но она ехала навстречу ему, справа. Он перешел улицу и направился в другую сторону, теперь машина оказалась за спиной, она ехала за ним на скорости кортежа, десять-двенадцать миль в час, поддразнивая.

Краем глаза Ли заметил номер на двери. Десять. На машине номер десять, и улица Десятая.

Непонятно, кто первый остановился — он или полиция. Похоже, это пришло им в голову одновременно. Он приблизился к окну со стороны пассажирского сиденья.

Заговорили одновременно. Ли спросил:

— В чем дело, офицер?

А полицейский, крепкий малый, примерно на одну восьмую индеец, сказал что-то вроде:

— Ты здесь живешь, приятель?

Ли сунул голову в открытое окно, вдохнул прокуренный воздух и ответил:

— А зачем вы со мной заговорили?

— Мне кажется, ты как будто убегаешь.

— Я просто гуляю.

— А у меня чувство, будто ты делаешь все, чтобы тебя не заметили.

В рации вякал чей-то голос.

— Я просто иду пешком.

— Тогда, может, скажешь, куда ты идешь?

— Сомневаюсь, что мне обязательно об этом докладывать. Я живу в этом районе. Хотя по закону мог бы и этого не говорить.

Он занял позицию человека, к которому пристали ни за что ни про что. Даже если у них есть описание от свидетеля, который снизу смотрел в окно, — насколько оно точное?

— Для твоего же блага спрашиваю.

— Я просто иду по улице.

В поле зрения появилась женщина, которая приближалась к перекрестку Десятой и Паттон-стрит.

— Удостоверение личности есть?

— Я тут живу.

— Спрашиваю в последний раз.

Он не любил, в жизни не любил, когда полицейские сидят в машине, а ты должен показывать им документы, все время стоять, согнувшись,

у окна.

— Я просто хочу знать, в чем дело.

— Лучше покажи документы, и поживее.

— Слышал.

— Так давай.

— Я просто шел пешком.

— Последний раз повторяю.

Они опять заговорили одновременно. Коп в своем «форде» начал постепенно закипать. По радио сказали: «Взъерошенные волосы».

Мы находимся на Десятой улице, и номер у машины десятый. Все сходится в одну точку.

— Слушай, я сейчас выйду из машины.

— Вот пристали.

— Покажи руки.

— Так и случается непонимание.

— Руки на капот, блядь.

— Я слышал.

— Так вперед, блядь, сопляк.

Коп потянулся к ручке своей двери, не спуская глаз с Освальда. Дело набирало обороты.

— Я просто спросил, за что.

— Руки, *руки* — чтоб я их видел.

— Я имею право ходить по улице и чтобы меня не трогали.

Полицейский начал вылезать из машины. Ска-

зал что-то вроде:

— Давай, и помедленнее.

А Ли произнес:

— Нельзя уже пройтись по своему городу.

Одновременно.

Коп стоял по ту сторону машины. Проехало несколько автомобилей. Ли вытащил из-за ремня револьвер и четыре раза выстрелил через капот, мигая и бормоча. Бедный глупый коп. Открыл рот и сполз вниз по крылу. В девяноста футах Ли увидел женщину, их глаза встретились. Она уронила сумку и закрыла руками лицо. Он пробежал на Паттон-стрит и свернул на юг, на ходу извлекая пустые патроны и вставляя новые.

Хелен отняла руки от лица. Она стояла на улице одна и кричала. Фуражка полицейского валялась чуть поодаль от тела. Сам он лежал на боку, истекая кровью. Она подобрала сумочку, рабочие туфли и двинулась к нему, зовя на помощь и крича. Шла, согнувшись, и визжала, глядя на тело.

Собралось несколько человек, из пикапа вылез мужчина. Хелен, крича, подошла к телу. Мужчина сел в полицейскую машину и говорил: «Алло, алло!» Хелен увидела, что кровь растеклась овальной лужей. Она обошла тело и положила туфли на капот. Нагнулась и разглядела раны на

голове и груди. Удивительно, как много крови вылилось.

Мексиканец повторял перед приборной доской: «Алло, алло!»

Чуть позже приехала «скорая», множество полицейских машин с красными мигалками и сиренами, на тротуарах и газонах стояли автомобили, люди фотографировали кровь на дороге. Хелен каким-то образом очутилась перед каркасным домом за полквартала от места происшествия, где рассказывала детективу о том, что видела. Она работала официанткой во «Вкусной еде» в центре и шла к автобусной остановке, собираясь ехать на работу. Затем услышала три или четыре выстрела друг за другом.

На капоте машины участкового Типпита стояли белые холщовые туфли. Сотрудники отдела убийств недоумевали, что могут значить эти предметы.

Уэйн Элко сидел в последнем ряду центральной секции Техасского кинотеатра и смотрел черно-белый фильм под названием «Клич битвы»,[26] с Ван Хефлином и кучей незнакомых актеров. Про-

---

[26] Примечания: 26

«Клич битвы» (1963) — военная драма американского режиссера Ирвинга Лернера.

шло около часа, Ван Хефлин только что застрелил филиппинского бандита Атонга. Дело происходило чуть позже событий в Перл-Харборе, и Уэйн был уверен, что японцы готовятся совершить ночной набег на филиппинских партизан и их американских друзей. Под курткой он держал спортивный пистолет со стволом, сточенным до основания, и приделанным к нему восьмидюймовым глушителем. В зале сидят вразброс еще семь человек. Выстрел прозвучит, будто кто-то кашлянул.

На экране появилась партизанка в обтягивающих джинсах. Уэйн подумал, что Голливуд придумывает этих женщин, белых и обнаженных, специально для таких дней, для бездельников, прячущихся во мраке зала. Тут в начале прохода появился Леон. Постоял, чтобы глаза привыкли к темноте. Волосы всклокочены, рубашка выбилась из штанов, он выглядел испуганным и диким. Сел в третий ряд от конца. Во втором ряду от Уэйна и на четыре сиденья левее.

Спокойно, Уэйн. Не торопись.

Уэйн наблюдал за страхом и желаниями на серебристых лицах. Он ждал, когда шум на экране усилится, когда япошки нападут на партизанский лагерь с пулеметами и гранатами. Тогда

он выберется из своего ряда, подойдет к Леону сзади, шепнет *adios,* нажмет рифленый курок, уже отступая в вестибюль.

Но нужно дождаться шума и криков.

Пусть напряжение растет.

Потому что в кино так всегда бывает.

Однако до этого не дошло. Минут через пять после того, как вошел Леон, открылась дверь на выход у сцены, и показались силуэты людей. Затем люди появились сзади, в вестибюле послышались голоса. Кто-то включил в зале свет, и Уэйн увидел, что полицейские как бы прочесывают проходы. Двое полицейских влезли на сцену и, поглаживая приклады, оглядывали зал.

Изображение погасло, звук замер.

Они обыскали двоих в нижних рядах. Теперь поднимались вверх по проходам. Несколько человек ворвалось через второй выход. На улице не умолкали сирены. Со сцены спрыгнул коп. Второй вытащил пистолет. Спокойно, Уэйн. К Освальду приближался коп с пухлым лицом. Леон встал и что-то сказал. Когда коп прошел к нему по ряду, Леон бросился на него. Сильно ударил по лицу. У того на голове крутнулась фуражка. Коп стукнул Леона, тот отшатнулся, скалясь от боли, затем у него в руке показался пистолет.

Все бросились к нему. Полицейские крякали, ударяясь коленями о сиденья. Первый коп и Леон сидя боролись за пистолет. Остальные ругались. Уэйн услышал щелчок и подумал, что кто-то взвел курок. На Леона набросились сзади, схватив за волосы и горло. Он чуть не оторвал нашивку с именем от рубашки одного из полицейских. Неуклюжая ожесточенная схватка все не заканчивалась.

У Освальда вырвали оружие и пытались надеть наручники. Ряды кишели полицией. Его немного побили.

Надев наручники, копы вывели его в проход. Некоторые все еще стукались коленями о края сидений, подбирая свои фуражки и фонарики. Освальда быстро выставили в коридор, толкая его со всех сторон.

Уэйн слышал голос Леона от дверей:

— Полицейский произвол!

Какое-то время зрители не знали, что делать. Потом те, кто стоял, вернулись на свои места. Кто-то крикнул:

— Свет!

Еще один парень повернул голову, посмотрел вверх и сказал:

— Свет, свет!

Все ждали на местах, слыша, как удаляется вой сирен. Похлопали. Затем Уэйн произнес:

— Свет!

Через пятнадцать секунд свет в зале погас, и кино продолжилось.

Люди довольно затихли. Уэйн ощутил их удовлетворение, что кино показывают снова. И не только это прокрутят до конца. Впереди еще второе, под названием «Война — это ад».[27]

Заключенный стоял в тюремном лифте, куда обычных людей не пускали. Четыре детектива втиснулись к крепким поджарым мужчинам в темных костюмах и галстуках, высоких ковбойских шляпах и с непроницаемыми лицами.

В коридорах вибрировала толпа беспокойных журналистов. Они ждали, когда заключенный спустится в комнату для допросов, на третий этаж здания полиции и суда. На тележках стояли телекамеры, на подоконниках висели провода, тянулись через кабинеты заместителей. Никто не проверял удостоверений личности. Репортеры занимали телефон и ходили в туалет вслед за полицейскими. По коридорам бродили неиз-

---

[27] Примечания: 27

«Война — это ад» (1963) — военная драма американского режиссера Бёрта Тогшера.

вестные люди, обвиняемые из других отделов, свидетели других преступлений, туристы, пьяницы в рваных рубашках, кто-то бормотал себе под нос. Шумный сброд, путаница. Носились всяческие слухи. За информацией явились диск-жокеи, настороженно поглядывая и дергаясь. Какой-то репортер писал заметку в блокноте, прислонив его к спине начальника полиции.

Все принялись скандировать:

— Покажите нам его! Приведите к нам его!

Прошло несколько часов. Вдоль стен пустые лица. Люди в ожидании скорчились у лифтов. Все ощущали незавершенность, провалы, пустоты, незанятые места, обезлюдевшие вестибюли, нарушенные связи, темные города, оборванные жизни. Люди изголодались по новостям. Только новости могли восполнить их, восстановить ощущения. Три сотни репортеров в замкнутом пространстве, все жаждут получить весть. Весть — волшебное желание. Весть от кого угодно. С вестью можно разлиновать мир, мгновенно сотворить поверхность, которую увидят и потрогают сразу все люди. Телефонные звонки, едва не скандалы, затуманенные глаза, ощущение смерти, страшное горе. Жив ли Конналли? Цел ли Джонсон? Приведено ли в полную готовность

стратегическое авиационное командование? Все начали чувствовать, что изолированы внутри этой старой муниципальной глыбы серого техасского гранита. Они слышали собственные репортажи по радио и переносным телевизорам. Но что им известно на самом деле? Новости совсем в других местах, в больнице «Паркленд», на «Борту номер один», на пятом этаже в голове заключенного.

Кто-то сказал, что его ведут. Группы зашевелились, будто рассерженные пчелы. Затем началась непременная давка, борьба за позицию. Когда он появился в дверях лифта, худощавый парень в наручниках, с распухшим глазом, небритый, все немного ополоумели. Припавшие к лифту журналисты подались назад, выставили микрофоны, все кричали, пытались добраться до него. По коридору прокатился вопль, волна энтузиазма. Кинокамеры гуляли над головами сопровождающих. Тем пришлось оттолкнуть несколько рук и протащить его к двери комнаты для допросов. Один глаз подбит, на другом веке царапина, рубашка болтается. Похож на парня, который вышел на улицу покурить. Но на лице вызов и упрямство. Мелькали вспышки. Телевизионные софиты припекали головы. Репортеры рвались

вперед и вопили. В давке вокруг арестованного невозможно было вздохнуть. Все смотрели на него. Все кричали:

— Почему вы убили президента?

— Почему вы убили президента?

Он сообщил, что ему отказали в праве принять душ. Отказали в основном праве соблюдать гигиену. Охрана протащила его к двери кабинета.

Допросили, обвинили, выставили на опознание. Каждый раз, выходя из лифта, он чувствовал накал в коридорной толпе, влажный воздух вибрировал. Убийца, убийца.

В камере он обдумывал, как все обыграть. Это можно сделать по-разному. Все зависит от того, что им известно.

Он сидел в средней камере особо охраняемого блока в тюремном отделении. Камеры по обеим сторонам пустовали. В запертом коридоре стояли два охранника и непрерывно наблюдали.

Каждый раз приводя его в камеру, они заставляли раздеваться. Сидел он в одном нижнем белье. Боялись, что он может навредить себе с помощью одежды.

Койка, щербатая раковина, наклонная дыра в полу. Не унитаз. Приходилось все делать в дыру.

Они осмотрели его задницу. Пришли двое из

ФБР, сбрили немного волос на гениталиях и тщательно упаковали в пластиковые пакетики.

Революция должна быть школой освобожденной мысли.

В комнате для допросов сидела полиция Далласа, Секретная служба, ФБР, техасские рейнджеры, местные шерифы, почтовые инспекторы, судебный исполнитель. Ни записывающих устройств, ни стенографиста.

Нет, у него нет винтовки.

Нет, он ни в кого не стрелял.

Он не тот человек, что на фотографии, которую нашли в гараже Рут Пэйн — мужчина с винтовкой, револьвером и левыми журналами. Фотографию, очевидно, подделали. Взяли его голову и приставили к чьему-то туловищу. Он сообщил, что работал в типографии и сам видел, как это делается. Единственное на снимке, что принадлежит ему, — это лицо, и неизвестно, откуда его взяли.

Он отрицал, что знает А.Дж. Хайдела.

Нет, он никогда не бывал в Мехико.

Нет, он не хочет детектор лжи.

Спросили, верит ли он в Бога. Ответил, что он марксист. Но не марксист-ленинист.

Было совершенно ясно, что они не поняли

разницы.

Каждый раз, когда его вели вниз, он слышал по радио и телевизору свое имя. Ли Харви Освальд. Звучало крайне странно. Он не узнавал себя, когда имя произносили полностью. Среднее имя он использовал, лишь когда заполнял анкету, где для этого стоял пробел. Никто не называл его этим именем. Теперь оно звучало повсюду. Доносилось от стен. Его выкрикивали репортеры. Ли Харви Освальд, Ли Харви Освальд. Оно звучало странно, глупо, фальшиво. Все говорили о другом человеке.

Люди в «стетсонах» вели его обратно через толпу к тюремному лифту. Он поднял вверх закованные руки и сомкнул ладони. Лампы-вспышки и резкие вопли. Они выкрикивали вопросы без остановки, одновременно с его ответами. Лифт поднялся на этаж с камерами.

В тюрьме. Снова в каталажке. В кутузке. В тюряге. Свет мерцает, когда щелкают выключателем. До свиданья, мама.

Улицы, мокрые от дождя.

Курсы экономической теории по вечерам.

Он сидел в камере и ждал следующего допроса. Он знал, что уже поздно. Представил себе улицу Рут Пэйн, газоны и платаны. Лежит ли Марина

в постели, напуганная, полная сожалений, думает ли, что должна была больше уважать его, замечать, насколько серьезны его убеждения? Хотелось позвонить ей. Он представил, как ее теплая рука сонно тянется к трубке из-под одеяла, доверчивое невнятное «алло», глаза все еще закрыты.

Никогда не думай, будто ты виновата, если виноват я. Я всегда виноват.

Теперь за ним снова пришли. Ли считал, что его отпустят, как только он расскажет им правильную историю. Как русские отпустили Фрэнсиса Гэри Пауэрса. Как отпустили профессора из Йеля, задержанного за шпионаж Сфабрикованное обвинение. Вертухай — слэнговое обозначение надсмотрщика.

Его отвели в зал для собраний на подвальный этаж. Четвертый раз за день они спускали арестованного вниз. Три раза выставляли на опознание. Теперь наступила полночь, и его привели на встречу с прессой для формальной беседы под наблюдением.

Ад и сумасшедший дом. Толпы оттесняли обратно в холл. Репортеры, только что прибывшие с Восточного Побережья и из Европы, все еще пытались пробиться, лица блестят от пота, гал-

стуки развязаны. Заключенный стоял на сцене перед односторонней ширмой для опознаний. Руки скованы за спиной. Фотографы окружили сцену, передвигаясь вдоль нее боком. Репортеры кричали. Невнятный вой, напоминающий вдохновенный спич. Начальник полиции не мог войти в зал. Он пытался протиснуться с краю, расталкивая людей. Беспокоился за безопасность своего пленника.

Плотный мужчина пробирался через толпу, представляя далласским копам иногородних репортеров. Он протягивал новую визитку своего клуба. Кто это, как не Джек Руби? Он гордился своей визиткой — контур бокала шампанского и голозадой девушки в черных колготках. Простенько, но с шиком. Никто не возражал против присутствия Джека в зале. Он умел заходить в это здание с властным видом. Сейчас он разыскивал радиорепортера Джо Лонга, потому что в машине лежала дюжина сэндвичей с солониной — Джек привез их для команды станции «КЛИФ», которая собиралась до ночи делать репортаж об этой жуткой истории для потрясенного города. Вместо Джо он заметил Расса Найта, Скирду-Бороду, и даже организовал ему интервью, расчистил путь к сцене, чтобы Расе мог записать окружного

прокурора для местного радио. Сегодня Джек играл роль корреспондента и информатора. Он полностью владел психическими реакциями. Приготовил карандаш и блокнот на случай, если услышит замечание, которое можно передать в «Эн-би-си».

Давайте, ребята, снимайте эту крысу.

Он поразмыслил и решил, что надо потом сходить в «Таймс Геральд» и узнать, как дела в наборном цехе. В машине осталась пробная модель доски-вертелки, и Джек подумал, не продемонстрировать ли ее людям, просто ради забавы. Обычно всем нравилось, как Джек крутит румбу, рекламируя свою доску.

Ужас сегодняшнего происшествия захлестнул его. Он начал всхлипывать, беседуя с репортером у дальней стены.

Спросите у хорька, ребята, зачем он это сделал.

Репортеры кричали, не переставая. Заключенный пытался отвечать на вопросы и делать заявления, но никто его не слушал. То был мятеж в полицейском участке. Слишком много народу, это опасно, и детективы решили прекратить пресс-конференцию, которая так и не началась.

Его отвели обратно в камеру. Он разделся до трусов и сел на койку, размышляя, шум зала все

еще отдавался в его теле. Камера — основное состояние бытия, жестокая правда мира.

Можно обыграть по-разному, все зависит от того, что они смогут или не смогут доказать. Он вообще не поднимался на шестой этаж. Обедал в столовой. Жертва всеобщего заговора. Они готовились годами, наблюдали за ним, использовали его, создали цепочку доказательств из невинных фактов его жизни. Или можно сказать, что он лишь отчасти виновен, его подставили, чтобы снять подозрение с истинных заговорщиков. Нуда, он несколько раз выстрелил из окна. Но никого не убил. Даже не собирался производить смертельный выстрел. Никогда не хотел убивать на самом деле. Он лишь пытался подчеркнуть политический смысл. А убийство совершили другие. Устроили так, чтобы он казался единственным, кто стрелял. Приставили его голову к чужому телу. Придумали имя на документах. Сделали из него жертву исторического мошенничества.

Он назовет все имена, если потребуется.

В Далласе

Дили-плаза состоит из симметричных половин. Две одинаковые колоннады, два частокола, треугольные газоны и зеркально расположенные пруды. Посредине проходит Мэйн-стрит, которая ведет из тройного тоннеля к центру Далласа. С одной стороны от Мэйн-стрит выходит из тоннеля и плавно сворачивает Элм-стрит, затем постепенно идет вверх мимо Техасского склада школьных учебников, где на шестом этаже стоял Освальд с винтовкой в руках. С другой стороны Мэйн-стрит, в обратном направлении, на восток, движется поток машин по Коммерс-стрит, мимо клуба «Карусель», который стоит в шести кварталах к центру. Там в четыре часа утра у себя в кабинете сидел Джек Руби и проклинал самодовольного ублюдка, который убил нашего президента.

Он сидел в одиночестве и блевал. Блевал тем, что съел за последние три недели. Пять минут плакал, пять минут блевал. Он больше не мог слышать имя Освальда. Даже в глубине мозга это имя поджидало на конце каждой усохшей мысли.

В пятницу вечером некоторые клубы остава-

лись открытыми. Джек закрыл и «Карусель», и «Вегас». Он счел своим долгом закрыться на выходные по случаю убийства президента.

Он блевал в полиэтиленовый пакет, который заказывал кому-то для доски-вертелки. Затем взял телефон и позвонил своему квартиранту Джорджу Сенатору.

— Чем занимаешься? — спросил он.

— Чем занимаюсь? Сплю.

— Тупица. Убили нашего президента.

— Джек, это было вчера.

— Мы идем фотографировать. Где «Поляроид»?

— В клубе.

— Знаешь такие таблички — «Импичмент»? Здесь где-то есть одна. Я заеду за тобой.

— Ктвоему сведению, время, когда я просыпаюсь, и время, когда ты ложишься, постоянно противоречат друг другу. То есть не совпадают.

— Быстро одевайся, — ответил Джек.

Он отыскал фотоаппарат и поехал к дому. Тот стоял по другую сторону автострады и выглядел как мотель, который раздумал быть мотелем. Все вокруг выглядело съемным. Джордж в мешковатой одежде и тапочках сидел на железной лестнице. Они снова поехали в центр.

Джек объяснил, в чем суть задания.

Вначале было объявление в «Утренних новостях». «Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди». Подборка лжи и клеветы. Не то чтобы Джек до конца уловил смысл объявления. Он обратил внимание главным образом на язвительный тон. И конечно же, эта черная рамка. И конечно же, то, что внизу стояла подпись некоего Бернарда Вайссмана. Еврей, или человек, выдающий себя за еврея, чтобы очернить еврейскую нацию. Потом случилось так, что он проехал мимо рекламного щита с тремя огромными словами: «Импичмент Эрлу Уоррену». В объявлении указывался номер почтового ящика. На щите тоже. Джек поразмыслил над увиденным и решил, что номер один и тот же.

— Так что я пытаюсь установить связь.

— Думаешь, это один и тот же человек?

— За этим стоит один человек или группа людей. И поскольку они противники президента, я пытаюсь мыслить как репортер криминальной хроники.

Они объехали центр в поисках щита «Эрл Уоррен», чтобы проверить номер ящика. Джек был уверен — за этим кроется заговор. Главные подозреваемые — Общество Джона Бёрча и Коммунистическая партия. Он захватил блокнот и

карандаш, записывать подробности.

Это чистое, но печальное ощущение, когда на дороге нет других машин. Огни светофоров переключаются только ради тебя.

На Центральной скоростной трассе его снова стошнило. Он открыл дверь и, уцепившись правой рукой за руль, опустил голову, чтобы его вырвало на дорогу. Куда ехать, он определял по белой линии в нескольких дюймах. Джордж вопил, чтобы он остановил машину или отдал ему руль. Джек выпрямился. Не надо переживать, он проделывал это еще мальчишкой на самых опасных улицах Чикаго. Один из уроков выживания. Затем нагнулся снова и еще раз проблевался. Полжизни он блевал через дверь машины из-за этих эмоциональных всплесков.

Щит обнаружился на Холл-стрит. Джордж вылез из машины и сделал три снимка со вспышкой. Для Джека Руби это означало добычу главной улики, вещественного доказательства. Осталось найти газету с объявлением и сравнить номера. Джек не помнил, где оставил газету. Они поехали в кафе у отеля «Саутленд», чтобы отдохнуть от этих треволнений. Кафе либо только открывалось, либо только закрывалось. Старый сутулый негр орудовал шваброй. Они сели у стойки, а там

их как раз поджидала газета «Утренние новости». Они переглянулись. Джек пролистал страницы и нашел объявление. Джордж вынул снимки.

Номера не совпадали.

Джек огляделся в поисках кого-нибудь, чтобы заказать кофе. Он ничего не сказал насчет цифр. Смотрел на двадцать дюймов перед собой, взгляд тусклый, плоский. Как это полнейшее ничтожество, этот нуль в футболке мог вдруг решить выстрелить в нашего президента?

Они проехали мимо «Карусели» — взглянуть на табличку, которую повесил Джек, лишь одно слово: «Закрыто».

Затем отправились домой. Джек поспал несколько часов, проснулся, запил «Прелюдии» грейпфрутовым соком и стал смотреть по телевизору знаменитого нью-йоркского раввина.

Этот человек говорил великолепным баритоном. Он превозносил президента, вещая, что этот американец участвовал во всех войнах, побывал во всех странах, вернулся в Штаты, и тут ему выстрелили в спину.

Эта мысль, красиво сформулированная раввином, вызвала вопль скорби в голове у Джека. Он выключил телевизор и взял трубку.

Он позвонил четверым и сообщил, что закры-

вает клубы на выходные.

Позвонил сестре Эйлин в Чикаго и, рыдая, пообщался с ней.

Позвонил в «КЛИФ» и попросил к телефону Скирду-Бороду.

— Честно говоря, — начал он, — никогда не понимал, о чем ты говоришь в эфире, но все равно слушал. У тебя голос такой немного успокаивающий.

— Личностное радио. Дело будущего, Джек.

— К тому же у кого еще в Далласе есть такая борода?

— Я один такой.

— Расе, ты хороший парень, так что я позвонил задать вопрос.

— Давай, Джек.

— Кто такой Эрл Уоррен?

— Эрл Уоррен. Из блюза или рок-н-ролла? Какое-то время на Западном побережье пела Эрлен Уоррен по прозвищу Старшая Сестра.

— Нет, Эрл Уоррен, из рекламы импичмента. Красно-бело-синие щиты.

— Импичмент Эрлу Уоррену.

— Точно.

— Он Верховный судья, Джек. Соединенных Штатов.

— Из-за всех этих событий у меня голова кругом.

— Что тут удивительного.

— Худшего не случалось в нашем городе.

— Появляется один незаметный человек и переворачивает все с ног на голову. И мы обвиняем его.

— Не называй имени, — попросил Джек. — Ато мне еще хуже станет. Будто я смотрю на собаку, которая валяет в грязи мою печень.

В субботу днем Ли Освальд сидел в маленькой стеклянной будке, справа на полке телефон. Дверь в комнату распахнулась. Она вошла и направилась к нему, кривоногая, глаза сухие, двойной подбородок, волосы теперь совершенно белые — длинные, белые, блестящие. Она села по другую сторону перегородки. Внимательно осмотрела его, вобрала в себя, впитала. Оба подняли трубки.

— Тебе сделали больно, дорогой мой? — спросила она.

Дальше она поведала, что услышала новости по радио в машине, развернулась, поехала домой, позвонила в «Стар-Телеграм» и попросила отвезти ее в Даллас на журналистском автомобиле. Затем ее допросили двое из ФБР, оба по

фамилии Браун. Она сказала им, что ради безопасности страны хотела умолчать о том, что ее сын Ли Харви Освальд вернулся из России в Соединенные Штаты на деньги, предоставленные Государственным департаментом. Это оказалось новостью для Браунов, и у них глаза на лоб полезли.

— Мама, нас записывают.

— Знаю. Будем следить за тем, что говорим. Я им заявила что год не виделась с сыном. «Но вы же мать, миссис Освальд». Я сказала, что жила у разных людей как патронажная сестра, а они не сообщили мне, куда переехали. «Но вы же мать, вы же мать». Я сказала, что не знала даже о второй внучке. Я пережила год молчания, и вот теперь каждую минуту по радио семейные новости.

Эти Брауны всюду искали подозрительных людей. Сотрудники журнала прятали семью в номере отеля «Адольфус». В полной секретности. Они перебегали с места на место так, чтобы никто не видел. Все — обвиняемая мать, брат, русская жена, двое малышей. Их сопровождали восемнадцать-двадцать человек, которые не доверяли ни им, ни друг другу. ФБР, Секретная служба и журнал «Лайф». Один постоянно фотографировал. Маргарита откатала вниз чулки, и он это заснял

— мать откатывает чулки на следующий день после исторического события.

— Все делалось без моего согласия, — сказала она Ли. — Но я проверяю информацию, которую им даю, и если вылезут ошибки, то буду знать, что все подтасовывают против нас, еще с России.

У детей от гостиничной жизни начался понос, и по всей комнате висели пеленки. Президент умер до того, как она узнала, что снова стала бабушкой.

Когда Марина пришла к Ли на свидание, она не знала, что полиция нашла фотографии, снятые на заднем дворе на Нили-стрит. Они лежали среди вещей Ли в гараже Рут Пэйн. Два снимка, не замеченных полицией, Марина обнаружила сама в детской книжке Джун. Снимки судьбоносной винтовки. Револьвер в одной руке, потом в другой.

Обе фотографии она спрятала к себе в туфлю.

— Ты ни о чем не волнуйся, — сказал он в трубку. — Друзья тебе помогут.

Больно было видеть его таким. Дело не только в ушибах и царапинах. Перед ней сидел человек, который появляется во сне, искаженная фигура в темноте за пределами обычной ночи.

Она вспомнила мягкое лицо мальчика, за кото-

рого вышла замуж, неожиданного американца, пригласившего ее танцевать. Его лицо тогда было почти пухлым, румяным от мороза, волосы аккуратно расчесаны, одежда выглажена. Он был даже чище, чем она сама, очень чистым ложился в постель, чистоплотный во всем.

Затем в Техасе и Луизиане возник рабочий — иногда грязный, худеющий, лысеющий, измотанный, с кровотечениями из носа по ночам, отказывался переодеваться.

А теперь это человек с заостренным носом и темными глазами, одна бровь распухла, одежда слишком велика. Это привидение с серой кожей. Марина смотрела на выпуклое адамово яблоко, острый нос. Щеки ввалились, остался только этот нос, этот птичий клюв.

Наверное, ему неловко, что он так плохо выглядит.

Он сказал ей: не плачь. Его голос был мягким и печальным. Сказал, что они записывают каждое слово.

Значит, нельзя говорить о фотографиях в туфле. Или о том, что она обнаружила вчера вечером после ухода полиции. Его обручальное кольцо в кофейной чашке на письменном столе в спальне. Он оставил его вместе с деньгами рано утром в

пятницу.

Деньги, фотографии, обручальное кольцо.

Три раза он просил ее поселиться с ним в Далласе. Она ответила: нет, нет, нет.

Сейчас он говорил, что надо купить обувь для Джун. Не волнуйся. Поцелуй детей за меня.

Охранники подняли его со стула, и он попятился, не сводя с Марины глаз, пока не скрылся за дверью.

Дома тетя Валя квасит капусту, начищает медь, занимается повседневными делами, ходит с дядей Ильей в гости к Андриановым, ведет размеренную жизнь без резких поворотов, ждет первых снегопадов.

Она даже не знала о полицейском. Не знала о губернаторе Конналли. Никто не сообщил ей, пока чуть позже Ли не предъявили обвинение в том, что он ранил одного и хладнокровно застрелил другого.

Его снова отвели в камеру. Он снял одежду и отдал ее охраннику. Пообедал фасолью, вареной картошкой и каким-то мясом.

Ничто здесь не сбивало с толку, не заставляло задуматься, что будет дальше. Шум репортеров в коридорах не удивлял его. Следователи задавали очевидные вопросы, и даже если не удавалось

угадать, что они спросят, все равно каждый день был предсказуем. Камера такая же, как все, где он бывал. Сидеть в одном белье на деревянной койке. Раковина с капающим краном. Ничего нового. Он был готов принимать все это день за днем, вживаясь в роль. Он ничего не боялся. Здесь его сила. Все в этом месте и в этой ситуации делало его сильнее.

Даже аппетит вернулся. Первый раз он поел с удовольствием. Принесли кружку кофе. Он медленно выпил. Размышлял. Слушал тихие разговоры охранников в узком коридоре.

Можно обыграть третий вариант. Сказать, что он стрелок-одиночка. И сделал все сам, один. Это кульминация жизни, проведенной в борьбе. Он стрелял, потому что был против антикастровских целей правительства, потому что хотел провести идею марксизма в самое сердце американской империи. Ему не помогали. Это был его план, его оружие. Три выстрела. Все попали в цель. Он метко стреляет из винтовки.

Субботний вечер. Дэвид Ферри ездил кругами по Галвестону, Техас. Обезьяний парик на голове перекосился. Ферри дошел до состояния истерической паники.

Когда застрелили президента, он сидел в зале

федерального суда в Новом Орлеане, где дело Кармине Латты о неуплате налогов разрешили в пользу старика.

Когда Леона задержала полиция, он в своей квартире паковал вещи для поездки в Галвестон. Взял старую фуражку капитана «Восточных Авиалиний» с золотым галуном, положил в сумку, куда собрал самое необходимое. Об аресте услышал по радио.

Это повод для паники. Ферри считал, что паника — животная реакция организма, необходимая для выживания вида. Она гораздо древнее логики. Он продолжил паковаться, только быстрее, затем поспешил к машине.

Несколько часов кругами ездил по Новому Орлеану, слушал новости. Затем наполнил бак и двинулся к западу сквозь черную грозу, когда небо взрывается косыми прибрежными вспышками, и через семь часов прибыл в Хьюстон.

Он ездил кругами по Хьюстону. В половине пятого утра зарегистрировался в «Аламотеле». У него не было настроения для патриотических каламбуров. Поговорил по-испански с гостиничным клерком, отправился к себе в номер и сделал несколько звонков в Новый Орлеан. Друзьям, любовникам, священнику. Он искал утешения в

этих разговорах и беседовал по-испански даже с теми, кто не понимал ни слова.

Он боялся, что Леон выдаст полиции его имя.

Боялся, что Леона убьют.

Боялся, что в бумажнике у Леона, живого или мертвого, лежит его библиотечный абонемент. Кажется, он как-то давал Леону им пользоваться.

Утром он купил газеты, кофе и сел в машину, слушая радио. Он чувствовал, как его жизнь трепещет на кончике языка ведущего новостей. Поехал на каток и сделал еще несколько звонков. Банистер не станет с ним говорить. Латта на совещании. Ферри позвонил молодым ребятам, которых учил летать. Орган на катке издавал такие звуки, что подумалось о всеобщей смерти. Он вышел из машины.

Это время года почему-то угнетало его. Хмурое небо, пронизывающий ветер, опадают листья, надвигаются сумерки, рано темнеет, ночь наступает, когда ты еще к ней не готов. Ужасно. Обнажается душа. Он слышит шорох монахинь. Зима пробирает до костей. Мы выпустили ее в мир. Должна быть какая-то песня или стихи, народный заговор, который избавил бы нас от этого страха. Скелетик Пит. Вот она, на земле и в небе. Мы выпустили ее. Ферри выехал на Сорок пятую

магистраль между штатами и направился к югу. Он не хотел, чтобы Леона убивали. Его заполняло ощущение смерти, страх пробирался в костный мозг, тот, который высасывают. Приближался Галвестон.

Он ездил кругами по Галвестону. Самолет, видимо, еще в аэропорту. Ферри подумал, что может улететь отсюда на «пайпер-ацтеке», сбежать в Мексику без убийцы. Это не казалось безумием ни в малейшей степени. Выглядит уместным для данного события ритуалом.

Событие — всеобщая смерть. Только ритуал спасет его от гибели.

Он зарегистрировался в мотеле «Дрифтвуд». Говорил по телефону по-испански.

Что он делает в Галвестоне? Он же здесь, чтобы улететь? Его привлекла мысль о полете. Он летчик, хозяин воздушной стихии. Он готов покориться смерти, если та придет в конце полета над сияющим заливом, на размытой коричневой мексиканской равнине, далеко, на невыносимой жаре, и чтобы горы дрожали в дымке. На другие условия он не согласен. Мексика — это страна, где понимают величие правил смерти.

Он дозвонился Банистеру. Гай сообщил, что разработан некий рискованный план, опасное

предприятие. Дэвид Ферри решил хорошо выспаться и утром вернуться в Новый Орлеан.

На газонах Дили-плазы уложили рядами венки и букеты цветов, символы скорби и прощания, и Джек Руби ехал по ночным улицам, впитывая это настроение, эти чувства. Он обогнул площадь раз шесть. Проехал мимо семи-восьми клубов, посмотрел, кто открыт. В нем взыграл праведный гнев патриота — когда сжимаешь зубы, видя, как твои сограждане наживаются на людском горе, глядя сквозь пальцы на то, что в дни национального траура все остальные закрыты. Весь день он под разными углами смотрел телевизор, кружа по центру Далласа. Повсюду смерть. Кадры с плачущей семьей. Воссоздают сцену убийства. В истории это вполне может стать значительнее Христа, подумал Джек. Такое мощное воздействие и отклик. Будто воспроизвели распятие. Господи, помоги евреям. Пустые бутылки из-под газировки катались у него под ногами.

Он поехал домой и принялся вынимать из холодильника еду. Неудержимо хотелось набить желудок, чтобы заглушить тоску. Ему нужно было возиться с продуктами, готовить и нюхать, смотреть, как кровь животного хлынет в кастрюлю. Отнять мышцы и кровь. Отнять хрящи. Он хотел

жевать жесткое мясо и запивать сельтерской водой, чтобы та шипела на зубах. Это немного подкрепит силу воли.

Десять минут он готовил сэндвич, но так и не решился его съесть. Прошел в гостиную и взял газету, удостовериться, что его объявление хорошо видно — предупреждение о том, что клубы закрыты. Неповоротливый Джордж разлегся на диване в старом Джековом халате с запотевшей банкой пива в руке.

Джек позвонил брату Эрлу в Детройт.

Позвонил сестре Еве сюда, в Даллас, и в третий или четвертый раз обсудил с ней происшедшее. Ева заплакала. Она была совершенно подавлена. Джек передал трубку Джорджу, потому что хотел, чтобы тот услышал, как плачет сестра. Ее судорожные всхлипы. Джек и Ева плакали, Джордж стоял с трубкой, прижатой к левому уху, и пребывал под впечатлением.

Джек отправился спать. Он смотрел на потолок в темноте. Всякий раз, когда по автостраде Торнтон проезжал грузовик, раздавался звук, похожий на треск рвущейся бумаги. Зазвонил телефон, он пошел в гостиную и снял трубку. Слушал секунд двадцать. Затем оделся и поехал в «Карусель».

Поднялся по узкой лестнице и зажег свет. В зад-

ней комнате залаяли собаки. Он сел в кабинете и провел рукой по волосам. Надо срочно лечить кожу головы.

Раздались шаги. В кабинет вошел Джек Карлински. Он казался уставшим. Воротник рубашки был расстегнут, виднелась длинная морщинистая шея. В этот час он выглядел старым, застигнутым врасплох. Смахнул собачью шерсть с дивана и сел.

— То, что случилось в городе, просто ужасно, Джек. Каждый час из-за границы приходят соболезнования и вопросы, как такое могло произойти. Европейцы уже считают, что это заговор. А чего от них ждать? У них веками убивали кинжалом в спину, устраивали тайные сговоры, отравляли. Так думать вредно. Будет расти напряжение, а это плохо для страны, для всех нас.

— Когда я вспоминаю отца, который родом из польской деревни…

— Польской деревни, именно.

— Он вступил в профсоюз плотников в Чикаго.

— Чтобы вырастить сына, которому достанется готовое дело, Джек. Вот что мы хотим защитить. Что люди говорят в первую очередь об этой трагедии? Что сказала моя мать, которой восемьдесят восемь лет? Она позвонила из дома престарелых.

Догадываешься, каковы были ее слова? «Слава богу, что Освальд не еврей».

— Слава богу.

— Я прав? Сколько народу повторяет то же самое в течение этих двух дней? «Слава богу, что Освальд не еврей».

— Кем бы он ни был, известно хотя бы одно — он не еврей.

— Я прав? Так говорят люди.

— Вспоминаю отца, — сказал Джек Руби.

— Конечно. Об это я и говорю.

— Пил не переставая. Вечно без работы. Мать говорила на идише до самой смерти. Не умела писать свое имя по-английски.

— Вот в такой ситуации мы и находимся сегодня. Я и говорю, что некоторые вещи нужно защищать.

— Я убежден, что надо отстаивать свои естественные ценности.

— Не скрывать, кто ты на самом деле.

— Не скрывать. Не убегать.

— На эту тему я как раз сегодня говорил с Кармине. Беседовал с ним лично. Он упомянул, что опасается за Освальда. Все эти разговоры об уровне заговора выставляют страну в дурном свете. Знаешь, чего хотят люди? Они хотят, чтобы

Освальд исчез. Как закрываешь книгу в беседе ни о чем. Люди хотят стереть его с лица земли. Он им мешает.

— Из-за такого прилива эмоций все может случиться.

— Это волна. Она чувствуется на улицах. Она подхватывает каждого. Так или иначе, хотим того или нет, но мы участвуем в этом. Посмотри на то объявление в широкой черной рамке. Подписано еврейской фамилией. Люди такое замечают. Это откладывается в памяти. С евреями у них связано много сильных эмоций.

— Я чувствую, будто лично меня окунули в лужу дерьма. Джек Карлински кивнул.

— Скажу тебе прямо. Человека, который прикончит Освальда, люди назовут самым храбрым в Америке. Рано или поздно кто-нибудь уберет Освальда. Сообщают, что в любой момент толпа может сорваться. Люди хотят, чтобы на месте Освальда было пустое место. Они поставят памятник любому, кто это сделает. Кратчайший путь к славе героя из всех, что я знаю.

— Ты говорил с Кармине?

— Кармине называл твое имя. Слышал его от Тони Толкача. О тебе знают в Новом Орлеане, Джек.

— Я кое-что делал во времена Кубы.

— Иными словами, Освальд осложняет ситуацию. Ему известны некие сомнительные факты. Он знает кое-какие имена, которые вертятся у него в голове. Кармине хочет прояснить обстановку.

— Я был в полицейском управлении, заезжал сегодня днем. Говорят, его переводят в местную тюрьму.

— О чем я и хотел сказать. Они поступают так в случае тяжкого преступления. В этом городе как-то странно ведутся судебные дела. Совершаешь жестокое преступление, и очень вероятно, что тебя отпустят. Такова особенность местного настроя. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Убийцу скорее оправдают, чем взломщика.

— Все зависит от того, как человек себя ведет.

— Я прав? Это называется «уладить дело, как в старину на Западе». Таков их врожденный образ мышления. Если один бандит пристрелит другого, дело даже до суда не дойдет.

— Никого эти дела не интересуют настолько, чтобы их рассматривать.

— Вот и я говорю. Чпокнуть парня вроде Освальда — тот же самый подход. Можешь предположить, по какому приговору парня могут убрать?

— Люди хотят, чтобы его не было.

— Настанет всеобщая радость. При теперешнем положении дел кто ты такой в городе Далласе? Ты для них парень из Чикаго. Делец с севера. Хуже того, еврей. Ты еврей в самом сердце нееврейского механизма. Кого мы обманываем? Ты владелец стрип-клуба. Задницы и сиськи. Вот кто ты для Далласа.

— Кого мы обманываем?

— Кого мы тут обманываем?

— Вспоминаю свою мать…

— Вот я и говорю.

— Моя мама серьезно спятила. Не могу описать этого кошмара. Я смотрел ей в глаза и не видел ничего, что можно назвать личностью. Она орала и бесилась. Так и жила. Отец бил ее. Бил нас. Она била нас. Она считала, что мы все трахаемся друг с другом. Братья и сестры постоянно занимаются сексом. Я никогда не учился в школе. Я дрался. Был рассыльным у Аль Капоне.

— Вот я и говорю. Так я считаю. Напряжение растет, и это плохо для всех нас.

Повисла тяжелая пауза.

— Слава богу, что он не еврей.

— Слава богу, что он хотя бы не еврей.

— Джек, ты наверняка слышал на улицах то же

самое, что и я, — за последние два дня. Человек, который убьет этого коммунистического ублюдка, спасет Даллас от позора на весь мир. Вот что говорят на улицах.

— А что говорит Кармине?

— Хороший вопрос. Потому что в его лице у тебя есть союзник. Защита и поддержка. Кармине сам завел разговор насчет ссуды.

— А взамен что?

— Взамен ты берешь на себя задачу освободить город.

— Другими словами?…

— Джек, ты же вечный бродяга. Тебе дают возможность ухватиться за что-то надежное. Ты что, хочешь закончить свои дни, торгуя картофелечистками в Плано, Техас? Построй что-нибудь. Сделай себе имя.

— Так ты к чему это, Джек?

— Снять его с повестки дня.

— Убрать его.

— Сдать его толпе, — печально произнес Карлински.

Он снял упаковку с сигары, но не закурил. Выглядел старым и изможденным. Сидел, будто пациент в приемной, озабоченный и напряженный, наклонившись вперед.

— Кармине предложил, чтобы мы полностью простили эту ссуду. Даем кредит и навсегда прощаем долг. Сорок тысяч долларов. Предоставляются при первом удобном случае. Вопрос только, когда. Надеемся, что очень скоро. Вроде бы особых задержек не ожидается.

— Что насчет моих клубов?

— Присмотрим за ними. Я убежден, что ты станешь свидетелем их возрождения. Подумай, люди будут рассказывать, что посетили «Карусель». Клуб Джека Руби, который убрал Освальда.

— Надо прикинуть, какая обстановка.

— Целые толпы туристов. У тебя есть оружие, Джек?

— А как ты думаешь?

— Далласские парни полностью согласны сотрудничать с Кармине. У них есть свои люди в полиции. Полицейские выведут Освальда через подвальный этаж. Где-то после десяти утра. Там два прохода на улицу.

— На Мэйн и Коммерс-стрит.

— Так вот. Проходы будут строго охраняться. Входы в здание закроют. Отключат лифты, кроме тюремного, на котором спустят Освальда.

— Я думаю, что смогу пробраться к проходу.

— Подожди. Так вот…

— Меня хорошо там знают.

— Именно завтра ты туда не пройдешь. Впустят только репортеров с удостоверениями. Их число ограничено, в основном будут фотографы. Этот перевод — дело очень тонкое. Дадут дополнительную охрану. Настроены, чтобы все прошло гладко.

— Тогда как мне войти?

— Сейчас скажу, Джек. Вдоль западной стены здания проходит переулок. Там на тебя не обратят внимания. На полпути есть дверь в новую часть дома, это муниципальная пристройка. Дверь всегда заперта, но мы договорились, что завтра ее откроют. Охраны не будет. Ты зайдешь внутрь. Там увидишь лифты и лестницы. Спустишься по лестнице. Это пожарные лестницы. Так ты и попадешь в подвальный этаж.

— Как его поведут?

— Пристегнут наручниками к детективу. С другой стороны пойдет второй детектив. Какой у тебя револьвер?

— Короткоствольный, тридцать восьмого калибра. Помещается в карман штанов.

— У тебя будет самый твердый стояк во всей Америке.

Карлински мрачно хихикнул — ворчание глу-

боко в горле. Джек сидел за столом с озадаченным видом. На этом беседа закончилась.

Джек просидел час в одиночестве, прикидывая, как оплатить последние счета и зарплату без выручки за выходные. От этих мелких расчетов сводило челюсти.

Он полистал записную книжку в поисках номера. Затем позвонил домой Расселу Шивли, своему приятелю детективу. Было три часа ночи. Джек слушал тоскливые гудки.

— Слушаю. Кто это?

— Привет, Рассел.

— Кто это, черт подери?

Джек помолчал.

— Завтра в подвальном этаже полицейского управления собираются убить этого ублюдка Освальда во время перевода в тюрьму.

Он снова помолчал и положил трубку.

Ли Харви Освальд проснулся в своей камере. До него начало доходить, что он нашел дело своей жизни. После преступления наступает период восстановления. Он проанализирует мотивы, всю многогранную проблему истины и вины. Время для размышлений, время прокрутить все в уме. Вот преступление, очевидно дающее материал для глубокой трактовки. Он исказит свет того

возвышенного мига, где тени замерли на газоне, сияющий лимузин неподвижен. Время глубже познать себя, исследовать смысл содеянного. Он просмотрит сотню разных вариантов этого действия, ускорит и замедлит, поменяет акценты, подберет оттенки, увидит, как изменилась вся его жизнь.

Вот истинное начало.

Ему дадут бумагу и книги. Камера заполнится книгами об этом преступлении. У него будет время изучить криминалистику, баллистику, акустику, фотографию. Он исследует и впитает все, что относится к делу. К нему будут приходить люди, сначала следователи, затем психологи, историки, биографы. В его жизни появился единственный четкий предмет изучения — Ли Харви Освальд.

Они с Кеннеди были партнерами. Фигура стрелка в окне неотделима от жертвы и ее истории. Эта мысль поддерживала Освальда в камере. С ее помощью он продолжал жить.

Чем больше времени он проведет в камере, тем сильнее станет. Все теперь знают, кто он такой. Это заряжало его силой. Очевидно, прекрасное начало, время глубокого погружения в суть дела, самоанализа и воссоздания. Он больше не отно-

сился к заключению, как к проклятию на всю жизнь. В этом пространстве он нашел истину. Он вполне сможет прожить в камере наполовину меньшего размера.

Воскресенье утром. Джек начал день со своей обычной суеты. На то, чтобы окружающее обрело очертания, ушло некоторое время. Он выпил грейпфругового сока и зашагал по гостиной. Джордж сидел на диване и читал газету, а Джек ходил взад и вперед, глядя на мир так, словно видел не дальше фута.

— Джек, знаешь, мне трудно выразить словами то, что я вижу на твоем лице, но, по-моему, ты выглядишь не очень.

Джек включил телевизор. Он умылся и побрился лезвием «Клинок Уилкинсона» — им он пользовался из-за громкого имени, — потом шлепнул на лицо крем после бритья так, что стало больно. Приготовил яичницу с кофе и за едой просмотрел первую часть «Таймс Геральд», по-прежнему в шортах. В газете напечатали открытое письмо Каролине Кеннеди, настолько эмоциональное, что горло сдавило, и он не смог глотать. В уме он пересказал трагедию президента и его чудесной семьи.

Зазвонил телефон. Бренда Джин Сенсибау, Бэби

Легран, звонила из своей квартиры в Форт-Уорте.

— Джек, нужно платить за квартиру. Нам с детьми нечего есть.

— Вот прямо так сходу.

— Я дошла до ручки, так что зачем терять время. Вчера был вечер зарплаты.

— Ты отлично знаешь, черт возьми, почему мы закрыты.

— Я не говорю, что это плохо. Ты скажи, как мне протянуть следующую неделю без зарплаты.

— Ты уже взяла часть зарплаты.

— Не надо злиться и кричать на меня, Джек. Я прошу маленький аванс, чтобы дети смогли сегодня поесть. Ты прекрасно знаешь, что на меня всегда можно положиться. А мне надо всего лишь еды на день, и сунуть хозяину квартиры немного денег, чтобы он заткнулся.

— Сколько тебе, дрянь такая?

— Двадцать пять долларов. Я не смогу доехать до Далласа, но если ты перешлешь деньга по почте или как там делается, я доберусь до центра и сниму их.

Джек сообразил, что «Вестерн Юнион» находится всего за полквартала от полицейского управления. Бренде повезло. Если поспешить, можно успеть перевести двадцать пять Долларов,

а потом застрелить этого ублюдка Освальда.

Он запил «Прелюдии» остатками кофе и оделся. Темный костюм, серая фетровая шляпа, шелковый галстук с виндзорским узлом. Подхватил Шебу и сообщил Джорджу, что едет в клуб. Посадил собаку на переднее сиденье и завел машину.

Джек опаздывал. Если я не успею, решат, что я сделал это нарочно. Он пересек Дили-плазу, свернув немного в сторону, чтобы еще раз взглянуть на венки. Спросил у Шебы, не проголодалась ли она, не хочет ли свой «Альпо». Припарковался на стоянке через дорогу от «Вестерн Юниона». Открыл багажник, вынул собачьи консервы, открывалку и положил таксе еды прямо на переднее сиденье. Взял из кошелька две тысячи долларов и распихал по карманам, потому что именно так владелец клуба должен входить в помещение. Револьвер он положил в правый карман брюк. На подкладке шляпы было отпечатано золотом его имя.

Он перешел дорогу и заполнил бланк на перевод денег. Служащий поставил на квитанции время 11:17. Джек опаздывал даже сильнее, чем думал. Впервые в жизни он слегка прибавил ходу и меньше, чем через четыре минуты стоял в темном гараже под зданием полиции и суда.

Если так легко сюда попасть, значит, меня ждут.

Он пересек пустую парковку и подошел к двум «фордам» без маркировки, стоящим между выездами. Послышались голоса: «Вот он, вот он», и Джек сначала решил, что обращаются к нему. Он поднялся по небольшой рампе и остановился у группы репортеров. Прерывистые голоса и гулкие прыгающие звуки заполнили проход, завелись машины, защелкала аппаратура. Повсюду копы в штатском, старшие офицеры в белых шляпах. Детективы выстроились вдоль стен. Там же стоял и Рассел, но у Джека не было времени поздороваться. Большинство газетчиков и три телекамеры находились справа от Джека, у выезда на Мэйн-стрит. Бронированный фургон инкассаторов стоял сверху у второго выезда.

— Вот он.

— Вот он.

— Вот он.

Время с точностью до секунды, место прямо в точку. Зажглись прожекторы. Все стало черно-белым, яркий свет и густая тень. Из тюремного отделения вышла группа полицейских, сопровождая заключенного — человека в темном свитере, который кажется призраком из ниот-

куда.

Репортеры зашевелились. Затем вспышки, выкрики, эхом отразившиеся от стен, и все это показалось Джеку странным, уже виденным — он стоял в ослепительном искусственном свете, в сыром подвале, где выезды испещрены пятнами выхлопов, а в воздухе висит октановая вонь.

Вот он.

Джек вышел из толпы, заранее видя, как все происходит. Вынул револьвер из кармана, спрятал под полой, прижав ладонью к бедру. Путь открылся. Между ним и Освальдом никого. Джек поднял револьвер. Сделал последний широкий шаг и выстрелил один раз, в живот, с расстояния в несколько дюймов. Освальд обхватил себя руками и зажмурился. Низко хрюкнул, тягостно и тоскливо. И начал падать в мир боли.

На стрелявшего навалилась масса тел, все эти люди в «стетсонах» тяжело дышали, отнимали оружие, кто-то пихнул его коленом в живот. Джек не мог понять, почему с ним так обращаются. Зачем это, если все его знают? И хуже всего, что дюжину других голосов заглушил резкий вопль Рассела Шивли:

— Джек, *Джек,* сукин ты сын!

Выстрел.

Был выстрел.

Стреляли в Освальда.

Стреляли в Освальда.

Раздался выстрел.

Началась суматоха.

Все двери заперли.

Боже правый.

Раздался выстрел, когда его вели к машине.

Выстрел.

Началась суматоха.

Катаются и дерутся.

Когда его выводили.

Теперь его ведут назад.

В Освальда стреляли.

Полиция перекрыла все выходы.

Кричат, кричат: все назад.

Коренастый мужчина в шляпе.

Освальд согнулся.

Одно из самых нелепых происшествий.

От красных мигалок режет глаза.

Человек в серой шляпе.

Он как-то пробрался.

Полицейская охрана и полицейский кордон.

Люди. Полиция.

Вот молодой Освальд.

Его выволакивают.

Он лежит ничком.

Внизу живота у него огнестрельная рана.

Он побелел.

Освальд побелел.

Лежит в «скорой».

Голова откинута.

Без сознания.

Болтается.

Его рука болтается, свесившись с носилок.

Теперь «скорая» отъезжает.

Вспыхивают красные мигалки.

Молодого Освальда быстро увозят.

Он совсем побелел.

Помнишь «скорую» защитного цвета в Ацуги,

которая заворачивает на летное поле, воздух дрожит от жары, и оттуда выбирается пилот?

Ли чувствовал себя совсем неважно. Сначала в него выстрелили, затем попытались сделать искусственное дыхание. Еще в учебке морской пехоты он понял, что при ранении в живот это последнее дело.

Он видел, как его ранили, — его снимала камера. Сквозь боль он смотрел телевизор. Сирена панически выла, значит машина неслась на полной скорости, но он не ощущал движения. Какой-то человек, нагнувшись к нему, произнес, что если Освальду хочется что-то сказать, пусть говорит сейчас. Несмотря на боль, несмотря на потерю восприятия везде, кроме того места, где болело, Ли наблюдал, как реагирует на буравящее жжение пули.

Помнишь, как выглядел пилот, астронавт в шлеме и резиновом костюме?

Все покидало его, по краям все ощущения растворялись в пространстве. Он знал, что находится в «скорой», но уже не слышал ни сирены, ни человека, который просил его говорить, судя по голосу — дружелюбного техасца. Осталось только одно — издевательская боль, искаженное лицо по телевизору. В Хайделе спрятаны крик

и ад. Он смотрел в полумрак чьей-то каморки с телевизором.

Все, что мы имеем при себе, отпадает, сумерки и дым из трубы. Откуда взялся металл у него в теле?

Ему было больно. Он знал, что такое «больно». Достаточно посмотреть в телевизор. Рука лежит на груди, рот собрался в понимающее *«о».* Боль стирает слова, затем мысли. У него осталась только дыра, проделанная пулей. Через селезенку, желудок, аорту, почки, печень и диафрагму. Осталось только чистое восприятие пули. И сама пуля, медь, свинец и сурьма, В тело поместили металл. Вот что причиняет боль.

Но помнишь, как люди смотрели на взлет самолета? Поражались, как быстро он скрылся в дымке.

Его зарегистрировали в «Паркленде» в 11:42. Основная жалоба — огнестрельное ранение.

Выявили, что сердце вялое, совсем не бьется. Фактический пульс не установлен. Зрачки неподвижны и расширены Кровоток в сетчатке отсутствует. Дыхательных движений не совершается. Пульс не прощупывается. Скончался: 13:07. При закрытии тела пропали два тампона.

Космическая авиация.

Белый полуденный кошмар высоко в небесах над Россией. Я тоже и ты тоже. Он чужак в маске, падает.

Если смотреть со стороны, можно предположить, что заговор — это идеально работающий план. Молчаливые безымянные люди с душой без прикрас. Заговор — это все, чем не является обычная жизнь. Игра изнутри, холодная, уверенная, сосредоточенная, навеки закрытая от нас. Это мы — несовершенные, наивные, пытаемся извлечь приблизительный смысл из ежедневной толкотни. У заговорщиков — недосягаемые для нас логика поведения и дерзость. Все заговоры — одна и та же напряженная история людей, обретающих связность в преступном деянии.

Но, может быть, и нет. Николас Брэнч считает, что знает лучше. Он достаточно долго изучал дни и месяцы, предшествующие двадцать второму ноября, и сам этот день, чтобы прийти к выводу: заговор против президента — хаотичное мероприятие, которое привело к недолгому успеху, в основном случайно. Ловкачи и дураки, двойственность и жесткая воля, а также — какая была погода. У Брэнча есть не только материал, полученный в результате внутреннего расследования Управления: Эверетт и Парментер до какой-то

степени пошли на сотрудничество, — он располагает также основной информацией о последних стадиях заговора, которую предоставили источники из «Альфы-66».

Документы продолжают поступать. Куратор прислал журналы наблюдений ФБР. Прислал тридцатипятичасовой фильм, полную хронику событий на выходных после 22 ноября. Прислал обработанную на компьютере версию любительского фильма Запрудера — 8-мм пленку, отснятую производителем одежды, стоявшим на бетонном парапете над Элм-стрит, когда начали стрелять. Эксперты тщательно изучили каждую смутную деталь этого фильма. Это основная хроника убийства — и главный символ неуверенности и путаницы. Здесь запечатлен мощный момент смерти, расплывчатые пятна, обрывки и тени.

(Анализ фильма и других фактов привел Брэнча к выводу, что первый выстрел произошел гораздо раньше, чем предполагается в большинстве гипотез. Возможно, в 186-м кадре. Губернатор Конналли был ранен через 2,6 секунды, в 234-м кадре. Сокрушительный выстрел, убивший президента, раздался через 4,3 секунды после этого. Хотя Брэнч уже сделал четкие выводы, он все равно посмотрит компьютерную версию фильма

Запрудера. Он зашел уже слишком далеко, чтобы останавливаться.)

Куратор прислал специальный отчет ФБР, в котором подробно описываются *сны* свидетелей убийства Кеннеди и Освальда, которые им привиделись в ночь после этих событий.

Куратор прислал материалы о Бобби Дюпаре. Брэнч узнал о Дюпаре только от Куратора. Но откуда о нем знает сам Куратор? Рассказывал ли кому-нибудь Дюпар о своем участии в покушении на Уокера? Проговорился ли о нем Освальд в Новом Орлеане?

В записях имеются тревожащие пропуски, периодические пробелы. Конечно, Брэнч понимает, что Управление — секретная структура. Они не выдадут того, что знают, другим агентствам, а тем более публике. Вот почему та история, которую он взялся писать, секретна, предназначена для внутренней коллекции ЦРУ. Но почему и от него утаивают материал? Они чего-то не договаривают. С недавних пор Куратор с опозданием выполняет определенные запросы, а некоторые вообще игнорирует. Что они скрывают? Сколько еще всего? Может, есть некое внутреннее ограничение на выдачу секретной информации? Нельзя выдать все, даже своему человеку, поклявшемуся

молчать. Перед отставкой Брэнч анализировал разведданные, пытался логически связать массу разрозненных фактов. Он считал, что секреты — ребячество. На него не производили впечатления достижения тайных служб, кураторов шпионов, подпольного персонала. Они создают пространную теологию, кодифицированный объем знаний, который, по сути своей, — материал для игры в хранение секретов, одно из самых острых удовольствий и конфликтов детства. Теперь Брэнч думает, что, возможно, Управление защищает чуть ли не свою сущность — свою истину, свою теологию секретов.

Куратор начал присылать художественную литературу — романы и пьесы об этом убийстве за двадцать пять лет. Присылает игровое кино и документальные передачи. Присылает расшифровки бесед за «круглым столом» и дискуссий по радио. Брэнчу ничего не остается, кроме как изучать эти материалы. Еще не все важные вещи он узнал. Еще не все жизни исследовал. Это важно для овладения материалом.

Рамон Бенитес, человек с «травянистого пригорка», виден на фотографии, сделанной в апреле 1971 года на церемонии возжигания Вечного огня на плазе Памяти Кубы, на Юго-западной 8-й ули-

це в Майами. Урну с Вечным огнем водрузили на колонну высотой двенадцать футов. Пять досок с именами погибших — *los martires de la brigada de asalto.* Куратор отправил ему туманный отчет, что Бенитес под другим именем несколько лет водил такси в Юнион-Сити, штат Нью-Джерси. А кроме этого — ничего.

Также в этот день в толпе присутствовал, как это видно на фотографии, Антонио Весиана, основатель «Альфы-66». Через восемь с половиной лет его ранят в Майами. Это произойдет после публикации отчета о покушениях, подготовленного особой комиссией Палаты представителей: в отчет входило заявление Весианы о том, что незадолго до 22 ноября Ли Освальд встречался в Далласе с представителем американской разведки. Никого не задержат.

Бренда Джин Сенсибау, стриптизерша, которой Джек Руби перевел деньги, найдена повешенной на своих лосинах в тюремной камере в Оклахоме, в июне 1965 года, после ареста по обвинению в проституции. Признано самоубийством.

Два дня спустя Бобби Ренальдо Дюпара застрелили во время налета на «Скобяную лавку Рэя» в Западном Далласе, где он работал помощником управляющего. Брэнч мгновенно связал название

магазина с одним из прилипчивых бесполезных фактов, который не давал ему уснуть. Именно там в 1960 году Джек Руби купил револьвер, которым убил Освальда.

Джек Леон Руби умер от рака в январе 1967 года, ожидая повторного слушания дела об убийстве Освальда. В тюрьме он пытался покончить с собой — бился головой об стену и засовывал палец в патрон для лампы, стоя в луже.

Он говорил Верховному судье Эрлу Уоррену на докладе Комиссии, что его использовали с определенной целью, что он хочет поведать истину и покинуть этот мир. Но сначала пусть его отвезут в Вашингтон. Он расскажет истину президенту Джонсону.

Джек Руби сидит в изолированном отсеке окружной тюрьмы, в маленькой квадратной камере с унитазом и матрасом на полу. Охранник читает ему Библию. Джек думает, что у этого человека в одежде спрятано подслушивающее устройство. Они аккуратно сохраняют все его опасные высказывания, а затем стирают те замечания, которые доказывают, что он совершил непредумышленное убийство, поддавшись эмоциональному порыву.

Когда ему становится совсем тошно и он чув-

ствует себя полным ничтожеством, он перечитывает телеграммы, которые получил в первые дни после выстрела. «Да здравствует Джек! Вы герой, мистер Руби. Мы восхищаемся вашим мужеством и храбростью. Вы убили змею. Вы заслужили медаль, а не тюрьму. Целую ваши ноги — рожденная в Венгрии, с любовью». Затем он вспоминает вердикт о виновности, смертный приговор, его отмену на основании неубедительных формальностей. Он знает, что Даллас хочет его смерти, как хотел и смерти Освальда. Знает, что люди относятся ко всем этим выстрелам, как к вспышкам единой нити накала убийств. И считают, что Джек совершил преступление. Он боится, что ему отводят не ту роль. Бегает по комнате и бьется головой об стену.

Он носит белый тюремный комбинезон и царапает записки, когда его адвокаты заходят в комнату для допроса, стены которой увешаны «жучками». Он настаивает, чтобы его проверили на детекторе лжи, потому что искренность и честность — ценные качества для американцев. «Чем глубже во что-то влипаешь, тем сильнее кажется, — пишет он в блокноте, — что, хотя знаешь, что совершил, оно как-то действует против тебя, промывает мозги, будто ты не уверен в том, о чем

хочешь сказать правду». Власти организовали ему детектор лжи в июле 1964 года. Результаты не позволяют сделать никаких определенных выводов.

Он начал слышать голоса. Слышит крики одного из своих братьев, которого люди поджигают за стенами тюрьмы.

Он считает, что его братьев и сестер убьют из-за того, что он сделал.

Он считает, что люди искажают его слова сразу, как только слышат. Они делают вид, будто все правильно услышали, а на самом деле меняют смысл, как хотят.

Он считает, что в Америке евреев загоняют в машину смерти и уничтожают в огромных количествах.

Ему отводят не ту роль, или же навязывают чужую — например, роль Освальда. Теперь они соучастники преступления. Они повязаны навсегда.

Адвокаты удаляются, и заходят, пританцовывая, врачи. Рак распространяется. Он чует это по рукам тех, кто его обследует. Джек Руби читает свои телеграммы.

Понимает ли кто-нибудь всю глубину его отчаяния, нескончаемую муку бестолковой жизни,

начиная с беззубой Фанни Рубинштейн[28] на Рузвельт-роуд, которая кричит по ночам, начиная с самых первых конфликтов, какие он помнит: прогульщик, живущий на попечении штата, в чужих семьях, начиная с первого удара, с шока от понимания, каково это — быть ничтожеством, осознавать свою ничтожность, каково это, когда изо дня в день, год за годом тебе вдалбливают, что ты никто?

Вы не понимаете меня, Верховный судья Уоррен.

Он начинает сливаться с Освальдом. Не видит разницы между ними. Он знает наверняка только одно — не хватает какой-то детали, слова, которое вычеркнули полностью. Джек Руби перестал быть человеком, который застрелил убийцу президента. Он — тот, кто убил президента.

Вот почему евреев заталкивают в машины смерти. Все из-за него. Такова мощь и движущая сила эмоций толпы.

Теперь Освальд в нем. Невозможно бороться со знанием того, чем он стал. Мировая истина отнимает все силы. Он опускает голову и бьется о бетонную стену.

---

[28] Примечания: 28
Мать Джека Руби.

И Николас Брэнч изучает отчеты психиатров. Читает до ночи. Засыпает в кресле. Временами кажется, что он больше не может. Опускаются руки, ощущение мертвых почти парализует. Мертвые у него в комнате. И фотографии мертвых оглушают скорбью его разум. Разум старого человека. Но он не сдается, продолжает работу, пишет свои заметки. Он знает, что ему не выбраться. Это дело будет преследовать его до самого конца. Конечно же, им всегда было известно об этом. Потому они и создали для него эту комнату, комнату, в которой стареют, комнату истории и снов.

Воскресный вечер. Берил Парментер смотрела телевизор в своем маленьком доме в Джорджтауне. Повторяли запись выстрелов.

Снова и снова. Экран заполняют широкоплечие мужчины в шляпах, окружают Освальда, голова у того непокрыта, лицо белое на ярком свету, только темный левый глаз тускло блестит. В кадре появляется Джек Руби, неуклюжий и сгорбленный. Его рука — светлое пятно вокруг револьвера. Изображение дергается. Удивление и боль на лице Освальда выделяют его из окружающей компании. Он один, уже где-то далеко, единственный, кто знает, что случилось. Холодный миг неподвижности после выстрела. Затем

все разлетается.

Она не хотела, чтобы эти люди попали к ней в дом.

Камера фиксирует не все. Кажется, будто не хватает кадров, каких-то уровней информации. Как бы ни был прост и короток выстрел, он слишком насыщен, слишком запутан в наглых энергиях. Каждый раз становятся видны новые подробности. На этот раз она заметила, что в нагрудном кармане у Джека Руби лежат очки в темной оправе. Освальд умирает неизменным.

Почему запись все время повторяют, снова и снова? Они думают, что если прокрутят пленку тысячу раз, Освальд исчезнет навсегда? Она хорошо понимала, о чем думал Руби. Он хотел стереть с лица земли этого человечка. Хотел убрать его. Не хотел его видеть, слышать о нем, вспоминать о нем. Как и все мы, Джек. Мы тоже хотели, чтобы его не было. И вот его нет, но легче нам не стало.

Берил восхищалась президентом Кеннеди. Она даже чувствовала, будто сама лично немного участвовала в его восхождении, своего рода шкурный интерес, поскольку семья Кеннеди какое-то время жила в кирпичном доме на Н-стрит, фактически за углом, когда Джек был сенатором. Она хотела ощутить удовлетворение от гибели

Освальда, будто свершилось некое возмездие. Но эта запись только усиливала и продлевала кошмар. Кошмар из кошмаров.

Она не хотела видеть этих людей. Но чувствовала себя морально обязанной смотреть дальше. Они показывали, она смотрела. Только убавила звук, потому что от голосов репортеров хотелось плакать.

Она плакала все выходные, плакала и смотрела. Не могла избавиться от ощущения, что ее обнаружили. Эти вооруженные люди в шляпах проникли в ее дом. Картинки из другого мира. Они нашли ее, заставили смотреть, и это совсем не похоже на газетные вырезки, которые она рассылает друзьям. Она чувствовала, как это насилие выплескивается, снова и снова, мужчины в темных шляпах, в серых шляпах с темными лентами, в бежевых «стетсонах», в белых фуражках с кокардами и блестящими козырьками. Вон тот человечек без шляпы сказал «Ох» или «Нет».

Спустя несколько часов кошмар стал механическим. Они продолжали мучить запись, прогоняя тени через аппарат. Этот процесс выкачивал жизнь из людей на экране, запирал их в кадре. Стало казаться, что они находятся вне времени, все одинаково мертвы.

Ларри сидел в погребе и составлял каталог вин.

Она снова заплакала. Ей хотелось выбраться из комнаты. Но что-то удерживало. Возможно, Освальд. Было что-то в лице Освальда, взгляд в объектив камеры перед тем, как в него выстрелили. Этот взгляд помещал его среди телезрителей, среди нас всех, сидящих дома без сна. Этот взгляд — способ поведать нам, что он знает, кто мы и что чувствуем, что он перенес наше восприятие и толкование в свое ощущение этого преступления. Что-то было в этом взгляде, некое скрытое сообщение, очень краткое, но глубоко проникающее, некая связь, едва не стертая вспышкой, она говорит нам, что он вне происходящего, и смотрит вместе с нами. Вот что не давало Берил выйти из комнаты, а еще ощущение, что прятаться — это трусость.

На документальной пленке он комментирует ситуацию с самого начала съемок. Затем в него стреляют, снова и снова, и в его взгляде появляется другой уровень знания. Но мы уже стали частью его смерти.

Запись крутили до утра. Берил сидела в комнате и смотрела. Телефон зазвонил в двадцатый раз. Она не пошевелилась. Лицо Освальда исказилось

от боли. Она не отвечала на звонки в эти особенно холодные выходные.

25 ноября

Дорога поворачивала и шла вверх через кладбище, мимо дубов и вязов, над заросшей травой топью, вдоль которой стояли могильные камни. По дороге с неуместной торжественностью медленно ехали две пыльные полицейские машины без сопровождающих. Наверху они остановились у славной часовни из песчаника, чтобы скорбящие организованно погоревали. Но сразу стало ясно, что здесь что-то не так. Из машин выбрались члены семьи, с ними люди из Секретной службы, и кладбищенский персонал собрался у сводчатого входа, держась с суровым достоинством, с каким младшие служащие исполняют презренный долг. Поднялся восточный ветер, продувая промышленные прерии между Далласом и Форт-Уортом. Маргарита Освальд стояла у часовни в черной одежде и очках в черной оправе, держа на руках новорожденную внучку, появление которой от нее скрыли, и в лице читалась беспомощная боль. Потому что кто-то отменил службу. Кто-то приказал, чтобы тело вынесли из часовни. Часовня оказалась пуста. Тела там не было.

Обзвонили многих священников, лютеранских

служителей Бога, но никто не желал молиться за Ли Харви Освальда. Вот почему, ваша честь, они так поспешно закопали моего мальчика. Роберт горько плакал, пытался заставить их вернуть тело Ли в часовню и провести короткую службу, пусть побудет в святом месте. Потом вмешалась я и сказала: «Что ж, если Ли заблудшая овца и поэтому вы не пускаете его в церковь, то для чего же тогда церковь? Праведникам церковь не нужна. А его назвали убийцей. Церковь нужна именно убийцам. Разве не этому учит Иисус?» Они так торопились похоронить Ли, что забыли известить носильщиков, и газетчики сами взялись нести гроб до могилы. У меня есть много историй, ваша честь. Таких, которых вы наверняка не знаете. Я все-таки мать.

Облака побежали по небу. Деревянный гроб лежал на похоронных дрогах у могильной ямы, внизу — бетонный склеп, чтобы не добрались вандалы, на тысячу лет спокойствия. Члены семьи разместились на неровных металлических стульях под выцветшим навесом. Роберт Освальд сел между вдовой и матерью, каждая держала на руках одну из девочек. Репортеров отогнали к дальнему краю. Не разрешили прийти ни друзьям, ни доброжелателям, хотя никто и

не требовал своего присутствия. Вокруг навеса стояли люди из Секретной службы и полицейские в форме, многие скрестили руки на груди, переминаются с ноги на ногу, а вдоль кладбищенской ограды выстроились вооруженные охранники. Среди репортеров ходила шутка, что Форт-Уорт позаботился о мертвом Освальде лучше, чем Даллас о живом. Роберт старался не сорваться снова. Он был человеком искренним, с темными бровями, аккуратной стрижкой, торговый распорядитель, работяга, казался старше и ответственнее любого тридцатидевятилетнего человека до самой Тексарканы, как будто прогулы младшего брата, дезертирство, позорное увольнение из армии, потеря работы, все это вместе связало его по рукам и ногам на всю жизнь.

Ваша честь, я не могу изложить истину простыми «да» или «нет». Я расскажу историю. Этого мальчика дразнили другие дети. Вечно рваные рубашки и кровь из носа. Послушайте меня. Я напишу книги о жизни Ли Харви Освальда. У меня есть важная информация по данному делу. Обо мне говорят по всему миру. Я выбивалась из сил, с мизерными деньгами растила сыновей, а теперь обо мне и по телевизору, и в иностранных газетах, но где же средства на приличные похо-

роны? Есть истории между строк, ваша честь. Ли собирал марки в книге и сам учился играть в шахматы за кухонным столом, и его послали в Россию шпионить. Я возьму фотоаппарат и сделаю его биографию в снимках, там будут дома и квартиры, где он жил. Расскажу, как я работала в нескольких местах, чтобы прокормить моих мальчиков, и доработала до патронажной сестры. Я знаю, что такое болезнь. Что такое маленькая зарплата. Мне платили девять долларов в день, я жила по месту работы, занятость двадцать четыре часа. Я три дня не снимала рабочей одежды, перебегала из отеля в отель вместе с тайной полицией из разных отделений, с журналистами из «Лайф», переводчиком, фотографом, русской невесткой и двумя больными детьми. Марина целый день стоит и курит. Я в рабочей форме, а ей приносят одежду. Повсюду висят пеленки. По телевизору дали сигнал, и в Ли выстрелили. От нас, женщин, это скрыли, а потом, когда ехали на машине в другой отель, что-то передали по радио, и агент сказал: «Не повторять, не повторять». Я спросила: «Это о моем сыне?» Он не ответил. Тогда я сказала: «В моего сына стреляли, да?» И он заговорил в микрофон: «Не повторять, не повторять». Я сказала: «Отвечайте, я должна

это знать». «Не повторять, не повторять». Потом это показали по телевизору в номере, но нам с Мариной не дали посмотреть передачу. Агенты посадили нас за телевизор, а сами столпились у экрана и смотрели. Телевизор стоял к нам задом. Пятнадцать или восемнадцать человек собрались с другой стороны и смотрели. Принесли нам кофе и смотрели.

Я пережила смерть, и это тяжело.

Я настаиваю на расследовании этого дела и представляю свои данные. Но я не могу ужать их в одно простое утверждение. Когда ему было два года, я пришла домой и обнаружила у него на ногах красные полосы. Это миссис Роуч с Полин-стрит выпорола его. Потом я отдала его в приют, и он спал вместе с братьями в большой длинной спальне, где сотня мальчиков и ряды коек. К десяти годам он сменил шесть школ. Начнут исследовать, в какой среде он вырос, мы ведь переезжали из дома в дом. Ваша честь, я жила в разных местах, но у меня всегда было чисто, прибрано, всегда какие-то приятные вещицы, украшения. Мы переехали, чтобы жить семьей. Вот тема моего исследования.

Меня порицают как мать, ваша честь, но я смеюсь, читая всю эту ложь, которую пишут

про моего мальчика. Ли рос счастливым. У него была собака. Этот мальчик всего месяц ходил в среднюю школу на Арлингтон-Хайтс, после чего вступил в морскую пехоту, мы тогда жили на Коллинвуд-авеню, и в школьном альбоме есть три его фотографии. Скажите, почему из всех детей выбрали мальчика, который ушел из школы почти сразу, и сделали три его фотографии? Мне говорят: «Не понимаю, к чему вы, миссис Освальд». Не понимаете? Так вот, я к тому, как все это делалось, и будет делаться. Вот в чем суть. Вопрос в том, с каких пор его начали использовать? Он залезал на крыши, смотрел на звезды в бинокль, а его послали в Россию с заданием. Ли Харви Освальд — это больше, чем бросается в глаза. У меня уже украли документы. Кто-то из тайной полиции утащил у меня из дома газетные вырезки. Обо мне говорят по всему миру, а они роются в моих бумагах.

Появился священник, желая сказать несколько слов у гроба. Он был руководителем Церковного совета и не проводил службы уже восемь лет. Но ему хотелось помочь, хоть он и оставил Библию в машине. Сотрудник похоронного бюро открыл гроб, подошла Марина Освальд, поцеловала мужа и надела два кольца ему на руку.

Она была в темном платье и светлом пальто, и теперь всхлипывала, дети плакали, люди из службы безопасности переминались с ноги на ногу и смотрели куда-то в небо. Марина поймала себя на мысли: как странно, ведь когда Хрущев приезжал в Минск, где они жили с Ли, там ходили настойчивые слухи о покушении на его жизнь. Если бы Ли выбрали для этого, о нем бы лучше заботились. По крайней мере, русские; они умеют охранять подозреваемых. Эти скупые мгновения у могилы довершили ее одиночество. Остались только сны, в которых долгие годы ей будет не хватать того нежного Алика, каким он был вначале, того, как он играл с Джун Ли, как смотрел на нее часами. Священник произнес: «Господь наш на небесах и в бескрайней вселенной». Она осталась одна с двумя маленькими детьми, под бегущими облаками, бездомная, придавленная горем, живет в мотеле с дюжиной вооруженных людей. Как же такое могло случиться?

Теперь насчет Марины, русской или француженки. Удивительно, насколько лучше она заговорила по-английски после убийства Ли. Удивительно, что она вдруг закурила, хотя при жизни Ли я такого никогда не видела. Я буду выяснять, тот ли человек Марина, за которого

себя выдает. У меня есть шестое чувство, ваша честь. Люди отмечали, что оно у меня есть. Если Ли Харви Освальд убил президента, почему я об этом не узнала сразу? Каждая мать прежде всего чувствует такое; когда звонит телефон, она знает, что это ее сын. Почему я не ощутила, что он стоит у окна с ружьем, когда прозвучали выстрелы? Пусть он и был с ружьем, это не значит, что он стрелял. Я возьму фотоаппарат. Я распишу по минутам, что он делал в роковой день. Я готова заниматься этим без конца, потому что есть истории между строк, о которых не знает пресса. Марина говорит по-английски, говорит по-французски. Эта иностранная девушка образованна. Ей приносят вещи. Мне показали статью в газете, где женщина предложила ей жилье. Они хотят, чтобы Марина признала его вину, и тогда ей найдут дом. Роберт все время на стороне тайной полиции. Мы с ним по разные стороны. Сердце рвется от таких кровных связей. Многое забылось, ваша честь. У Ли был велосипед. Была собака. Мальчика, пристегнутого наручником к полицейскому, застрелили. Кому-то заплатили, чтобы он выстрелил по сигналу. По телевизору давали указания, и он туда пришел. Мы тут имеем дело с вопросами морали, и я буду за них бороться. Мой

почтовый ящик вскрывают. Со стола пропало три письма. Ли писал из России: «Мне одиноко без книг». В этом письме он благодарит меня за присланные книги. Просит еще. Спрашивает, какие новости на родине. Это письмо пропало. Наше правительство наблюдало за ним годами. Знал ли он вообще, что его используют? Этот вопрос я собираюсь исследовать. Послушайте меня. Я расскажу вам кое-что. Я должна в это вникнуть, ведь я живу во Французском квартале. Он знал наизусть устав Роберта. Любил историю и карты. Вербовщик говорил: «Миссис Освальд, в Японии и в тех местах меньше уровень преступности, чем здесь у нас». Он меня надул. Хотел выманить Ли в шестнадцать лет, до призывного возраста. Его готовили. Уже тогда использовали. Три фотографии в школьном альбоме, а он там всего месяц проучился. Меня спрашивают: «Миссис Освальд, а к чему вы?» Я к тому, с каких пор его начали использовать? Когда стали наблюдать? Он принадлежал им всю жизнь? А этот мальчик в гробу? Ли в костюме и приличном галстуке совсем не похож на это страшилище в газетах и по телевизору, он крепкий парень, широколицый, будто русский. Хоронят ли они того же, кого убили? На самом ли деле его убили? Вернулся ли

из России тот же человек, который туда уехал? Я имею право задавать эти вопросы. Какого роста Ли? Какие у него шрамы? Я подниму эти вопросы в своих книгах и на снимках.

19 июля 1960 года, когда мой мальчик пропал в России, я написала Хрущеву. Он не ответил. 21 января 1961 года я поехала в Вашингтон подать прошение президенту Кеннеди, чтобы моего мальчика нашли и привезли домой. И они — послушайте, вот это мне нравится — они написали, что я нерадивая мать. Бросила сыновей на произвол судьбы. Я ехала всю дорогу в Нью-Йорк в старом раздолбанном «додже». Я столько раз переезжала с места на место. А оказывается, я нерадивая мать. Если вы посмотрите на жизнь Иисуса, то увидите, что о Марии, его матери, перестали писать, как только его распяли, и он вознесся. Где мать, которая воспитала его? Когда сын умирает, они и мать в гроб кладут? Я подбирала на слух песни на фортепиано. Меня все любили в детстве. Я не могу предоставить голые факты. Тут рассказов на целую жизнь. Чего стоит один мистер Экдал, который сжульничал и не дал мне достойного развода, бросил одну зарабатывать гроши. Мистер Экдал — это отдельный рассказ. Марина — рассказ с туманными подробностями.

Я твердо убеждена, что дело нечисто. Чего стоят ее высказывания, образ жизни, она курит, с ребенком не нянчится. У Марины есть менеджер. Ей поступают предложения, а про мать забыли. В журнале «Лайф» моя фотография, где я в рабочей форме со скатанными чулками. Я страдала так же, как и мой сын. Мы устроены одинаково.

Почти спустились сумерки, по краям сгрудившихся облаков, темных и низких, появились грозовые отсветы, в наэлектризованном небе ощущалось напряжение и беспокойство. Священник закончил читать псалмы, и распорядитель приготовился опускать гроб. Полицейские робко подтянули портупеи. Семья стояла и смотрела. Роберт и Марина выглядели одинаково жалкими, потерянными, умоляющими. Пусть все изменится, пусть этого не случится, пусть ему дадут новую возможность, новую жизнь. Маргарита с маленькой Рэчел на руках казалась настолько опустошенной, будто все, что у нее было, все, чем она жила, все, что отдала, вернули ей в гробу, вернули погибшую раздавленную душу. Она передала ребенка священнику и закрыла лицо ладонями, не прижимая их, просто отгораживаясь, чтобы чувствовать только свое собственное горе, и ничье больше.

Ее младшего сына опустили в красную техасскую глину, в целях безопасности похоронили под вымышленным именем, последним псевдонимом Ли Харви Освальда. Уильям Бобо.

Вперед вышла Марина и набрала пригоршню земли. Перекрестилась, протянула руку и разжала кулак, высыпая землю. Маргарита и Роберт никогда такого не видели. Красота этого жеста захватывала. Это было странно, выразительно и почему-то правильно. Они спорили всегда, с самого детства Роберта, но сейчас вместе нагнулись, набрали земли, перекрестились, затем вытянули над могилой руки и высыпали землю, которая протекла между пальцев, будто песок в часах, тихо падая на сосновую крышку гроба.

Я стою здесь, на земле скорби, смотрю на могильные камни, бугристое поле мертвых, часовню на холме, кедры гнутся под ветром, и понимаю, что похороны должны быть утешением семьи, если все устроено как полагается. Но я не чувствую утешения.

Так повелось с древних времен — мужчины убивают друг друга, а женщины стоят у могил. Но я не хочу стоять, ваша честь.

Я распишу по минутам, что он делал в роковой день. Я опрошу каждого свидетеля. И это не пу-

стые слова. Меня обвинили, что я плохая мать, поэтому я должна собрать факты. Вот послушайте. Вы знали о том, что я ходила в библиотеку на занятия по русскому языку? Училась раз в неделю, в мой выходной день, надеялась в душе, что Ли однажды придет ко мне, и я смогу нормально говорить с Мариной. Послушайте меня. Послушайте. Я не могу жить на грошовые пожертвования. У Марины есть контракт и человек, который пишет за нее речи. Она не стала носить шорты, что я ей купила. А мальчик в воскресенье был еще в Форт-Уорте, никуда не собирался, и вдруг на следующий день уезжает с женой и ребенком на работу в Даллас, не предупредив ни начальника, ни мать. На работу в какой-то непонятной фотографии. Вот и задумываешься — кто управлял жизнью Ли Харви Освальда? И так снова и снова. У Ли была коллекция марок. Он плавал в бассейне. Я видела его на Юинг-стрит с мокрыми волосами. Скорее домой, радость моя, а то простынешь и умрешь. Я не шибко грамотная, но я справлялась, ваша честь. Я работала во многих домах, в богатых семьях. На моих глазах джентльмен ударил жену. В богатых семьях случаются убийства. У этого мальчика и его русской жены не было ни телефона, ни телевизора в Аме-

рике. Еще одному мифу конец. Послушайте меня. Я не могу перечислять голые факты. Я должна рассказывать. Он принес домой клетку с подставкой и кашпо. Там было все — и кашпо, и плющ в нем, и клетка, и попугай, и еда для попугая. Мальчик покупал подарки своей матери. Ему было одиноко, и хотелось читать.

У меня одно образование — мое сердце. Я объясню все это по-своему, начиная с того дня, как принесла его домой из Старой Французской больницы в Новом Орлеане. Я пересказываю целую жизнь, и мне нужно время.

Ее волосы странно блестели в нарисованном свете. Упали первые капли дождя. В эти последние минуты у могилы она все еще была с семьей. Но знала: как только они двинутся к машинам, Секретная служба разлучит ее с остальными. Думала, как пусто на душе, когда возвращаешься домой одна. Думала, что никогда больше не увидит девочек. Она была уверена, что ее обрекают на вечную изоляцию. Распорядитель похорон взял ее за руку и что-то прошептал. Она стряхнула его руку. Семья собралась под зонтиками, которые раскрыли их защитники, и медленно двигалась к машинам. Маргарита осталась с могильщиками. Они хотели закопать яму, пока

не хлынул ливень, и усердно работали — трое мужчин, методично кидающие землю. Подошли двое местных полицейских. Подошли люди из Секретной службы с этими шиферными лицами. А она не уходила. Зря она отдала внучку. Пока держала ее на руках, она принадлежала семье. Они забрали ее младшего сына, теперь отнимали невестку и внучек. Маргарита ощутила слабость в ногах. Тент хлопал на ветру. Она чувствовала пустоту в теле и в душе. Но когда ее уводили от могилы, она услышала, как два мальчика, стоявшие в пятидесяти футах, произнесли имя Ли Харви Освальда. Они пришли взять на память комок земли с могилы. Ли Харви Освальд. Они произносили это имя, словно тайну, которую будут хранить вечно. Первая пыльная машина отъехала, в окнах виднелись только очертания голов. Вместе с полицейским она подошла ко второй машине, где под черным зонтом стоял распорядитель и придерживал дверцу. Ли Харви Освальд. Что бы ни случилось, какие бы интриги ни плели против нее, одного не смогут отнять — истинную и прочную власть его имени. Теперь оно принадлежит только ей — и истории.

Примечание автора

Эта книга — плод воображения. Опираясь на исторические данные, я и не старался давать документальные ответы на какие бы то ни было вопросы, поставленные покушением.

Любой роман, повествующий о крупном и до конца не ясном событии, претендует на то, чтобы заполнить хотя бы некоторые пробелы в имеющихся хрониках. Для того чтобы добиться этого, я изменил и приукрасил реальность, перенес существовавших людей в воображаемые пространство и время, придумал происшествия, диалоги и характеры.